

Роберт Энтони Сальваторе
Путь к рассвету

Забывтые Королевства: Легенда о Дзирте – 10

: lalilulelo; OCR & ReadCheck: J_Blood <http://oldmaglib.com>
«Роберт Сальваторе «Путь к рассвету»»: Максима; Москва; 2005
ISBN 5-94955-057-9

Аннотация

Вот уже шесть лет, как расстались верные друзья, когда-то сражавшиеся бок о бок в великой битве за Мифрил Халл — город дворфов. Черный эльф-отступник Дзирт До'Урден и отважная лучница Кэтти-бри бороздят Море Мечей, борясь вместе с капитаном Дюдермонтом и командой его шхуны «Морская фея» с кровожадными пиратами. Вождь дворфов Бренор Боевой Топор и хафлинг Реджис возвратились в Долину Ледяного Ветра. Тем временем Эррту, великий бейлор, порождение Бездны, клянется отомстить Дзирту

До'Урдену и всем, кого тот любит. Сумеют ли друзья победить? Поможет ли им загадочный туман судьбы?

Роберт Сальваторе «Путь к рассвету»

Пролог

Она была красива: хорошая фигура, светлая кожа. Ее густые блестящие волосы свободно ниспадали вдоль обнаженной спины. Она действовала открыто, дерзко, прикосновения ее были легки. Так легки. Маленькие ласковые пальчики щекотали его подбородок, гладили шею, грудь...

Напрягая каждый мускул, он боролся за то, чтобы не потерять контроль над собой, сражался с соблазнительницей, собирая всю силу воли, еще остававшуюся в нем после долгих лет плена.

Он не знал, почему надо сопротивляться, не помнил, что же именно из того, что предлагал другой мир, настоящий мир, поддерживает его силы. И что «правильно», а что «неверно» в этом месте? Какова будет цена наслаждения?

Что еще ему придется отдать?

Мягкие пальчики продолжали скользить по его телу, массируя трепещущие от напряжения мышцы, вызывая ощущение покалывания всюду, где касались его. Взывая к нему. Упрашивая его сдаться.

Сдаться...

Он ощущал, как слабеет его воля, и уговаривал себя, что сопротивляться бессмысленно. Тогда он сразу же получит свежие простыни и удобный матрас, а кошмарное зловоние, столь ужасное, что за все годы он не смог привыкнуть к нему, — исчезнет. Она могла сделать так. Она обещала ему.

Теряя способность к сопротивлению, он прикрыл глаза и ощутил, какими настойчивыми стали ее прикосновения, почувствовал их острее, чем прежде.

Он слышал, как она зарычала; это был низкий, чувственный звук.

Они находились на горном гребне, одном из бесчисленных хребтов этой неровной, вздымающейся земли, которая дрожала, как будто была живым существом, дышащим, смеющимся, глумящимся над ним. Они находились высоко. Он знал это. Ущелье за хребтом было очень широким, и все же он не мог видеть дальше, чем на пару футов. Ландшафт терялся в дымной пелене.

Бездна.

Теперь настал его черед зарычать, но это не был дикий, примитивный звук. Нет, напротив, крошечный светлячок его прежнего разумного «я», который еще оставался в нем, разгорался все сильнее. Он схватил ее за плечо и оттолкнул от себя. Сопротивляясь, она проявила сверхъестественную силу, какую и представить было невозможно, глядя на ее тело.

И все же он был сильнее и удерживал свою противницу на расстоянии, внимательно вглядываясь в нее.

Сквозь густые волосы на ее голове проглядывал один из крошечных белых рогов.

— Не надо, мой возлюбленный, — промурлыкала она. Ее просьба прозвучала настолько убедительно, что едва не сломила его сопротивление. Как и в ее физической силе, в ее голосе было нечто сверхъестественное. Звук его чаровал, обманывал, нес в себе наивысшую ложь, воплощением которой было само это место.

Из его груди вырвался вопль, и он изо всех сил отшвырнул ее, сбросив с гребня.

За спиной у нее раскрылись огромные крылья, как у летучей мыши, и женщина-суккуб воспарила, смеясь над ним, обнажив при этом кошмарные клыки, которые могли разорвать его шею. Она хохотала, и он понимал, что, хотя он и устоял сегодня, это не победа. Он не

мог победить. На сей раз она почти покорила его, подобравшись ближе, чем раньше, а в следующий раз окажется еще ближе. Поэтому она хохотала, издеваясь над ним. Как всегда!

Пленник осознавал, что это было испытанием, проверкой. Он знал, кто мучит его. И не удивился, когда плеть хлестнула его по спине, сбила с ног. Он попытался вжаться в землю, ощущая обволакивающую усиливающуюся жару, но знал, что спасения нет.

Второй удар заставил его ползти к обрыву. Затем последовал третий удар, и он, испустив пронзительный крик, перевалился через гребень, желая упасть в ущелье, разбить свою телесную оболочку о скалы и наконец умереть...

Эррту, великий бейлор, танар'ри, двенадцать футов дымящейся темно-красной чешуи и рельефно выступающих мускулов, подошел к краю пропасти и посмотрел вниз. Глаза его могли видеть сквозь туманы Бездны, поэтому Эррту легко отыскал падающее тело и потянулся к нему.

Человек стал падать медленнее. Затем он перестал падать. Он поднимался, пойманный телекинетической сетью, которую подтягивал к себе хозяин положения. Взлетела плеть, и удар милосердно лишил пленника сознания.

Эррту не отдернул плеть. Бейлор использовал ее энергию для того, чтобы обхватить жертву и прочно связать ее. Затем он оглянулся на возбужденную женщину-суккуба и одобрительно кивнул. Она хорошо потрудилась сегодня.

При виде неподвижного человеческого тела с ее нижней губы закапала слюна. Она жаждала пиршества. С ее точки зрения, стол был накрыт. Взмахнув крыльями, она опустила на гребень и осторожно приблизилась, выискивая какую-нибудь лазейку в обороне бейлора.

Эррту позволил ей подобраться поближе — совсем близко, — а затем сделал легкое движение плетью, подтянув к себе жертву. Теперь он стоял между нею и суккубом.

— Дай! — заскулила суккуб, осмелившись придвинуться немного ближе. Ее обманчиво слабые руки вытянулись вперед, она дрожала, тяжело и часто дыша.

Эррту отступил в сторону. Она осторожно приблизилась.

Бейлор дразнил ее, и она знала об этом, но не могла оторвать взгляд от беспомощной фигуры, распростертой у ног Эррту. Она снова завывала, страхась наказания, не в силах остановиться. Ноги сами несли ее вперед, чтобы успеть хотя бы раз вонзить клыки в беззащитную жертву, прежде чем властелин откажет ей в этом.

И тут взлетела рука Эррту, сжимающая меч, выкованный из молнии. Бейлор высоко поднял его, произнес свое повеление, и земля затряслась от раскатов грома.

Суккуб замерла, затем отпрыгнула в сторону и с визгом слетела с обрыва. Молния Эррту поразила ее в спину; от удара суккуб начала вращаться и, прежде чем смогла прийти в себя, оказалась далеко внизу.

Стоящий у обрыва Эррту уже позабыл о ней. Бейлор думал о своем пленнике. Он наслаждался, муча этого жалкого человека, но вынужден был постоянно сдерживать себя. Он не мог его уничтожить, не мог и окончательно сломить его волю, ведь тогда человек потеряет для него всякую ценность. Что ж, по сравнению с возможностью вновь свободно расхаживать по Материальному уровню это не было такой уж жертвой.

Только Дзирт До'Урден, темный эльф-отступник, тот, кто сослал Эррту в Бездну, мог даровать ему свободу. Как полагал Эррту, дроу сделает все, чтобы спасти этого человека.

Медленно поворачивая рогатую обезьяноподобную голову, Эррту огляделся. Огни, окружающие его, стелились по земле, медленно разгораясь, как и ярость Эррту. Терпение, напомнил себе бейлор. Этот жалкий человек слишком ценен, и его следует сохранить.

Эррту знал, что время пришло. Он будет говорить с Дзиртом До'Урденом прежде, чем на Материальном уровне пройдет год. Эррту установил контакт с ведьмой, и она доставит его послание.

А потом бейлор, истинный танар'ри и один из величайших обитателей Нижних уровней, обретет свободу. Тогда Эррту сможет уничтожить не только этого жалкого человека, но и Дзирта До'Урдена. Тогда он расправится с каждым, кого любит отступник-

дроу.

Терпение.

Часть первая ВЕТЕР И БРЫЗГИ

Шесть лет. Не так уж много по сравнению с протяженностью жизни дроу, но все же, когда я вспоминаю эти месяцы, недели, дни, часы, мне кажется, что я блуждаю вдали от Мифрил Халла в сотню раз дольше. Он так далеко, а здесь все по-другому, иной образ жизни, простая ступенька, ведущая...

К чему? Куда?

Мое самое яркое воспоминание о Мифрил Халле: отъезд, рядом со мною — Кэтти-бри, я оборачиваюсь и вижу струйки дыма, поднимающиеся от Сэттлстоуна к горе Фортпик. Мифрил Халл был королевством Бренора, домом Бренора, а Бренор — одним из моих самых дорогих друзей. Но Мифрил Халл не был моим домом, никогда не был.

Я не мог объяснить этого тогда, не могу и сейчас. Все должно было наладиться после поражения армии дроу. Процветающий Мифрил Халл находился в дружественных отношениях со всеми соседними государствами; это было одно из королевств, обладавших достаточным могуществом, чтобы защитить себя и накормить своих бедняков.

Да, это так, но все же Мифрил Халл не был домом ни для меня, ни для Кэтти-бри. Поэтому мы и отправились в путь, направив наших скакунов на запад, к побережью, к Глубоководью.

Я ни словом не возразил Кэтти-бри — хотя дочь Бренора определенно ожидала от меня этого, — когда она решила покинуть Мифрил Халл. Мы придерживались сходных взглядов, потому что не успели прирасти сердцем к этому месту. Мы были слишком заняты, завоевывая его, открывая вновь шахты дворфов, путешествуя в Мензоберранзан и сражаясь с темными эльфами, которые пришли в Мифрил Халл. Наконец, казалось, настало время осесть, отдохнуть, вновь и вновь вспоминая о своих приключениях. Если бы Мифрил Халл был нашим домом до этих битв, мы остались бы там. Но после сражений, после всех потерь... и для Кэтти-бри, и для Дзирта До'Урдена это невозможно. Мифрил Халл — дом Бренора, а не наш. Место, иссеченное шрамами войны, место, где мне пришлось вновь встретиться со своим темным наследием, — Мифрил Халл стал началом того пути, который привел меня назад в Мензоберранзан.

И местом, где погиб Вульфгар.

Кэтти-бри и я поклялись, что однажды вернемся в Мифрил Халл, и мы сделаем это, ибо там остались Бренор и Реджис. Но Кэтти-бри понимала, что нам никогда не избавиться от ощущения, что эти камни пропитаны кровью. Если кровь пролилась при вас, то ее неисчезающий запах вызывает к жизни образы, причиняющие слишком сильную боль.

Прошло шесть лет, и я соскучился по Бренору, Реджису, и даже по Берктгару Смелому, который правит Сэттлстоуном. Я тосковал по своим путешествиям в чудесный город Серебристую Луну и по тому рассвету, что я созерцал с одного из скалистых уступов Фортпика. Сейчас я мчусь по волнам вдоль Побережья Мечей, навстречу ветру и брызгам. Потолком мне служат стремительно несущиеся облака и звездный небосвод, полом — скрипящая палуба быстроходного корабля, а еще у меня есть лазурное одеяло, то ровное и спокойное, то вздымающееся и бурлящее, шелестящее под дождем и взрывающееся тучами брызг, когда выпрыгнувший из воды кит возвращается в море...

Мой ли это дом? Я знаю, что нет. Догадываюсь, что это очередная ступенька, но существует ли в мире дорога, которая приведет меня в место, которое я назову домом, — не знаю.

Я не думаю об этом слишком часто, ибо пришел к выводу, что мне все равно.

Если мой путь ведет в никуда, пусть будет так. Я иду по нему с друзьями, и, пока они со мной, у меня есть свой дом.

Дзирт До'Урден

Глава 1 **«МОРСКАЯ ФЕЯ»**

Дзирт стоял на самом конце бушприта, подавшись вперед насколько возможно, крепко ухватившись одной рукой за штаг. Корабль был прекрасен — скоростной, идеально уравновешенный и остойчивый, с самым лучшим экипажем. Сегодня на море штормило, и «Морская фея» мчалась на всех парусах, подпрыгивая на волнах и поднимая тучи водяной пыли.

Дзирт не беспокоился. Ему приятно было ощущать брызги и ветер, вдыхать аромат океана. Полет над морской равниной, скольжение по воде, прыжки на волнах давали ему чувство свободы. Ветер высушивал намокающие от брызг, развевающиеся густые белые волосы Дзирта, раздувал зеленый плащ. Влажная кожа дроу, цвета эбенового дерева, блестела, несмотря на покрывающие ее белые пятна затвердевшей соли. Лиловые глаза Дзирта радостно сверкнули, когда он увидел промелькнувшие на горизонте паруса преследуемого ими корабля.

Эльф знал, что они настигнут его, ибо к северу от Ворот Балдура не было ни одного корабля, который мог бы оторваться от «Морской феи» капитана Дюдермонта — трехмачтовой шхуны новой модели, легкой и стремительной, с мощным парусным вооружением. Преследуемая каравелла, оснащенная прямыми парусами, была в состоянии развивать хорошую скорость по прямой, но всякий раз, как это более громоздкое судно хотя бы немного меняло свой курс, «Морская фея», легко маневрируя, сокращала расстояние между ними, настигая каравеллу. Как всегда!

Именно для погони «Морская фея» и была создана. Построенная лучшими инженерами и чародеями Глубоководья на средства, выделенные властями города, шхуна предназначалась для преследования пиратов. Как обрадовался Дзирт, узнав об успехах своего старого друга Дюдермонта, с которым он некогда проделал весь путь от Глубоководья до Калимшана, преследуя убийцу Артемиса Энтрери, когда тот пленил хафлинга Реджиса. Об этом плавании, а особенно о сражении в проливе Азавира, в котором капитан Дюдермонт — с немалой помощью Дзирта и его спутников — одержал победу над тремя пиратскими кораблями, в числе которых было флагманское судно знаменитого Пиноча, ходили рассказы по всему Побережью Мечей. Когда создание шхуны было завершено, правители Глубоководья предложили ее Дюдермону. Он любил свою старую двухмачтовую «Морскую фею», но ни один моряк не смог бы устоять перед этой новой красавицей. Дюдермонт принял предложение поступить на службу, а город предоставил ему право присвоить судну название и подобрать себе команду.

Некоторое время спустя Дзирт и Кэтти-бри прибыли в Глубоководье. Когда «Морская фея» в очередной раз зашла в порт и Дюдермонт встретился со своими старыми друзьями, он сразу нашел им место в своей команде из сорока человек. Этот было шесть лет и двадцать семь плаваний назад. Шхуна стала настоящим бедствием для пиратов, разбойничавших на морских путях у Побережья Мечей. Тридцать семь побед было у нее на счету, и она по-прежнему мчалась вперед.

А сейчас ей предстояла тридцать восьмая.

На каравелле заметили их, хотя и не могли еще разглядеть флаг Глубоководья. Но едва ли это имело значение, ибо ни один корабль в этом регионе не походил на «Морскую фею» с ее тремя мачтами, несущими наполненные ветром треугольные паруса. На каравелле спешно подняли все ее квадратные паруса, и преследование началось.

Дзирт, одна нога которого упиралась в корабельный таран, украшенный головой льва,

наслаждался каждой секундой, ощущая мощь противодействия морской стихии, брызги и ветер. Он слышал громкую, энергичную музыку: несколько членов команды «Морской феи» были менестрелями, которые во время подобных погонь воодушевляли своих товарищей бодрыми мелодиями.

— Две тысячи! — крикнула Кэтти-бри, которая находилась на своем наблюдательном посту — в бочке, установленной на мачте. Она выкрикивала расстояние, оставшееся до неприятельского судна. Когда дистанция уменьшится до пятисот, члены команды займут свои боевые посты: трое встанут у большой баллисты на корме корабля, двое отправятся к вращающимся арбалетам, закрепленным на передних углах мостика. А Дзирт присоединится к Дюдермонту, стоящему у штурвала и координирующему ближний бой. При этой мысли свободная рука дроу скользнула к эфесу одного из его изогнутых клинков. «Морская фея», с ее великолепными лучниками, опытной командой баллисты, на редкость опасным чародеем, поражающим противника молниями, и, конечно, с Кэтти-бри с ее беспощадным луком, носящим имя Тулмарил Искатель Сердец, была ужасным противником в дальнем бою. Но когда речь заходила о ближнем бое, в котором Дзирт со своей пантерой Гвенвивар и другие искусные воины могли добраться до неприятеля, — тут «Морская фея» была поистине смертоносной.

— Тысяча восемьсот! — донеслось очередное сообщение Кэтти-бри. Дзирт кивнул: его ощущение, что судно мчится с высокой скоростью, подтвердилось, в то же время такая быстрота поразила его. «Морская фея» мчалась стремительнее, чем когда-либо. «Касается ли вообще ее киль воды», — подумал Дзирт.

Эльф опустил руку в маленький мешочек, нащупывая магическую статуэтку, с помощью которой он обычно вызывал пантеру с Астрального уровня, и думая о том, стоит ли вообще звать Гвенвивар. Пантера провела на борту судна бо льшую часть последней недели, охотясь за сотнями крыс, угрожавших корабельным запасам продовольствия, и, вероятно, устала.

— Только если ты очень понадобишься, дружок, — прошептал Дзирт. «Морская фея» резко легла на правый борт, и дроу вынужден был ухватиться за штаг обеими руками. Вновь обретя равновесие, он стоял, безмолвно устремив свой взор к горизонту, рассматривая корабль с квадратными парусами, который становился все больше с каждой минутой. Дзирт ушел в себя, мысленно готовясь к предстоящему сражению. Он целиком слился с всплесками воды, с бодрящей музыкой, спорящей со свистом ветра, с восклицаниями Кэтти-бри.

Тысяча пятьсот! Тысяча!

— Черная сабля на красном поле! — крикнула девушка, которая с помощью подзорной трубы смогла разглядеть флаг каравеллы. Дзирт не знал этой эмблемы и не интересовался, кому она принадлежит. Каравелла была пиратским кораблем, одним из множества тех, что нарушали границы вблизи Глубоководья. Так же как и в любых водах, где пролегали торговые пути, у Побережья Мечей всегда водились пираты. До последнего времени, впрочем, они держались в рамках, следуя определенным правилам. Когда Дюдермонт одержал победу над Пиночем в проливе Азавира, он впоследствии отпустил пирата на свободу. Таково было неписаное соглашение.

Но положение изменилось. Пираты с севера осмелели и озлобились. Теперь они не только грабили корабль, но также пытались и убивали команду, особенно свирепствуя, если на борту были женщины. Много опустошенных судов стали находить дрейфующими в морях у Глубоководья. Пираты нарушили соглашение.

Дзирту, Дюдермонту и всей команде «Морской феи» щедро платили за их службу, но все они, вплоть до последнего человека (исключая, возможно, чародея Робийярда), преследовали пиратов не из-за золота.

Они сражались против того зла, которое несли пираты.

— Пятьсот! — крикнула Кэтти-бри.

Дзирт вышел из задумчивости и посмотрел на каравеллу. Теперь он мог разглядеть на ее палубах людей, готовящихся к бою, целую армию копошащихся муравьев. Дзирт понял,

что команда неприятеля примерно вдвое превосходит по численности экипаж «Морской феи» и каравелла хорошо вооружена. На ее кормовой палубе располагалась значительного размера катапульта, а ниже, возможно, и баллиста, готовая к стрельбе из открытого бортового люка.

Дроу покачал головой и обернулся к своим. Боевые расчеты арбалетов и баллисты заняли надлежащие места, остальная команда выстроилась вдоль поручней, проверяя натяжение тетивы своих длинных луков. Менестрели продолжали играть; их музыка будет звучать до тех пор, пока команда не пойдет на abordaj. Высоко над палубой Дзирт увидел Кэтти-бри, в одной ее руке был Тулмарил, в другой — подзорная труба. Он свистнул ей, и она быстро помахала ему в ответ, явно волнуясь.

Разве могло быть по-другому? Погоня, ветер, музыка и осознание того, что они делают здесь хорошее дело. Широко улыбаясь, дроу легко пронесся назад по бушприту, затем — вдоль поручней и присоединился к Дюдермонту, стоящему у штурвала. Он заметил чародея Робийярда, сидящего с обычным для него скучающим видом. Время от времени он махал одной рукой в направлении грот-мачты. На этой руке Робийярд носил огромное серебряное кольцо с бриллиантом, который сейчас сверкал гораздо сильнее, чем обычно. С каждым жестом чародея в паруса, уже и так натянутые до предела, ударял сильный порыв ветра. Дзирт услышал протестующий скрип грот-мачты и понял, откуда взялась такая сверхъестественная скорость шхуны.

— Кэрракус, — сказал капитан Дюдермонт, когда дроу оказался рядом. — Черная сабля на красном поле.

Дзирт вопросительно посмотрел на него, не припоминая такого имени.

— Плавал раньше с Пиночем, — пояснил Дюдермонт. — Первым помощником на пиратском флагмане. Он был среди тех, кого мы разбили в проливе Азавира.

— Он тоже попал в плен? — спросил Дзирт.

Дюдермонт покачал головой:

— Кэрракус — скрэг, морской тролль.

— Я не помню его.

— Он всегда остается в стороне, — объяснил Дюдермонт. — Весьма вероятно, что он бросился за борт и ушел в морские глубины, когда Вульфгар развернул нас, чуть не протаранив его корабль.

Дзирт помнил этот эпизод, невероятное усилие своего могучего друга, которое почти поставило ту, первую, «Морскую фею» на корму перед многочисленными изумленными пиратами.

— Но Кэрракус точно был там, — продолжал Дюдермонт. — Судя по всему, именно он спас поврежденный корабль Пиноча, который я отпустил дрейфовать из Мемнона.

— Скрэг все еще в союзе с Пиночем? — спросил Дзирт.

Дюдермонт мрачно кивнул. Вывод был очевиден. Пиноч не мог сам лично преследовать «Морскую фею», доставляющую пиратам столько неприятностей, потому что в обмен на свою свободу поклялся не мстить Дюдермонту. Но у пирата были другие способы отплатить врагам. Ведь его союзники, такие как Кэрракус, не были связаны личной клятвой.

В этот момент Дзирт, уже понявший, что сегодня Гвенвивар ему понадобится, извлек из мешочка статуэтку пантеры и внимательно посмотрел на Дюдермонта. Высокий мужчина стоял выпрямившись, он был худощав, но мускулист, его седые волосы и борода — аккуратно подстрижены. Капитан отличался изяществом — его одежда казалась безупречной, словно дома, на пышном балу. Глаза Дюдермонта — такие светлые, что они, казалось, скорее отражали краски окружающего мира, чем обладали каким-то своим цветом, — выдавали напряжение, охватившее его. В течение многих месяцев ходили слухи о том, что пираты замышляют что-то против «Морской феи». Поняв, что каравелла тесно связана с Пиночем, Дюдермонт полагал, что встреча кораблей могла быть чем-то большим, нежели простой случайностью.

Дзирт оглянулся на Робийярда, который стоял преклонив колени, с протянутыми

руками и закрытыми глазами, глубоко погрузившись в медитацию. Теперь дроу понял, почему Дюдермонт вел корабль на такой опасной скорости.

Мгновение спустя вокруг «Морской феи» поднялась стена тумана, сквозь которую едва просматривалась каравелла, находящаяся сейчас в какой-то сотне ярдов. Громкий всплеск с той стороны дал им понять, что катапульта начала стрелять. Секундой позже в воздухе рядом с ними вспыхнуло пламя, которое превращалось в облако шипящего пара по мере того, как шхуна и стена защищающего ее тумана проносились сквозь него.

— У них есть чародей — отметил Дзирт.

— Неудивительно, тут же поддержал его Дюдермонт, оглянувшись на Робийярда. — Применяй только оборонительные средства, — приказал он чародею. — Мы можем достать их баллистой и луками!

— Все развлечения — для вас! — недовольно отозвался Робийярд.

Дюдермонт выжал из себя улыбку, несмотря на явное напряжение, в котором он находился.

— Ядро! — донесся крик, затем еще несколько криков спереди. Дюдермонт инстинктивно повернул штурвал. «Морская фея» так сильно накренилась, что Дзирт испугался, что они перевернутся.

В то же мгновение справа от Дзирта просвистело огромное ядро баллисты, которое оборвало линь, отскочило от края палубы юта, рядом с изумленным Робийярдом, и срикошетило, продырявив один из парусов бизань-мачты.

— Закрепи линь! — хладнокровно приказал Дюдермонт Дзирту.

Но дроу уже и сам направлялся в ту сторону, двигаясь с невероятной скоростью. Он схватил оборванный линь и быстро привязал его, затем вцепился в поручни, когда «Морская фея» выровнялась. Его взгляд упал на каравеллу, которая находилась менее чем в пятидесяти ярдах справа по борту. Вода между двумя кораблями дико бурлила, капли воды с белоснежных бурунов подхватывались бешеным ветром, который уносил их в туман.

Члены экипажа каравеллы, не понимая, что происходит, выстроились вдоль борта и открыли стрельбу из луков, но их даже самые тяжелые стрелы отворачивали в сторону, не причинив ни малейшего вреда. Они не могли пробить стену ветра, созданную Робийярдом между кораблями.

Лучники «Морской феи», привычные к такой тактике, не стреляли. Кэтти-бри находилась над стеной ветра, так же как и лучник, засевший в «вороньем гнезде» неприятельского корабля. Это был уродливый семифутовый гнолл, физиономия которого больше походила на собачью морду, чем на человеческое лицо.

Монстр первым выпустил свою тяжелую стрелу, которая глубоко вонзилась в грот-мачту, на несколько дюймов ниже того места, где находилась Кэтти-бри. Гнолл согнулся за деревянной стенкой своего убежища, готовя очередную стрелу.

Без сомнения, невежественное существо чувствовало себя в безопасности, ибо не понимало, что такое Тулмарил.

Кэтти-бри выжидала, придав руке устойчивое положение, пока корабли сближались.

Тридцать ярдов.

Ее стрела вылетела подобно вспышке молнии, оставляя за собой серебряные искры, и пронзила стенку «вороньего гнезда» каравеллы так легко, как будто это был лист старого пергамента. В воздух взметнулись щепки, обреченный гнолл, издав дикий вопль, полетел вниз, кувыркаясь в воздухе, и с громким всплеском упал в воду, быстро оставшись далеко за кормой корабля.

Кэтти-бри снова выстрелила, метя в тех, кто суеился возле катапульти. Ей удалось поразить одного из этих людей, который, судя по его виду, был наполовину орком, но катапульта тем не менее выстрелила зарядом с горящей смолой. Увы, стрелявшие не учли должным образом скорость «Морской феи», и шхуна благополучно пронеслась под летящим зарядом, который упал в воду и зашипел.

Дюдермонт поставил шхуну параллельно борту каравеллы; между кораблями было

расстояние порядка двадцати ярдов. Внезапно вода в этом узком промежутке прекратила бурлить, ветер стих, и лучники «Морской феи» выпустили рой многочисленных стрел, несущих на себе маленькие куски полыхающей смолы.

Кэтти-бри выстрелила по самой катапульте, расщепив ее метательный рычаг волшебной стрелой Тулмарила. Одновременно корпус каравеллы был поражен тяжелым ядром смертоносной баллисты «Морской феи» на уровне ватерлинии.

Удовлетворенный Дюдермонт скомандовал «лево руля», а Робийярд создал стену заградительного тумана за кормой «Морской феи». Но чародей каравеллы направил в этот туман удар молнии. Хотя энергия удара и была несколько рассеяна, треск разрядов раздался со всех сторон, и несколько пораженных ими членов команды упало на палубу «Морской феи».

Дзирт перегнулся через поручни и, подавшись в сторону каравеллы, наблюдал за ее палубой, его волосы, наэлектризованные разрядом молнии, развевались. Ему удалось обнаружить чародея посередине корабля, возле грот-мачты. Дроу воззвал к своим внутренним силам, создал шар непроницаемой тьмы и сбросил его на чародея, прежде чем «Морская фея», которая удалялась сейчас от пиратского корабля под прямым углом, успела отойти слишком далеко.

Эльф увидел, как шар перемещается по палубе каравеллы: значит, магия подействовала. Шар будет следовать за чародеем и ослеплять его, пока тот не найдет способа противостоять волшебству. Более того, десятифутовый шар черноты ясно обозначал опасного противника.

— Кэтти-бри! — крикнул Дзирт.

— Он у меня на прицеле! — ответила девушка, и Тулмарил запел раз и затем другой, послав две стрелы в шар мрака.

Но шар продолжал катиться. Кэтти-бри не удалось убить чародея, хотя, несомненно, тому теперь было не до молний.

Второй снаряд баллисты вылетел с «Морской феи», срезав нос каравеллы, а затем шаровая молния Робийярда вспыхнула высоко в воздухе прямо перед мчащимся кораблем. Каравелла, не отличавшаяся маневренностью и к тому же лишенная дееспособного чародея, на всем ходу влетела в полыхающее пламя. Когда огненный шар исчез, обе мачты каравеллы превратились в гигантские пылающие свечи.

Каравелла пыталась ответить выстрелами из катапульты, но стрелы Кэтти-бри сделали свое дело, и метательный рычаг орудия разломился.

Дзирт поспешил назад к штурвалу.

— Еще пара проходов? — спросил он Дюдермонта.

— Время есть только для одного, — покачал головой капитан. — Остановиться и хорошенько разобраться с ними мы уже не успеем.

— Две тысячи ярдов! Два корабля! — крикнула Кэтти-бри.

Дзирт уставился на Дюдермонта с искренним удивлением.

— Очередные союзники Пиноча? — спросил он, уже зная ответ.

— Та каравелла в одиночку не смогла бы нанести нам поражение, — спокойно добавил опытный капитан. — Кэрракус знает это, так же как и Пиноч. Она заманивала нас.

— Но мы оказались слишком быстрыми, — резюмировал Дзирт.

— Ты готов к бою? — лукаво спросил Дюдермонт.

Прежде чем дроу успел ответить, Дюдермонт резко скомандовал «право руля», и «Морская фея» развернулась носом к замедлившейся каравелле. Верхушки мачт вражеского корабля горели, и половина его команды была занята восстановлением такелажа, с тем чтобы обеспечить возможность использования хотя бы нескольких парусов. Дюдермонт направил свой корабль наперерез каравелле.

Пираты не могли маневрировать, чтобы уклониться от мчащейся шхуны. Чародей каравеллы, хотя и ослепленный, сохранил присутствие духа и выставил стену густого тумана, применив стандартную и эффективную оборонительную тактику.

Дюдермонт тщательно выбрал угол поворота, чтобы «Морская фея» прошла по самому краю полосы тумана и бурлящей воды, подобравшись к неприятельскому судну как можно ближе. Это был их последний проход, и он должен был стать поистине разрушительным, чтобы каравелла уже не смогла принять участие в предстоящем сражении совместно с быстро приближающимися кораблями.

На палубе каравеллы что-то вспыхнуло: искра света, порожденная чародеем, боролась с тьмой, вызванной заклинанием Дзирта.

Кэтти-бри видела это со своего наблюдательного поста. Ее лук был уже наведен на черный шар, когда из него возник чародей, одетый в мантию, и принялся колдовать, чтобы преградить путь приближающейся «Морской фее». Однако не успел он произнести и двух слов, как ощутил страшный удар в грудь и услышал треск расколовшейся палубной доски у себя за спиной. Он опустил глаза, увидел кровь, хлынувшую на палубу, и осознал, что он сидит... лежит... а затем все вокруг утонуло во тьме.

Стена тумана, созданная чародеем, исчезла.

Робийярд увидел это и, хлопнув в ладоши, послал двойную молнию вдоль палубы каравеллы. Молния снесла обе мачты и поубивала множество пиратов. «Морская фея» прошла перед вражеским судном, и все ее лучники спустили тетивы своих луков. Одновременно была приведена в действие баллиста, заряженная на сей раз не ядром, а укороченным несбалансированным снарядом, за которым волочилась цепь с крюками, усеянными множеством зубцов. Это хитрое приспособление вращалось в полете, цепляя многочисленные снасти и приводя в полную негодность такелаж каравеллы.

Еще один снаряд, живой снаряд, взлетел с палубы «Морской феи»: шестисотфунтовая лоснящаяся, мускулистая пантера взвилась в воздух и оказалась на бимсе каравеллы.

— Ты готов, дроу? — крикнул Робийярд, который впервые за все время этого боя казался возбужденным.

Дзирт кивнул и помахал своим боевым соратникам, двум десяткам ветеранов, составлявшим знаменитую абордажную команду «Морской феи». Они пробирались к чародею со всех концов корабля, бросая свои луки и обнажая оружие для ближнего боя. К тому времени как Дзирт во главе устремившихся в атаку воинов приблизился к Робийярду, на палубе рядом с ним возник мерцающий прямоугольник: чародей создал волшебную дверь. Дзирт, не колеблясь, бросился в нее с саблями в руках. Одна из них — Сверкающий Клинок — излучала ярко-синий свет.

Эльф пронесся сквозь магический туннель Робийярда и очутился на каравелле среди толпы изумленных пиратов. Без устали разя врагов двумя изогнутыми клинками, он ураганом промчался сквозь их ряды, проделав в них изрядную брешь. Резко повернувшись, Дзирт упал на бок, покатился в сторону лучника, выстрелившего туда, где эльф находился мгновение назад, и, вскочив на ноги, снес его голову одним ударом.

Бойцы «Морской феи» один за другим появлялись из магического туннеля, и вскоре палуба каравеллы превратилась в поле ожесточенной битвы.

На баке, где молнией носилась Гвенвивар, царило смятение. Многие были разодраны ее могучими когтями, а уцелевшие, думая только о том, как оказаться подальше от могучего зверя, предпочли искать спасения за бортом корабля, среди акул.

Тем временем Дюдермонт вновь скомандовал «лево руля», уходя под углом от каравеллы и разворачивая «Морскую фею» так, чтобы она встретила атаку приближающихся кораблей носом. Высокий капитан улыбался, слыша доносящиеся позади звуки битвы. Он был уверен в своей абордажной команде, хотя противник, вероятно, вдвое превосходил ее по численности.

Темный эльф и его пантера позаботятся о том, чтобы устранить этот перевес.

Кэтти-бри, пользуясь преимуществами своего высокого местоположения, выпустила еще несколько стрел, каждая из которых поразила по одному из лучников, занимавших стратегически важные позиции, а одна стрела, пробив насквозь тело пирата, пригвоздила к палубе гоблина, находившегося за ним.

Затем девушка вернулась к своим обязанностям впередсмотрящего, направляя движение «Морской феи».

Дзирт бегал и уворачивался, совершал невообразимые прыжки, вращаясь в воздухе и приземляясь, но всегда нанося противнику смертельные удары. На ногах эльфа, скрытые сапогами, были повязки из черной ткани с закрепленными на них сияющими мифриловыми кольцами, наделенными магической силой ускорения. Он взял их у Дэнтрага из Дома Бэнр, знаменитого оружейного мастера-дроу. Сам Дэнтраг применял их в виде нарукавников, чтобы увеличить скорость движения рук, но Дзирт понял истинное предназначение этих предметов. Находясь на его лодыжках, они позволяли дроу носиться, подобно дикому зайцу.

Он использовал возможности колец, так же как и присущую ему стремительность, для того, чтобы ошеломить пиратов, не успевающих понять, где же находится дроу и где ожидать его появления в следующую секунду. Заставая врасплох очередного противника, Дзирт разил саблями без промаха. Он прокладывал себе путь вперед, к баку, стремясь соединиться с Гвенвивар, своей боевой соратницей, досконально знавшей его тактику и дополнявшей каждое его движение.

Но до бака он так и не добрался. Разгром пиратов на каравелле был почти завершен: многие перебиты, кто-то бросил оружие, некоторые в полном отчаянии попрыгали за борт. Но один член команды, самый опытный и грозный боец, личный друг Пиноча, не спешил сдаваться.

Полусогнутый десятифутовый гигант появился из своей каюты, расположенной под передним мостиком. На нем были только красный жилет и короткие штаны, которые едва прикрывали его зеленую чешуйчатую кожу. Мягкие волосы цвета водорослей свисали ниже его широких плеч. У него не было никакого оружия, но грозные когти и зубастая пасть производили устрашающее впечатление.

— Итак, слухи оказались верными, темный эльф, — сказал он. — Ты вернулся в море.

— Я не знаю тебя, — сказал Дзирт, предусмотрительно остановившись на некотором расстоянии от скрэга. Он догадывался, что это был Кэрракус, хот самый морской тролль, о котором говорил Дюдермонт, но не был уверен в этом до конца.

— Зато я знаю! — прорычал скрэг. Он бросился вперед, его когтистые лапы были нацелены на голову Дзирта.

Три быстрых шага — и дроу оказался вне пределов досягаемости чудовища. Он упал на колено и резко повернулся на нем, сабли, зазор между лезвиями которых был около дюйма, со свистом описали широкую дугу в воздухе.

Противник, более проворный, чем ожидал Дзирт, отскочил в противоположную сторону и повернулся к эльфу, подтягивая волочащуюся ногу. Сабли дроу едва задели чудовище.

Скрэг снова атаковал, рассчитывая уложить Дзирта на месте, но тот оказался слишком быстрым для столь прямолинейной тактики. Он вскочил на ноги и двинулся влево, затем, когда скрэг, поддавшись на эту уловку, начал поворачиваться, Дзирт мгновенно метнулся вправо, нырнув под размахивающую руку монстра. Сверкающий Клинок вонзился в бедро чудовища, за ним последовала вторая сабля Дзирта, глубоко рассекшая бок скрэга.

Монстр обрушил на Дзирта удар слева, который дроу хладнокровно встретил, сознавая, что его потерявший равновесие противник не сможет вложить в него всю свою колоссальную силу. Длинная костлявая рука сорвалась с плеча эльфа, а затем — с его парирующих удар клинков, когда он повернулся лицом к шатающемуся чудовищу.

Теперь настал черед молниеносной атаки Дзирта: он вонзил Сверкающий Клинок под локоть вытянутой руки скрэга и, сделав глубокий разрез, провернул остро заточенное изогнутое лезвие под слоем кожи. Другой клинок вонзился в грудь чудовища, обойдя яростный блок его второй руки. Теперь монстр мог двигаться только в одном направлении, и Дзирт, зная это, предугадал его отступление. Он еще сильнее сжал рукоятку Сверкающего и приналег плечом. Скрэг заревел от невыносимой боли и рванулся назад и в сторону, противоположную тому углу, под которым вонзился клинок. Здоровенный кусок его

отвратительной плоти, срезанный с руки от бицепса до запястья, упал на палубу с тошнотворным шлепком.

Черные глаза чудовища налились гневом и ненавистью. Скрэг посмотрел на обнажившуюся кость руки, затем — на извивающийся на палубе кусок своей плоти. Он перевел взгляд на Дзирта, который стоял в непринужденной позе, опустив перед собой скрещенные сабли.

— Будь ты проклят, эльф! — прорычал исполин.

— Спусти свой флаг! — приказал Дзирт.

— Думаешь, ты победил?

В ответ Дзирт посмотрел на лежащий перед ним кусок мяса.

— Рана заживет, глупый темный эльф! — настаивал пират.

Дзирт знал, что противник говорит правду. Скрэги были близкими родственниками троллей, кошмарных созданий, знаменитых своими способностями к возрождению. Мертвый искалеченный тролль мог снова стать невредимым.

Если только не...

Дзирт вновь воззвал к своим врожденным способностям, к магической силе, присущей расе темных эльфов. Мгновение спустя языки пламени лилового оттенка побежали вверх по возвышающемуся торсу скрэга, облизывая зеленые чешуйки его кожи. Это было иллюзорное пламя, безвредный свет, который эльфы могли использовать лишь для того, чтобы обозначить своих противников. Оно не могло ни сжигать, ни препятствовать восстановительному процессу тролля.

Но Дзирт был уверен, что монстру это неизвестно.

На отвратительной физиономии чудовища отразился объявивший его страх. Оно замахало здоровой рукой, колотя ею по ноге и бедру. Упрямые языки лилового пламени не сдавались.

— Спусти свой флаг, и я избавлю тебя от этого пламени, чтобы твои раны могли зажить, — предложил Дзирт.

Скрэг метнул в дроу взгляд, полный ненависти. Он шагнул было вперед, но сабли Дзирта тут же поднялись ему навстречу. Скрэг решил, что ему не хочется еще раз ощутить остроту их клинков, тем более что языки пламени повергли его в ужас.

— Мы встретимся вновь! — пообещал монстр. Он повернулся и увидел вокруг себя десятки лиц — команду Дюдермонта и плененных пиратов, — уставившихся на него с изумлением. Заревев, скрэг рванулся к борту каравеллы, сметая на своем пути всех, кто не успел увернуться. Взобравшись на поручни, гигант прыгнул в море, возвращаясь в свой дом, где он должен был исцелиться.

Однако Дзирт был настолько быстр, что успел нанести чудовищу еще один удар, достав его саблями в момент прыжка с поручней. Здесь дроу вынужден был остановиться: он не мог преследовать скрэга в его стихии и прекрасно понимал, что морской тролль полностью восстановится в ней.

Не успел он разочарованно чертыхнуться, как сбоку от него мелькнула черная молния. Гвенвивар выпрыгнула из-за спины дроу, взлетела на поручни и нырнула в море вслед за троллем. Как только пантера исчезла под лазурной поверхностью, бурные, порывистые волны быстро уничтожили всякие следы погружения обоих могучих существ.

Несколько членов бордажной команды «Морской феи» сосредоточенно всматривались в воду, беспокоясь за пантеру, которая стала им настоящим другом.

— Гвенвивар вне опасности, — напомнил им Дзирт, доставая статуэтку и высоко поднимая ее, чтобы все могли видеть. Самое худшее, что скрэг мог сделать, — отбросить пантеру назад на Астральный уровень, где она залечила бы все раны и вернулась бы на Материальный уровень по зову Дзирта. Тем не менее лицо дроу отнюдь не выражало радости, когда он всматривался в то место, где ушла под воду Гвенвивар: вдруг именно сейчас она страдает от боли?

На палубе каравеллы воцарилась тишина, нарушаемая только скрипом шпангоутов старого судна.

Взрыв, донесшийся с юга, заставил все головы повернуться в ту сторону, все глаза — уставиться на далекие крошечные паруса. Одна из пиратских каравелл покидала место сражения, в то время как «Морская фея» описывала круги вокруг горящей второй. Вспышки серебристых молний пронзали мачты и корпус поврежденного и, очевидно, беспомощного корабля — это были стрелы, летевшие из «вороньего гнезда» «Морской феи».

Несмотря на разделявшее корабли большое расстояние, люди на захваченной каравелле разглядели, как пиратский флаг пополз вниз по грот-мачте в знак сдачи. Абордажная команда «Морской феи» приветствовала это событие дружными радостными криками, которые резко прервались, когда рядом с каравеллой вспенилась вода и все увидели, как зеленая чешуя и черный мех кружатся в бешеном водовороте. Дзирт понял, что пантере удалось взобраться на спину скрэгу. Ее передние лапы крепко вцепились в плечи монстра, задние царапали ему спину, а могучие челюсти сомкнулись на его шее.

Через несколько мгновений поверхность моря была усеяна пятнами темной крови вперемешку с кусками изодранной плоти и обломками костей тролля, а Гвенвивар спокойно восседала на спине плывущего трупа чудовища.

— Стоило бы выловить его и сжечь, — заметил один из членов экипажа. — Или мы вырастим целую команду вонючих троллей!

Моряки взяли длинные багры и занялись вылавливанием отвратительной туши. Гвенвивар легко вернулась на борт каравеллы, вскарабкалась на поручни и хорошенько отряхнулась, обдав брызгами всех, кто находился рядом.

— Скрэги не оживают, если их выудить из моря, — сказал Дзирту тот же моряк. — Мы подвесим этого на нок-рее, чтобы подсох, а потом сожжем его.

Дзирт кивнул. Члены абордажной команды хорошо знали свое дело. Они и пленных пиратов заставят работать, чтобы отремонтировать такелаж и восстановить мореходность каравеллы для обратного путешествия к Глубоководью.

Дзирт посмотрел на юг и увидел, что «Морская фея» возвращается. Поврежденный пиратский корабль медленно двигался рядом с ней.

— Тридцать восемь и тридцать девять, — тихо произнес дроу.

Гвенвивар в ответ издала низкий рык и еще раз энергично встряхнулась, вымочив темного эльфа с ног до головы.

Глава 2 ПЕРВЫЙ ВЕСТНИК

Капитан Дюдермонт шел вниз по Док-стрит — ухабистой, пользующейся дурной славой улице, вытянувшейся вдоль всей гавани Глубоководья. Он явно смотрелся здесь чужаком в своей изящной одежде, идеально скроенной по его высокой и худощавой фигуре. Великолепная осанка, волосы и борода-эспаньолка выглядят безукоризненно. Вокруг него было полно жалких моряков, от которых несло элем: они проводили на берегу недели и месяцы, шатаясь по тавернам, некоторые валялись без сознания в грязи. Единственное, что спасало их от многочисленных грабителей, промышлявших в округе, — то, что у них не было ни денег, ни ценных вещей, которые стоило бы красть.

Не обращая внимания на то, что он видел вокруг, капитан отнюдь не ставил себя выше этих морских волков. Было в них нечто привлекавшее капитана — истинного джентльмена, — искренность и открытость, которых и в помине не было у надменной знати.

Дюдермонт стянул потуже воротник своего плаща: со стороны гавани потянуло прохладным ночным бризом. Как правило, никто не ходил в одиночку по Док-стрит, даже среди бела дня, но капитан чувствовал себя здесь в безопасности. На боку у него была сабля в изукрашенных ножнах, и он прекрасно владел ею. Более того, по всем тавернам и пирсам Глубоководья ходили слухи о том, что капитан «Морской феи» находился под покровительством властителей города: любого осмелившегося причинить беспокойство капитану или его команде, когда они находились в порту, ждала расплата со стороны весьма

могущественных чародеев. Глубоководье было местом обычной стоянки «Морской феи», поэтому Дюдермонт ни о чем не беспокоился, шествуя в одиночку по Док-стрит. Он ощутил скорее любопытство, нежели тревогу, когда старый, морщинистый, тощий — кожа да кости, — ростом едва ли в пять футов, человек позвал его из узкого переулка.

Дюдермонт остановился и осмотрелся вокруг. На Док-стрит было тихо, за исключением звуков, доносящихся из многочисленных таверн, и скрипа старой древесины под натиском непрерывного морского бриза.

— Ты — Ду-дор-мон-ти, не так ли? — мягко сказал старый моряк, сопровождая каждый слог присвистом. Он широко, почти непристойно, улыбнулся, обнажив пару кривых зубов, торчащих из черных десен.

Дюдермонт остановился, пристально и молча разглядывая старика. Он не чувствовал никакого желания отвечать на вопрос.

— Если это ты, — прохрипел человек, — тогда у меня есть для тебя новости. Предупреждение от того, кого ты, верно, боишься.

Капитан оставался невозмутимым. В голове его теснилось множество вопросов, но это никак не отражалось на его лице. Кого ему следовало бояться? Говорил ли старый волк о Пиноче? Вполне возможно, особенно учитывая те две каравеллы, которые «Морская фея» привела в гавань Глубоководья в начале недели. Правда, немногие в городе имели контакты с этим пиратом, который действовал дальше к югу, гораздо южнее Ворот Балдура, в проливах у островов Муншэй.

Но о ком еще мог говорить этот человек?

Все еще улыбаясь, старый моряк помахал Дюдермонту, приглашая его пройти в переулок. Сам он повернулся и вошел в него, но капитан не двигался с места.

— Ну что, боишься старого Скарамунди? — с присвистом проговорил моряк.

Дюдермонт понимал, что это могло быть маскировкой. Многие искусные наемные убийцы в Королевствах вполне могли бы принять облик безобидного старика, для того чтобы всадить отравленный кинжал в грудь своей жертвы.

Моряк вышел прямо на середину улицы к Дюдермонту.

«Это не маскировка, — сказал себе капитан, — все слишком совершенно».

Кроме того, он вспомнил, что видел этого старика раньше, тот обычно сидел как раз на этом углу, который, возможно, и служил ему домом.

Что же тогда? Может быть, в переулке его ожидала засада?

— Ну как знаешь, — прохрипел старик, подняв руку. Тяжело опираясь на свою палку, он пошел назад к переулку, ворча: — Мне что, я посыльный, наплевать, услышишь ты эти вести или нет!

Дюдермонт снова внимательно осмотрелся: вокруг никого. Не видно и подходящих мест для засады. Он повернулся в сторону переулка. Старый моряк уже прошел десяток шагов, его фигура была едва различима в полумраке. Посмеиваясь и кашляя, он сделал еще один шаг.

Дюдермонт осторожно приближался, держа одну руку на эфесе сабли и тщательно осматриваясь, прежде чем сделать очередной шаг. Переулок казался пустым.

— Довольно! — внезапно сказал капитан, останавливая моряка. — Если у тебя есть для меня вести, тогда сообщи их, и сделай это сейчас!

— Кое-что не следует говорить слишком громко, — ответил старик.

— Сейчас! — настаивал Дюдермонт.

Старик широко улыбнулся и закашлялся, а может быть, он смеялся... Он сделал несколько легких шагов назад, остановившись в каких-то трех футах от Дюдермонта.

Исходившая от него вонь ошеломила капитана, привычного к запахам немытого тела. На корабле, находящемся в открытом море, не слишком много возможностей помыться, а «Морская фея» часто уходила в плавание на недели и даже месяцы. Но это сочетание запаха дешевого вина и застарелого пота было настолько отвратительным, что лицо капитана исказилось и он зажал нос рукой. Увидев это, старик расхохотался.

— Сейчас! — настаивал капитан.

Не успело это слово сорваться с губ Дюдермонта, как моряк подскочил к нему и схватил его за запястье. Не испугавшись, Дюдермонт дернул руку, но старик упрямо держал ее.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне о том темном, — сказал моряк, и его портовый акцент исчез.

— Кто ты? — настойчиво требовал ответа Дюдермонт, яростно, но безуспешно пытаясь освободить руку. Только теперь он осознал истинную сверхчеловеческую силу этой хватки; с таким же успехом он мог состязаться с одним из огромных туманных великанов, что жили на рифе, окружавшем остров Дельмарин, далеко на юге.

— О том темном, — повторил старик. Без всякого усилия он одним рывком увлек Дюдермонта глубже в переулок.

Капитан потянулся за своей саблей, и хотя старик крепко держал правую руку Дюдермонта, тот вполне смог бы драться левой. Вытащить изогнутый клинок из ножен было непросто, и капитан не успел сделать этого, потому что старик нанес ему удар по лицу открытой ладонью свободной руки. Дюдермонт отлетел назад, врезавшись в стену. Сохраняя присутствие духа, он все же извлек саблю, переброшил ее в освободившуюся правую руку и всадил в ребра приближающегося морского волка.

Великолепный клинок глубоко вошел в бок старика, но тот даже не вздрогнул. Дюдермонт пытался заблокировать следующий удар и следующий, но силы явно были неравны. Старик вышиб из его руки саблю и продолжал молотить капитана открытыми ладонями, мелькавшими со скоростью атакующей змеи. Голова Дюдермонта безвольно повисла, и он упал бы, если бы старик не удержал его, крепко вцепившись ему в плечо.

Затуманенным взором капитан вглядывался в своего противника. Лицо его врага начало сначала как будто таять, а затем изменяться...

— Тот темный? — вновь спросило изменяющееся существо, и Дюдермонт едва расслышал его голос, так ошеломлен он был, увидев свое собственное лицо, злобно уставившееся на него.

* * *

— Ему пора бы уже быть здесь, — заметила Кэтти-бри, опираясь на стойку бара.

Ее раздражение нарастало, заметил Дзирт, и не потому, что Дюдермонт запаздывал — капитана частенько задерживали в Глубоководье по тому или иному делу, — а из-за матроса, который стоял рядом с ней с другой стороны. Этот приземистый коротышка с густой бородой и курчавыми волосами цвета воронова крыла время от времени толкал ее, каждый раз извиняясь и поглядывая на нее через плечо, подмигивал и улыбался.

Дзирт повернулся спиной к стойке бара, высота которой доходила ему до пояса. Таверна «Объятия русалки» в этот вечер не была переполнена. Стояла хорошая погода, и большинство рыболовецких и торговых кораблей вышли в море. Несмотря на это, здесь было довольно шумно: после долгих месяцев скуки моряки отводили душу, наслаждаясь выпивкой, общением, неистовой похвалой и даже кулачными схватками.

— Робийярд, — прошептал Дзирт. Кэтти-бри повернулась и, следуя за взглядом дроу, увидела чародея, пробирающегося сквозь толпу, с тем чтобы присоединиться к ним у стойки.

— Добрый вечер, — сказал чародей без особого энтузиазма, не глядя на собеседников. Не дождавшись, пока бармен подойдет к нему, он щелкнул пальцами, и бутылка со стаканом оказалась возле него. Бармен начал было протестовать, но тут же почувствовал в своей руке горсть медных монет. Он отошел, неодобрительно качая головой: ему никогда не нравился чародей «Морской феи» и его надменные выходки.

— Где Дюдермонт? — спросил Робийярд. — Проматывает мое жалованье, несомненно.

Дзирт и Кэтти-бри, улыбнувшись, переглянулись: их забавляла его постоянная недоверчивость. Робийярд был одним из самых холодных и язвительных людей, которых

они когда-либо знали, даже более раздражительным, чем генерал Дагнабит, угрюмый дворф, бывший у Бренора командующим гарнизона Мифрил Халла.

— Вне всякого сомнения, — ответил Дзирт.

Робийярд повернулся и окинул его обвиняющим, сердитым взглядом.

— Ну конечно, именно Дюдермонт и крадет у нас все время, — добавила Кэтти-бри. — Увлекается самыми красивыми женщинами и лучшими винами и вольно обращается с тем, что вовсе ему не принадлежит.

Возглас досады сорвался с тонких губ Робийярда, он оттолкнулся от стойки бара и ушел.

— Хотела бы я знать его историю, — заметила Кэтти-бри.

Дзирт кивнул в знак согласия, не отрывая взгляда от спины удаляющегося чародея. Конечно, Робийярд был странным типом, и дроу полагал, что в прошлом с ним, должно быть, что-то произошло. Возможно, он ненамеренно убил кого-нибудь или его отвергла возлюбленная. А может быть, он слишком глубоко погрузился в колдовство, заглянул в такую бездну, куда не следовало смотреть человеку.

Простые слова Кэтти-бри пробудили у Дзирта До'Урдена неожиданный интерес. Кем же был Робийярд и что довело его до состояния постоянной скуки и раздражения?

— Где Дюдермонт? — Прозвучавший вопрос вывел Дзирта из состояния задумчивости. Он повернулся и увидел Вэйлана Майканти, парнишку, которому едва исполнилось двадцать лет, с песочными волосами, светло-кариими глазами и большими ямочками на щеках, которые были видны всегда, потому что Вэйлан, казалось, никогда не переставал улыбаться. Самый молодой член экипажа «Морской феи», моложе, чем Кэтти-бри, показал сверхъестественную меткость в стрельбе из баллисты. Его таланты быстро стали легендой, и, подумал Дзирт, если этот юноша проживет достаточно долго, то, несомненно, приобретет солидную репутацию на Побережье Мечей. Как-то раз Вэйлан Майканти попал из баллисты в иллюминатор капитанской каюты с расстояния в четыреста ярдов, ядро ударило в предводителя пиратов, когда тот пристегивал свою саблю. Сила удара вышвырнула капитана на палубу сквозь закрытую дверь каюты. Пиратский корабль тут же спустил свой флаг, сдавшись прежде, чем началось сражение.

— Мы ожидаем его, — ответил Дзирт, настроение которого улучшилось при виде молодого человека. Ему не мог не броситься в глаза контраст между этим юношей и Робийярдом. Чародей был, вероятно, самым старым членом экипажа, не считая самого Дзирта.

Вэйлан кивнул.

— Пора бы ему прийти, — добавил он почти неслышно, но острый слух дроу позволил тому разобрать каждое слово.

— Тебе он нужен? — быстро спросил Дзирт.

— Я хотел поговорить с ним насчет аванса в счет заработка, — признался Вэйлан. Молодой человек густо покраснел и придвинулся ближе к Дзирту, чтобы Кэтти-бри не могла его услышать. — Подружка, — объяснил он.

Дзирт увидел, что улыбка Вэйлана стала еще шире.

— Капитан запаздывает, — сказал дроу. — Я уверен, что он вскоре придет.

— Но он был всего в какой-то дюжине домов отсюда, когда я в последний раз видел его, — удивился Вэйлан. — Возле Фогги Хэйвен, и он направлялся сюда. Я думал, что он уже здесь.

Впервые Дзирт ощутил некоторое беспокойство.

— И когда это было?

— Я сижу здесь с начала предыдущей схватки, — пожал плечами Вэйлан.

Дзирт повернулся и оперся на стойку бара, обменявшись озабоченными взглядами с Кэтти-бри: после предыдущих двух боев прошло уже немало времени. Между таверной «Объятия русалки» и тем местом, о котором говорил Вэйлан, вряд ли что-нибудь могло заинтересовать капитана или задержать его на столь долгий срок.

Дзирт вздохнул и сделал большой глоток воды. Он посмотрел на Робийярда, который сидел сейчас один, несмотря на то что за столиком неподалеку, рядом с четырьмя членами команды «Морской феи», были свободные стулья. Пока что Дзирт не слишком беспокоился. Может быть, Дюдермонт забыл о каком-то деле или просто изменил свое намерение посетить «Объятия русалки» этим вечером. Но все же Док-стрит в Глубоководье считалась опасным местом, и шестое чувство дроу — его инстинкт воина — призывало его быть настороже.

* * *

Дюдермонт, потерявший сознание, не помнил, сколь долго его избивали. Сейчас он лежал на холодной земле — это было все, что он знал. Существо, принявшее его облик, включая одежду и даже оружие, сидело у него на спине. Физические мучения были уже не столь сильны, но хуже, чем избиение, капитан переносил то, что нечисть копалась в его мозгу, выуживая знания, которые оно могло, без сомнения, использовать против его друзей.

— Ты будешь очень вкусным, — прозвучало в голове Дюдермонта. — Вкуснее, чем старый Скарамунди.

Несмотря на нереальность всего происходящего и невозможность адекватного восприятия окружающего, капитан почувствовал, что его будто встряхнуло изнутри. В дальнем уголке сознания возникло понимание того, что это за монстр. Допльгэнгеры не часто встречались в Королевствах, но те немногие, проявившие себя, такого натворили, что заслужили кошмарную репутацию враждебной расы.

Дюдермонт почувствовал, что его отрывают от земли. Капитану показалось, он стал невесомым и плывет по воздуху — так силен был монстр. И вот он встретился лицом к лицу с самим собой, ожидая, что в следующее мгновение его сожрут.

— Нет еще, — ответило существо на его невысказанные страхи. — Мне нужны твои мысли, любезный капитан Дюдермонт. Мне необходимо знать достаточно о тебе и о твоём корабле, чтобы вывести его из гавани Глубоководья, далеко-далеко, к острову, о котором знают немногие, но многие говорят.

Существо издевательски улыбнулось, и не успел Дюдермонт сосредоточиться на этой улыбке, как голова монстра дернулась вперед, нанеся лбом удар по лицу капитана и лишив его сознания. Немного времени спустя — он не знал, сколько секунд могло пройти, — Дюдермонт вновь почувствовал щекой холодную землю. Его руки были туго связаны за спиной, лодыжки стянуты ремнем, во рту — плотный кляп. Ему удалось повернуть голову, чтобы увидеть, как существо, все еще в его облике, наклонилось над тяжелой железной решеткой.

Дюдермонт с трудом мог поверить тому, что он увидел: монстр без усилия поднял решетку сточной канавы, весившую не меньше пятисот фунтов. Легко прислонив решетку к стене дома, существо повернулось, схватило Дюдермонта, подтащило к отверстию и швырнуло вниз.

Там стояла страшная вонь, гораздо хуже, чем капитан ожидал даже от сточной канавы, и, когда ему удалось немного повернуться и приподнять голову, он понял происхождение зловония.

Скарамунди — должно быть, это был он — лежал рядом, весь в запекшейся крови, его туловище было наполовину съедено чудовищем. Дюдермонт вздрогнул, когда решетка загремела, возвращаясь на свое место, а потом лежал неподвижно, объятый ужасом, беспомощный, зная, что вскоре разделит ту же кошмарную участь.

Глава 3

ИСКУСНО ПЕРЕДАННОЕ ПОСЛАНИЕ

Спустя некоторое время Дзирт начал беспокоиться всерьез. Робийярд уже покинул

«Объятия русалки», возмущаясь тем, что, как он выразился, «на капитана нельзя положиться». Вэйлан Майканти все еще находился у стойки бара, рядом с Дзиртом, беседуя с моряком, стоящим по другую сторону от юноши.

Дзирт, облокотясь на стойку, продолжал смотреть на толпу, чувствуя себя среди моряков совершенно непринужденно. Так было не всегда. Дзирт всего дважды проходил через Глубоководье до того, как он и Кэтти-бри покинули Мифрил Халл. Первый раз — направляясь в Калимпорт в поисках Энтрери и на обратном пути, когда он и его друзья возвращались, чтобы отвоевать себе Мифрил Халл. Свой первый проход через город Дзирт совершил, изменив свою внешность, в волшебной маске светлого эльфа. Второе путешествие, осуществленное без маски, было более сложным делом. «Морская фея» вошла в гавань Глубоководья ранним утром, но, по просьбе Дюдермонта, Дзирт и его друзья ожидали наступления темноты, чтобы покинуть город по дороге, ведущей на восток.

Вернувшись в Глубоководье с Кэтти-бри шесть лет спустя, Дзирт осмелился расхаживать по городу открыто, в своем облике дроу. Это было неприятным делом, на него постоянно пялились со всех сторон, не один головорез пытался вызвать его на поединок. Дзирт не отвечал на вызовы, но знал, что рано или поздно ему придется сразиться либо, что еще хуже, его убьет исподтишка какой-нибудь спрятавшийся лучник — всего лишь из-за цвета кожи.

А потом в гавань вошла «Морская фея», и Дзирт нашел Дюдермонта, своего старого друга, пользовавшегося большой известностью в доках великого города. Вскоре после этого Дзирта стали признавать в Глубоководье, особенно в районе Док-стрит, благодаря его личной известности, чему в значительной мере способствовал капитан Дюдермонт. Куда бы ни заходила «Морская фея», всем становилось ясно, что Дзирт До'Урден, этот самый необычный из всех темных эльфов, был членом ее героической команды. Путь Дзирта стал более легким, он несколько успокоился.

И через все эти испытания он прошел вместе с Кэтти-бри и Гвенвивар, они всегда были рядом. Он посмотрел на них: девушка сидела за столом с двумя моряками из команды «Морской феи», а огромная пантера свернулась на полу возле ее ног. Гвенвивар стала чем-то вроде талисмана для владельцев «Объятий русалки», и Дзирт был рад, что он мог иногда позвать туда пантеру не для участия в сражении, а просто для дружеского общения. Ему стало интересно: а как будет сегодня? Кэтти-бри попросила его вызвать пантеру, сказав, что у нее замерзли ноги, и Дзирт согласился, подспудно думая о том, что Дюдермонт мог попасть в беду и Гвенвивар понадобится для чего-то большего.

Мгновением позже дроу расслабился и облегченно вздохнул. Капитан Дюдермонт вошел в бар, огляделся, затем увидел Дзирта и подошел к стойке.

— Калимшанского вина, — сказал доппльгэнгер бармену, ибо, тщательно просмотрев мозг Дюдермонта, узнал, что это любимый напиток капитана. За то короткое время, что они провели рядом, монстр узнал многое и о капитане, и о «Морской фее».

Дзирт повернулся и склонился над стойкой.

— Ты припозднился, — заметил он, пытаясь понять, не возникло ли каких-нибудь неприятностей.

— Небольшая проблема, — заверил его самозванец.

— В чем дело, Гвен? — тихо спросила Кэтти-бри: пантера подняла голову, глядя на Дзирта и Дюдермонта, ее уши прижались к голове, низкое рычание отдалось во всем ее сильном теле. — Что ты видишь?

Гвенвивар продолжала внимательно наблюдать за этой парой, но Кэтти-бри, позабыв о неземной природе пантеры, решила, что за стойкой, у которой стояли Дзирт и капитан, должно быть, прячется крыса или что-то в этом роде.

— Казрвич, — объявил самозванец Дзирту.

Дроу посмотрел на него с любопытством.

— Казрвич? — повторил он. Дзирт слышал это слово; каждый моряк на Побережье Мечей знал название крошечного островка, слишком маленького и удаленного, для того

чтобы быть обозначенным на морских картах.

— Мы должны немедленно отправиться на Каэрвич, — объяснил самозванец, глядя Дзирту в глаза. Столь совершенной была маскировка доплыгэнгера, что у Дзирта не возникло ни малейшего подозрения, что с капитаном что-то неладно.

И все же его заявление показалось Дзирту странным. О Каэрвиче на кораблях ходили легенды как об острове, населенном призраками и служившем домом слепой ведьме. Многие сомневались в его существовании, хотя некоторые моряки утверждали, что бывали на нем. Дзирт и Дюдермонт никогда не говорили об этом острове. Поэтому сообщение капитана о том, что они должны отправиться туда, оказалось для дроу совершенно неожиданным.

Дзирт вновь принялся изучать Дюдермонта, заметив на сей раз его неуклюжие манеры, увидев, что капитан явно чувствует себя не в своей тарелке в заведении, которое всегда было его любимой таверной на Док-стрит. «Что-то беспокоит капитана», — подумал дроу. Что бы ни задержало его на пути в харчевню «Объятия русалки» — а Дзирт полагал, что это был визит к одному из правителей Глубоководья, может быть даже, к таинственному Хелбену, — это сильно расстроило Дюдермонта. Хотя было ли заявление капитана таким уж странным? Много раз за последние шесть лет «Морская фея», орудие властителей Глубоководья, получала необычные задания, и поэтому дроу принял информацию без вопросов.

Ни Дзирт, ни доплыгэнгер не обратили внимания на Гвенвивар, которая припала к земле и медленно приближалась к Дюдермонту, плотно прижав уши.

— Гвенвивар! — наконец заметил ее Дзирт.

Доплыгэнгер повернулся, облокотился на деревянную стойку бара, а пантера бросилась вперед, высоко взлетела и придавила его к стойке. Если бы самозванец сохранил присутствие духа и разыграл из себя невинную жертву, он мог бы выкрутиться из затруднительной ситуации. Но существо распознало природу Гвенвивар или, по крайней мере, тот факт, что пантера происходила не с Материального уровня. Подсознательно ощутив это, доплыгэнгер понял, что и она распознала его.

Существо инстинктивно нанесло удар пантере своим предплечьем, и сила удара оказалась такова, что шестисотфунтовая кошка отлетела на середину большого помещения.

Ни один человек не мог бы сделать такого, и когда самозванец вновь взглянул на Дзирта, в руках у эльфа оказались обнаженные сабли.

— Кто ты? — спросил Дзирт.

Существо зашипело и, сделав быстрое движение к клинкам дроу, схватило один из них. В ответ Дзирт нанес удар по его шее плоской стороной сабли, оставшейся свободной. Он ударил не в полную силу, опасаясь, что это все же мог быть Дюдермонт, находившийся под каким-то магическим воздействием.

Монстр поймал лезвие клинка голой рукой и рванулся вперед, так что Дзирт покатился в сторону.

Все, кто был в таверне, вскочили со своих мест, большинство полагало, что это обычная драка. Но команда «Морской феи», особенно Кэтти-бри, в полной мере осознавала всю странность разыгравшейся сцены.

Доплыгэнгер бросился к двери, отшвырнув в сторону смущенного моряка из экипажа «Морской феи», вставшего у него на пути.

Кэтти-бри выстрелила из своего лука, стрела, за которой потянулся шлейф из серебристых искр, вонзилась в стену рядом с головой существа. Оно развернулось лицом к девушке, громко зашипело, и тут же оказалось погребенным под шестисотфунтовым телом пантеры. На сей раз Гвенвивар знала силу своего противника, и в завершение непродолжительной схватки огромная кошка уселась на спину доплыгэнгеру, сомкнув свои могучие челюсти на его затылке.

Мгновение спустя рядом оказался Дзирт, сопровождаемый Кэтти-бри, Вэйланом Майканти и остальными членами экипажа, а также любопытными зеваками, включая владельца таверны, который хотел посмотреть на ущерб, нанесенный волшебной стрелой.

— Что ты такое? — спросил Дзирт, схватив самозванца за волосы и повернув его

голову так, чтобы взглянуть ему в лицо. Дроу потер свободной рукой щеку существа, но не обнаружил никаких следов грима. Допплыгэнгер попытался укунить его, но Дзирту удалось вовремя отдернуть пальцы.

Гвенвивар зарычала и теснее сомкнула свои челюсти на шее существа, рывком вдавив его лицо в пол.

— Пойди и проверь Док-стрит! — сказал Дзирт Вэйлану. — Возле того места, где ты в последний раз видел капитана!

— Но... — запротестовал Вэйлан, указывая на лежащую ничком фигуру.

— Это не капитан Дюдермонт, — заверил его Дзирт. — Это даже не человек!

Вэйлан жестом позвал за собой несколько членов команды «Морской феи» и выбежал в сопровождении многих других моряков, которые считали себя друзьями исчезнувшего капитана.

— И позовите Стражу! — крикнул Дзирт им вслед, имея в виду знаменитых воинов Глубоководья. — Приготовь лук! — сказал он Кэтти-бри, которая кивнула в ответ и приладила новую стрелу к тетиве.

Дроу и Гвенвивар удалось подчинить себе доплыгэнгера и поставить его у стены. Бармен принес толстую веревку, которой они скрутили руки монстра у него за спиной.

— Я спрашиваю тебя еще раз... — угрожающе начал Дзирт, но существо просто плюнуло ему в лицо и расхохоталось, издавая поистине дьявольские звуки.

Дроу, не отвечая, устремил на самозванца тяжелый взгляд. Он по-настоящему был подавлен: от того, как самозванец смотрел на него, смеялся над ним, только над ним, у Дзирта мурашки по спине бегали. Он не испытывал страха за свою жизнь, он никогда не боялся за себя, но опасался, что прошлое снова настигло его, что злые силы Мензоберранзана отыскиали его и здесь, в Глубоководье, а достойный капитан Дюдермонт погиб из-за него.

Если так, то Дзирт До'Урден не смог бы этого вынести.

— Я предлагаю тебе жизнь в обмен на капитана Дюдермонта, — сказал дроу.

— Это не твоя территория, чтобы торговаться с... чем бы это ни было, — заметил какой-то моряк, незнакомый Дзирту. Сурово нахмурившись, дроу повернулся к нему, и моряк тут же замолк, попятился и исчез, не желая навлечь на себя гнев темного эльфа, особенно обладавшего боевой славой Дзирта.

— Твоя жизнь — за Дюдермонта, — повторил Дзирт доплыгэнгеру. Вновь ответом был дьявольский смех.

На самозванца обрушился град пощечин: слева, справа, слева, — Дзирт молотил по его лицу открытыми ладонями. Последний удар свернул существу нос, который тут же восстановил свою форму прямо на глазах у Дзирта. В сочетании с непрекращающимся хохотом монстра это привело дроу в еще большую ярость, и он ударил самозванца изо всех сил.

Кэтти-бри обняла Дзирта и отвела в сторону, хотя одного ее появления уже оказалось достаточно, чтобы напомнить Дзирту о том, кто он такой, и заставить его устыдиться своего неконтролируемого порыва.

— Где Дюдермонт? — спросил Дзирт, но существо продолжало хохотать, и тогда Гвенвивар встала на задние лапы, положив передние на плечи доплыгэнгера, и приблизила свою рычащую морду к его лицу. Это заставило доплыгэнгера утихнуть: он знал, что Гвенвивар распознала его истинную природу, знал он и то, что разгневанная пантера могла уничтожить его.

— Позовите чародея, — неожиданно предложил один из моряков.

— Робийярда! — воскликнул другой. — Он-то узнает, как извлечь информацию из этого существа.

— Иди, — согласилась Кэтти-бри, и мужчина выскочил за дверь.

— Священника, — предложил еще кто-то. — Лучше бы священнику иметь дело с...

Он умолк, не зная, как определить самозванца.

Все это время доппльгэнгер оставался неподвижным под пристальным взглядом Гвенвивар, не делая никаких угрожающих движений.

Моряку, отправившемуся за чародеем, попался навстречу член команды «Морской феи», возвращавшийся в таверну с сообщением о том, что капитан найден.

Они незамедлительно отправились туда: Дзирт, подталкивавший доппльгэнгера, Гвенвивар — с другой стороны существа и Кэтти-бри, следовавшая за ними с луком наготове; наконечник стрелы почти касался затылка монстра. Они вошли в переулок как раз в тот момент, когда поднимали решетку сточной канавы и один из моряков спускался в вонючую дыру, чтобы помочь выбраться своему капитану.

Дюдермонт разглядывал доппльгэнгера, всматриваясь в совершенную копию самого себя, с откровенным презрением.

— Можешь принять свой истинный вид, — сказал он существу. Выпрямившись, капитан стряхнул с себя грязь, вновь обретая чувство собственного достоинства. — Они знают, кто я, и знают, что представляешь собой ты.

Доппльгэнгер оставался неподвижным. Дзирт вплотную приставил лезвие Сверкающего Клинка к его шее, Гвенвивар оставалась начеку с другой стороны, а Кэтти-бри подбежала к Дюдермонту, чтобы поддержать его.

— Могу я опереться на твой лук? — спросил капитан, и Кэтти-бри, не задумываясь ни на секунду, кивнула.

— Должно быть, это чародей, — крикнул Дюдермонт Дзирту, хотя на самом деле подозревал нечто иное. Раненый капитан тяжело оперся на лук. — Если он издаст хоть единый звук, перережь ему горло, — приказал он.

Дзирт кивнул и прижал Сверкающий Клинок несколько сильнее. Кэтти-бри сделала было движение, чтобы взять Дюдермонта под руку, но он жестом пропустил ее вперед и последовал за ней.

* * *

Далеко отсюда, над дымной пеленой Бездны, Эррту наблюдал за разворачивавшейся сценой с истинным наслаждением. Ловушка сработала, пусть и не так, как ожидал великий танар'ри, когда посылал доппльгэнгера в Глубоководье, но в любом случае сработала, и быть может, еще забавнее, еще неожиданнее, еще непонятнее.

Эррту знал Дзирта До'Урдена достаточно хорошо, чтобы понимать: упоминание Каэрвича — это именно та приманка, которая требовалась. Нечто ужасное случилось с дроу и его друзьями сегодня вечером; и это не пройдет для них бесследно, они с готовностью отправятся к этому острову и обнаружат послание.

Для могущественного демона случившееся в Глубоководье было лучшим развлечением за многие годы. Эррту мог доставить послание Дзирту куда более легким способом, но в этой интриге с участием доппльгэнгера и слепой ведьмы, которая ждала на Каэрвиче, и заключалась вся потеха.

Большее наслаждение Эррту мог бы получить, только отрывая от Дзирта До'Урдена кусочек за кусочком и поглощая его плоть прямо на глазах у еще живого эльфа.

Бейлор застонал, представив себе эту картину и думая о том, что скоро так и будет.

* * *

Дюдермонт старался держаться прямо и продолжал отвергать любую помощь. Придав своему лицу обычное выражение, капитан следовал за Кэтти-бри, которая медленно шла к выходу из переулочка, направляясь к Дзирту, Гвенвивар и плененному доппльгэнгеру.

Дюдермонт очень внимательно наблюдал за странным существом. Соприкоснувшись с ним близко, он понял, какое зло заключено в нем. Дюдермонт испытывал ненависть к доппльгэнгеру не только за то, что тот жестоко избил его, но и за то, что, приняв облик

капитана, монстр осуществил над ним такое мысленное насилие, которого человек не мог вынести. Глядя сейчас на это существо в облике капитана «Морской феи», Дюдермонт едва мог сдержать гнев. Наблюдая и размышляя, он держался очень близко к Кэтти-бри.

Дзирт спокойно стоял рядом со связанным самозванцем на углу Док-стрит. Внимание дроу и многих членов экипажа, стоявших возле него, было обращено на раненого капитана, и никто из них не заметил, как существо изменило форму своих рук, так что они выскользнули из пут.

Дзирт выхватил вторую саблю, когда существо неожиданно оттолкнуло его в сторону. Допплэгэнгер бросился к выходу из переулочка, Гвенвивар — за ним. За спиной у монстра выросли крылья, и он высоко подпрыгнул, намереваясь улететь во тьму ночи.

Гвенвивар, рванувшись за ним, высоко взлетела в могучем прыжке, в то время как капитан Дюдермонт извлек стрелу из колчана Кэтти-бри, висевшего у нее на боку. Девушка, почувствовав это, повернулась, и в этот момент Дюдермонт поднял лук и выпустил стрелу.

Допплэгэнгер был уже в двадцати футах от земли, когда вслед за ним прыгнула Гвенвивар, и тем не менее огромная пантера достала летевшего монстра, сомкнув свои челюсти на его лодыжке. Эта конечность тут же изменила свою форму и стала выскальзывать из ее челюстей. В этот момент в спину монстра, прямо между крыльями, серебряной молнией вонзилась стрела.

Гвенвивар легко приземлилась на мягкие лапы, а вслед за ней упал мертвый доплэгэнгер. Через мгновение рядом с ними оказался Дзирт, за которым спешили все остальные.

Существо вновь начало изменять свою форму. Облик капитана будто растаял, а вместо него возникло какое-то странное гуманоидное существо, подобного которому не встречал никто из присутствующих. Его кожа была глянцевой, пальцы тонких рук абсолютно гладкими, без всяких бороздок. Оно было совершенно безволосым и в целом на редкость бесцветным. Просто кусок глины в форме гуманоида, и ничего больше.

— Допплэгэнгер, — заметил Дюдермонт. — Кажется, Пиноч недоволен нашими последними подвигами.

Дзирт кивнул, позволяя себе согласиться с умозаключениями капитана. Кажется, происшествие не имело отношения к нему, к тому, кем он был и откуда пришел.

Ему так хотелось поверить в это.

* * *

Эррту чрезвычайно наслаждался происходящим и был рад, что ему не придется платить нанятому им мастеру маскировки. На какое-то мгновение демона обеспокоило то, что у «Морской феи» теперь не будет гида в путешествии к острову, не отмеченному на картах, но Бейлор продолжал верить в успех. Семена были посеяны; доплэгэнгер сказал Дюдермонту о предстоящем путешествии, а Дзирт слышал точное название острова и передаст его капитану. Бейлор знал, что никто из них не был трусом. И человек, и эльф — находчивы и любознательны. Поэтому он верил, что Дзирт и Дюдермонт найдут путь к Каэрвичу и скоро встретят слепую ведьму, у которой находилось послание демона. Совсем скоро.

Глава 4

НЕПРОШЕНАЯ «ПОМОЩЬ»

«Морская фея» вышла в море через две недели, держа курс на юг. Капитан Дюдермонт объяснил, что у них было дело в Воротах Балдура, одном из крупнейших портов на Побережье Мечей, лежащем на полпути между Глубоководьем и Калимшаном. Никто не задавал Дюдермонту прямых вопросов, но многие чувствовали, что он находился в каком-то странном состоянии, проявляя нерешительность, которой раньше за ним не замечали.

Его поведение изменилось через четыре дня после выхода из гавани Глубоководья, когда впередсмотрящий «Морской феи» заметил корабль с квадратными парусами, на палубе которого толпились моряки. Экипаж торгового судна обычно насчитывал от сорока до пятидесяти человек. Пиратскому же кораблю, для того чтобы атаковать стремительно и с подавляющим преимуществом, а затем быстро доставить награбленное добро на берег, требовалось в три раза больше народу. Пиратские корабли перевозили не грузы, а воинов.

Если до этой встречи Дюдермонт казался нерешительным, то теперь все изменилось. «Морская фея» подняла паруса. Кэтти-бри, закрепив Тулмарил на плече, отправилась в «воронье гнездо», а Робийярд было приказано занять свое место на палубе и применить волшебство, чтобы еще больше наполнить паруса ветром. Но сильный естественный ветер с северо-запада, дующий из-за кормы, уже наполнил паруса обоих кораблей, поэтому преследование обещало быть долгим.

На центральной палубе корабельные музыканты заиграли воодушевляющую мелодию, Дзирт вернулся с бушприта раньше, чем обычно, и занял свое место рядом с Дюдермонтом.

— Куда мы потом отведем каравеллу? — спросил дроу. Они все еще находились ближе к Глубоководью, чем к Воротам Балдура, но ветер дул в основном с севера, благоприятствуя плаванию в южном направлении.

— В Орлумбор, — без колебания ответил Дюдермонт.

Дзирт удивился. Орлумбор был скалистым, открытым всем ветрам островом, лежащим на полпути между Глубоководьем и Воротами Балдура. В этом независимом городе-государстве население было немногочисленным и плохо вооруженным, вряд ли там могли справиться с каравеллой, полной пиратов.

— Да возьмут ли ее вообще тамошние корабельщики? — спросил дроу с сомнением.

Дюдермонт кивнул, лицо его было суровым.

— Орлумбор многим обязан Глубоководью, — объяснил он. — Они продержат ее до тех пор, пока за ней не придет другой корабль из Глубоководья. Я прикажу Робийярду использовать его чары, чтобы вступить в контакт с властителями.

Дзирт кивнул. Все казалось совершенно логичным — и все же неуместным. Только теперь дроу понял, что этот рейс не был обычным для «Морской феи». Никогда прежде Дюдермонт не оставлял захваченный корабль и его команду кому-то другому. Здесь, на неизменных и бесконечных морских просторах, время никогда не казалось важной проблемой. Обычно «Морская фея» шла, пока не обнаруживала пиратское судно, топила или захватывала его, а затем возвращалась в один из дружественных портов и сдавала его туда, сколько бы времени это ни занимало.

— Должно быть, у нас срочное дело в Воротах Балдура, — заметил дроу, устремив многозначительный взгляд на капитана.

Дюдермонт повернулся к нему и впервые за время путешествия посмотрел в его глаза.

— Мы не идем к Воротам Балдура, — признался он.

— А куда ж тогда? — Тон Дзирта показывал, что он не очень удивился.

Капитан покачал головой и отвернулся. Глядя вперед, он слегка повернул штурвал, выравнивая курс.

Дзирт принял это спокойно. Он знал: Дюдермонт уже проявил свою благосклонность к нему тем, что признал, что они не пойдут к Воротам Балдура. Он знал также, что капитан доверится ему, как только это понадобится. Их ближайшим делом был пиратский корабль, все еще находившийся далеко впереди: его квадратные паруса едва виднелись на голубой линии горизонта.

— Больше ветра, чародей! — как бы между прочим крикнул Дюдермонт Робийярду, который хмыкнул и помахал рукой капитану. — Мы не настигнем их до наступления сумерек, если у нас не будет еще больше ветра.

Дзирт улыбнулся Дюдермонту и вернулся на бушприт, к аромату моря и брызгам, к шелесту бегущей по волнам «Морской феи», к одиночеству, в котором он нуждался, чтобы все обдумать и подготовиться к бою.

Три часа неслись они по морю, пока не подошли к каравелле на такое расстояние, чтобы Кэтти-бри смогла разглядеть ее в подзорную трубу из своего «вороньего гнезда» и подтвердить, что это действительно пиратский корабль. День был длинным, солнце находилось на полпути между наивысшей точкой подъема и линией горизонта на западе, и преследователи понимали, что надо продолжать сближение. Если они не смогут догнать пиратский корабль до заката, то он скроется в темноте. Робийярд знал несколько заклинаний, с помощью которых он мог попытаться следить за пиратской каравеллой и ночью, но на пиратском корабле, несомненно, был свой чародей или, по крайней мере, жрец. Хотя и тот, и другой, вероятно, были не слишком могущественными и, безусловно, не столь опытными, как Робийярд, все же они могли противостоять заклинаниям. Кроме того, пираты никогда не отваживались уходить слишком далеко от своих тайных портов, и «Морская фея», конечно, не могла преследовать корабль до самого его убежища, где пиратов, возможно, поджидали друзья.

Дюдермонт не казался слишком озабоченным. Им уже случалось упускать пиратов в ночи, такое могло повториться и в будущем. Всегда найдутся другие преступники, которых нужно будет преследовать. Но Дзирт, который все время украдкой поглядывал на капитана, не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь выглядел таким отстраненным. Очевидно, это имело какое-то отношение или, скорее, это имело непосредственное отношение к происшествию в Глубоководье и их таинственному месту назначения, которое Дюдермонт ни с кем не обсуждал.

Дроу крепче ухватился за штаг и вздохнул. Дюдермонт все расскажет ему в свое время.

Ветер ослаб, и расстояние между «Морской феей» и каравеллой сократилось. Может быть, пиратскому кораблю и не удастся ускользнуть от них. Группа менестрелей вновь собралась вместе и заиграла. Дзирт знал, что пираты тоже услышат музыку, она долетит до них над волнами, предвещая им скорую гибель.

Теперь все, казалось, вернулось на круги своя, и напряжение спало, несмотря на то что схватка представлялась неизбежной. Дзирт пытался убедить самого себя, что Дюдермонт был спокоен потому, что знал: они настигнут пиратский корабль. Все вновь шло нормально.

— Бурун за кормой! — донесся крик, который заставил всех повернуть головы.

— Что это? — раздалась возгласы. Дзирт посмотрел на Кэтти-бри, которая направила свою подзорную трубу на нечто позади «Морской феи», изумленно покачивая головой.

Дроу легко пронесся вдоль борта, остановившись посередине корабля, и, перегнувшись через поручни, посмотрел на то, что преследовало их шхуну. Он увидел высокий столб брызг в форме клина, такие брызги мог бы создать гигантский спинной плавник косатки, если бы в мире нашелся кит, умеющий двигаться с такой скоростью. Но это был не кит. Дзирт подсознательно чувствовал это, так же как и все остальные на борту «Морской феи».

— Оно врежется в нас! — предупредил Вэйлан Майканти, стоявший рядом с баллистой на корме.

Не успел он договорить, как странный преследователь изменил свой курс и обошел «Морскую фею» вдоль правого борта, как будто она стояла на месте.

Никакой это не кит, понял Дзирт, когда существо пронеслось в двадцати ярдах от «Морской феи», окатив борт шхуны огромной волной. Дроу показалось, что внутри промчавшегося мимо буруна он увидел человеческую фигуру.

— Это человек! — крикнула Кэтти-бри сверху, подтверждая подозрения Дзирта.

Не веря своим глазам, вся команда наблюдала за тем, как несущееся по волнам существо оставило позади «Морскую фею» и устремилось к каравелле.

— Чародей? — спросил Робийярда Дюдермонт.

Робийярд пожал плечами, ни у него, ни у тех, кто находился поблизости, не было никакого объяснения.

— Более важным, — в конце концов молвил маг, — представляется другое: друг это или враг?

Очевидно, на каравелле также не знали ответа на этот вопрос: некоторые молча

смотрели, стоя у поручней, другие готовили арбалеты. Обслуга пиратской катапульты даже выстрелила по прищельцу зарядом пылающей смолы, но он перемещался слишком быстро, чтобы они могли правильно определить расстояние, и смола с шипением погрузилась в волны, не причинив ему никакого вреда. Он промчался вдоль каравеллы, легко обгоняя ее. Бурун уменьшился и через мгновение исчез, открыв взорам мужчину в мантии, с тяжелым выюком, стоявшего на волнах, который неистово размахивал руками и что-то кричал. Он находился слишком далеко от «Морской феи», чтобы можно было разобрать его слова.

— Да он сейчас колдовать будет! — крикнула Кэтти-бри из своего «вороньего гнезда». — Он... — Она внезапно остановилась, отведя озабоченный взгляд от Дзирта, и хотя дроу не мог разглядеть ее как следует снизу, под таким углом, он понял, что девушка была чем-то смущена, и увидел, как она качает головой, как будто не веря своим глазам.

Все, кто находился на палубе «Морской феи», изо всех сил пытались понять, что же, собственно, происходит. Они видели, что на борту каравеллы царила суматоха, слышали крики и щелканье стреляющих арбалетов, но если стрелы и попадали в стоящего на волнах человека, то по нему это было незаметно.

Внезапно между кораблями вспыхнул чудовищный язык пламени, который тут же превратился в огромное облако густого тумана. Этот белый шар полностью скрыл из виду каравеллу и продолжал расти на глазах у изумленных моряков «Морской феи». Вскоре облако накрыло стоящего на водной поверхности заклинателя, быстро распространяясь дальше. Дюдермонт вел корабль вперед на большой скорости, но, приблизившись к полосе тумана, он решил не рисковать, замедлить движение и положить шхуну в дрейф. Пребывая в замешательстве и беззвучно ругаясь, Дюдермонт развернул «Морскую фею» бортом к пелене тумана.

Экипаж стоял наготове вдоль поручней. Тяжелые арбалеты, закрепленные на мостике, и баллиста на кормовой палубе были заряжены и готовы к бою.

В конце концов туман начал подниматься и отходить назад под воздействием устойчивого бриза. Из облачной пелены возникла стоящая на воде фигура человека, похожего на привидение: рука его подпирала подбородок, он в замешательстве глядел на то место, где недавно была каравелла.

— Ты этому просто не поверишь! — крикнула Кэтти-бри Дзирту, ее слова сопровождал легкий смех.

Дзирт действительно не верил своим глазам, ибо он тоже узнал неожиданного визитера. На нем была мантия карминного цвета, расписанная чародейскими рунами и отвратительными рисунками. Схематично изображенные фигуры чародеев в муках магического творчества мог бы нарисовать честолобивый волшебник зрелого пятилетнего возраста в своей игрушечной записной книжке для заклинаний. Дзирт также узнал почти детское лицо человека, которое, казалось, состояло из одних ямочек и огромных голубых глаз; его каштановые волосы, длинные и прямые, были туго стянуты за ушами, так что они торчали почти под прямым углом.

— Что это? — спросил у дроу Дюдермонт.

— Не что, а кто, — поправил его Дзирт. Он коротко хохотнул и, будто все еще не веря самому себе, покачал головой.

— Тогда кто же это? — спросил Дюдермонт, стараясь, чтобы его слова звучали сурово, хотя смешки Дзирта были и успокаивающими, и заразительными одновременно.

— Друг, — ответил Дзирт. Сделав паузу и посмотрев вверх на Кэтти-бри, он добавил: — Гаркл Гарпелл из Широкой Скамьи.

— О нет, — простонал Робийярд позади них. Как и каждый чародей в Королевствах, он слышал истории о Широкой Скамье и эксцентричном семействе Гарпеллов. Подобных кудесников никогда и нигде больше не встречалось: они обладали удивительным даром создавать опаснейшие ситуации без всякого злого умысла.

По мере того как шло время и туман продолжал рассеиваться, напряжение, владевшее Дюдермонтом и его командой, ослабевало. Они не имели никакого представления о том, что

же случилось с каравеллой, пока облако окончательно не исчезло. Только тогда они увидели пиратский корабль, летевший по волнам очень и очень далеко от них. Дюдермонт уже собирался было приказать поднять все паруса, чтобы еще раз пуститься в погоню за пиратами, но, посмотрев на солнце, клонившееся к закату, и прикинув расстояние между своей шхуной и каравеллой, решил, что на сей раз она ускользнула.

Чародей Гаркл Гарпелл находился теперь в какой-то дюжине ярдов справа по борту «Морской феи». Дюдермонт передал штурвал одному из членов экипажа и отправился вместе с Дзиртом и Робийярдом на нос корабля. Кэтти-бри начала спускаться с грот-мачты.

Гаркл невозмутимо стоял в своей прежней позе, уставившись на то место, где некогда находилась каравелла. Он поднимался и опускался над поверхностью моря вместе с волнами, постукивая при этом по воде ногой. Это было очень странное зрелище, так как вода постоянно уходила из-под него: заклинание, позволявшее ему ходить по воде аки посуху, препятствовало непосредственному соприкосновению его ног с соленой жидкостью.

В конце концов Гаркл посмотрел на «Морскую фею», на Дзирта и остальных.

— Никогда бы не подумал, — признался он, качая головой. — Полагаю, нацелил шаровую молнию слишком низко.

— Чудесно, — пробормотал Робийярд.

— Ты поднимешься на борт? — спросил Дюдермонт, и этот вопрос, а может быть, и внезапное осознание того, что он не на твердой земле, казалось, вывели Гаркла из состояния транса.

— О да! — сказал он. — В самом деле хорошая мысль. Хорошо, что я нашел вас. — Он показал на свои ноги. — Не знаю, как долго еще...

Тут заклинание, очевидно, утратило свою силу, так как незадачливый чародей — буль-буль! — прямиком ушел под воду.

— Ну и сюрприз, — заметила Кэтти-бри, присоединяясь к остальным.

Дюдермонт приказал принести багры, чтобы выловить Гаркла из воды, а затем с недоверием посмотрел на своих друзей.

— Он отправился в открытое море с таким экспериментальным заклинанием? — скептически спросил капитан. — Он мог бы никогда не найти ни нас, ни другого дружественного корабля, и тогда...

— Гарпелл, — сказал Робийярд так, как будто это должно было объяснить все.

— Гаркл Гарпелл, — добавила Кэтти-бри, и ее саркастический тон подчеркнул смысл, заложенный в высказывании чародея.

Дюдермонт только покачал головой, находя некоторое утешение в том, что Дзирт, стоявший рядом с ним, явно наслаждался происходящим.

Глава 5 МИМОЛЕТНАЯ МЫСЛЬ

Завернувшись в одеяло, в то время как его одежда висела высоко на мачте, чтобы просохнуть на ветру, мокрый чародей не переставая чихал, обдавая брызгами всех находившихся вокруг. Он был просто не в состоянии сдерживаться и чихнул Дюдермонту прямо в лицо, когда капитан подошел познакомиться.

— Я представляю вам Гаркла Гарпелла из Широкой Скамьи, — сказал Дзирт Дюдермонту. Гаркл протянул руку, отпустив при этом одеяло. Оно упало. Тощий чародей вцепился в него, чтобы вернуть на место, но несколько запоздал.

— Принесите ему еды, — хихикнула Кэтти-бри сзади. — Ему надо бы нарастить мяса на заднице.

Гаркл густо покраснел. Робийярд, которому уже доводилось встречаться с Гарпеллами, просто удалился, качая головой и предрекая, что захватывающие события еще впереди.

— Что привело тебя сюда, — спросил Дюдермонт, — так далеко от берегов, в открытое море?

Гаркл посмотрел на Дзирта.

— Я прибыл по приглашению, — сказал он после паузы, несколько смутившись, когда дроу посмотрел на него с любопытством. — Да-да! По твоему приглашению. — Он повернулся, чтобы посмотреть на Кэтти-бри. — И по твоему!

Кэтти-бри взглянула на Дзирта, который пожал плечами и развел руками, не понимая, о чем идет речь.

— Ну и ну, прекрасный «привет». — Раздраженный чародей начал заикаться. — Я ожидал чего-то похожего, хотя и надеялся, что у вас, у дроу, память получше. Интересно, что ты говоришь тому, кого встречаешь вновь столетие спустя? Неужели не можешь вспомнить его имя?

— О чем это ты? — вынужден был спросить Дзирт. — Я помню твое имя.

— И на том спасибо! — взревел Гаркл. — Или я бы на самом деле разозлился!

Он раздраженно щелкнул пальцами, и этот звук успокоил его. Последовала длинная пауза. Чародей молчал и выглядел очень смущенным, как будто совершенно забыл, о чем же рассуждал.

— Да, конечно! — наконец вымолвил он и посмотрел на Дзирта. Суровое выражение лица чародея вскоре смягчилось, и теперь его сменило любопытство.

— Так о чем ты говорил? — снова спросил Дзирт, стремясь подтолкнуть Гаркла к продолжению разговора.

— Не помню, — признался кудесник.

— Ты говорил о том, что привело тебя сюда, — напомнил ему Дюдермонт.

Гаркл снова щелкнул пальцами.

— Заклинание, конечно! — сказал он, облегченно вздохнув.

Дюдермонт, напротив, вздохнул тяжело.

— Ясно, что это было какое-то заклинание, — медленно начал он, пытаясь получить полезную информацию у непоследовательного волшебника.

— Не «какое-то» заклинание, — резко возразил Гаркл, — а конкретное заклинание. Мое новое заклинание: туман судьбы.

— Туман судьбы? — переспросил Дюдермонт.

— О, это очень хорошее заклинание, — взволнованно начал Гаркл. — Способствует разным вещам, понимаете. Помогает разобраться со своей жизнью, и все такое. Показывает тебе, куда идти. Даже доставляет тебя туда. Но оно не объясняет почему. — Чародей поднял одну руку, чтобы постучать пальцами по подбородку, одеяло снова соскользнуло с него, но он, казалось, не заметил этого. — Мне следует поработать над этой стороной вопроса. Да, да, тогда я бы знал, почему оказался здесь.

— Так ты даже не знаешь? — спросила Кэтти-бри, отвернувшись к поручням и даже несколько перегнувшись через них, чтобы не видеть тощих ягодиц Гаркла.

— По приглашению, полагаю, — ответил Гаркл.

Лица Кэтти-бри и Дзирта выражали явное сомнение.

— Это правда! — страстно запротестовал Гаркл. — Когда вы, вы оба, — он переводил свой взгляд с девушки на эльфа, — проходили через Широкую Скамью шесть лет назад, вы сказали, что надеетесь, что наши пути еще смогут пересечься. «Если когда-нибудь ты окажешься неподалеку от нас» — именно так вы и сказали!

— Я не... — начал было Дзирт, но Гаркл жестом заставил его умолкнуть, затем бросился к огромному вьюку, который притащил с собой. Его одеяло соскользнуло еще ниже, но чародей был так поглощен своим занятием, что не заметил этого. Кэтти-бри, которой надоело отворачиваться, только хихикнула и покачала головой.

Гаркл вытащил из вьюка маленькую флягу, подтянул одеяло повыше из соображений благопристойности и быстро вернулся на прежнее место, встав перед Дзиртом. С торжествующим видом щелкнув пальцами перед дроу, волшебник открыл пробку.

Из фляги раздался голос, это был голос Кэтти-бри:

«Если ты когда-нибудь окажешься неподалеку от нас, загляни».

— Вот! — сказал Гаркл тоном превосходства, вставляя пробку на место. Уперев руки в бока, он выдержал длинную паузу, пока на лице Дзирта не появилась приветливая улыбка. — А, кстати, где мы находимся? — спросил чародей, поворачиваясь к Дюдермонту.

Капитан взглянул на эльфа, и Дзирт в ответ лишь пожал плечами.

— Пойдем, я покажу тебе на карте, — сказал Дюдермонт, подталкивая Гарпелла к своей каюте. — И дам тебе подходящую одежду, чтобы ты ее носил, пока твоя не высохнет.

Когда они ушли, Кэтти-бри подошла к Дзирту. Робийярд стоял неподалеку, глядя на них обоих.

— Молитесь, чтобы мы не встретили пиратов, пока не сможем избавиться от нашего попутчика, — сказал чародей.

— Гаркл постарается помочь, — ответила Кэтти-бри.

— Молитесь, молитесь, — проворчал Робийярд и отошел.

— В следующий раз поосторожней с приглашениями, — заметил Дзирт, обращаясь к девушке.

— Это мог быть твой собственный голос, точно так же, как и мой, — парировала Кэтти-бри. — И, кроме того, Гаркл так старался помочь нам.

— Да, но он и нас легко подпалил бы или затопил, — быстро напомнил ей Дзирт.

Кэтти-бри вздохнула и не нашла что ответить. Они повернулись к каюте Дюдермонта, куда направлялись капитан с Гарклом.

— Итак, это туман судьбы ты наслал на наших друзей-пиратов? — спросил Дюдермонт, стараясь показать, что случившееся сильно поразило его.

— Ха? — ответил Гаркл. — То? О нет, нет, то была шаровая молния. У меня это здорово получилось! — Гаркл сделал паузу и опустил глаза, следуя за капитаном в каюту. — Только нацелился я слишком низко, — смущенно признался он.

Кэтти-бри и Дзирт посмотрели друг на друга, затем на Робийярда.

— Молитесь, — прошептали все трое одновременно.

* * *

В тот вечер Дзирт и Кэтти-бри обедали вместе с Дюдермонтом. Капитан казался более оживленным, чем когда-либо, за все то время, что прошло с момента их отплытия из Глубоководья. Друзья несколько раз пытались принести извинения за прибытие Гаркла, но Дюдермонт всякий раз прерывал их и даже намекнул, что он не так уж и расстроен появлением чародея.

Наконец капитан откинулся в кресле, вытер свою ухоженную эспаньолку атласной салфеткой и устремил тяжелый взгляд на двух друзей, которые хранили молчание, понимая, что Дюдермонт собирается сообщить им нечто важное.

— Мы не случайно оказались здесь, — признался капитан.

— И мы не идем к Воротам Балдура, — сделал вывод Дзирт, который давно уже догадался об изменении цели плавания. Считалось, что «Морская фея» направляется в Ворота Балдура, но Дюдермонт не придерживался прибрежных вод — а ведь именно там пролегал наиболее прямой и безопасный путь, который к тому же с наибольшей вероятностью позволял им обнаруживать и захватывать пиратов.

Вновь последовала длинная пауза, как будто капитану нужно было самому принять решение, прежде чем открыто объявить его.

— Мы поворачиваем на запад, к Минтарну, — сказал Дюдермонт наконец.

Кэтти-бри открыла рот от удивления.

— Свободный порт, — напомнил Дзирт. Остров Минтарн был широко известен как убежище пиратов и других скрывающихся от правосудия головорезов, суровое и дикое место. Как могли принять в таком порту «Морскую фею» с ее репутацией борца за правосудие?

— Да, свободный, — согласился Дюдермонт. — Свободный для пиратов и свободный

для «Морской феи», которой нужна информация.

Дзирт не задавал капитану вопросов, но выражение его лица было достаточно красноречивым.

— Властители Глубоководья предоставили «Морскую фею» в мое полное распоряжение, — довольно резко сказал Дюдермонт. — Это мой корабль, он подчиняется только мне. Я могу направить его в Минтарн, к островам Муншэй, довести до самого Руатима, если пожелаю, и никому не позволю задавать мне вопросы!

Дзирт откинулся в своем кресле, чувствуя некоторую обиду, что Дюдермонт, который называл себя его другом, обращался с ним сейчас как с подчиненным.

Капитан поморщился, поняв, что задел дроу.

— Прошу прощения, — спокойно сказал он.

Дзирт пододвинулся вперед, положив на стол локти, чтобы приблизиться к Дюдермонту.

— Каэрвич? — спросил он.

Капитан смотрел ему в глаза.

— Допплыгэнгер говорил о Каэрвиче, и поэтому я должен идти к Каэрвичу.

— А ты не думаешь, что плывешь прямо в ловушку? — встала Кэтти-бри. — Собираясь именно туда, куда он хочет тебя отправить?

— Кто? — спросил Дюдермонт.

— Тот, кто послал доплыгэнгера, кем бы он ни был, — рассуждала Кэтти-бри.

— Кто? — снова спросил Дюдермонт.

Кэтти-бри пожала плечами.

— Пиноч? — спросила она. — Или, может быть, какой-то другой пират, у которого свои счета с «Морской феей»?

Дюдермонт вновь откинулся на спинку кресла, как и Дзирт, и все трое погрузились в долгое молчание.

— Я не могу и не верю, что вы можете продолжать плавать вдоль Побережья Мечей, как будто ничего не случилось, — объяснил капитан. Дзирт прикрыл свои бледно-лиловые глаза, ожидая именно такого ответа и соглашаясь с его логичностью. — Некто могущественный, ибо нанять доплыгэнгера — это не обычное и не дешевое дело, желает, чтобы со мной и «Морской феей» было покончено, и я намерен выяснить, кто это. Ни я, ни моя команда никогда не избегали сражения, и тот, кто не готов идти к Каэрвичу, может высадиться в Минтарне и отправиться попутным рейсом в Глубоководье за мой счет.

— Никто не уйдет! — сказала Кэтти-бри.

— Но мы даже не знаем, существует ли Каэрвич на самом деле, — заметил Дзирт. — Многие утверждают, что побывали там, но все это рассказы мореходов, приукрашенные истории, которые они рассказывают за выпивкой.

— Значит, мы должны это выяснить, — сказал Дюдермонт тоном, не допускающим дальнейшего обсуждения. Ни Дзирт, ни Кэтти-бри, оба готовые смело смотреть в лицо опасности, не высказали никаких возражений. — Может быть, это вовсе не так уж плохо, что прибыл ваш друг-чародей, — продолжал капитан. — Еще один кудесник, владеющий магией, может помочь нам разобраться в этой тайне.

Кэтти-бри и Дзирт обменялись взглядами, полными сомнений: капитан Дюдермонт явно не знал Гаркла Гарпелла! Однако они больше не говорили об этом и завершили обед, обсуждая проблемы, связанные с повседневным управлением кораблем и командой.

Дюдермонт хотел идти к Минтарну, значит, Дзирт и Кэтти-бри последуют за ним.

После обеда двое друзей вышли прогуляться на палубу шхуны, почти безлюдную в этот час. Небосвод был усыпан блестящими звездами.

— Ты вздохнул с облегчением, выслушав капитана, — заметила Кэтти-бри.

Дзирт, захваченный врасплох, кивнул.

— Ты думал, что нападение в Глубоководье была связано с тобой, а не с Дюдермонтом или «Морской феей», — продолжила Кэтти-бри.

Дроу просто стоял и слушал: как обычно, проницательная девушка точно угадала его чувства, прочла его мысли, как открытую книгу.

— Ты всегда будешь опасаться того, что все угрозы приходят с твоей родины, — сказала Кэтти-бри, подходя к поручням и глядя на отражение звезд в волнующемся море.

— Я нажил много врагов, — ответил Дзирт, присоединяясь к ней.

— Так, что не успевал их хоронить, — рассмеялась Кэтти-бри.

Дзирт усмехнулся и вынужден был признать, что она права. На сей раз, полагал он, угроза не относится к нему. Вот уже несколько лет он был участником грандиозной драмы этого мира. Угроза, адресованная ему лично, которая неотступно преследовала его после того, как он впервые покинул Мензоберранзан, казалось, осталась в прошлом. Сейчас, под этими звездами и рядом с Кэтти-бри, на расстоянии тысяч миль и многих лет от Мензоберранзана, Дзирт До'Урден ощущал себя поистине свободным и беспечным. Он не страшился ни путешествия к Минтарну, ни к таинственному острову, какие бы слухи о привидениях ни были связаны с ним. Никогда Дзирт До'Урден не боялся опасности. Он радостно жил, балансируя между жизнью и смертью, и, если Дюдермонт окажется в беде, Дзирт был готов немедленно обнажить свои сабли.

Да и Кэтти-бри со своим Тулмарилом и великолепным мечом у бедра, и Гвенвивар, их преданная спутница, всегда были готовы к бою. Дзирт не страшился опасности, лишь чувство вины могло согнуть его сильные плечи. На сей раз, казалось, на нем не лежало никакой ответственности за нападение монстра и за курс, выбранный для «Морской феи». Он был участником драмы Дюдермонта, но добровольным участником.

Дзирт и Кэтти-бри наслаждались ветром и брызгами, наблюдали за звездами и часами не произносили ни слова.

Глава 6 КОЧЕВНИКИ

Киерстаад, сын Рэвйяка, опустился на колени, оставляя вмятины на мягком дерне. Рост его лишь немногим превышал шесть футов, и среди кочевников Долины Ледяного Ветра он не считался высоким, не был он и столь мускулистым, как большинство из них. У него были длинные светлые волосы, цвет его глаз напоминал цвет неба в яркий весенний день, а улыбка, в тех редких случаях, когда он позволял ей появиться, говорила о его душевном тепле.

Через плоскую тундру Киерстааду была видна покрытая снегом вершина Пирамиды Кельвина. Это была единственная гора на территории в тысячу квадратных миль, именуемой Долиной Ледяного Ветра, на открытой всем ветрам полосе тундры между Морем Плавающего Льда и северо-западными отрогами горного хребта, известного как Гребень Мира. Киерстаад знал, что, пройди он всего лишь несколько миль по направлению к горе, он увидел бы верхушки мачт рыболовецких судов, плавающих по Лек Деннишир, второму по величине из трех озер, расположенных в этом регионе.

Всего лишь несколько миль до другого мира, осознал Киерстаад. Он был, в сущности, всего лишь юношей семнадцати лет от роду. Но за эти годы Киерстаад повидал в Королевствах и узнал о жизни больше, чем многие. Он вышел с отрядом воинов, внявших призыву Вульфгара, из Долины Ледяного Ветра в Сэттлстоун. Свой девятый день рождения он отметил в пути, вдали от своей семьи. В одиннадцать лет мальчик бился с гоблинами, кобольдами и дроу, сражаясь рядом с Берктгаром Смелым, предводителем Сэттлстоуна. Именно Берктгар решил, что варварским племенам пора возвращаться в Долину Ледяного Ветра — на родину предков, к привычному образу жизни.

Киерстаад повидал так много, казалось, он прожил две различные жизни, в двух разных мирах. Сейчас он был кочевником, охотником в открытой тундре, приближался его восемнадцатый день рождения и первая самостоятельная охота. Глядя на Пирамиду Кельвина и зная о рыболовецких судах на Лек Деннишир, на Мер Дуалдон на западе и на

Красных Водах на юге, Киерстаад понимал, сколь замкнутым стал на деле его мирок и насколько шире был мир — большой мир, лежавший всего лишь в нескольких милях от того места, где он сейчас преклонил колени. Юный варвар мог бы описать рынки в Брин Шандере, самом большом из городов, окружающих озера. Он мог представить себе многоцветные одежды, драгоценности и то возбуждение, которое царило в городе, когда купеческие караваны входили туда по весне и южане торговались из-за чудесных резных изделий из головной кости форели особого вида, в изобилии водившейся в трех озерах.

Его собственная одежда была бурой, как тундра, как олени, на которых охотился он и его народ, как шатры, в которых они жили.

Он вздохнул, но все же этот вздох молодого человека выражал не сожаление о том, что было утрачено, а скорее согласие с тем путем, которым он шел сейчас, дорогой своих предков. В нем была простая красота, должен был признать Киерстаад, а также жесткость, которая закаляла тело и душу. Он был молод, но мудр не по годам. Говорили, что это семейная черта, ибо отец Киерстаада, Рэвйяк, возглавлял объединенные племена после ухода Вульфгара. Спокойный и всегда сдержанный, Рэвйяк не ушел из Долины Ледяного Ветра на войну в Мифрил Халл, объяснив, что он слишком стар и закоренел в своих привычках. Рэвйяк остался с большинством народа варваров, укрепляя союз между кочевыми племенами и развивая связи с жителями Десяти Городов.

Рэвйяка не удивило, но порадовало возвращение Берктгара, Киерстаада — его самого младшего сына — и всех остальных. И все же это возвращение принесло с собой много вопросов в отношении будущего кочевых племен и того, кто же возглавит народ варваров.

— Снова кровь? — долетел до него вопрос, который вывел юношу из раздумья. Киерстаад обернулся и увидел остальных охотников, среди которых был и Берктгар, приближающихся к нему.

Киерстаад кивнул и указал на красное пятно на бурой земле. Берктгар пронзил копьем оленя — это был прекрасный бросок с огромного расстояния, — но не убил, а лишь ранил животное, которое бросилось бежать. Охотники погнались за ним. Кочевники всегда отличались рациональностью, в особенности в том, что касалось оленей, которые давали им многое. Они ни за что не оставили бы раненое животное, не дали бы ему умереть зря. По словам Берктгара, это было свойственно лишь людям, склонным к расточительству, — тем, которые жили в Десяти Городах или к югу от Гребня Мира.

Берктгар вплотную подошел к юноше, стоявшему на коленях.

— Мы должны поскорее нагнать оленя. Если он слишком приблизится к долине, его украдут дворфы, — сказал великий вождь, устремив свой взгляд на далекую Пирамиду Кельвина.

Несколько человек согласно кивнули, и группа охотников тронулась в путь быстрым шагом. Киерстаад теперь тащился позади, как бы сгибаясь под грузом слов вождя. С тех пор как они ушли из Сэттлстоуна, Берктгар всегда плохо отзывался о дворфах, о народе, который был их другом и союзником, народе Бренора, сражавшемся в благородной войне рядом с варварами. Как же быть с речами, произнесенными в честь победы? Самым ярким его воспоминанием о той паре лет в Сэттлстоуне была не война с дроу, а празднование победы, это время великого братства дворфов, любознательного свирфа и воинов из нескольких окружающих деревень, присоединившихся к ним.

Почему же все так драматично изменилось? Не прошло и недели, как они вышли из Сэттлстоуна, и история жизни в нем варваров начала меняться. Больше не говорили о хороших временах, вместо этого речь шла о трагедии и невзгодах, о том, как варваров унижали черной работой, что не подобало ни Племени Лося, ни Племени Медведя. Такие разговоры шли, когда они обходили Гребень Мира и на всем обратном пути в Долину Ледяного Ветра, а затем постепенно прекратились.

Сейчас, когда появились слухи о том, что несколько десятков дворфов вернулись в Долину Ледяного Ветра, Берктгар снова взялся за старое. И Киерстаад понимал почему. Ходили слухи о том, что вернулся сам Бренор Боевой Топор, Восьмой Король Мифрил

Халла. Вскоре после войны с дроу Бренор передал трон своему предку, Гэндалугу, Главе Клана Боевого Топора, который освободился из многовекового магического плена у темных эльфов. Даже в то время, когда их содружество переживало наивысший подъем, отношения между Берктгаром и Бренором были напряженными, ибо Бренор был приемным отцом Вульфгара, человека, наиболее высоко чтимого варварами. Бренор выковал могучий Клык Защитника — боевой молот, который в руках Вульфгара стал самым почитаемым оружием всех племен.

Но потом, когда Вульфгар погиб, Бренор не передал Клык Защитника Берктгару.

Даже после своих героических подвигов в битве против темных эльфов в Долине Хранителя Берктгар оставался в тени Вульфгара. Проницательному Киерстааду казалось, что вождь начал кампанию по дискредитации Вульфгара, чтобы убедить свой гордый народ в том, что погибший не прав, что он был не великим вождем, а предателем своего народа и их богов. Образ жизни предков — странствия по тундре, свобода от любых уз, — что может быть лучше!

Киерстааду нравилась тундра, и он не был уверен в том, что не разделяет взглядов Берктгара относительно того, какой образ жизни достоин большего уважения. Но юноша вырос, восхищаясь Вульфгаром, и злые слова Берктгара о погибшем вожде противоречили взглядам Киерстаада.

Он посматривал на Пирамиду Кельвина и думал о том, насколько правдивы слухи о возвращении дворфов, и если это так, то вернулся ли Король Бренор?

А если он с ними, то не принес ли он с собой Клык Защитника, самый могучий из всех боевых молотов?

Что-то кольнуло Киерстаада при этой мысли, но мгновением позже чувство прошло. Берктгар заметил раненого оленя, и охота возобновилась в полную силу.

* * *

— По-твоему, это канат! — закричал Бренор, швырнув на пол веревку, предложенную ему хозяином лавки. — Толщиной с мою руку, не меньше, проклятые твои орковы мозги! Думаешь, твоя бечевка выдержит меня в штольне?

Хозяин засуетился, подобрал веревку и вышел, не переставая ворчать.

Стоя слева от Бренора, Реджис бросил на него сердитый взгляд.

— Ну? — спросил рыжебородый дворф, поворачиваясь, чтобы взглянуть в лицо дородному хафлингу. Немного было таких людей, на которых дворф ростом в четыре с половиной фута мог смотреть сверху вниз, и одним из них был Реджис.

Хафлинг пригладил пухлыми руками свои вьющиеся каштановые волосы и хихикнул.

— Радуйся, что у тебя сундуки полны денег, — сказал он, ни капельки не боясь задиристого Бренора. — В противном случае Мабойо выкинул бы тебя на улицу.

— Пф! — фыркнул дворф, отворачиваясь и поправляя свой кривобокий однорогий шлем. — Он заинтересован в сделке. У меня есть шахты, которые я вновь открою, а это означает золото для Мабойо.

— Что ж, хорошо, — пробормотал Реджис.

— Ты не очень-то губами шлепай, — проворчал Бренор.

Реджис взглянул на него с любопытством, затем его лицо выразило полнейшее изумление.

— Что такое? — спросил Бренор, поворачиваясь.

— Ты видел меня, — прошептал Реджис. — И только что ты снова увидел меня.

Бренор начал было отвечать, но слова застряли у него в горле. Реджис стоял слева от Бренора, а Бренор потерял свой левый глаз в битве за Мифрил Халл. После войны между дворфами и дроу один из самых могущественных жрецов Серебристой Луны наложил волшебные целительные снадобья на лицо Бренора, изуродованное огромным шрамом, который шел от его лба по диагонали вниз через глаз и к левой стороне челюсти. К тому

времени это была уже старая рана, и жрец предсказал, что его усилия скорей всего окажут только косметическое воздействие. И действительно, через несколько месяцев глубоко в складках шрама появился новый глаз, который затем постепенно вырос до нормальной величины, но не видел.

Реджис притянул Бренора поближе. Неожиданно хафлинг прикрыл рукой правый глаз Бренора, а вытянутым пальцем другой руки попытался ткнуть в левый глаз дворфа.

Бренор вздрогнул и поймал эту руку.

— Ты можешь видеть! — воскликнул хафлинг.

Бренор схватил Реджиса и сжал в объятиях, раскачивая из стороны в сторону. Действительно, левый глаз дворфа прозрел!

Несколько покупателей, находившихся в лавке, наблюдали за этим эмоциональным всплеском, и как только Бренор ощутил на себе их взгляды и, что было еще хуже, их усмешки, он резко опустил Реджиса на пол.

Вошел Мабойо, в руках которого был тяжелый канат.

— Удовлетворит ли это твои пожелания? — спросил он.

— Для начала сойдет, — закричал Бренор, неожиданно помрачнев. — Но мне нужно еще тысячу футов, и немедленно! Ты даешь мне канат, или я отправлюсь в Лускан и запасусь там канатами для себя и своих родичей на добрую сотню лет вперед!

Мабойо посмотрел на него еще несколько секунд, затем сдался и отправился в кладовую. Как только Бренор вошел в его лавку, торговец сразу понял, что дворф собирается подчистить его запасы товаров. Мабойо любил выдавать свои запасы понемножку, медленно, чтобы каждая покупка казалась очень ценной, извлекая при этом из покупателя как можно больше золота. Но Бренор был самым упрямым покупателем по эту сторону гор и в подобные игры не играл.

— Возвращение зрения не слишком улучшило твое настроение, — заметил Реджис, как только Мабойо вышел.

Бренор подмигнул ему.

— Подыграй-ка мне, Пузан, — сказал дворф лукаво. — Торгаш ведь чертовски рад, что мы вернулись. Удвоит свои обороты.

А ведь верно, подумал Реджис. Теперь, когда Бренор и две сотни дворфов из клана Боевого Топора вернулись в Долину Ледяного Ветра, в лавке Мабойо — самой большой и с наилучшим выбором товаров как в Брин Шандере, так и во всех Десяти Городах, — дела пойдут хорошо.

А это означало, что Мабойо придется ладить с самым грубым из покупателей. Про себя Реджис хихикнул, представив, какие сражения разгорятся между хозяином лавки и Бренором. Подобное уже бывало почти десятилетие назад, когда скалистая долина к югу от Пирамиды Кельвина оглашалась звоном молотов дворфов.

Реджис посмотрел на Бренора долгим взглядом. Хорошо было оказаться дома!

Часть вторая ТУМАН СУДЬБЫ

Мы — средоточие всего сущего. По мнению каждого из нас — хотя некоторые могут счесть это высокомерием или эгоизмом, — весь мир вращается вокруг нас, для нас и из-за нас. Таков парадокс общества: желания одного из его членов часто находятся в прямом противоречии с потребностями всего общества в целом. Кто из нас не задавался вопросом, не является ли весь окружающий мир всего лишь плодом воображения отдельной личности?

Я не считаю такие мысли проявлением надменности или эгоизма. Это всего лишь вопрос восприятия; мы можем сопереживать другому, но не в состоянии видеть мир таким, каким видит его другой, или судить о том, какое влияние

оказывают события на его разум и сердце, даже если речь идет о друге.

Но мы должны стремиться к этому. Ради всего этого мира мы должны пытаться. Это испытание альтруизма, без которого невозможно само существование общества как такового. Здесь заключен парадокс, ибо, рассуждая логически, каждый из нас должен в большей степени заботиться о самом себе, нежели о других. Но если мы, как существа разумные, будем следовать только рациональной линии поведения, мы поставим свои потребности и желания над нуждами нашего общества, и тогда оно погибнет.

Я происхожу из Мензоберранзана, города дроу, города «эго». Я видел, к чему ведет эгоизм. Я видел, как он потерпел страшную неудачу. Когда во главе угла потворство своим желаниям, в проигрыше оказывается все общество, и в конце концов тот, кто борется за личные выгоды, остается ни с чем.

Потому что все, что мы узнаем в этой жизни, приходит к нам благодаря нашим отношениям с окружающими. Потому что ничто вещественное не сравнится с тем неосознанным, что заключено в любви и дружбе.

Поэтому мы должны преодолеть эгоизм. Я понял эту истину после того, как на капитана Дюдермонта напали в Глубоководье. Сначала я решил, что причиной было мое прошлое, что моя жизнь вновь принесла боль другу. Эта мысль была невыносима, я почувствовал себя старым и уставшим. Когда впоследствии я узнал, что причиной происшедшего были скорее всего старые счеты с Дюдермонтом, а не со мной, это прибавило мне мужества и дало силы сражаться.

Почему же так? Опасность для меня лично не уменьшилась, она осталась такой же, какой и была, и для Дюдермонта, и для Кэтти-бри, и для всех остальных.

И все же мои чувства были неподдельными, очень искренними, и я осознал и понял их. Сейчас, размышляя об этом, я постигаю, в чем источник этих чувств, и горжусь этим. Я видел крах эгоистичной морали, я бежал из такого мира. Я бы скорее сам умер из-за прошлого Дюдермонта, чем позволил ему погибнуть из-за моего прошлого. Я снес бы и физические страдания, и даже смерть. Все лучше, чем видеть, как тот, кого я люблю, страдает и умирает из-за меня. Я предпочитаю, чтобы сердце мое вырвали из груди, нежели видеть уничтоженным то, что заключено в этом сердце, самую суть любви, сочувствие и потребность принадлежать к чему-то большему, чем моя телесная оболочка.

Странная штука — чувства. Как они разлетаются перед лицом логики, как они берут верх над самыми основными инстинктами. Потому что, оценивая все с позиций времени и с позиций гуманизма, мы чувствуем, что инстинктивное потакание своим желаниям — это слабость, мы ощущаем, что потребности общества должны перевешивать желания индивидуума. Только когда мы признаем наши провалы и осознаем наши слабости, мы сможем подняться над ними.

Вместе.

Дзирт До'Урден

Глава 7 МИНТАРН

Дзирт не сразу обнаружил место, где затаилась пантера. Остров Минтарн, находившийся в четырех сотнях миль к юго-западу от Глубоководья, весь зарос густыми деревьями. Гвенвивар, которая лежала на ветви в двадцати футах от земли, совершенно слилась с корой, она была так хорошо укрыта, что даже олень мог пройти прямо под ней и не осознать, сколь близка его смерть.

Но сегодня Гвенвивар не охотилась на оленей. «Морская фея» вошла в порт каких-нибудь два часа назад, без флага и без всяких знаков отличия, с названием, закрытым брезентом. И все же трехмачтовую шхуну трудно было не узнать, ибо она была единственной в своем роде у Побережья Мечей, и многим из тех негодяев, что находились сейчас в свободном порту Минтарна, в прошлом приходилось бежать от нее. И так

случилось, что к Дзирту, Кэтти-бри и Дюдермонту обратились вскоре после того, как они вошли в таверну, находившуюся у самых доков.

Сейчас, дожидаясь того, кто подошел к ним в таверне, они были уверены, что в этих густых зарослях, едва ли в сотне ярдов от городского пустыря, их ждет засада.

Именно там и тогда мог Дюдермонт оценить по заслугам своих преданных и могущественных друзей. С Дзиртом и Кэтти-бри, с Гвенвивар, всегда находившейся настороже, капитан не боялся ничего, даже если бы все пираты Побережья Мечей поднялись против него. Без этой троицы, прикрывавшей его, Дюдермонт был бы весьма уязвим. Даже Робийярд, несомненно могущественный и в равной степени непредсказуемый чародей, не мог бы обеспечить капитану такой поддержки. Веря в таланты друзей, Дюдермонт в большей степени полагался на их преданность. Ни один из них не покинул бы его ни при каких обстоятельствах.

Гвенвивар прижала уши и издала низкий рык, который трое мужчин скорее почувствовали, нежели услышали.

Дзирт пригнулся, молча указал на восток и север, а затем скользнул в тень, бесшумно, как смерть. Кэтти-бри укрылась за деревом и приладила стрелу к тетиве Тулмарила. Она пыталась проследить за передвижениями Дзирта, для того чтобы понять, откуда приближается тот, кто подходил к ним в таверне, но дроу пропал. Казалось, что он просто исчез, войдя в густые заросли. Но, как выяснилось, ей вовсе не обязательно было следить за Дзиртом, так как те, кто шел к ним, не владели мастерством бесшумного и невидимого передвижения по лесу.

Дюдермонт спокойно стоял на открытом месте. Время от времени он поправлял трубку во рту. Он тоже чувствовал приближение нескольких чужаков, занимавших позиции в лесу вокруг него.

— Тебе здесь не место, — раздался из тени голос. Говоривший, невысокий человек с маленькими темными глазами и огромными ушами, торчавшими из-под каштановых волос, даже не подозревал, что его заметили шагов за двадцать до того, как он приблизился к поляне. Не знал он и того, что Дзирт, Кэтти-бри и особенно Гвенвивар прекрасно видели семерых сопровождавших его людей. Пантера была подобна движущейся тени между ветвями, выбирая такую позицию, из которой она одним прыжком могла бы достать четверых из них.

Один из сопровождавших заметил Кэтти-бри и поднял свой лук, направив стрелу на девушку. Тут до него донесся какой-то шелест, и прежде, чем он успел что-либо предпринять, мимо промчалась какая-то темная фигура. Вскрикнув, он опрокинулся навзничь, успев заметить пронесшийся со свистом темно-зеленый плащ. Не причинив ошеломленному человеку никакого вреда, фигура исчезла.

— Брер'Кэннон? — позвал его тот, кто обращался к Дюдермонту, услышав крик.

— Я в порядке, — быстро ответил ошарашенный Брер'Кэннон, вставая и пытаясь понять, что же с ним произошло. Он понял это, когда посмотрел наконец на свой лук и увидел, что тетива порвана. — Проклятие! — пробормотал Брер'Кэннон, лихорадочно озираясь.

— Я не привык разговаривать с тенями, — спокойно и четко недрогнувшим голосом произнес Дюдермонт.

— Ты не один, — ответил говоривший.

— Ты тоже, — без колебаний сказал капитан. — Поэтому выходи, и давай покончим с этим, какое бы дело у тебя ко мне ни было.

Из теней вновь донеслись шорохи и треск, и несколько человек шепотом предложили человеку по имени Данкин пойти и поговорить с капитаном «Морской феи».

Наконец Данкин, собравшись с мужеством, вышел вперед. Сделав шаг, он осмотрелся по сторонам, еще шаг — опять осмотрелся. Он прошел прямо под Гвенвивар и не заметил ее, что вызвало улыбку на губах Дюдермонта. Он прошел в трех шагах от Дзирта и также не заметил его, но увидел Кэтти-бри, ибо девушка и не пыталась спрятаться за деревом,

стоявшим у самой поляны, на которой находился Дюдермонт.

Данкин с трудом пытался вернуть самообладание и чувство собственного достоинства. Когда между ним и капитаном оставалось несколько шагов, он выпрямился и сказал почти не дрогнувшим голосом:

— Тебе здесь не место!

— Насколько я понимаю, Минтарн — свободный порт, — ответил Дюдермонт. — Он что, свободен только для разбойников?

Данкин наставил на капитана палец и начал было отвечать, но ему явно не хватало слов, и он умолк, издав только нечленораздельное мычание.

— Мне неизвестно о каких-либо ограничениях для судов, желающих войти в док, — продолжал Дюдермонт. — Несомненно, мой корабль не единственное судно в гавани Минтарна без опознавательных знаков и с закрытым названием.

Последнее было совершенной правдой: так выглядели добрых две трети кораблей, находившихся в свободном порту.

— Ты — Дюдермонт, а твой корабль — «Морская фея» из Глубоководья, — сказал Данкин обвиняющим тоном, дергая себя за ухо.

«Нервный тик», — подумал капитан. Он пожал плечами и кивнул в знак согласия.

— Корабль закона, — продолжал Данкин, найдя в себе мужество, чтобы продолжать, и оставив наконец в покое свое ухо. — Охотник за пиратами, и ты здесь, несомненно, для того, чтобы...

— С чего ты решил, что знаешь о моих намерениях? — резко оборвал его Дюдермонт.

— Намерения «Морской феи» всегда известны, — парировал Данкин столь же резко. — Это охотник за пиратами, а здесь, в Минтарне, разумеется, есть пиратские корабли, включая тот, который ты преследовал на этой неделе.

Лицо Дюдермонта посуровело. Он понял, что этот человек был должностным лицом Минтарна, посланцем правившего здесь деспота Тарнхила Эмбуирхана. Намерения Тарнхила поддерживать в Минтарне порядок, соответствующий его репутации свободного порта, были хорошо известны всем правителям Побережья Мечей. В Минтарне нельзя было сводить счеты с кровными врагами или преследовать беглецов.

— Если бы мы явились сюда в поисках пиратов, — резко сказал Дюдермонт, — «Морская фея» вошла бы под флагом Глубоководья, открыто и без страха.

— Так ты признаешься в том, кто ты? — тоном обвинителя воскликнул Данкин.

— Мы скрыли это только для того, чтобы избежать осложнений для вашего порта, — легко ответил Дюдермонт. — Если бы пираты, находящиеся ныне в Минтарне, возжелали возмездия, мы были бы вынуждены потопить их, а я уверен, что твой повелитель не одобрил бы такого количества обломков кораблей в своей гавани. Не потому ли он послал тебя вести переговоры в укромное место?

Данкин вновь, казалось, не находил слов для ответа.

— А кто ты? — спросил Дюдермонт, побуждая нервного человека представиться.

Данкин еще раз выпрямился, как будто вспомнив о своем положении.

— Данкин Высокая Мачта, — отчетливо сказал он, — посланец Его Тиранства, Тарнхила Эмбуирхана, Властителя свободного порта Минтарна.

Дюдермонт поразмыслил над этим явно фальшивым именем. Данкин, вероятно, добрался до Минтарна много лет назад, спасаясь бегством от другого негодяя или прячась от закона, и с течением времени нашел дорогу в островную стражу Тарнхила. Дюдермонт заключил, что Данкин был не лучшим посланником: не искушен в дипломатии да и мужеством не отличается. Но капитан понимал, что не стоит недооценивать Тарнхила, имевшего репутацию опытного воина, сумевшего в течение многих лет поддерживать в Минтарне относительное спокойствие. Как дипломат Данкин не производил сильного впечатления, но Тарнхил, возможно, решил послать именно его, чтобы дать капитану «Морской феи» понять, что ни он, ни его корабль не были так уж важны для правителя.

Любопытная игра эта дипломатия!

— «Морская фея» вошла сюда не для того, чтобы преследовать кого-либо из пиратов, — заверил Данкина капитан. — Мы никого не ищем. Мы пришли пополнить запасы продовольствия и найти информацию.

— О пирате, — заключил Данкин, лицо его выразило явное неудовольствие.

— Об острове, — ответил Дюдермонт.

— О пиратском острове? — выпалил Данкин таким тоном, что его вопрос прозвучал скорее как обвинение.

Дюдермонт вынул изо рта трубку и посмотрел на Данкина тяжелым взглядом, от которого незадачливому дипломату стало совсем неудобно.

— Говорят, что ни в одном другом месте в Королевствах не собирается так много бывалых морских волков, как на Минтарне, — пространно начал Дюдермонт. — Я ищу остров, ставший легендой, остров, известный многим по рассказам и лишь некоторым — по их собственному опыту.

Данкин не отвечал и, казалось, не догадывался, о чем мог говорить Дюдермонт.

— Я заключу с тобой сделку, — предложил капитан.

— А что у тебя есть для этого? — быстро спросил Данкин.

— Я и вся моя команда будем оставаться на «Морской фее», спокойно и в отдаленной части гавани. Таким образом, на Минтарне будет обеспечен мир и порядок. Мы не собираемся охотиться за кем-либо на вашем острове, включая известных преступников, но многие могут разыскивать нас, безрассудно полагая, что «Морская фея» уязвима, находясь в порту.

Данкин не мог не кивнуть в подтверждение этих слов. В таверне он слышал перешептывания посетителей; в порту сейчас стояло несколько кораблей, которые не порадовались, увидев «Морскую фею», и могли бы объединиться против нее.

— Мы останемся вне территории доков, — продолжал Дюдермонт, — а ты, Данкин Высокая Мачта, найдешь ту информацию, которая мне нужна. — Прежде чем Данкин смог ответить, капитан бросил ему кошель, полный золотых монет. — Каэрвич, — пояснил Дюдермонт. — Я хочу получить карту пути до Каэрвича.

— Каэрвич? — скептически повторил Данкин.

— На запад, а затем на юг, судя по тем рассказам, что я слышал, — ответил Дюдермонт.

Лицо Данкина приняло кислое выражение, и он сделал было движение, чтобы кинуть кошель обратно, но капитан жестом остановил его.

— Властителям Глубоководья не понравится, если Минтарн откажет в гостеприимстве одному из их кораблей, — быстро сказал он. — Если кораблям Глубоководья вход сюда запрещен, значит, вы провозглашаете себя открытой гаванью только для преступников. Твой правитель Тарнхил явно будет недоволен последствиями.

Это прозвучало почти угрожающе, и Дюдермонт испытал облегчение, когда Данкин вновь сжал кошель в своей руке.

— Я поговорю с Его Тиранством, — заверил коротышка. — Если он согласится... — На этом он оборвал свою фразу, махнув рукой.

Дюдермонт быстро вставил трубку в рот и кивнул Кэтти-бри, которая вышла из своего укрытия, опустив лук и вернув все стрелы в колчан. Проходя мимо Данкина, она пристально посмотрела на него, встретив его ответный взгляд.

Вся его смелость испарилась мгновением позже, когда из кустов вынырнул Дзирт. И если вида темного эльфа было недостаточно, чтобы полностью лишить его присутствия духа, то это дело довершило появление громадной черной пантеры, спрыгнувшей с дерева в каких-то пяти футах от Данкина.

* * *

Данкин приплыл на «Морскую фею» на следующий же день. Несмотря на то что

Дюдермонт тепло приветствовал его, он взобрался на борт корабля с таким видом, будто совершал опасный эксперимент. По нему было заметно, что он ощущает благоговейный трепет перед этим судном, которое уже стало легендой Побережья Мечей.

Данкина встретила на верхней палубе вся команда. Гвенвивар отдыхала в своем звездном доме, но на сей раз к остальным присоединились Робийярд и Гаркл, которые стояли рядом. Дзирт подумал, что это хорошо: может быть, Робийярд, опытный кудесник, сможет держать под контролем чары Гаркла, а постоянная улыбка Гаркла как-то отразится на сварливом Робийярде!

— У тебя есть информация для меня? — спросил Дюдермонт, переходя прямо к сути дела. «Морскую фею» пока никто не тревожил, но капитан не питал никаких иллюзий относительно своей безопасности в гавани. Он знал, что не менее дюжины кораблей, находящихся сейчас в порту, желали их гибели, и чем скорее шхуна уберется из Минтарна, тем лучше.

Данкин сделал движение в сторону двери капитанской каюты.

— Здесь, снаружи, — настаивал Дюдермонт. — Отдавай и уходи. У меня нет времени для проволок, и мне не нужно прятаться от своей команды.

Данкин огляделся и кивнул, хотя не имел никакого желания вести переговоры публично.

— Где информация? — спросил Дюдермонт.

Данкин вздрогнул.

— Конечно, — запинаясь, сказал он. — У нас есть карта, но не очень подробная. И мы, разумеется, не можем быть в ней уверены, так как, возможно, остров, который вы ищете, не более чем легенда и тогда, конечно, нет и никакой карты.

Осознав, что его юмор никто не оценил, он смущенно закашлялся.

— У тебя мое золото, — сказал Дюдермонт после очередной долгой паузы.

— Его Тиранство желает другой платы, — ответил Данкин. — Больше, чем золото.

Дюдермонт прищурился в явном раздражении, медленно вставил в рот трубку и сделал длинную, очень длинную затяжку.

— Ничего сложного, — быстро заверил Данкин. — К тому же мой повелитель предлагает больше чем простую карту. Вам понадобится чародей или жрец, для того чтобы создать хранилище, достаточно большое для необходимых обильных запасов.

— Это мы, — вставил Гаркл, приобняв Робийярда за плечи одной рукой и тут же быстро убрав ее в ответ на хмурый взгляд сварливого чародея.

— О да, но в этом не будет необходимости, — выпалил Данкин. — Ибо у Его Тиранства имеется совершенно замечательный сундук, волшебное хранилище, и он одолжит вам его за кошель золота, что не так уж и много, и одну небольшую любезность.

— Какую? — требовательно спросил Дюдермонт, которого уже начинала утомлять эта игра в загадки.

— Он, — сказал Данкин, указывая на Дзирта.

От хорошей затрешины коротышку спасла только реакция дроу, молниеносно поднятая рука которого удержала Кэтти-бри от прыжка в сторону посла.

— Он? — недоверчиво спросил Дюдермонт.

— Просто встретиться с этим дроу, — быстро объяснил Данкин, осознавший, что вступил на опасную почву. Вода была холодной, и ему вовсе не хотелось вплавь добираться до берега.

— Диковинами интересуется? — раздраженно вставила Кэтти-бри, отталкивая руку Дзирта, все еще удерживавшую ее. — Я тебе сейчас передам кое-что для твоего бестолкового тирана!

— Нет-нет, — попытался объяснить Данкин. Он так и не смог бы вымолвить ни слова, ибо его просто вышвырнули бы за борт за эту казавшуюся абсурдной просьбу, если бы не вмешался Дзирт, спокойный голос которого свидетельствовал о том, что он не воспринял желание тирана как оскорбление.

— Изложи просьбу своего повелителя, — спокойно сказал дроу.

— Слава твоя велика, любезный дроу, — запинаясь, начал Данкин. — Многие пираты, добираясь до Минтарна, говорят о твоих подвигах. Ну и главная причина, по которой «Морская фея» не была...

Он остановился и бросил нервный взгляд на Дюдермонта.

— Не была атакована в гавани Минтарна, — закончил за него капитан.

— Они бы не осмелились выступить и встретиться с тобой, — набравшись храбрости, закончил свою мысль Данкин, посмотрев при этом на Дзирта. — Мой повелитель тоже воин, покрытый славой.

— Проклятие! — молвила Кэтти-бри, догадываясь, как и Дзирт, к чему клонил говоривший.

— Просто состязание, — закончил Данкин. — Схватка без свидетелей.

— Только для того, чтобы узнать, кто лучше, — сказал Дзирт с неприязнью.

— За карту, — напомнил ему Данкин. — И сундук, немалое вознаграждение. — После недолгого размышления он добавил: — Ты получишь и то, и другое в любом случае, победишь ты или проиграешь.

Дзирт посмотрел на Кэтти-бри, затем на Дюдермонта, потом на всех членов команды, которые и не пытались скрыть того, что вслушивались в каждое слово.

— Ладно, давайте покончим с этим, — сказал дроу.

Кэтти-бри схватила его за руку, и он понял, что девушка не одобряет его решения.

— Я не могу просить тебя согласиться, — сказал Дюдермонт.

Дзирт с улыбкой взглянул ему в глаза.

— Быть может, мне не в меньшей степени, чем Тарнхилу, любопытно, кто из нас лучший воин, — сказал он, посмотрев на Кэтти-бри, которая знала его достаточно, чтобы понять, что дроу движет более важное побуждение.

— Разве это отличается чем-то от твоей схватки с Берктгаром из-за Клыка Защитника, когда темные эльфы еще не добрались до Мифрил Халла? — спросил ее Дзирт.

Кэтти-бри была вынуждена признать, что это адекватное сравнение. Берктгар угрожал разорвать союз с Бренором, если дворф не передаст ему Клык Защитника, чего Бренор никогда бы не сделал. Кэтти-бри пришла в Сэттлстоун и покончила с этим спором, вызвав Берктгара на поединок и победив. Вспомнив об этом и подумав о чувстве долга, свойственном дроу, она отпустила руку Дзирта.

— Я скоро вернусь, — пообещал Дзирт, спрыгивая вслед за Данкином в маленькую лодку.

Дюдермонт, Кэтти-бри и большая часть экипажа наблюдали за тем, как они отплывали, и девушка заметила кислое выражение на лице капитана, как будто он был чем-то разочарован. Она прекрасно поняла, в чем тут дело, и заверила Дюдермонта:

— Он не хочет сражаться.

— Его влечет любопытство? — спросил Дюдермонт.

— Преданность, — ответила Кэтти-бри, — и ничего больше. Дзирт связан узами дружбы с тобой и с командой, и если простое состязание с этим человеком обеспечит нам более легкое плавание, тогда он готов сражаться. Но в Дзирте нет любопытства. Никакой глупой гордости. Его вовсе не волнует, кто лучший в этой игре с мечами.

Дюдермонт кивнул, и его лицо просветлело. Слова девушки подкрепили его веру в друга.

Текли минуты, прошел час, за ним другой, и разговоры о Дзирте и его противостоянии сменились на борту «Морской феи» обсуждением того положения, в котором оказался корабль. Два судна с квадратными парусами вышли из гавани Минтарна, но не отправились в открытое море, а стали маневрировать, меняя галсы, у входа в гавань.

— Почему они просто не бросают якоря? — спросил Вэйлан моряка, стоявшего рядом с ним на палубе юта возле смертоносной баллисты.

Кэтти-бри и Дюдермонт, находившиеся ближе к центру корабля, услышали эти слова и

переглянулись. Оба знали почему.

Третий корабль, подняв нижние паруса, начал дрейфовать в направлении «Морской феи».

— Это мне не нравится, — заметила Кэтти-бри.

— Нас могли подставить, — ответил Дюдермонт. — Возможно, Данкин сообщил здешним морякам, что на «Морской фее» в течение некоторого времени не будет одного члена экипажа — темного эльфа.

— Пойду-ка я наверх, — решила Кэтти-бри. Она повесила Тулмарил на плечо и направилась в сторону грот-мачты.

Робийярд и Гаркл вернулись на палубу, очевидно догадавшись о потенциальной опасности. Они кивнули Дюдермонту и пошли на корму, к Вэйлану и обслуживанию баллисты.

Замерев в ожидании, Дюдермонт внимательно наблюдал за медленными передвижениями трех кораблей, когда от длинных причалов Минтарна отошло четвертое судно. Капитан понимал, что их, возможно, пытаются окружить, но он также знал, что «Морской фее» требовались считанные минуты, чтобы поднять якорь и выйти в море, особенно при помощи волшебства Робийярда. В то же время баллиста и лучники, особенно Кэтти-бри с ее несущим разрушения луком, позволяли «Морской фее» не только сравняться в огневой мощи с противником, но и превзойти ее.

Главным, что сейчас беспокоило Дюдермонта, был не его корабль, а Дзирт. Какая судьба могла ожидать дроу, если они вынуждены будут оставить его?

Эти опасения отступили, сменившись новыми, когда Кэтти-бри, радостно размахивая подзорной трубой, крикнула сверху, что Дзирт возвращается. В указанном ею направлении Дюдермонт и остальные смогли увидеть только крошечную гребную лодку впереди и справа по борту от третьего корабля, дрейфующего к выходу из гавани.

— Робийярд! — крикнул Дюдермонт.

Чародей кивнул и сосредоточил свое внимание на лодке. Он начал произносить заклинание, но не успел сказать и нескольких слов, как с одного из пиратских кораблей выстрелили зарядом горящей смолы, который чуть было не накрыл лодчонку, упав в воду рядом с нею.

— Поднять паруса! — скомандовал Дюдермонт. — С якоря сниматься!

Запел лук Кэтти-бри, посылая стрелу за стрелой в сторону дрейфующей каравеллы, хотя до нее оставалось еще более трехсот ярдов.

Казалось, ожила вся гавань. Первые два корабля, находившиеся вдалеке от них, подняли паруса и стали маневрировать, ловя ветер, третий корабль еще раз выстрелил по лодке, четвертый, который, несомненно, принимал участие в сговоре, распустил паруса.

Прежде чем заклинание Робийярда успело подействовать, третий заряд смолы упал прямо за лодкой, отхватив часть ее кормы. Тем не менее волшебство подхватило крохотное суденышко, водрузило его на направленную волну и понесло со все возрастающей скоростью к «Морской фее». Дзирт отложил ставшие бесполезными весла, тогда как Данкин неистово вычерпывал воду из лодки. Несмотря на то что они быстро мчались к шхуне, поврежденная лодка явно не могла оставаться на плаву достаточно долго, чтобы благополучно добраться до «Морской феи».

Робийярд понял это, и, когда суденышко стало погружаться в воду, он снял свои чары, в противном случае заколдованная волна могла утопить Дзирта и Данкина.

Дюдермонт яростно размышлял над сложившейся ситуацией, пытаясь рассчитать время, оставшееся в его распоряжении, прежде чем пираты смогут настичь беглецов. Он понял, что, как только паруса будут подняты, ему придется развернуть «Морскую фею» в сторону гавани, ибо он ни за что не оставит Дзирта, сколь бы велик ни был риск.

Его планы быстро изменились, когда он увидел, как Дзирт с Данкином на буксире яростно плывет к «Морской фее».

Данкин был поражен таким поворотом событий еще в большей степени, чем Дюдермонт. Когда лодка пошла ко дну, первым его движением было убраться подальше от

дроу, на котором была кольчуга и две сабли. На Данкине же не было ничего стесняющего движения, и он опасался, что дроу уцепится за него и потопит их обоих. К изумлению Данкина, Дзирт не только был в состоянии оставаться на поверхности воды, но плыл с невообразимой скоростью.

Кольчуга была эластичной, умело выкованной из самых лучших материалов по эскизу дроу Бастером Брейсером, одним из самых искусных кузнецов во всех Королевствах. А еще у Дзирта были заколдованные ножные браслеты на лодыжках, которые позволяли ему двигаться с невероятной быстротой. Он мгновенно подплыл к Данкину и потащил его в направлении «Морской феи», покрыв почти четверть расстояния, прежде чем изумленный человек достаточно собрался с духом, чтобы плыть самостоятельно.

— Они быстро приближаются! — воскликнул счастливый Вэйлан.

— Но они потеряли сундук! — заметил Робийярд, указывая на тонущую лодку. Рядом с ней уже оказался набирающий скорость третий пиратский корабль, паруса которого были наполнены ветром.

— Я достану его! — воскликнул Гаркл Гарпелл, отчаянно стремившийся оказаться при деле. Чародей щелкнул пальцами и начал читать заклинание, так же как и Робийярд, который понял, что нужно каким-то образом замедлить продвижение каравеллы, преследовавшей Дзирта, чтобы у дроу появились хоть какие-то шансы добраться до «Морской феи».

Однако чародей почти сразу же прекратил колдовать и с недоумением уставился на рыбу, которая неожиданно появилась на палубе у ног Гаркла.

— Нет! — крикнул он, потянувшись к Гарклу и понимая, какое заклинание тот применил. — Этого нельзя делать с предметами, содержащими сверхпространство!

Робийярд угадал верно: Гаркл пытался втащить тонущий волшебный сундук, создавая сверхпространственные ворота в том месте, где лодка и сундук пошли ко дну. Это было хорошей идеей или было бы таковой, если бы не одно обстоятельство: сундук, который Тарнхил обещал «Морской фее», был волшебным — он содержал в себе сверхпространство, которое вмещало гораздо большие объемы, чем это можно было представить, исходя из внешнего вида сундука. Проблема состояла в том, что сверхпространственные заклинания и предметы плохо согласовывались между собой. Попадание, к примеру, мешка, содержащего сверхпространство, в такой же сундук могло привести к появлению разрыва в многоуровневой вселенной и перенесению всего находящегося вокруг на Астральный уровень или, что еще хуже, в неизвестное пространство между уровнями бытия.

— Ой! — пискнул Гаркл, осознав свою ошибку и пытаясь прекратить действие заклинания.

Слишком поздно! В том месте, где пошла ко дну лодка, поднялась огромная волна, раскачивая приближающуюся каравеллу, подхватив при этом Дзирта и Данкина и швырнув их в сторону «Морской феи». Вода вспенивалась и плясала, затем начала вращаться, создавая огромную воронку.

— Отплываем! — закричал Дюдермонт, когда Дзирту и Данкину бросили канаты. — Отплываем, ради всех нас!

Моряки установили паруса, и «Морская фея» сразу накренилась и понеслась, легко выскальзывая из гавани.

У преследовавшей их каравеллы дела шли гораздо хуже: она пыталась маневрировать, но оказалась слишком близко к водовороту. Когда она достигла края воронки, ее сильно рвануло в сторону, и многие пираты полетели за борт. Каравеллу понесло по кругу раз, затем еще и еще. Тем, кто наблюдал за нею с борта «Морской феи», было видно, как она погружалась в воронку все глубже и глубже.

Это зрелище будто заворожило обьятого ужасом Гаркла, но взгляды остальных моряков устремились к двум другим пиратским кораблям, которые ожидали «Морскую фею» на выходе из гавани. Робийярд вызвал заклинанием туман, понимая, что Дюдермонт предпочел бы, не подвергаясь риску, проскользнуть мимо них в открытое море. Команда Вэйлана выстрелила наудачу, так же как и лучники, а несколько моряков, среди которых был

и Дюдермонт, втащили на борт Дзирта и совершенно потрясенного Данкина Высокую Мачту.

— Запечатано, — сказал Дзирт капитану с кривой улыбкой, извлекая закрытый футляр для свитков, который, очевидно, заключал в себе карту пути до Казрвича.

Дюдермонт похлопал друга по плечу и отправился к штурвалу. Оба они изучили создавшееся положение, и оба предположили, что «Морская фея» легко выскользнет из этой ловушки.

Для тех, кто смотрел вперед, ситуация выглядела обнадеживающей. Но Гаркл Гарпелл, вцепившийся в поручни на корме, пребывал в смятении. Разумом он понимал, что его непреднамеренный провал, вероятно, спас Дзирта и другого человека в лодке и, может быть, облегчил бегство «Морской феи», но его чувствительная душа не могла вынести того, что творилось в этой огромной воронке, и криков тонущих моряков.

— О нет! — повторял он снова и снова, отчаянно пытаясь вспомнить какое-нибудь заклинание, которое могло бы спасти несчастных с каравеллы.

Но вдруг водоворот исчез, почти так же неожиданно, как и возник, оставив водную гладь совершенно спокойной. Каравелла осталась на поверхности, хотя и накренилась так, что ее паруса почти касались воды.

Гаркл издал глубокий вздох облегчения и возблагодарил тех богов, которые, возможно, его услышали. В воде было полно людей, но все они находились достаточно близко от притопленного корпуса судна.

Гаркл радостно захлопал в ладоши и, покинув палубу юта, присоединился к Дюдермонту и Дзирту, находившимся у штурвала. Схватка уже была в разгаре, оба пиратских корабля обменивались выстрелами с «Морской феей», хотя они находились слишком далеко друг от друга, чтобы причинить какой-нибудь ощутимый ущерб.

Дюдермонт с любопытством посмотрел на Гаркла.

— Что такое? — спросил взволнованный маг.

— У тебя остались еще шаровые молнии? — спросил Дюдермонт.

Гаркл побледнел. Он не успел еще отойти от кошмара с водоворотом, и у него ни за что не хватило бы мужества сжечь какое-нибудь судно. Но хитрый Дюдермонт имел в виду совсем другое.

— Всади одну в воду между нашими противниками, — пояснил капитан и взглянул на Дзирта. — Я войду в туман и дам лево руля, тогда у нас будет достаточно времени, чтобы сразиться только с одним из этих пиратских кораблей, тем, что окажется ближе.

Дзирт кивнул. Гаркл просветлел, такой приказ он готов был выполнить с радостью. Дождавшись сигнала Дюдермонта, чародей метнул молнию в волны, за вспышкой последовало огромное облако пара.

Дюдермонт направил корабль прямо туда, и оба пиратских судна, как и ожидалось, повернули, чтобы отрезать ему путь к бегству. Вскоре после того, как «Морская фея» вошла в туман, капитан резко повернул, выскальзывая из облака под углом к курсу пиратского корабля, находившегося слева от них.

Они должны были пройти близко к нему, но это не очень беспокоило Дюдермонта — при той скорости, с которой шла «Морская фея», и магической защите Робийярда.

Однако его мнение вскоре изменилось, когда раздался взрыв и тяжелое металлическое ядро прорвалось сквозь магический щит Робийярда, уничтожив добрую часть такелажа.

— У них есть орудие с дымящимся порошком! — крикнул Гаркл.

— Что? — одновременно спросили Дзирт и Дюдермонт.

— Аркебуза, — жалобным тоном сказал Гаркл, и его руки начали описывать большие круги в воздухе. — Большая аркебуза.

— Что-что? — переспросили оба.

Гаркл никак не мог приступить к объяснению, но его испуганное лицо говорило о многом. Дымящийся порошок был очень редкой и опасной штукой, дьявольским изобретением жрецов Гондиша, которые использовали энергию его взрыва для стрельбы

снарядами из металлических стволов, при этом частенько порошок разрывал на части эти самые стволы. «Один из десяти» — так говорили те, кто был хорошо знаком с дымящимся порошком, имея в виду, что одна из десяти попыток выстрелить могла закончиться взрывом орудия. Гаркл подумал, что эти пираты, должно быть, очень ненавидели «Морскую фею», раз прибегли к такому опасному средству нападения.

Но все же, даже если правило «один из десяти» было верным, оставшихся девяти выстрелов было вполне достаточно, чтобы разнести «Морскую фею» на куски.

Гаркл знал, что надо действовать, ибо шли секунды, а все остальные, даже Робийярд, выглядели совершенно беспомощными, не понимая до конца, с чем они столь неожиданно столкнулись. Дымящийся порошок был больше распространен в восточных регионах Королевств, его, по слухам, применяли в Кормире. Поговаривали, что он стал понемногу появляться и на Побережье Мечей, главным образом на кораблях.

Размышляя над свойствами дымящегося порошка, Гаркл перебирал в уме те возможности, которыми он располагал.

— Металлический цилиндр! — крикнула Кэтти-бри из «вороньего гнезда», разглядев оттуда сквозь туман нацеленное на них орудие.

— А возле него мешки? — крикнул ей в ответ Гаркл.

— Я не вижу! — отозвалась Кэтти-бри, так как густое облако тумана вновь скрыло от нее палубу пиратского судна.

Гаркл понимал, что отпущенное им время истекало. Вражеское орудие было не очень точным, но это было и не важно, так как одним выстрелом оно могло снести мачту и даже попадание в корпус по касательной проделало бы в нем достаточно большое отверстие, чтобы потопить шхуну.

— Целься в него! — крикнул Гаркл. — В цилиндр и в настил возле него!

Кэтти-бри никогда не доверяла Гарклу Гарпеллу, но на сей раз его умозаключение было разумно. Она подняла Тулмарил и выпустила стрелу, затем другую, намереваясь вывести из строя обслугу, если не само орудие. Сквозь туман она увидела искры, которые высекала заколдованная стрела, отскочив от цилиндра, затем услышала крик боли, когда попала в одного из пиратов.

«Морская фея» приближалась к пиратскому судну. Гаркл кусал ногти. Данкин, который также знал об орудиях с дымящимся порошком, дергал свои большие уши.

— Поверни корабль, — попросил Дюдермонта Гаркл. — Мы слишком близко, слишком близко. Они снова выстрелят, прямо нам в лицо, и отправят корабль под воду.

Дюдермонт не знал, что ответить. Он уже понял, что волшебство Робийярда не могло защитить их от этого оружия. Взглянув на чародея, капитан увидел, что тот создает ветер, чтобы ускорить их движение, даже не пытаясь предотвратить второй выстрел. И все же если бы капитан попытался повернуть влево — они в течение некоторого времени оставались бы в пределах досягаемости этого орудия, если бы он повернул вправо — он не смог бы пройти мимо пиратского корабля, шхуна протаранила бы его носом. Даже если бы они затем перебили экипаж этого судна, два оставшихся корабля одержали бы верх над «Морской феей».

— Возьми чародея и отправляйся к ним, — сказал Дюдермонт Дзирту. — И вызови пантеру. Только ты можешь выручить нас сейчас, мой друг!

Дзирт кинулся было к борту, но Гаркл, заметив огонь факела возле того места, где Кэтти-бри обнаружила цилиндр, закричал:

— Поздно! — и рухнул на палубу.

Кэтти-бри тоже увидела факел, а в его свете — большие мешки, о которых говорил Гаркл. Она инстинктивно прицелилась в человека с факелом, стремясь помешать действиям орудийной прислуги, но затем решила последовать совету Гарпелла и пустить стрелу в грудку мешков, лежащую на палубе.

Ее стрела пронеслась за мгновение до того, как пират поднес факел к орудью, в то время как «Морская фея» шла курсом, параллельным пиратскому судну. Всего лишь

мгновение, но его хватило, чтобы помешать человеку с факелом, которого подкинуло высоко в воздух, когда стрела вонзилась в мешки с летучим дымящимся порошком.

Взрыв поднял пиратский корабль над водой и поставил его почти вертикально на корму. Огненная вспышка превосходила все, что когда-либо видели Гаркл и даже Робийярд, удар волны и летящие обломки снесли с палубы «Морской феи» почти всех стоявших на ней моряков и проделали множество дыр в ее треугольных парусах.

«Морскую фею» дико раскачивало из стороны в сторону, но Дюдермонт овладел собой и укротил корабль, который продолжал рассекать волны, оставив ловушку позади.

— О боги! — молвила Кэтти-бри, потрясенная зрелищем, представшим перед ее глазами: от пиратского судна остались лишь обломки, щепки, куски обуглившегося дерева и плавающие тела.

Дзирт также был поражен. Глядя на это побоище, он думал о том, что так, наверное, будет выглядеть конец света. Никогда прежде он не видел подобного опустошения, такой бойни, даже самый могущественный чародей не мог сотворить такое. Достаточное количество зелья могло сровнять с поверхностью земли гору или город. Дымящийся порошок мог уничтожить весь мир.

— Это и есть дымящийся порошок? — спросил он Гаркла.

— От жрецов Гондиша, — ответил чародей.

— Пусть все они будут прокляты! — уходя, тихо сказал Дзирт.

Позже, когда команда занялась ремонтом парусов, Дзирт и Кэтти-бри стояли на носу шхуны, глядя вниз, на воду, и размышляя о том долгом пути, который еще предстоял им.

В конце концов Кэтти-бри не смогла больше переносить неопределенность и спросила:

— Ты победил его?

Дзирт с любопытством посмотрел на нее, как будто не поняв, о чем идет речь.

— Его Тиранство, — пояснила Кэтти-бри.

— Я же принес карту, — ответил Дзирт, — и сундук, хотя его и утопили.

— Да, но Данкин обещал это, победишь ты или проиграешь, — лукаво сказала девушка.

Дзирт взглянул на нее.

— Состязание никогда не было важным, — ответил он. — Для меня.

— Так ты победил или проиграл? — настаивала Кэтти-бри, не желая позволить дроу ускользнуть от прямого ответа.

— Иногда лучше позволить столь важной персоне и ценному союзнику сохранить лицо и поддержать свою репутацию, — улыбнулся Дзирт, взглянув на море, а затем на бизань-мачту, откуда донеслась просьба моряка помочь ему.

— Так ты позволил ему победить тебя? — спросила Кэтти-бри с явным неудовольствием.

— Я этого не говорил, — ответил Дзирт.

— Значит, он сам побил тебя, — сделала вывод девушка.

Дзирт пожал плечами и направился к бизань-мачте, чтобы помочь моряку. Он прошел мимо Гаркла и Робийярда, которые шли на нос корабля, явно собираясь присоединиться к Кэтти-бри.

Девушка не сводила взгляда с дроу. Она терялась в догадках, размышляя над неопределенными ответами Дзирта. Дзирт позволил Тарнхилу победить, полагала она, или, по крайней мере, завершил поединок вничью. По некоей причине, которую девушка сама не понимала, ей не хотелось думать, что Тарнхил победил Дзирта, она не желала думать о том, что кто бы то ни было мог победить Дзирта.

И Робийярд, и Гаркл расплылись в широчайших улыбках, увидев выражение лица девушки.

— Дзирт победил, — вымолвил наконец Робийярд.

Удивленная Кэтти-бри повернулась к чародею.

— Тебя ведь это интересовало, — сказал Робийярд.

— Мы всё видели, — вставил Гаркл, — да-да, разумеется. Хороший поединок. — Гаркл принял боевую позу, имитируя сражающегося Дзирта. Несмотря на то что он очень старался, Кэтти-бри это показалось очень забавным. — Он начал с выпада влево, — повествовал Гаркл, делая соответствующее движение, — а затем рванулся вправо, так быстро и плавно, что Тарнхил ничего не успел понять.

— Пока не получил удара, — вмешался Робийярд. — Его Тиранство все еще тыкал клинком вперед, атакуя призрака, полагаю.

Для Кэтти-бри это звучало резонно, прием, который они сейчас описали, назывался «шаг призрака».

— Он кое-чему научился, да-да! — радостно вопил Гаркл.

— Достаточно сказать, что Его Тиранство не сможет сидеть в ближайшее время, — завершил рассказ Робийярд, и оба волшебника расхохотались. Кэтти-бри никогда еще не видела Робийярда столь оживленным.

Девушка вернулась на нос шхуны, а за ее спиной продолжали веселиться волшебники. Теперь она поняла, что Дзирт был совершенно искренен, заявляя, что поединок для него не важен. Улыбнувшись, она решила, что еще подразнит как-нибудь Дзирта. А еще она улыбалась потому, что ее друг победил.

Почему-то это было очень важно для Кэтти-бри.

Глава 8

РАЗГОВОР В МОРЕ

Ремонтные работы, которые продолжались на «Морской фее» в течение двух дней, не давали возможности использовать ее парусное оснащение в полной мере. Но, несмотря на это, сильный северный бриз наполнял ее паруса, и быстроходная шхуна мчалась на юг. Всего за три дня она прошла четыреста миль от Минтарна до самой удаленной юго-восточной точки великих островов Муншэй, и Дюермонт повернул корабль на запад, в открытое море, пройдя у южного побережья островов.

— Мы будем идти два дня в виду островов Муншэй, — сообщил Дюермонт команде.

— Вы направляетесь в Корвэлл? — быстро прервал его Данкин Высокая Мачта, который, казалось, не переставал задавать вопросы. — Думаю, что хотел бы высадиться на Корвэлле. Прекрасный город во всех отношениях.

Эффектность принятой этим коротышкой высокомерной позы значительно уменьшилась, когда он начал дергать себя за ухо, выдавая этими нервными движениями владевшее им беспокойство.

Дюермонт проигнорировал надоедливого человечка.

— Если ветер сохранится, завтра утром мы пройдем мимо места, именуемого Драконьей Головой, — пояснил он. — Затем мы пересечем широкую гавань и высадимся в деревне Вингейт, чтобы в последний раз пополнить запасы продовольствия. Ну а потом — в открытое море, дней двадцать пути или вдвое больше, если не будет ветра.

Бывалая команда поняла, что их ждет трудное путешествие, но все как один закивали в знак согласия, ни слова протеста — за одним исключением.

— Вингейт? — запротестовал Данкин. — Но мне понадобится целый месяц, чтобы выбраться оттуда!

— А кто сказал, что ты покидаешь нас? — спросил его Дюермонт. — Тебя высадят там, где мы выберем... после того как вернемся.

Это заставило Данкина замолчать или, по крайней мере, изменило ход его мыслей, но прежде, чем капитан успел сделать три шага в сторону, Данкин снова заговорил:

— Ты имеешь в виду: если вы вернетесь! Ты ведь провел у Побережья Мечей всю свою вонючую жизнь, Дюермонт, и знаешь об этих слухах!

Капитан медленно, но угрожающе повернулся лицом к коротышке. Оба они слышали тот ропот, который породили слова Данкина, волны шепота, прокатившиеся по палубе.

Не глядя на Дюдермонта, Данкин осмотрелся вокруг, и кривая усмешка на его физиономии стала еще шире, когда он заметил, что команда явно занервничала.

— Скажи им, — нагло уставился он на капитана.

Дюдермонт и глазом не моргнул.

— Ты ведь не поведешь их на легендарный остров, не рассказав им всех легенд? — коварно спросил Данкин.

— Этот человек любит строить козни, — прошептала Кэтти-бри Дзирту.

— И нарываться, на неприятности, — шепнул Дзирт в ответ.

Дюдермонт выдержал долгую паузу, пристально глядя на Данкина. Суровый взгляд капитана постепенно согнал с лица коротышки его дурацкую ухмылку. Затем Дюдермонт посмотрел на Дзирта — как всегда, когда ему была нужна поддержка, — и на Кэтти-бри, никто из них, казалось, не принял всерьез зловещих слов Данкина. Их уверенность приободрила его, и капитан повернулся к Гарклу, который, как обычно, казался рассеянным, будто вообще не слышал этого разговора. Остальные члены экипажа, по крайней мере те, кто находился неподалеку от штурвала, слышали, и это отразилось на их поведении.

— Так скажи, — резко спросил Робийярд, — что это за великая тайна Каэрвича?

— Ах, капитан Дюдермонт! — вымолвил Данкин сочувственным тоном.

— Каэрвич, — спокойно начал Дюдермонт, — может оказаться всего лишь легендой. Немногие утверждают, что побывали там, ибо это очень, очень далеко от населенных земель.

— Это мы уже знаем, — заметил Робийярд. — Но если остров не более чем легенда и мы просто поплаваем по пустынным водам, пока не придет пора вернуться, что здесь плохого для «Морской феи»? На что намекает этот ничтожный червь?

Дюдермонт бросил на Данкина тяжелый взгляд, испытывая сильное желание придушить его на месте.

— Некоторые из тех, кто побывал там, — начал капитан, тщательно подбирая слова, — говорят, что были свидетелями необычных видений.

— Там водятся привидения! — драматично прервал его Данкин. — Каэрвич — остров, населенный привидениями, — громогласно заявил он, прыжками перемещаясь по палубе и дико вглядываясь в лицо каждому из находившихся поблизости моряков. — Там — корабли-призраки и ведьмы! — вопил он.

— Довольно, — прервал его Дзирт.

— Заткнись! — посоветовала коротышке Кэтти-бри.

Данкин умолк, но при этом посмотрел на девушку с видом явного превосходства, полагая, что сегодня выиграл он.

— Все это слухи, — громко сказал Дюдермонт. — Слухи, о которых я собирался рассказать вам, когда мы доберемся до Вингейта, но не раньше. — Капитан сделал паузу и обвел глазами свою команду. Этим взглядом он просил дружбы и верности, просил поддержки людей, которые были рядом с ним столь долго. — Я бы рассказал вам, — настаивал он, и все, кто был на борту, за исключением, может быть, Данкина, поверили ему.

— Это плавание не ради Глубоководья и не против пиратов, — продолжал Дюдермонт. — Это для меня лично, я должен осуществить его из-за того происшествия на Док-стрит. Быть может, «Морская фея» плывет навстречу бедам, быть может — ответам, но я должен идти вперед, каков бы ни был исход. Я не стану заставлять никого из вас идти со мной. Вы брались преследовать пиратов, и в этом отношении вы были самой лучшей командой, о которой только может мечтать любой капитан.

Вновь последовала пауза, долгая пауза, во время которой капитан поочередно встретился взглядом с каждым членом экипажа, последними оказались Кэтти-бри и Дзирт.

— Любой из вас, кто не желает идти к Каэрвичу, может высадиться в Вингейте, — предложил Дюдермонт. Это было из ряда вон выходящим предложением, которое поразило команду. — Вам заплатят за то время, что вы провели на борту «Морской феи», плюс премиальные — от меня лично. Когда мы вернемся...

— Если вы вернетесь, — ехидно вставил Данкин, но Дюдермонт проигнорировал его

замечание.

— Когда мы вернемся, — повторил капитан еще более твердо, — мы заберем вас. Не будет никаких вопросов в отношении вашей преданности, никаких наказаний для тех, кто не пойдет к Каэрвичу.

— Послушать, так каждый остров населен привидениями, — фыркнул Робийярд. — Если бы моряки верили каждому слуху, что передается шепотком, они вообще не осмелились бы плавать вдоль Побережья Мечей. Морские чудовища неподалеку от Глубоководья! Свернувшиеся кольцами змеи Руатима! Пираты Нилантера!

— А нилантерцы-то как раз существуют! — вставил один из моряков, и все как один весело засмеялись.

— Точно, — ответил Робийярд. — Некоторые слухи могут оказаться верными.

— А если Каэрвич на самом деле населен привидениями? — спросил другой моряк.

— Тогда мы причалим к берегу утром, — ответил Вэйлан, перегнувшись через поручни палубы юта, — и покинем остров после полудня.

— А ночь оставим призракам! — закончил один из моряков под общий смех.

Дюдермонт испытывал чувство благодарности ко всем этим людям, особенно к Робийярду, от которого капитан никогда не ожидал такой поддержки. Когда вслед за этим провели перекличку экипажа, ни один человек не выразил желания сойти с корабля в Вингейте.

Данкин взирал на происходящее с возрастающим изумлением. Он попытался было красочно расписать ужасы Каэрвича, но его просто высмеяли.

Ни Дзирт, ни Кэтти-бри не удивились единодушной поддержке, оказанной Дюдермонту. Команда «Морской феи» плавала вместе достаточно долго, чтобы по-настоящему сдружиться. А Кэтти-бри и Дзирт имели большой опыт, чтобы понимать связь между дружбой и преданностью.

— Ну а я сойду в Вингейте, — сказал наконец расстроенный Данкин. — Я ни за что не пойду на Каэрвич, населенный призраками.

— Кто предложил тебе такой выбор? — спросил его Дзирт.

— Капитан Дюдермонт только что сказал... — начал Данкин, поворачиваясь к капитану и тыча в его сторону пальцем. Слова застряли у него в горле, ибо кислое выражение лица Дюдермонта объяснило ему, что предложение не предназначалось ему.

— Вы не можете держать меня здесь! — запротестовал Данкин. — Я посланец Его Тиранства. Меня надо было высадить в Минтарне....

— Тебя убили бы прямо в гавани, — напомнил ему Дзирт.

— Хорошо, тебя выпустят в Минтарне, — пообещал Дюдермонт.

Данкин понял, что это означало.

— Когда мы сможем провести должное расследование в отношении твоей роли в подготовке засады против «Морской феи», — продолжил Дюдермонт.

— Я ничего не сделал! — воскликнул Данкин, дергая себя за ухо.

— Вскоре после того, как ты сообщил мне о том, что присутствие Дзирта на борту «Морской феи» мешает пиратам атаковать нас, ты все устроил так, чтобы увести его с корабля, — сказал Дюдермонт.

— Но меня самого чуть не убили! — завопил Данкин, протестуя. — Если бы я знал, что те бандиты охотятся за вами, я бы ни за что не поплыл бы на лодке в гавань.

Капитан взглянул на Дзирта.

— Похоже на правду, — признал дроу.

Дюдермонт сделал паузу, затем кивнул.

— Я считаю тебя невиновным, — сказал он Данкину, — и согласен вернуть тебя в Минтарн после нашего путешествия на Каэрвич.

— Значит, ты подберешь меня на обратном пути в Вингейте, — заключил Данкин, но капитан покачал головой.

— Слишком далеко, — ответил он. — Никто из моей команды не высаживается в

Вингейте. И раз я должен вернуться в Минтарн, я пойду от Каэрвича северным путем, обходя Муншэй с севера.

— Тогда высади меня в Вингейте, и я найду способ встретиться с тобой в каком-нибудь городе на севере Муншэя, — предложил Данкин.

— И где ты найдешь там город? — поинтересовался Дюдермонт.

Данкин ничего не ответил.

— Если ты хочешь оставить корабль, можешь сойти в Вингейте, — предложил Дюдермонт. — Но я не могу гарантировать твое возвращение оттуда в Минтарн.

Капитан повернулся и направился к своей каюте. Он вошел в нее, не оборачиваясь, оставив перепуганного Данкина стоять с поникшей головой возле штурвала.

— Твои знания о Каэрвиче очень пригодятся нам, — сказал Дзирт, похлопав его по плечу. — Мы ценим твое присутствие.

— Поплыли, поплыли, — добавила Кэтти-бри. — У нас впереди приключения и дружба. Чего еще можно желать?

Дзирт и Кэтти-бри отошли, обмениваясь веселыми улыбками.

— Я здесь тоже новичок, — сказал Данкину Гаркл Гарпелл. — Но я уверен, что будет здорово.

Данкин подошел к поручням. Он вынужден был признаться самому себе, что ему нравилась «Морская фея». Лишившись родителей в юном возрасте, Данкин отправился в море еще мальчишкой, проведя большую часть последующих двадцати лет на пиратских судах, среди самых жестоких бандитов Побережья Мечей. Никогда еще не приходилось ему видеть корабль, экипаж которого был связан такими тесными дружескими отношениями. А как они вырвались из пиратской западни в Минтарне — это до сих пор восхищало Данкина.

В течение нескольких последних дней он вел себя как дурак, а ведь Дюдермонт наверняка знал о его прошлом или, по крайней мере, подозревал, что Данкин вдоволь попирагивал в свое время. И все же капитан отнюдь не обращался с ним как с пленником, и, по словам темного эльфа, они на самом деле хотели, чтобы он отправился с ними на Каэрвич.

Данкин перегнулся через поручни, поглядел на стаю дельфинов, которые танцевали в волнах, создаваемых кораблем, и опять погрузился в свои мысли.

* * *

— Ты снова думаешь о них, — донесся до угрюмого дворфа голос откуда-то сзади. Это был его друг Реджис.

Бренор не отвечал. Он стоял на склоне, известном как Склон Бренора, на краю долины дворфов, в четырех милях от Пирамиды Кельвина. Это было его любимое место размышлений. Хотя груда камней не так уж и возвышалась над плоской тундрой — в ней было едва ли пятьдесят футов, — каждый раз, как он взбирался по крутой и узкой тропе, Бренору казалось, что он поднимается к самым звездам.

Реджис совсем запыхался, карабкаясь последние двадцать футов, чтобы встать рядом со своим бороатым другом.

— Мне так нравится здесь ночью, — заметил хафлинг. — Но в следующем месяце будет не так уж много ночей! — радостно продолжал он, пытаясь вызвать улыбку на лице Бренора. Его замечание было справедливо. Летние дни в Долине Ледяного Ветра, находящейся далеко на севере, были очень длинными, но в зимнем небе солнце появлялось лишь на несколько часов.

— Да, у меня не много времени, — согласился Бренор. — Времени, которое я хочу провести один.

Говоря это, он повернулся к Реджису, и даже в темноте хафлинг смог рассмотреть его нахмуренное лицо.

Но Реджис знал истину: Бренор больше делал вид, чем сердился по-настоящему.

— Одному тебе здесь было бы невесело, — возразил хафлинг. — Ты думал бы о Дзирте и Кэтти-бри и скучал по ним, так же как и я, а к утру превратился бы в настоящего рычащего йети. Я, разумеется, не могу этого допустить, — продолжал Реджис, укоризненно грозя пальцем. — По правде говоря, дюжина дворфов просила меня подняться сюда и улучшить твоё настроение.

Бренор фыркнул, не находя подходящего ответа. Он отвернулся от Реджиса главным образом потому, что не хотел, чтобы хафлинг заметил улыбку, появившуюся в уголках его рта. За шесть лет, прошедшие с тех пор, как Дзирт и Кэтти-бри ушли отсюда, Реджис стал самым близким другом Бренора, хотя жрица дворфов по имени Стампет Скребущий Коготь почти все время находилась рядом с Бренором, особенно в последнее время. Поговаривали об укреплении связи между королем дворфов и этой женщиной шепотом, сопровождаемым хихиканьем.

Но именно Реджис знал Бренора лучше всех, Реджис, который приходил сюда именно тогда, когда Бренор в самом деле нуждался в общении, как он сам это признавал. С момента своего возвращения в Долину Ледяного Ветра старый дворф постоянно думал о Дзирте и Кэтти-бри. От глубокой депрессии Бренора спасали только те огромные усилия, которые он предпринимал, чтобы вновь открыть шахты дворфов, и Реджис, который всегда был рядом, улыбаясь и уверяя Бренора, что Дзирт и Кэтти-бри вернутся к нему.

— Где они, как ты думаешь? — спросил Реджис после долгого молчания.

Бренор улыбнулся и пожал плечами, глядя на юг и на запад, но не на хафлинга.

— Там, — ответил он.

— Там, — повторил Реджис. — Дзирт и Кэтти-бри. И ты скучаешь по ним, так же как и я. — Хафлинг подошел ближе и положил руку на мускулистое плечо Бренора. — И я знаю, что ты скучаешь по кошке, — сказал Реджис, вновь отвлекая дворфа от его мрачных мыслей.

Взглянув на него, Бренор не мог удержаться от улыбки. Упоминание о Гвенвивар напомнило Бренору не только о его конфликте с пантерой, но и о том, что Дзирт и Кэтти-бри, два его дорогих друга, не одиноки и способны на большее, чем просто позаботиться о себе.

Дворф и хафлинг еще долго стояли на склоне той ночью, молча, вслушиваясь в непрекращающийся ветер, давший долине ее имя, и ощущая себя гостями звезд.

* * *

Пополнив запасы продовольствия в Вингейте и завершив ремонтные работы, экипаж «Морской феи» вышел в море и вскоре оставил острова Муншэй далеко позади.

Но всего через день пути стих ветер. Они находились в открытом океане, в поле их зрения не было ни клочка суши.

Отсутствие ветра не остановило шхуну, на борту которой находился Робийярд. Но силы чародея были ограничены, он не мог наполнять паруса ветром в течение долгого времени и довольствовался тем, что обеспечивал медленное, но постоянное продвижение корабля.

Так, без всяких событий, проходили жаркие дни, «Морская фея» шла по океанской зыби, раскачиваясь и скрипя. Через три дня после выхода из Вингейта Дюдермонт установил строгое нормирование продуктов как в целях борьбы с участвовавшими случаями морской болезни, так и для экономии запасов продовольствия. По крайней мере, экипажу не приходилось беспокоиться о пиратах. Немногие корабли заходили так далеко, и уж во всяком случае не грузовые и не торговые суда, поэтому для пиратов здесь не было ничего привлекательного.

Единственными врагами команды были морская болезнь, солнечные ожоги и бесконечная скука дней, проведенных в окружении плоского водного пространства.

Лишь пятый день плавания принес некоторое разнообразие. Дзирт, находившийся на носу, увидел спинной плавник огромной акулы, плывущей параллельно курсу шхуны. Дроу

сообщил это Вэйлану, который был в то время в «вороньем гнезде».

— Двадцать футов! — крикнул юноша, которому удалось, используя преимущество своего положения, разглядеть тень гигантской рыбы.

Вся команда высыпала на палубу и, издавая возбужденные крики, похватила гарпуны. Однако мысли о том, как загарпунить эту рыбину, куда-то исчезали, по мере того как Вэйлан сообщал морякам о все новых акулах, которых ему удавалось рассмотреть. Несмотря на то что во внезапно вспенившейся воде стало трудно различать их спинные плавники, по оценкам Вэйлана — несомненно, самым точным, — их окружала стая в несколько сотен акул.

Несколько сотен! И многие из них были такими же огромными, как та, которую заметил Дзирт. Возбужденные восклицания моряков быстро сменились молитвами.

Стая акул оставалась рядом с «Морской феей» в течение всего дня и последующей ночи. Дюдермонт полагал, что акулы просто не знали, что делать с судном, и, хотя никто из членов команды вслух не говорил этого, все надеялись, что прожорливые рыбы не примут по ошибке «Морскую фею» за мчащегося кита.

На следующее утро акулы исчезли — так же неожиданно и необъяснимо, как и появились. Дзирт провел большую часть утра, расхаживая по кораблю и даже взбираясь несколько раз на грот-мачту, в «воронье гнездо». Но акул не было видно.

— Они не отвечают нам, — заметила Кэтти-бри, встретив Дзирта, когда он в очередной раз спускался с грот-мачты. — Никогда. Я уверена, что у них свои пути, о которых мы ничего не знаем.

Эти слова поразили Дзирта, как откровение, напомнив ему о том, насколько мир вокруг него оставался непознанным, даже теми, кто, как Дюдермонт, провел большую часть своей жизни в море. Водная стихия и огромные существа, населявшие ее, жили по своим законам, которых он никогда не мог до конца понять. Осознание этого, вместе с созерцанием окружавшей их бесконечной водной равнины, напомнило Дзирту о том, как малы они были на самом деле и сколь огромной могла быть природа.

При всем том, чем он обладал, — при его подготовке, великолепном оружии, сердце воина, — он был бесконечно мал, всего лишь крошечным пятнышком на сине-зеленом гобелене.

Дзирт нашел эту мысль тревожащей и успокаивающей одновременно. Да, он мал и незначителен, один глоток для той рыбины, что легко догнала «Морскую фею». И все же он — часть чего-то гораздо большего, фрагмент некоей мозаики, которая была неизмеримо громаднее всего, что могло представить его воображение.

Он обнял за плечи Кэтти-бри, уютно соединив себя с другим, дополнявшим его фрагментом мозаики, и она доверчиво прижалась к нему.

* * *

На следующий день поднялся ветер, и шхуна устремилась вперед под дружные аплодисменты команды. Однако Робийярд скоро охладил их пыл. Чародей владел заклинаниями, позволявшими предвидеть изменения погоды, и сообщил Дюдермонту, что ветер был предвестником сильного шторма.

С этим они ничего не могли поделать. Поблизости не было никаких портов, вообще никакой суши, поэтому Дюдермонт приказал лишь закрепить все, что было возможно, и задраить люки.

Следующая ночь оказалась одной из худших в жизни Кэтти-бри. Никто из экипажа шхуны не мог припомнить такого сильного шторма. Дюдермонт и сорок членов команды укрылись под палубой корабля, а «Морская фея» мчалась сквозь бурю, длинный и стройный корабль швыряло из стороны в сторону, и несколько раз он лишь чудом не перевернулся.

Робийярд и Гаркл трудились не покладая рук. Робийярд находился на палубе большую часть времени, лишь иногда ненадолго укрываясь внизу и наблюдая за палубой с помощью

магического глаза. Все это время он творил заклинания в попытках противостоять яростным ветрам. Гаркл, Гвенвивар и несколько моряков, перемещаясь на четвереньках, боролись с крысами и обследовали корпус корабля, передвигая ящики с продовольствием. У Гаркла оказалось несколько особенных заклинаний, которые позволили хорошенько осветить все вокруг, а еще — увеличивать в объеме дерево, чтобы заделывать трещины, появлявшиеся в корпусе судна. Моряки носили с собой куски просмоленного каната, которыми они затыкали течи.

Кэтти-бри, как и многие другие, чувствовала себя настолько плохо, что даже не могла двигаться. Корабль временами так сильно швыряло, что многие члены экипажа были вынуждены привязаться, чтобы не отскакивать рикошетом от стен и не нанести вреда друг другу. Бедному Данкину досталось больше всех. Как-то раз, потянувшись за предложенным ему куском каната, он полетел вверх тормашками и врезался в бимс с такой силой, что расшиб плечо и сломал запястье.

В ту ночь на борту «Морской феи» никто не спал.

Наутро корабль сильно кренился на левый борт, но по-прежнему был на плаву. Удалось пройти сквозь шторм, не потеряв ни одного человека. Те члены экипажа, кто был в состоянии передвигаться, трудились все утро, чтобы поднять единственный уцелевший парус.

Около полудня Кэтти-бри сообщила из «вороньего гнезда», что к северу и западу от корабля в воздухе полно птиц. Дюдермонт издал глубокий вздох облегчения. Он опасался, что из-за шторма они сбились с курса и не смогут вовремя оправиться от его последствий, чтобы зайти на Скалы Чаек — последние нанесенные на карту острова на пути к Каэрвичу. Как выяснилось, они отклонились далеко к югу от выбранного курса и вынуждены были неистово трудиться, особенно бедняги Робийярд и Гаркл. Синеватые мешки под глазами обоих чародеев указывали на их истощение от физического и магического напряжения.

«Морской фее» удалось изменить курс, чтобы добраться до Скал Чаек, название которых, как оказалось, полностью соответствовало действительности. Это были бесплодные камни, многие — несколько меньше, чем шхуна, а на некоторых места хватало только для двух-трех моряков. Две скалы были довольно велики, почти с милю в поперечнике. Все они были скорее белыми, чем серыми, покрытыми толстым слоем гуано — птичьего помета. Когда «Морская фея» приблизилась к скалам, тысячи и тысячи чаек взмыли в воздух, создав вокруг корабля огромное облако, пронзительно и злобно крича и осуждая вторжение в их вотчину.

Дюдермонт нашел спокойную небольшую бухту, где можно было заняться ремонтными работами и где все члены экипажа смогли поочередно выбраться на сушу, чтобы почувствовать под ногами твердую поверхность и хоть немного отдохнуть.

Несколько позже в тот же день капитан стоял на самом высоком месте Скал Чаек, футах в пятидесяти над уровнем моря, вместе с Дзиртом и Кэтти-бри. Он смотрел на юг в подозрную трубу, хотя не ожидал обнаружить там ничего, кроме водной глади.

Почти две недели ушло у них на то, чтобы покрыть пятьсот миль, отделявших западную оконечность Муншэя от Скал Чаек, почти вдвое больше времени, чем ожидал Дюдермонт. И все же капитан по-прежнему был уверен в том, что им хватит продовольствия и они найдут путь к Каэрвичу. Никто ничего не говорил об острове с тех пор, как «Морская фея» вышла из Вингейта, по крайней мере открыто, ибо Дзирт слышал нервное перешептывание членов команды, разговоры о призраках и тому подобном.

— Пятьсот миль позади, и пятьсот надо пройти, — сказал Дюдермонт, глядя в подозрную трубу на юг и запад. — Неподалеку отсюда на юге есть остров, где мы могли бы пополнить запасы продовольствия.

— Нам это необходимо? — спросил Дзирт.

— Нет, если мы с хорошей скоростью доберемся до Каэрвича и таким же образом вернемся, — ответил капитан.

— И что же ты решил? — спросила Кэтти-бри.

— Меня утомляют и задержки, и само путешествие, — ответил Дюдермонт.
— Это потому, что ты боишься того, что ожидает тебя в конце пути, — рассудила Кэтти-бри. — Кто знает, что мы найдем на Каэрвиче и даже существует ли Каэрвич?
— Он там! — настаивал капитан.
— Мы всегда сможем остановиться на другом острове на обратном пути, — предложил Дзирт. — Конечно, если у нас достаточно провианта, чтобы добраться до Каэрвича.
Дюдермонт кивнул. Они отправятся прямо на Каэрвич. Капитан собирался ориентироваться по звездам, это все, на что он мог рассчитывать. Он надеялся, что карта, которой снабдил их Тарнхил, была точной.
Он надеялся, что Каэрвич действительно существовал.
И в то же время какая-то часть его «я» надеялась, что это не так.

Глава 9 КАЭРВИЧ

— А он большой, этот Каэрвич? — спросила Кэтти-бри Дюдермонта.
Прошла очередная неделя плавания, на сей раз без всяких происшествий. Еще одна неделя пустоты. И одиночества, хотя команда шхуны была полностью укомплектована и на борту не просто было найти уединенное место. Действовал эффект открытого океана — никогда нельзя остаться в одиночестве, и одновременно кажется, что весь мир находится где-то далеко. Кэтти-бри и Дзирт проводили вместе часы, просто стоя и глядя на море. Каждый уходил в свои мысли: скользя по лазурным волнам, они были вместе и все же далеки друг от друга.
— Несколько квадратных миль, — ответил капитан с отсутствующим видом, как будто повинуюсь рефлексу.
— И ты думаешь найти его? — В голосе девушки явственно прозвучало сомнение, которое заставило и Дзирта, и Дюдермонта посмотреть на нее.
— Мы ведь нашли Скалы Чаек, — напомнил девушке капитан, стараясь поднять ее настроение, хотя и в его голосе также были слышны нотки раздражения. — А они не намного больше.
— Но они всем известны, — парировала Кэтти-бри. — Надо только держать курс на запад.
— Мы знаем, где находимся и куда должны идти, — настаивал Дюдермонт. — И у нас есть карта: мы плывем не вслепую.
Кэтти-бри бросила через плечо сердитый взгляд на Данкина, добывшего для них карту. Тот как раз усердно драил палубу юта. Кислое выражение лица девушки сообщило капитану, какого мнения она придерживалась относительно надежности пресловутой карты.
— И у чародеев — новые глаза, которые далеко видят, — сказал Дюдермонт. Кэтти-бри согласилась, хотя ей было интересно, насколько надежны эти самые «глаза». Взяв несколько птиц на Скалах Чаек, Гаркл и Робийярд заявили, что могут общаться с ними с помощью магии. Чародеи каждый день выпускали чаек, приказывая сообщать о своих находках. Кэтти-бри не очень-то доверяла волшебникам, и действительно, восемь из десяти птиц бесследно исчезли. Кэтти-бри полагала, что птицы скорее всего вернулись на свои родные Скалы, насмехаясь всю дорогу над неумелыми кудесниками.
— Карта — это все, что у нас было с тех пор, как мы покинули Минтарн, — мягко сказал Дзирт, стараясь успокоить девушку и смягчить гнев, явственно читавшийся на ее красивом загорелом лице. Он сочувствовал Кэтти-бри, потому что и сам разделял эти пессимистичные мысли. Шансы были известны с самого начала, и до сего момента путешествие казалось не таким уж плохим — определенно не таким плохим, каким могло быть. Рейс продолжался уже несколько недель, большую часть времени — в открытом океане, они не потеряли ни одного члена экипажа, а их запасы, хотя и небольшие, оставались вполне достаточными. Благодаря Гвенвивар и Гарклу, подумал с улыбкой Дзирт, ибо

пантера и чародей очистили корабль от большей части мерзких крыс вскоре после того, как они вышли из Вингейта.

Но все же, несмотря на то что разумом он понимал, что путешествие шло своим чередом и протекало хорошо, Дзирт не мог иногда удержаться от приливов гнева. Он сознавал, что это было связано с океаном, со скукой и одиночеством. Дроу по-настоящему нравилось идти под парусами, он любил мчаться по волнам, но слишком долгое пребывание в открытом океане, созерцание пустоты, такой глубокой и абсолютной, какой больше не найти во всем мире, действовало ему на нервы.

Кэтти-бри отошла от них, что-то бормоча. Дзирт посмотрел на Дюдермонта, опытный капитан улыбнулся ему в ответ, и тревога дроу несколько улеглась.

— Я уже сталкивался с подобными настроениями, — спокойно сказал Дюдермонт. — Она расслабится, как только мы увидим Каэрвич или как только мы примем решение повернуть назад.

— Ты бы сделал это? — спросил Дзирт. — Ты бы пренебрег словами доппльгэнгера? Дюдермонт долго молчал.

— Я добрался сюда, веря, что это моя судьба, — наконец ответил он. — Какая бы опасность ни преследовала меня сейчас, я желаю встретиться с ней лицом к лицу, с открытыми глазами. Но я не буду рисковать своей командой больше, чем это необходимо. Если наши запасы провианта сократятся настолько, что продолжать путь будет рискованно, мы повернем назад.

— А как же доппльгэнгер? — спросил Дзирт.

— Мои враги нашли меня один раз, — беспечно ответил Дюдермонт. Поистине этот человек был настоящей скалой, подлинной твердыней, на которую могли опереться и Дзирт, и вся команда в этом море пустоты. — Найдут и второй.

— И мы будем ожидать их, — заверил друга Дзирт.

* * *

Случилось так, что ожидание, по крайней мере в том, что касалось Каэрвича, оказалось недолгим. Не прошло и часа, как Гаркл Гарпелл выскочил из каюты Дюдермонта, взволнованно хлопая в ладоши.

Капитан шел за ним, сопровождаемый дюжиной встревоженных моряков. Дзирт, находившийся на своем обычном месте — впереди, — подошел к поручням верхнего мостика, чтобы посмотреть на собравшихся. Он сразу понял, что происходит, и посмотрел вверх, на Кэтти-бри, которая вглядывалась в линию горизонта из «вороньего гнезда».

— О, что за чудесная птица, мой Реджи! — радостно улыбался Гаркл.

— Реджи? — спросили Дюдермонт и несколько моряков, стоявших поблизости.

— Я назвал ее так в честь Регволда, замечательного чародея! Он скрестил лягушку с лошадьё, а это нелегкое дело! Прыгун-Через-Лужи — так он назвал ее. Или Прыгун-Через-Реки? Или, может быть...

— Гаркл! — сухо сказал Дюдермонт, и его тон вернул чародея к действительности.

— О да, конечно, — пролепетал Гаркл. — Да, да, о чем это я? О да, я говорил вам о Регволде. Какой замечательный человек. Прекрасный человек. Как рассказывают предания, он доблестно сражался в Долине Хранителя. Однажды...

— Гаркл! — Теперь голос Дюдермонта звучал почти враждебно.

— Что? — невинно спросил чародей.

— Эта проклятая чайка! — рявкнул капитан. — Что вы обнаружили?

— О да! — ответил Гаркл, хлопая в ладоши. — Реджи. Да, да, чудесная птица. Самая быстрая из всех.

— Гаркл!!! — взревели в унисон два десятка голосов.

— Мы нашли остров, — донесся ответ из-за спины разволновавшегося Гарпелла. На палубу вышел Робийярд, которому, казалось, все это несколько надоело. — Эта птица

вернулась сегодня, щебеча об острове. Вперед и влево по курсу, не так далеко отсюда.

— Насколько он велик? — спросил Дюдермонт.

Робийярд пожал плечами и усмехнулся.

— Все острова велики, когда смотришь на них глазами чайки, — ответил он. — Это могло быть скалой или континентом.

— Или даже китом, — вставил Гаркл.

Какая разница! Если птица действительно углядела остров там, где, согласно карте, находится Каэрвич, тогда это должен быть Каэрвич!

— Ты и Данкин, — сказал Дюдермонт Робийярду и сделал жест в сторону штурвала. — Приведите нас туда.

— И Реджи, — радостно добавил Гаркл, указывая на чайку, которая уселась на самую верхушку грот-мачты, прямо над головой Кэтти-бри.

Учитывая место, где расположилась птица, мрачное настроение девушки и тот факт, что ее лук был при ней, Дзирт стал опасаться за судьбу умного Реджи. К счастью, птица вовремя подчинилась приказанию Гаркла и слетела вниз.

Если бы не чайка, «Морская фея» прошла бы в полумиле от Каэрвича, даже не заметив его. Остров имел округлую форму, походя на низкий конус, и был в диаметре всего лишь несколько сотен ярдов. Он был затянут голубоватым туманом.

По мере того как шхуна приближалась к этому туману, спокойно дрейфуя под половиной парусов, ветер заметно посвежел, а солнце, казалось, несколько уменьшилось в размерах.

Корабль обошел остров, но Дюдермонту не удалось обнаружить ничего примечательного, никакого места, где можно было бы беспрепятственно подойти к берегу.

Капитан встал у штурвала, сменив Данкина, и направил «Морскую фею» прямо к Каэрвичу, медленно вводя ее в туман.

— Призрачный ветер, — заметил Данкин, содрогнувшись от внезапной прохлады. — Это остров, населенный привидениями, говорю я вам.

Коротышка нервно дернул себя за ухо, желая очутиться за тысячу миль отсюда. Другая — чужая — рука дернула его за другое ухо. Данкин обернулся, чтобы встретиться глазами с Дзиртом До'Урденем. Они были примерно одного роста и похожего телосложения, хотя фигура Дзирта с его точеными мускулами выглядела гораздо изящней. Но в этот момент бедному Данкину показалось, что Дзирт гораздо выше и внушительнее его.

— Призрачный ве... — начал было Данкин, но Дзирт приложил палец к губам и заставил коротышку умолкнуть.

Данкин тяжело откинулся на поручни и замолчал.

Дюдермонт приказал приспустить паруса, шхуна едва двигалась. Туман вокруг них сгустился, и что-то неуловимое — в том, как корабль слушался руля, и в том, как текла вода под ними, — заставляло капитана быть настороже. Время от времени он обращался к Кэтти-бри, но ей нечего было сообщить ему, так как она ничего не видела в тумане.

Дюдермонт кивнул Дзирту, тот бросился на нос и низко склонился, разглядывая путь, которым шла шхуна. Через мгновение дроу увидел в каких-то пятидесяти ярдах впереди по курсу торчащий из воды шест. Ему потребовались доли секунды, чтобы понять, что это верхушка мачты корабля.

— Стойте!!! — крикнул он.

Робийярд начал творить свое заклинание прежде, чем Дюдермонт успел отреагировать на предупреждение. Чародей направил в воду прямо перед кораблем заряд энергии, который породил гребнеобразную волну, мгновенно остановившую медленное движение «Морской феи». Тут же шхуна спустила паруса, и ее якорь ушел в воду с громким всплеском, который в течение долгих последовавших за этим секунд зловещим эхом гулял над палубой.

— Глубина? — спросил Дюдермонт. Разметка, имевшаяся на якорной цепи, позволяла измерить глубину.

— Сотня футов, — отозвался один из моряков.

Дзирт вновь присоединился к капитану, стоявшему у штурвала.

— Полагаю, это риф, — сказал он, объясняя свой призыв остановить судно. — Там, впереди, корабль, на расстоянии пары корпусов от нас. Он полностью под водой, за исключением верхушки мачты, но стоит прямо. Что-то мгновенно отправило его ко дну.

— Ему разорвало днище, — заключил Робийярд.

— Думаю, мы находимся в нескольких сотнях ярдов от берега, — сказал Дюдермонт, напряженно вглядываясь в туман. Он оглянулся на корму. На «Морской фее» было две небольшие гребные шлюпки, подвешенные по обе стороны палубы юта.

— Мы могли бы сделать еще круг, — заметил Робийярд, понимая, о чем думает капитан. — Возможно, нам удастся найти подходящее место для высадки.

— Я не стану рисковать кораблем. Мы отправимся на шлюпке, — решил Дюдермонт и, посмотрев на группу стоявших поблизости моряков, приказал: — Спустите одну.

Через двадцать минут Дюдермонт, Дзирт, Кэтти-бри, два чародея, Вэйлан Майканти и явно нерасположенный к поездке и очень испуганный Данкин погрузились в шлюпку и плавно отошли от шхуны. Тем, кто оставался на борту «Морской феи», Дюдермонт оставил конкретные указания: им следовало отойти от зоны тумана на тысячу ярдов и ожидать возвращения экспедиции. Если они не вернутся до наступления ночи, «Морская фея» должна была уйти подальше от острова и вернуться к нему в полдень следующего дня.

Если шлюпку не удастся обнаружить, то шхуне следовало возвращаться домой.

Шлюпка уходила все дальше от «Морской феи». Данкин и Вэйлан гребли, Кэтти-бри, сидя на носу шлюпки, пристально вглядывалась в воду, ожидая каждое мгновение увидеть риф. Дальше, рядом с Дюдермонтом, на коленях стоял Дзирт, готовый указать мачту, увиденную ранее.

Дзирту не удавалось обнаружить ее.

— Никакого рифа, — сказала Кэтти-бри. — Хорошая глубина, по-моему. — Она посмотрела на Дзирта, затем на Дюдермонта. — Ты мог бы подвести шхуну прямо к этому проклятому берегу.

Дюдермонт взглянул на дроу, который напряженно всматривался в туман, не понимая, куда же могла подеваться мачта. Дзирт уже засомневался в ее существовании, когда шлюпка неожиданно накренилась, ее днище заскрежетало по скалам острого рифа, затем она ударилась обо что-то и остановилась.

Они могли бы застрять там всерьез, но заклинание Робийярда приподняло обоих кудесников, Дюдермонта и Кэтти-бри над скрипящими досками шлюпки, а тем временем Дзирт, Данкин и Вэйлан бережно сняли ее с мели.

— Так, значит, прямо к острову? — спросил Дюдермонт Кэтти-бри.

— Но там ничего не было! — настаивала девушка. Она была впередсмотрящей уже более пяти лет, про Кэтти-бри говорили, что у нее лучшие глаза на Побережье Мечей. Так как же она не заметила столь очевидный риф, недоумевала она, особенно с учетом того, что именно его она и высматривала.

Через несколько мгновений Гаркл, находившийся на самой корме, издал вопль удивления, и, обернувшись, все остальные увидели корабельную мачту, торчащую из воды позади чародея.

Теперь все находившиеся в лодке, особенно Дзирт, погрузились в такие же раздумья, как и Кэтти-бри. Они прошли практически над этой мачтой, почему же они не увидели ее?

Данкин яростно дергал себя за ухо.

— Это туман сыграл с нами шутку, — спокойно сказал Дюдермонт. — Обойдите мачту.

Команда прозвучала неожиданно. Данкин затряс головой, но Вэйлан шлепнул его по плечу.

— Налегай на весла, — велел он. — Ты слышал капитана?

Кэтти-бри, которой хотелось больше узнать о потерпевшем крушение корабле, перегнулась через борт, но вода была затянута туманом, и она напрасно всматривалась в

серую пелену, хранящую свои тайны. В конце концов Дюдермонт оставил попытки понять, в чем тут дело, и скомандовал Вэйлану и Данкину идти прямо к острову.

Сначала Данкин охотно закивал, радуясь перспективе оказаться на твердой суше. Но затем, по мере приближения к острову, он стал нервничать все больше и больше.

Прибой был слабым, но подводное течение от берега к морю оказывало сильное сопротивление шлюпке. Остров, который был уже хорошо виден, как будто застыл вдалеке и казался недостижимым.

— Гребите сильнее! — приказал Дюдермонт, хотя и понимал, что они стараются изо всех сил. На конец капитан грустно взглянул на Робийярда, и чародей, безропотно вздохнув, погрузил руки в свои бездонные карманы в поисках подходящих компонентов для заклинания.

Кэтти-бри напряженно всматривалась в туман, пытаясь увидеть на белом берегу следы присутствия обитателей острова. Однако берег был еще слишком далеко, да и густой туман ухудшал видимость, поэтому, так ничего и не разглядев, девушка посмотрела вниз, в темную воду.

Она увидела свечи!

Девушка протерла глаза и снова посмотрела в воду.

Свечи? Без всякого сомнения. Свечи... под водой!

Охваченная любопытством, Кэтти-бри наклонилась пониже и вгляделась еще пристальней, в конце концов различив то, что держало ближайшую свечу. И, задыхаясь, откинулась назад.

— Мертвец, — еле слышно прошептала она. Ее резкие движения уже привлекли внимание всех остальных, и вдруг девушка резко вскочила на ноги, увернувшись от раздувшейся и почерневшей руки, ухватившейся за борт шлюпки.

Данкин, уставившись на Кэтти-бри, вскрикнул, когда она выхватила свой меч. Дзирт вскочил на ноги и рванулся вперед, протискиваясь между двумя гребцами.

Девушка увидела верхушку головы призрака, приближающуюся к поверхности воды. Его кошмарное лицо поднялось к самому борту лодки.

Меч со свистом рассек воздух, прорубив борт шлюпки до самого уровня воды.

— Что ты делаешь? — воскликнул Данкин. Дзирт, который стоял возле девушки, подумал то же самое. Он не видел призрака, только меч Кэтти-бри, глубоко вонзившийся в обшивку.

— Убираемся отсюда! — крикнула в ответ Кэтти-бри.

Дзирт пристально посмотрел на нее, затем огляделся вокруг.

— Свечи? — спросил он, заметив странные бледные огни.

Это простое слово пробудило страх в Дюдермонте, Робийярде, Вэйлане и Данкине, моряках, знавших о морских призраках, раздувшиеся тела которых, отмеченные колдовскими огнями, лежат под водой.

— Как чудесно! — сказал, глядя за борт, Гаркл, который так и не понял, что произошло.

— К берегу! — воскликнул Дюдермонт, но Вэйлан и Данкин уже изо всех сил налегли на весла.

Робийярд творил заклинание. Он вызвал волну позади маленького суденышка, которая подхватила лодку и помчала ее к берегу. Толчок от этой внезапной волны опрокинул Кэтти-бри на дно шлюпки и чуть было не вышвырнул Дзирта в воду.

Гарклу, зачарованному свечами, повезло меньше. В тот момент, когда лодка пересекала линию прибоя и волна достигла своего пика, он вывалился за борт.

Шлюпка рванулась вперед, тяжело врезавшись в песок.

В десяти ярдах от берега, в бурунах прибоя, поднялся промокший Гаркл.

Вокруг него стояла дюжина гротескных, раздувшихся фигур.

— О, приветствую... — начал было дружелюбный Гарпелл, но тут его глаза округлились и чуть не выскочили из орбит. — Иийее! — завопил он, рванувшись к берегу,

отчаянно преодолевая сопротивление подводного течения.

Кэтти-бри вскочила, подняла Тулмарил и приладила стрелу. Затем, быстро прицелившись, выстрелила.

Гаркл снова вскрикнул, когда стрела просвистела рядом с ним. Затем он услышал тошнотворный глухой звук удара, всплеск, с которым зомби погрузился в воду.

Пронеслась вторая стрела, поразив очередную цель. Гаркл, выбравшись на более мелкое место, сорвал с себя облепившие его водоросли и быстро помчался к берегу. Не успел он выбраться из воды, оставив между собой и преследователями несколько футов влажного песка, как услышал рев пламени и, оглянувшись, увидел стену огня, отделившую его от оживших мертвецов.

Он бегом преодолел расстояние, оставшееся до поджидавшей его шестерки, и выразил свою благодарность Робийярду, начав трясти его с такой силой, что вывел чародея из состояния сосредоточенности.

Стена заградительного огня исчезла. На месте прежнего десятка зомби теперь стояло добрых двадцать, к которым присоединялись все новые и новые.

— Молодец, — сухо сказал Робийярд Гарклу.

Кэтти-бри вновь выстрелила, свалив очередного зомби.

Робийярд пошевелил пальцами одной руки, и сгустки зеленой энергии устремились вниз, к воде. Три из них, один за другим, поразили ближайшего зомби, опрокинув его в воду. Еще два врезались в стоящего рядом монстра, уложив его на месте.

— Не слишком творческий подход, — заметил Гаркл.

Робийярд бросил на него сердитый взгляд:

— Ты можешь лучше?

Гаркл раздраженно щелкнул пальцами и принял вызов.

Дзирт и остальные отступили назад, с оружием наготове, предпочитая держаться подальше от чародеев. Даже Кэтти-бри, сделав еще пару выстрелов, опустила свой лук, уступая место в центре сцены соперничавшим кудесникам.

— Этому научил меня калимшанский заклинатель змей, — провозгласил Гаркл. Он подбросил в воздух кусок бечевки и произнес заклинание высоким срывающимся голосом. Откликнувшись на этот магический призыв, ожила одна из водорослей, которая поднялась, как змея, и, молниеносно обвившись вокруг ближайшего зомби, утащила его под воду.

На лице Гаркла заиграла широкая улыбка.

Робийярд саркастически фыркнул.

— Только одного? — спросил он и начал читать заклинания, кружась и танцуя, подбрасывая в воздух металлические чешуйки. Затем он остановился и резко повернулся кругом, с силой выбросив руку в сторону врагов. Туда с возрастающей скоростью хлынул поток сверкающих, горящих металлических осколков, который огненным валом врезался в самую середину толпы монстров. Пламенеющие кусочки металла упрямо липли к чудищам, прожигая водоросли, остатки одежды, полуистлевшие кожу и кости.

Мгновением позже горстка отвратительных зомби рассыпалась у них на глазах.

— Подумаешь! — проворчал Гаркл. Он извлек маленький металлический стержень и направил его в сторону воды. Через несколько секунд из стержня вырвалась молния и вонзилась в воду, образовав широкие круги, захватившие многих монстров. Это было очень странное и даже смешное зрелище! Волосы зомби вставали торчком, и неуклюжедвигающиеся существа начинали странный скачкообразный танец, описывая при этом круги, вращаясь то в одну, то в другую сторону, прежде чем исчезнуть под водой.

Когда заклинание перестало действовать, монстров несколько поубавилось, но по всему мелководью упрямо поднимались все новые и новые чудовища.

Гаркл широко улыбнулся и снова щелкнул пальцами.

— Вспомнил еще кое-что, — заметил он.

— Да уж! — пробормотал Робийярд.

К этому времени Кэтти-бри ослабила тетиву своего лука и улыбалась, глядя на своих

спутников: это зрелище искренне забавляло ее. Даже Данкин, еще недавно охваченный ужасом, казалось, был готов рассмеяться, созерцая соперничающих чародеев. Дюдермонт радовался такому повороту событий, ибо он боялся, что вид кошмарных врагов лишил его команду столь необходимого сейчас мужества.

Наступил черед Робийярда, и он сосредоточился на одном зомби, который вылез из воды и двигался к берегу. На сей раз маг не использовал никаких вспомогательных компонентов, а просто произнес нараспев заклинание и сделал руками какие-то особенные пассы. Из его указательного пальца вырвалась струя огня, которая, достигнув монстра, объяла его многочисленными языками пламени и в мгновение испепелила. Сосредоточившись, Робийярд перевел огненную струю на второго зомби, с которым было покончено столь же быстро.

— Заклинание жаркого дня, — пояснил он. — Из остатков наследия Аганназара.

Гаркл фыркнул.

— Аганназар был всего лишь ничтожным фокусником, — заявил он, и Робийярд нахмурился.

Опустив руку в карман, Гаркл достал несколько компонентов.

— Стрелка, измельченный ремень и желудок гадюки, — пояснял он по ходу дела.

— Мелф! — радостно воскликнул Робийярд.

— Разумеется, Мелф! — откликнулся Гаркл. — Вот это был чародей!

— Я знаю Мелфа, — сказал Робийярд.

Гаркл запнулся и прекратил читать заклинание.

— Сколько же тебе лет? — спросил он.

— Я знаю работы Мелфа, — пояснил Робийярд.

— А, — кивнул Гаркл и продолжил творить заклинание.

Чтобы доказать сказанное, Робийярд полез в карман и извлек оттуда пригоршню шариков, пахнущих сосновой смолой. Гаркл почуял их аромат, но был слишком поглощен последними строками своего заклинания.

Стрелка вылетела из руки Гаркла и, впившись в живот ближайшего зомби, начала источать кислоту, выжигая в чудовище все увеличивающуюся дыру. Монстр тщетно пытался зажать рану, затем низко склонился, как будто захотел поглядеть сквозь себя, и упал.

— Мелф! — провозгласил Гаркл, но, взглянув на Робийярда, притих, когда увидел, как из руки чародея вырываются крошечные метеоры, которые взрываются маленькими шаровыми молниями в рядах зомби.

— Это тоже Мелф, только лучше! — признал Гаркл.

— Хватит! — вмешался Дюдермонт. — Мы можем просто удрать с берега. Я сомневаюсь, что они последуют за нами.

Голос капитана замер, когда он осознал, что ни один из кудесников не обращает на него внимания.

— Мы не на корабле, — вот и все, что ответил ему раздраженный Робийярд. Обернувшись к Гарклу, он спросил: — Признаешь поражение?

— Да я еще по-настоящему и не начал! — заявил упрямый Гаркл.

Оба чародея пустились читать наиболее действенные, на их взгляд, заклинания. Робийярд извлек крошечное ведерко и лопатку, в то время как в руках Гаркла появились перчатка из змеиной кожи с длинным раскрашенным когтем.

Робийярд первым завершил свое заклинание, результатом чего стало возникновение здоровенной ямы у ног ближайших к ним зомби. Она увеличивалась в размерах с огромной скоростью, пыль стояла столбом, монстры валились в яму штабелями. Робийярд развернулся и произнес еще одно слово. Тут же неподалеку от первой ямы возникла вторая, которая также стала расти на глазах.

— Оцени, — проворчал он Гарклу между заклинаниями.

— А как насчет Бигби, — парировал Гаркл, — слышал о нем?

Робийярд побледнел, несмотря на впечатляющую демонстрацию своего могущества.

Разумеется, он знал о Бигби! Это был один из самых могущественных чародеев всех времен и миров.

Заклинание Гаркла породило гигантскую прозрачную руку. Она парила в воздухе неподалеку от первой ямы Робийярда, который с завистью рассматривал произведение своего соперника. Три пальца руки были вытянуты и указывали в сторону ямы, указательный и большой пальцы образовывали кольцо.

— Я усовершенствовал заклинание Бигби, — похвастался Гаркл. В этот момент между ямой и рукой появился зомби.

— Заправляй! — скомандовал Гаркл, и указательный палец руки щелкнул монстра по голове и отправил его в яму. Гаркл обернулся к Робийярду с самодовольной ухмылкой. — Щелкающие Пальцы Бигби, — пояснил он. Затем Гаркл вновь сосредоточился на руке, и она, повинаясь его воле, заскользила над берегом, «заправляя» зомби всякий раз, как они оказывались рядом.

Робийярд не знал, что делать: протестовать или стонать от смеха. Этот Гарпелл был хорош, вынужден был признать он, очень хорош. Но Робийярд не собирался сдаваться. Он извлек бриллиант, драгоценный камень, который обошелся ему больше чем в тысячу золотых монет.

— Отирук, — вызывающе сказал он, называя имя еще одного легендарного и могущественного чародея, труды которого были краеугольным камнем в обучении волшебника. Теперь настал черед Гаркла побледнеть, ибо он мало знал о легендарном Отируке.

Посмотрев на бриллиант, а затем на быстро тающие ряды монстров, Робийярд решил, что игра не стоит свеч. Он щелкнул пальцами, убрал бриллиант в карман и вместо него извлек тонкую хрустальную пластинку.

— Отирук, — сказал он опять, выбрав более дешевый вариант того же заклинания. Тут же прибрежные воды покрылись толстым слоем льда, который сковал всех монстров, не успевших выбраться на сушу.

— Здорово! — признал Гаркл, и Робийярд с громким хлопком соединил руки над головой в жесте превосходства, празднуя свою победу как над зомби, так и над Гарклом. Заклинания очистили от врагов весь берег, так что битва закончилась.

Но Гаркл не мог допустить, чтобы последнее слово осталось за Робийярдом. Он посмотрел на монстров, вмерзших в лед, затем бросил сердитый взгляд на кудесника и, не торопясь, достал из кармана керамическую фляжку.

— Супердоблесть, — пояснил он. — Ты, может быть, слышал о Тэнзере?

— О да, — сказал Робийярд, помедлив. — Разумеется, безумный Тэнзер.

Глаза Робийярда округлились, когда он подумал о возможных последствиях. Самое знаменитое заклинание Тэнзера, как говорили, на некоторое время превращало чародея в воина — в яростного воина!

— Не надо Тэнзера! — завопил Робийярд, сбивая Гаркла с ног и прижимая его к земле, прежде чем тот успел откупорить фляжку со снадобьем. — Помогите мне! — попросил Робийярд, и все остальные тут же подскочили к нему. Таким образом, и сражение с монстрами, и состязание чародеев было завершено.

Дюермонт объявил, что пора двигаться дальше.

Дзирт помахал Кэтти-бри и вышел вперед, готовый отправиться в путь немедленно. Но девушка несколько задержалась. Она прислушивалась к продолжающемуся, теперь уже дружелюбному, разговору кудесников. Главным образом она наблюдала за Робийярдом, который казался оживленным и счастливым, как никогда. Может быть, Гаркл Гарпелл действительно оказывает на него положительное воздействие, подумала она.

— Да, то копательное заклинание здорово сработало вместе с моим вариантом Бигби, — услышала она слова Гаркла. — Ты должен меня научить этому. Мой кузен Биддерду — оборотень, у него есть привычка закапывать все во дворе: кости, палочки и тому подобное. И копательное заклинание поможет мне получить обратно...

Кэтти-бри покачала головой и поспешила вперед, чтобы догнать Дзирта, но тут же резко остановилась и посмотрела назад, на шлюпку. В ней оставался Данкин Высокая Мачта. Кэтти-бри позвала остальных, и они все вернулись к шлюпке.

— Я хочу обратно на корабль, — мрачно сказал Данкин. — Один из чародеев может доставить меня туда.

Говоря это, он так сильно стиснул руками скамью, на которой сидел, что побелели суставы пальцев на обеих руках.

— Пойдем! — сказал Дзирт.

Данкин не двигался.

— Тебе выпала редкая возможность стать свидетелем того, что мало кто видел, — сказал дроу. Говоря это, он вытащил фигурку пантеры и бросил ее на песок.

— Ты знаешь о Каэрвиче больше, чем кто-либо другой на борту «Морской феи», — добавил Дюдермонт. — Твои знания нужны нам.

— Я мало что знаю, — резко ответил Данкин.

— Но все же больше, чем кто-либо другой, — настаивал Дюдермонт.

— За твою помощь тебя ожидает награда, — продолжал Дзирт, и глаза Данкина на мгновение наполнились радостью — пока дроу не объяснил, что он имел в виду под словом «награда». — Кто знает, какое приключение ожидает нас там? — взволнованно сказал Дзирт. — Кто знает, какие тайны могут нам открыться?

— Приключение? — недоверчиво спросил Данкин, глядя на следы бойни, учиненной на берегу, и на многочисленных зомби, замороженных в прибрежных водах. — Награда? — добавил он с усмешкой. — Наказание, это более вероятно, хотя я и не причинил вам вреда, никому из вас!

— Мы здесь для того, чтобы открыть тайну, — молвил Дзирт так, как будто это должно было успокоить Данкина. — Для того чтобы узнать! Для того чтобы жить, открывая тайны мира, находящегося вокруг нас!

— Да кому это интересно? — резко оборвал его Данкин, которому явно были чужды возвышенные идеи дроу.

Вэйлан Майканти, вдохновленный словами Дзирта, решил покончить с жалобами коротышки. Он подошел к борту шлюпки, оторвал руки Данкина от скамьи и выволок его на песок.

— Я мог бы сделать это изящнее, — сухо заметил Робийярд.

— И Тэнзер — тоже, — добавил Гаркл.

— Не надо никакого Тэнзера, — оборвал его Робийярд.

— Не надо Тэнзера?

— Не надо, — повторил Робийярд подчеркнуто спокойным тоном, не допускающим дальнейшего обсуждения.

Лицо Гаркла выразило откровенное недовольство, но он промолчал.

— Поберегите ваше волшебство, — сказал Вэйлан обоим магам. — Оно нам еще понадобится.

Данкин продолжал ныть, но Дзирт оборвал его, сказав:

— Когда со всем этим будет покончено, ты сможешь поразить своими рассказами любого, кто появится в Минтарне.

Казалось, это несколько успокоило коротышку, но только до тех пор, пока Кэтти-бри не добавила:

— Если останешься в живых, конечно.

Невинно улыбнувшись в ответ на сердитые взгляды Дзирта и Дюдермонта, девушка тут же отвернулась.

— Я все расскажу Его Тиранству, — угрожал Данкин, но его уже никто не слушал.

Дзирт вызвал Гвенвивар, и, когда пантера появилась на берегу, все искатели приключений собрались вокруг Дюдермонта. Капитан набросал на песке очертания острова, обозначив крестиком берег, на котором они высадились, и другим таким же знаком, за его

пределами, — местонахождение «Морской феи».

— Есть идеи? — спросил он, глядя главным образом на Данкина.

— Я слышал, что люди говорили о ведьме из Пещеры Плача, — робко сказал коротышка.

— Пещеры могут быть вдоль берега, — рассуждала Кэтти-бри. — Или здесь, повыше. — Она указала на рисунке Дюдермонта то место, где находилась единственная гора — низкий конус, составлявший основу острова Каэрвич.

— Пожалуй, стоит поискать в глубине острова, прежде чем снова выходить в море, — заключил капитан, бросив взгляд на замороженных монстров, убедительно напоминавших об опасностях, которые поджидали их на берегу Каэрвича.

Они двинулись в путь, к центру острова, сквозь неожиданно густые заросли низкого кустарника и огромных папоротников. Как только они оставили позади открытое прибрежное пространство, их оглушили разнообразные звуки: пение и посвист экзотических птиц, хриплые воющие крики, которых никто из них никогда прежде не слышал. Дзирт и Гвенвивар беззвучно исчезли в зарослях, выполняя обязанности дозорных. Увидев это, Данкин, которому очень не понравилось то, что окружавшая его группа уменьшилась, издал жалобный стон. Кэтти-бри усмехнулась: знал бы он, насколько безопаснее было их путешествие, когда вокруг рыскали Дзирт и пантера.

Они провели в поисках более часа, а затем сделали перерыв, остановившись на небольшой лужайке на полпути к вершине горы. Дзирт отправил Гвенвивар вперед, полагая, что пантера сможет осмотреть во время их отдыха большее пространство, чем все они до конца дня.

— Мы спустимся вниз по обратной стороне конуса, затем двинемся на юг, по кругу, и вернемся к шлюпке, — объяснил Дюдермонт. — После этого — вверх на гору, затем вниз и на север.

— Мы могли уже пройти рядом с пещерой, не заметив ее, — проворчал Робийярд. Все они понимали, что он прав: заросли были очень густыми и темными, да к тому же туман по-прежнему оставался плотным.

— Ну, возможно, два наших чародея могли бы тут пригодиться, — сказал с сарказмом Дюдермонт. — Если бы они не растратили свои силы, доказывая, кто из них искуснее.

— Там ведь были враги, которых нужно было уничтожить, — запротестовал Гаркл.

— Я бы могла уложить их с помощью лука, — сказала Кэтти-бри.

— И потратила бы все стрелы, — парировал Гаркл, полагая, что он загнал ее в тупик. Но остальные знали, что колчан Кэтти-бри заколдован.

— У меня никогда не кончаются стрелы, — заметила девушка, и Гаркл так и сел, где стоял.

Этот разговор прервал Дзирт, который неожиданно вскочил на ноги и устремил взгляд в джунгли. Его рука опустилась в мешочек, в котором лежала фигурка из оникса.

Кэтти-бри также поднялась, сняв с плеча Тулмарил, за ней последовали остальные.

— Гвенвивар? — спросила девушка.

Дзирт кивнул. Что-то случилось с пантерой, но он не понимал что. Интуитивно он извлек фигурку, положил ее на землю и снова позвал свою подругу. Мгновением позже появилось облачко серого тумана, которое затем превратилось в пантеру. Гвенвивар нервно и безостановочно ходила около дреу.

— А их что, две? — спросил Данкин.

— Это та же пантера, — объяснила Кэтти-бри. — Что-то отправило Гвен домой.

Дзирт кивнул и посмотрел на Дюдермонта.

— Гвенвивар могла бы найти это «что-то» вновь, — заключил он.

Они снялись с места, следуя за пантерой сквозь джунгли. Вскоре они достигли северных склонов горы и за толстым занавесом кустарника обнаружили темную нору. Дзирт вопросительно посмотрел на Гвенвивар, но пантера явно не собиралась входить туда.

— Я отправляюсь назад к лодке, — заявил Данкин. Он сделал было шаг в сторону, но

Робийярд, которому надоели его глупости, извлек палочку и, не говоря ни слова, наставил ее на Данкина. Коротышка вернулся ко входу в пещеру.

Дзирт приблизился к пантере. Почему Гвенвивар не хочет входить в пещеру, он ведь знал, что она ничего не боится. Может быть, на это место было наложено заклятие, которое мешало ей? Решив, что так оно и есть, Дзирт обнажил Сверкающий Клинок, который, как обычно, засветился яркой голубизной, и жестом попросил друзей обождать. Он проскользнул за кустарниковый занавес, выждал несколько мгновений, пока его глаза не привыкли к глубокому сумраку, и вошел в пещеру.

Свет Сверкающего Клинка погас. Дзирт резко нырнул в сторону, под защиту огромного валуна, осознав, что движется не так быстро, как ожидал. Его магические ножные браслеты явно не помогали ему.

— Здесь не действует магия, — сказал он, и ему стало понятно, почему Гвенвивар не хотела входить в пещеру. Дроу повернулся и обнаружил, что его нетерпеливые друзья уже недалеко от него. На лицах обоих чародеев отражалось недоумение. Кэтти-бри прищурилась в полумраке, одной рукой трогая ставший вдруг бесполезным кулон в виде кошачьего глаза, который висел у нее на лбу.

— Я забыл все свои заклинания, — громко сказал Гаркл, и его голос разнесся эхом по большой пещере. Робийярд прикрыл рот Гаркла ладонью.

— Ш-ш-ш-ш! — прошипел более спокойный чародей. Однако мгновением позже, когда он переварил то, что сказал Гаркл, он взревел: — И я тоже! — и тут же зажал рукой уже свой рот.

— Здесь нет магии, — сказал им Дзирт. — Вот почему Гвенвивар не смогла войти.

— Может быть, это и отправило кошку домой, — добавила Кэтти-бри.

Разговор внезапно прекратился, все головы повернулись в сторону входа. В пещеру вошел Вэйлан, держа над головой ярко горящий, наскоро изготовленный факел.

— Я не пойду в пещеру вслепую, — пояснил молодой моряк. Никто и не возражал. Они отошли от входа всего лишь на несколько футов и почувствовали в царившем здесь полумраке, что их окружало большое пространство. В пещере было прохладно. Казалось, что липкий влажный воздух острова не проникал сюда.

По мере того как они продвигались вперед, становилось ясно, что чувства их не обманывали. Пещера была большой, почти овальной формы, порядка сотни футов в самом широком месте. Пол ее был очень неровным, а свисавшие с потолка гигантские сталактиты отнюдь не добавляли морякам приятных ощущений.

Дзирт хотел уже было предложить методично исследовать пещеру, когда царившая в ней тишина была неожиданно нарушена каким-то странным, кудахтающим голосом.

— Кто хочет видеть меня? — донеслось из грота, который находился на дюжину футов выше того уровня, на котором стояли сейчас путешественники. Все как один устремили свои взгляды в ту сторону, пытаясь разглядеть в темноте хоть что-нибудь. Кэтти-бри крепче сжала Тулмарил, думая о том, насколько эффективным окажется лук, лишенный своего волшебства.

Данкин направился к выходу, но путь ему преградила палочка Робийярда, хотя взгляд чародея не отрывался от грота, из которого донесся голос. Коротышка ненадолго заколебался, но затем понял, что Робийярд не властен над ним в этой пещере.

— Кто хочет видеть меня? — вновь прозвучал тот же вопрос.

В этот момент Данкин прорвался сквозь кустарниковый занавес у выхода.

— Пусть уходит, — сказал Дюермонт. Капитан взял у Вэйлана факел и медленно двинулся вперед, остальные следовали за ним. Дзирт, как всегда настороже, скользнул в тень, которую отбрасывала боковая стена.

Вопрос прозвучал в третий раз, с теми же заученными интонациями, как будто ведьма привыкла к визитам моряков. Наконец она показалась им, появившись между валунами. Старая, даже древняя, в ветхом черном одеянии. Она тяжело опиралась на короткий блестящий посох. Широко открытый рот позволял увидеть ее единственный желтый зуб.

Казалось, что ведьма дышала с большим трудом, а тусклые глаза ее не мигали.

— Кто взвалит на себя бремя знания? — спросила она, повернув голову в сторону отважных пришельцев, и, выдержав короткую паузу, захихикала.

Дюдермонт поднял руку, жестом призвав остальных остановиться, и смело вышел вперед.

— Я, — объявил он. — Я — Дюдермонт с «Морской феи», прибыл на Каэрвич...

— Вернись! — крикнула ему ведьма столь яростно, что капитан отступил на шаг, прежде чем успел осознать, что он делает. Кэтти-бри чуть сильнее натянула свой лук, но держала его низко.

— Это не для тебя и ни для кого из людей, — пояснила ведьма. Все взгляды устремились туда, где в тени скалы замер Дзирт. — Это для двоих, и только для двоих, — продолжала колдунья, ее квакающий голос звучал ритмично, как если бы она декламировала эпическую поэму. — Ни для кого из людей и ни для кого из мужчин, чья кожа темнеет под светом солнца.

Плечи Дзирта поникли: обращение было слишком очевидным. Мгновением позже он посмотрел на Кэтти-бри, которая казалась столь же подавленной, как и он, внезапно поняв, что все это касалось только Дзирта. Дюдермонта чуть не убили в Глубоководье, «Морская фея» и ее команда были в опасности, в тысяче миль от родных берегов, и все это — из-за его наследия.

Вложив клинки в ножны, Дзирт прошел мимо изумленного капитана и встал перед слепой ведьмой. Рядом встала Кэтти-бри.

— Мои приветствия, отступник Даэрмон Н'а'шезбернон, — молвила слепая колдунья, упоминая древнюю фамилию Дзирта, которую мало кто знал за пределами Мензоберранзана. — И тебе, дочь дворфа, что метнула величайшее из копий!

Последняя фраза несколько смутила обоих на мгновение, пока они не поняли, что ведьма, должно быть, говорила о сталактите, который обрушила Кэтти-бри: огромное «копье» пронзило купол святилища дворца Бэнр! Это касалось их обоих, было связано с прошлым Дзирта, с врагами, которые, как они думали, остались где-то позади.

Слепая колдунья жестом предложила им подойти поближе. Сбравшись с мужеством, они повиновались, остановившись футах в десяти от уродливой старухи, которая находилась несколько выше их, что добавляло ей внушительности. С огромным усилием ведьма попыталась расправить плечи и выпрямиться, уставившись своими незрячими глазами в глаза Дзирта До'Урдена.

Затем она продекламировала, четко и размеренно, то, что ей велено было сказать:

— Туда не попадешь случайно, туда идут по доброй воле,
по той проторенной дороге шел призрак твоего отца.
Предавший Ллос, тебя разыщет тот, о котором позабыл ты,
чья ненависть к тебе сильнее, чем всех твоих земных врагов.
Паденьем Дома и паденьем копья, что пробивает купол,
Паучьей Королевы гордость была навек уязвлена.

Что ж, Дзирт До'Урден, час расплаты настал, тебе вонзилась в
сердце

игла, которую не спрячешь под ткань дорожного плаща.

О, сын отступника, отступник, — прими на бой последний
вызов!

Он для тебя кольцо золотое, его не сможешь не принять.

Но лишь тогда на битву выйдешь, когда из вихрей мрачной
Бездны

Освободишь своей рукою создание, запертое там.

Он был дарован Ллос, но ею тому уступлен, кто безмерно
грешил и потаенным следом кого отныне ты пойдешь.

Он отдан для того, отступник, чтоб ты пошел по той дороге,
где ждут тебя, где, несомненно, потерпишь крах в конце пути.
Ступай, ищи того, кто люто тебя возненавидел, дроу!
Ищи врага, а также друга, кого обрел ты в первом доме
своем, — и там того ты встретишь, кто призрак для тебя, не
боле,
кто обуян сраженья жаждой и связан узами любви.

Старуха внезапно умолкла, ее незрячие глаза медленно закрылись, а тело обмякло, как будто она потеряла слишком много сил. Затем она отступила назад, скрывшись между камнями.

Дзирт едва заметил ее уход, он стоял опустив голову; неожиданная догадка лишила его всех сил.

— Он был дарован Ллос, — беспомощно и тихо повторил он и после этого смог вымолвить только одно-единственное имя: — Закнафейн...

Глава 10 СЕРДЦЕ КИЕРСТААДА

Они вышли из пещеры и обнаружили, что Гвенвивар спокойно восседает на распростертом на земле Данкине. Дзирт жестом велел пантере освободить коротышку, и они отправились в обратный путь к шлюпке.

Всю дорогу Дзирт хранил молчание, отправив Гвенвивар на Астральный уровень, как только убедился в том, что на сей раз они не встретят на берегу никакого сопротивления. Лед исчез вместе с зомби. Видя, как расстроило дроу то, что он услышал, и уважая его настроение, все остальные также молчали.

Дзирт снова и снова повторял про себя слова слепой колдуньи, тщетно пытаясь расшифровать их. Каждый слог мог содержать в себе ключ к разгадке, послужить намеком, который поможет ему понять, кто же держит в плену его отца. Но эти слова прозвучали так внезапно, так неожиданно...

Его отец! Закнафейн! У Дзирта перехватывало дыхание, когда он вспоминал о нем. Он перебирал в памяти их многочисленные тренировочные бои, их долгие разговоры. Он вспомнил, как Закнафейн попытался убить его, и за это он еще больше полюбил отца: ведь тот преследовал сына, поверив, что тот пошел дурными путями дроу.

Дзирт отогнал от себя воспоминания. Сейчас не время для ностальгии, ему необходимо сосредоточиться на задаче, которая столь неожиданно встала перед ним. Велика была его радость при мысли о том, что Закнафейна можно вернуть, но не меньшей была и тревога. Некто могущественный, Мать Дома или, возможно, сама Ллос, хранил эту тайну, и слова ведьмы касались Кэтти-бри, так же как и Дзирта. Скиталец украдкой бросил взгляд на девушку, которая, очевидно, погрузилась в сходные размышления. Ведь слова ведьмы означали, что все это — нападение в Глубоководье и путешествие к отдаленному острову — было устроено могущественным врагом, который хотел отомстить не только Дзирту, но и Кэтти-бри.

Дзирт замедлил шаги, позволив остальным подтащить шлюпку к воде. Хорошенько запомнить слова ведьмы, настолько точно, насколько было возможно, — самое лучшее, что он может сделать сейчас для Кэтти-бри и для Закнафейна. Дзирт понимал это, но все же мысль о том, что Закнафейна можно воскресить, не отпускала его, и услышанное казалось туманом, каким-то далеким сном, который он изо всех сил пытался вспомнить. Дзирт даже утратил свою обычную бдительность, когда они отплывали от берега Каэрвича. Остановившимся взглядом он следил за тем, как весла рассекают темную воду, и был настолько поглощен этим зрелищем, что если бы орды зомби пошли на них в атаку, Дзирт обнажил бы свое оружие последним.

Они вернулись на борт «Морской феи» без происшествий, и Дюдермонт, перекинувшись парой слов с Дзиртом, с тем чтобы убедиться, что они покончили со всеми делами на острове, безотлагательно направил корабль в море. Как только они вышли из тумана, окутывавшего Каэрвич, Дюдермонт приказал поднять все паруса, и быстроходная шхуна вскоре оставила туманный остров далеко позади. Только после того, как Каэрвич исчез за линией горизонта, капитан пригласил Дзирта, Кэтти-бри и двух чародеев в свою каюту для обсуждения того, что произошло.

— Ты понял, о чем говорила старая ведьма? — спросил Дзирта капитан.

— О Закнафейне, — ответил дроу без колебаний. Он заметил, что лицо Кэтти-бри омрачилось. Как показалось Дзирту, она упала духом.

— И куда теперь? — спросил Дюдермонт.

— Домой, и только домой, — вставил Робийярд. — У нас мало продовольствия, и нам нужно ликвидировать последствия того шторма, который потрепал нас, прежде чем мы достигли Скал Чаек.

— А потом? — задавая этот вопрос, капитан смотрел Дзирту в глаза.

Дроу воодушевило то, что Дюдермонт считался с его суждением. Не услышав ответа, капитан продолжил:

— «Ступай, ищи того, кто люто тебя возненавидел, дроу». Так сказала ведьма. Кто бы это мог быть?

— Энтрери, — ответила Кэтти-бри. Она повернулась к изумленному Дюдермонту. — Артемис Энтрери, убийца с юга.

— Тот самый, которого мы преследовали однажды до самого Калимшана? — спросил Дюдермонт.

— Неужели мы никогда с ним не покончим! — воскликнула Кэтти-бри. — Он ненавидит Дзирта больше, чем кто-либо...

— Нет, — прервал ее Дзирт, покачав головой и взъерошив свои густые белые волосы. — Не Энтрери.

Дроу хорошо понимал Энтрери, слишком хорошо. Конечно, тот ненавидел Дзирта или, возможно, ненавидел его когда-то, но в основе их вражды лежала слепая гордость наемного убийцы, потребность узнать, кто лучше, а не какая-либо осязаемая причина для неприязни. Побывав в Мензоберранзане, Энтрери до некоторой степени излечился от этой потребности. Нет, все лежало глубже. Это имело отношение к самой Ллос и касалось не только Дзирта, но и Кэтти-бри, и сталактита, пронзившего купол святилища Дома Бэнр! И преследование, и пресловутое золотое кольцо — в основе всего этого лежала чистая и абсолютная ненависть.

— Кто же тогда? — спросил Дюдермонт после продолжительного молчания.

Дзирт колебался.

— Наиболее вероятно — Дом Бэнр, — ответил он. — Я нажил много врагов. В Мензоберранзане дюжины таких, кто отправился бы очень далеко, чтобы убить меня.

— Но откуда ты знаешь, что это кто-то из Мензоберранзана? — вставил Гаркл. — Не следует идти по неверному пути, ведь у тебя много врагов и на поверхности земли!

— Энтрери, — снова сказала Кэтти-бри.

Дзирт покачал головой.

— Ведьма сказала: «Кого обрел ты в первом доме своем», — объяснил Дзирт. — Враг из Мензоберранзана.

Кэтти-бри не была уверена, что Дзирт точно повторил слова ведьмы, но доказательство казалось неопровержимым.

— Итак, с чего же начать? — Дюдермонт, играя роль посредника, обратился сразу ко всем.

— Ведьма говорила о другом мире, — размышлял вслух Робийярд. — Она упомянула Бездну.

— Дом Ллос, — добавил Дзирт.

Робийярд кивнул.

— И так, мы должны получить какие-то ответы из Бездны, — заключил чародей.

— Плыдем туда? — насмешливо спросил Дюермонт.

Кудесник, более сведущий в этих вопросах, просто улыбнулся и покачал головой.

— Надо привести какого-нибудь демона в наш мир, — объяснил он, — и получить от него информацию. Не такая уж трудная или необычная задача для искушенных в колдовстве.

— Таких, как ты? — спросил его Дюермонт.

Робийярд покачал головой и взглянул на Гаркла.

— Что? — сказал смущенный Гаркл, заметив, что все взгляды устремлены на него. Волшебник глубоко погрузился в свои мысли, пытаясь восстановить в памяти слова слепой ведьмы, хотя с того места, где он стоял в пещере, он расслышал не все.

— Таких, как ты, — пояснил Робийярд, — искушенных в колдовстве.

— Я? — пискнул от неожиданности Гаркл. — О нет. Меня и так уже изгнали из Дворца Плюща на двадцать лет. Со мной слишком много проблем. Слишком много демонов разгуливает вокруг, охотясь на Гарпеллов!

— Тогда кто же добудет для нас ответы? — спросила Кэтти-бри.

— В Лускане есть чародеи, которые занимаются колдовством, — предложил Робийярд. — И некоторые жрецы в Глубоководье тоже. Но и те, и другие обойдутся недешево.

— У нас есть золото, — напомнил Дюермонт.

— Это корабельное золото, — вставил Дзирт. — Золото всей команды «Морской феи».

Дюермонт сразу же прервал дроу:

— Лишь после того, как Дзирт До'Урден и Кэтти-бри поднялись на борт, наши дела пошли на лад и мы смогли так заработать. Ты — часть «Морской феи», член ее команды, и каждый пожертвует для тебя своей долей, так же как и ты пожертвовал бы своей, чтобы помочь другому.

У Дзирта не нашлось возражений, но он уловил нотку недовольства в реплике Робийярда, который добавил:

— Разумеется.

— Так Глубоководье или Лускан? — спросил чародей. — Обойдем Муншэй с севера или с юга?

— Глубоководье, — неожиданно вмешался в разговор Гаркл. — Я бы выбрал жреца, — пояснил он, — безупречного жреца. Он больше подходит для общения с демонами, чем чародей, потому что у чародея могут быть другие обязательства или вопросы, которые он пожелает задать той твари. Слишком вникать в дела демонов — это, полагаю, не очень хорошо.

Дзирт, Кэтти-бри и Дюермонт с любопытством посмотрели на кудесника, пытаясь понять, о чем он говорил.

— Он прав, — быстро вставил Робийярд. — Безупречный жрец будет заниматься решением одной задачи, и мы можем быть уверены, что он призовет демона только во имя добра и справедливости.

Говоря это, он смотрел на Дзирта, и у дроу возникло ощущение, что чародей неожиданно подверг сомнению мудрость решения пуститься на поиски, следуя словам слепой ведьмы. Подверг сомнению и этот курс, и, возможно, осознал Дзирт, сами мотивы поиска.

— Освобождение Закнафейна из лап Ллос было бы праведным делом, — с нажимом сказал Дзирт, и в голосе его прозвучала нотка гнева.

— В таком случае безупречный жрец — это то, что нам надо, — небрежно ответил чародей «Морской феи», без всяких извинений.

* * *

Киерстаад смотрел в черные, мертвые глаза оленя, который спокойно, очень спокойно

лежал на плоской поверхности тундры, в окружении красочных цветов, буйно цветущих коротким летом в Долине Ледяного Ветра. Он убил оленя одним ударом своего большого копья.

Киерстаад был рад. Он не ощущал глубоких сожалений при виде поверженного великолепного животного, ибо выживание его народа зависело от результатов охоты. Ни малейшая часть этого гордого зверя не пропадет зря. И все же юноша был рад, что это убийство, его первое убийство, было быстрым. Он посмотрел в глаза мертвого животного и возблагодарил его дух.

Берктгар подошел сзади к молодому охотнику и похлопал его по плечу. Киерстаад был поглощен созерцанием умерщвленного им оленя, его потрясло неожиданное осознание того, что теперь в глазах племени он уже больше не мальчик, поэтому он едва заметил, как огромный охотник прошел мимо него с длинным ножом в руке.

Берктгар склонился над животным, движения его ножа были четкими, отработанными долгой практикой. Через мгновение он повернулся и встал, протягивая к Киерстааду окровавленные руки, держащие сердце животного.

— Съешь его и обрешь силу и быстроту оленя, — посулил вождь варваров.

Киерстаад неуверенно взял сердце и поднес его ко рту. Это было частью испытания, понял юноша, хотя и не знал, что оно предстоит ему. Голос Берктгара звучал торжественно, отказаться было невозможно. «Я больше не мальчик», — сказал Киерстаад самому себе. Что-то дикое всколыхнулось в нем при запахе крови, при мысли о том, что он должен сделать.

— В сердце дух оленя, — объяснил другой охотник. — Вкуси этот дух.

Киерстаад больше не колебался. Он глубоко вонзил свои зубы в черновато-красное сердце. После этого он почти не осознавал того, что делает: как поглощает сердце, как сливается с духом убитого оленя. Вокруг него звучали песни, охотники из группы Берктгара приветствовали его вступление во взрослую жизнь.

Больше не мальчик!

Теперь от Киерстаада ничего не требовалось. Он бесстрастно стоял в стороне, когда старшие охотники чистили и разделявали оленя. Конечно, именно этот путь был лучшим для него и его племени: жить свободными от уз богатства, от связей с другими народами. Берктгар был прав, Киерстаад знал это. И все же юноша по-прежнему не держал зла на дворфов или народ Десяти Городов, и никакая ложь не могла уменьшить его уважение к Вульфгару, который столь много сделал для племен Долины Ледяного Ветра.

С разделкой покончили, все было сделано искусно и правильно. Ничего не пропало зря, ни малейшего неуважения к гордому животному. Юноша взглянул на свои окровавленные руки, ощутил, как струйка крови стекает по подбородку и капает на рыхлую почву. Это была его жизнь, его судьба. И все-таки означает ли новая жизнь войну с Десятью Городами, как это случалось уже много раз в прошлом? А как же их связи с дворфами, которые вернулись в свои шахты к югу от Пирамиды Кельвина?

Киерстаад слушал Берктгара в течение нескольких последних недель. Он слышал, как Берктгар спорил с Рэвьяком, отцом Киерстаада и признанным вождем Племени Лося, единственным племенем, оставшимся в тундре Долины Ледяного Ветра. Берктгар отделится, подумал Киерстаад, глядя на этого гиганта. Берктгар возьмет с собой молодых воинов и заново создаст Племя Медведя или какое-нибудь другое из родовых племен. И тогда соперничество, которое столь долго было образом жизни варваров Долины Ледяного Ветра, возродится вновь. Кочуя по тундре, они будут сражаться за пищу или за лучшую землю.

Пока что это всего лишь одна из возможностей, подумал Киерстаад, пытаясь отогнать от себя беспокойные мысли. Берктгар желал быть абсолютным лидером, хотел подражать Вульфгару, а затем — превзойти его славу. Но он не смог бы сделать этого, если бы добился раскола среди оставшихся варваров, которые были слишком малочисленны, чтобы какие-то отдельные племена могли добиться реального превосходства.

Вульфгар объединил эти племена.

Были и другие варианты развития событий, но, по мере того как юноша обдумывал их,

ни один из них не пришелся ему по душе.

Берктгар, склонившийся над добычей, взглянул на Киерстаада, его широкая улыбка говорила о том, что он принимает юношу полностью и без всяких скрытых мотивов. И все же Киерстаад был сыном Рэвйяка, и теперь ему казалось, что Берктгара и его отца могут ждать впереди конфликты. Вождю племени варваров могли бросить вызов.

Он только укрепился в этой мысли, когда удачливая группа охотников, приблизившись к лагерю племени, состоявшему из палаток из оленьей кожи, столкнулась с двумя дворфами: Бренором Боевым Топором и жрицей Стампет Скребущий Коготь.

— Вам здесь не место! — тотчас же рявкнул Берктгар на вождя дворфов.

— И тебя чтоб так же хорошо встречали, — огрызнулась Стампет, никогда никому не позволявшая говорить за нее. — Быстро ты позабыл Долину Хранителя, а мы слыхали, что ты там был.

— Я не обсуждаю с женщинами важные темы, — невозмутимо сказал Берктгар.

Бренор быстрым движением руки остановил разъяренную Стампет.

— Да и я не собираюсь разговаривать с тобой. Я и моя жрица пришли, чтобы повидаться с Рэвйяком, вождем Племена Лося.

Ноздри Берктгара раздулись. Киерстаад и другие охотники ожидали, что он бросится на Бренора, и напрягшийся дворф, похлопывая по открытой ладони рукояткой топора, на которой виднелось множество зарубок, также, очевидно, ожидал этого.

Но Берктгар, не будучи глупцом, успокоился.

— Я тоже возглавляю охотников Долины Ледяного Ветра, — сказал он. — Говори, зачем пришел, и убирайся!

Бренор усмехнулся и прошел мимо гордого варвара, направившись в поселение. Берктгар взревел и прыгнул, приземлившись прямо на пути Бренора.

— Ты командовал в Сэттлстоуне, — твердо сказал рыжебородый дворф. — И может быть, командуешь здесь. А может, и нет. Когда мы покидали Долину, Рэвйяк был вождем, и Рэвйяк все еще вождь, судя по всему, что я слышал.

Бренор не спускал с Берктгара осуждающего взгляда серых глаз, вновь обходя разъяренного гиганта.

Стампет задрала нос и более не удостоила варвара даже взглядом.

Для Киерстаада, который любил Бренора и его буйное племя, это было тягостной встречей.

* * *

Дул легкий ветер, тишину нарушал только скрип шпангоутов «Морской феи», которая плавно скользила на восток по спокойным морским водам. Полная бледная луна висела над ними в безоблачном небе.

Кэтти-бри сидела возле баллисты, съездившись возле свечи, время от времени что-то записывая на пергаменте. Дзирт оперся на поручни, его пергамент был свернут и покоился в кармане плаща. По указанию Дюдермонта, все шестеро, побывавшие в пещере слепой ведьмы, должны были записать услышанное так, как они запомнили его. Пятеро из них — необычайно высокое соотношение — могли писать. Вэйлану, который не очень-то дружил с буквами, следовало продиктовать то, что он помнил, Гарклу и Робийярду, которые должны были по отдельности записать его слова, не интерпретируя их.

Запись заняла у Дзирта немного времени, по крайней мере запись тех частей, которые он помнил наиболее ясно и считал жизненно важными. Он понимал, что каждое слово могло дать необходимый ключ к разгадке, но тогда он был слишком взволнован, слишком ошеломлен, чтобы уделять внимание мелким деталям. В самом начале ведьма упомянула отца Дзирта и затем несколько раз намекнула на то, что Закнафейн выжил. Только об этом Дзирт и мог думать, это, как он надеялся, он запомнил правильно.

Кэтти-бри была более внимательной, ее запись оказалась гораздо точнее. Но и она

также была потрясена и удивлена случившимся и не могла быть уверена в том, что память не подвела ее.

— Я был бы рад разделить такую ночь с ним, — сказал Дзирт, и его голос прозвучал в тишине столь неожиданно, что девушка чуть не проткнула пером ломкий пергамент. Она подняла глаза на Дзирта, взгляд которого был устремлен на луну.

— Хотя бы одну, — продолжал дроу. — Закнафейну понравилась бы здешняя ночь.

Кэтти-бри улыбнулась, не сомневаясь в том, что это именно так. Дзирт много раз говорил с ней об отце. От него, а не от своей злой матери унаследовал он черты своего характера. Они с отцом были похожи во многом: и душой, и поведением в бою. Но Дзирт нашел в себе мужество покинуть Мензоберранзан, а Закнафейн нет. Он остался со злобными темными эльфами и в конце концов был принесен в жертву Паучьей Королеве.

«Он был дарован Ллос, но ею тому уступлен...».

Верная строка неожиданно всплыла в памяти Кэтти-бри. Она произнесла ее вслух громким шепотом и, почувствовав, что это точный вариант, вернулась к своему пергаменту и нашла ранее записанную версию строки. Оказалось, что она написала: «Он был предложен Ллос» вместо «Он был дарован Ллос».

Кэтти-бри аккуратно внесла исправление.

Каждое слово могло быть жизненно важным.

— Полагаю, что опасность, с которой я столкнулся сейчас, превосходит все, что мы когда-либо видели, — продолжал Дзирт, говоря с самим собой в той же степени, что и с Кэтти-бри.

Девушка не упустила того, что в первой половине этой фразы прозвучало «я» вместо «мы». Все происходящее касалось и ее, и она собиралась было прояснить это, но заявление Дзирта вызвало в ее памяти еще несколько слов: «И потаенным следом кого отныне ты пойдешь». Кэтти-бри поняла, что это следующая строка, и ее перо вновь принялось за работу. Дзирт продолжал говорить, но она едва слышала его. Однако несколько слов она все же ухватила и прекратила писать, оторвала взгляд от пергамента и посмотрела на дроу. Он вновь говорил о том, чтобы отправиться в путь одному!

— Стихи предназначены для нас двоих, — напомнила ему Кэтти-бри.

— Этот след ведет к моему отцу, — возразил Дзирт, — к дроу, которого ты никогда не встречала.

— И что же? — спросила Кэтти-бри.

— По этому следу я должен отправиться...

— Со мной, — решительно сказала Кэтти-бри. — И не вздумай снова уйти без меня! — проворчала она. — Ты однажды уже ушел один и чуть было не навлек гибель на себя и на всех нас своей глупостью!

Дзирт обернулся и взглянул ей прямо в глаза. Как он любил эту женщину! Он знал, что ее не переспоришь, ибо любые представленные им аргументы она опровергла бы либо просто проигнорировала.

— Я с тобой, на всем пути, — сказала Кэтти-бри, и ее твердый тон начисто исключал возможность любого компромисса. — И я думаю, что Дюдермонт, Гаркл и, может быть, еще несколько человек также пойдут с тобой. И попробуй только остановить нас, Дзирт До'Урден!

Дзирт начал было отвечать, но передумал. Стоило ли? Друзья никогда не дадут ему отправиться в этот мрачный путь в одиночку. Никогда.

Он оглянулся на темное море, на луну и звезды, и его мысли вновь вернулись к Закнафейну. Он вспомнил «кольцо золотое», о котором говорила ведьма.

— Потребуется по крайней мере две недели, чтобы вернуться в порт, — посетовал он.

— Три, если ветер не усилится, — вставила Кэтти-бри, не отрывая взгляда от пергамента.

Неподалеку от них, на верхней палубе, под поручнями палубы юта, Гаркл Гарпелл энергично потирал руки. Он разделял недовольство Дзирта перспективой столь долгого

плавания, и ему вовсе не хотелось болтаться по волнам еще две или три недели.

— Туман судьбы, — пробормотал он, вспомнив о своем новом могущественном заклинании, том самом, что доставило его к «Морской фее». Казалось, ему предоставляется идеальная возможность снова применить это волшебство.

Глава 11 НАДВИГАЮЩИЙСЯ ШТОРМ

Рэвйяк расплылся в широчайшей улыбке, увидев, что слухи оказались верными и Бренор Боевой Топор действительно вернулся в Долину Ледяного Ветра. Варвар и дворф жили рядом в течение первых сорока лет жизни Рэвйяка, и тогда их отношения были скорее враждебными. Но затем Вульфгар объединил кочевые племена и повел их на помощь Десяти Городам и Клану Боевого Топора против злобного Акара Кессела и его любимцев — гоблинов.

И вот тогда, около десяти лет назад, Рэвйяк оценил по достоинству силу и стойкость Бренора и его дворфов. В течение нескольких последующих недель, пока Бренор и Вульфгар не отправились на поиски Мифрил Халла, Рэвйяк провел много времени с вождем дворфов и быстро подружился с ним. Бренор собирался в путь, но Клан Боевого Топора должен был оставаться в Долине Ледяного Ветра, пока Мифрил Халл не будет найден, и Рэвйяк взялся за то, чтобы укрепить дружбу между гигантскими варварами и малорослыми дворфами. Он так здорово справился с этим, что многие из его людей, включая Берктгара, предпочли отправиться на юг с Кланом Боевого Топора, чтобы присоединиться к битве за Мифрил Халл, и оставались там в течение нескольких лет.

Иногда Рэвйяку казалось, что Берктгар просто потерял память, ибо когда огромный воин вошел в палатку, чтобы участвовать во встрече с Бренором и Стампет, на его лице застыло суровое, жесткое выражение.

— Сядь, Берктгар, — предложил ему Рэвйяк, указав на место рядом с собой.

В ответ Берктгар жестом показал, что будет стоять. Рэвйяк понимал, что он стремится сохранить внушительный вид, возвышаясь над сидящими дворфами. Незаметно было, чтобы это обеспокоило Бренора. Он удобно откинулся на толстый валик из сложенных шкур, так что ему не приходилось закидывать голову назад, чтобы взглянуть на стоящего Берктгара.

— Судя по твоему виду, то, что ты съел в последний раз, было не таким уж вкусным, — насмешливо заметил дворф, обращаясь к Берктгару.

— Что привело короля сюда, столь далеко от его королевства? — резко ответил на эту шутку Берктгар.

— Более не короля, — поправил его Бренор. — Я вернул титул своему прапрапрадеду.

Рэвйяк с любопытством глядел на дворфа.

— Гэндалугу? — спросил он, вспоминая невероятную историю, рассказанную ему Берктгаром о том, как предок Бренора, первоначальный глава Клана Боевого Топора и основатель Мифрил Халла, восстал из мертвых, вернувшись из плена темных эльфов.

— Ему самому, — ответила Стампет.

— Ты можешь называть меня принцем, — сказал Бренор Берктгару, который раздраженно фыркнул и отвернулся.

— Итак, ты вернулся в Долину Ледяного Ветра, — вмешался Рэвйяк, пока эта пикировка не приняла дурной оборот. Вождю варваров показалось, что Бренор недооценивает силу антипатии Берктгара к дворфам либо ему просто все равно. — Навестить родные места?

— Остаться, — исправил Бренор. — Шахты открываются, пока мы здесь сидим и разговариваем. Их подчищают, ремонтируют опоры. Через неделю мы начнем извлекать оттуда руду, а еще через день — изготовливать товары.

Рэвйяк кивнул и сделал вывод:

— Значит, это деловой визит.

— И для установления дружественных отношений тоже, — быстро продолжил Бренор. — Полагаю, что лучше, когда эти две цели сочетаются.

— Согласен, — сказал Рэвйяк. Он взглянул на Берктгара и увидел, что тот нервно кусает губы. — Надеюсь, что ваш клан назначит справедливые цены на те товары, что нужны нам.

— У нас есть металл, у вас — шкуры и мясо, — отвечал Бренор.

— У вас нет ничего, в чем мы нуждаемся, — неожиданно и яростно вмешался Берктгар. Бренор, улыбаясь, взглянул на него. Через мгновение Берктгар смотрел уже прямо в глаза Рэвйяку.

— Нам ничего не нужно от дворфов, — продолжал воин. — Все, что нам нужно, даст тундра.

— Пф! — фыркнул Бренор. — Каменные наконечники ваших копий отскакивают от хорошей кольчуги!

— Олень не носит кольчуги, — сухо ответил Берктгар. — А если мы отправимся на войну против Десяти Городов и их союзников, то наша сила заставит каменный наконечник пробить все, что может выковать дворф.

Бренор выпрямился, Рэвйяк и Стампет напряглись, опасаясь, что вспыльчивый рыжебородый дворф захочет ответить Берктгару такой же открытой угрозой.

Однако Бренор оказался мудрее и просто спросил Рэвйяка:

— Кто говорит от лица племени?

— Я, — твердо заявил Рэвйяк, смотря прямо на Берктгара.

Берктгар и глазом не моргнул.

— Где Клык Защитника? — спросил гигант.

«Так вот оно что, — подумал Бренор, — вот в чем суть, зерно спора». Клык Защитника, могучий боевой молот, выкованный Бренором в подарок Вульфгару, юноше-варвару, который стал ему сыном.

— Ты оставил его в Мифрил Халле? — продолжал допытываться Берктгар, и Бренору показалось, что воин надеялся на положительный ответ. — Он висит на стене как бесполезное украшение?

Стампет поняла, что здесь происходит. Они с Бренором обсуждали этот вопрос перед возвращением в Долину Ледяного Ветра. Берктгар предпочел бы, чтобы Клык Защитника оставался в Мифрил Халле, в сотнях и сотнях миль от Долины Ледяного Ветра. Тогда это оружие не отбрасывало бы своей тени на него и его великий меч, Банкенфуэре Северная Ярость. Однако Бренор и слышать об этом не хотел. Клык Защитника был его наивысшим достижением, вершиной его мастерства и, что еще важнее, единственной нитью, связывавшей его с утраченным приемным сыном. Куда бы ни пошел Бренор, Клык Защитника будет с ним! И плевать ему на чувства Берктгара!

Бренор долго не отвечал на вопрос Берктгара, как будто размышляя над тем, какую тактику избрать. Стампет оказалась более прямолинейной.

— Молот — в шахтах, — сказала она решительно. — Бренор создал его, Бренор и принес!

Берктгар нахмурился еще больше, и Стампет быстро перешла к атаке.

— Ты только что сказал: Долина дает все, что тебе необходимо, — сказала она. — Что ж тебя так заботит изготовленный дворфом молот?

Огромный варвар не отвечал, но и Бренору, и Рэвйяку показалось, что тут Стампет берет над ним верх.

— Ведь меч, который ты носишь за спиной, тоже не был выкован в Долине, — заметила она. — Ты его выторговал, и он, вероятно, изделие дворфов.

Берктгар захохотал в ответ, но в палатке Рэвйяка от этого не стало веселее, ибо в смехе варвара слышалась угроза.

— Кто же эти дворфы, что зовут себя нашими друзьями? — спросил Берктгар. — Те,

кто не отдаст нам оружие, ставшее легендарным благодаря одному из нашего племени?

— Устарел ты со своим пустословием, — усмехнулся Бренор.

— Ты тоже стареешь, дворф! — парировал Берктгар. — Не следовало тебе возвращаться! — С этими словами гигант вылетел из палатки.

— Надо бы присмотреть за ним, — сказал Бренор Рэвйяку.

Вождь варваров кивнул.

— Берктгар запутался в паутине своих собственных слов, — ответил он. — И многие другие тоже, главным образом молодые воины.

— Всегда полные боевого духа, — заметил Бренор.

Рэвйяк улыбнулся, соглашаясь с ним. За Берктгаром, разумеется, следовало присматривать, но тут, по правде говоря, Рэвйяк мало что мог сделать. Если бы Берктгар захотел расколоть племя, многие согласились бы последовать за ним и Рэвйяк не смог бы воспрепятствовать этому. Хуже того, потребуй Берктгар осуществления Права Вызова для определения вождя объединенного племени, он получил бы достаточную поддержку, так что Рэвйяку трудно было бы отказаться от поединка.

А он был слишком стар, чтобы сражаться с Берктгаром. Он думал, что образ жизни варваров Долины Ледяного Ветра изменился, когда Вульфгар объединил племена. Именно поэтому он согласился стать вождем, когда Вульфгар покинул их, хотя в прошлом такой титул мог быть только унаследован или добыт в сражении.

Старое отмирало с трудом, подумал Рэвйяк, глядя на откидное полотнище, закрывавшее вход в палатку, через который только что вышел Берктгар. В его племени многие, особенно те, кто вернулся из Мифрил Халла, и даже те, кто оставался с Рэвйяком, испытывали ностальгию по прошлому, по тем безвозвратно ушедшим дням, наполненным большей свободой и яркими чувствами. Рэвйяку часто доводилось слышать рассказы старших соплеменников о великих войнах и об объединенном наступлении на Десять Городов, когда Вульфгар попал в плен к Бренору.

Рэвйяк знал, что подобная ностальгия неразумна. Множество воинов погибло тогда, и племена едва пережили последующую зиму. И тем не менее рассказы о войне были всегда полны воспоминаниями о славных подвигах и всеобщем воодушевлении, в них не находилось места для трагедии. Всеобщее возбуждение, вызванное возвращением Берктгара, так же как и возвращением Бренора и дворфов, заставило многих с теплым чувством вспоминать дни, предшествовавшие их союзу.

Рэвйяк, конечно, будет присматривать за Берктгаром, но это все, что он сможет сделать.

* * *

Киерстаад, который притаился у палатки и слушал, кивнул в знак согласия с Бренором. Юноша разрывался между Берктгаром, которым он восхищался, и Бренором, к которому испытывал не менее сильные чувства. Но в тот момент мысли юноши были заняты совсем другим.

Бренор подтвердил, что Клык Защитника находится в Долине!

* * *

— Возможно, это такой же шторм, который настиг нас возле Скал Чаек, — заметил Робийярд, глядя на черную стену, видневшуюся вдаль на востоке, на линии горизонта.

— Но сильнее, — добавил Дюермонт. — И он еще усиливается.

Солнце все еще сияло над ними, от Казрвича их уже отделяло шесть дней пути, а до островов Муншэй оставалось, по прикидкам Дюермонта, восемь.

Первые дуновения встречного ветра коснулись лица высокого капитана, первые, еще слабые, порывы шторма, который вскоре обрушится на них со всей силой.

— Право руля! — крикнул Дюдермонт моряку, стоящему у штурвала. — Мы пойдем на север, чтобы обойти эту зону, а затем и острова Муншэй, — сказал он спокойно, так чтобы только Робийярд мог его слышать. — Этот курс приведет нас прямо к нашему порту.

Чародей кивнул. Он понимал, что Дюдермонт не хотел поворачивать на север, где ветер был менее предсказуем, а море холоднее, но понимал также, что у них не было выбора. Если бы они попытались уклониться от шторма на юг, то оказались бы возле Нилантера, пиратских островов, в том месте, где «Морской фее» — этому бельму на глазу корсаров — явно не стоило показываться.

Итак, они пойдут на север, обходя шторм, а затем и острова Муншэй. Во всяком случае попытаются. Глядя на быстро приближающуюся стену тьмы, которую прочерчивали молнии, Робийярд не был уверен, что «Морской фее» хватит скорости.

— Иди и наполни паруса своим волшебным ветром, — приказал ему Дюдермонт, и, несмотря на спокойный тон капитана, было очевидно, что он разделяет тревогу кудесника.

Робийярд подошел к поручням палубы юта и сел, свесив ноги с палубы, лицом к грот-мачте. Он протянул левую руку к мачте и воззвал к силам своего кольца, чтобы создать порыв ветра. Столь незначительное волшебство не должно было чрезмерно напрячь силы могущественного кольца чародея, и Робийярд повторял заклинание снова и снова, наполняя паруса, под которыми «Морская фея» быстро бежала по волнам.

Но все же недостаточно быстро. Черная стена нависла над ними, волны раскачивали «Морскую фею», и вскоре корабль больше подпрыгивал, чем шел вперед. Дюдермонт оказался перед суровым выбором: он мог либо спустить паруса, задрать все люки и попытаться пройти сквозь шторм, либо продолжать мчаться вперед, обходя стороной границу шторма в отчаянной попытке проскользнуть к северу от него.

— Да пребудет с нами удача! — решил капитан, и шхуна продолжала нестись на всех парусах, пока шторм наконец не настиг ее.

«Морская фея» была одним из лучших кораблей, построенных человеком, с тщательно подобранным, опытным экипажем, в который входили теперь два могущественных чародея, Дзирт, Кэтти-бри и Гвенвивар. Ее капитаном был один из самых многоопытных и уважаемых моряков на всем Побережье Мечей. Велики были, по человеческим меркам, возможности «Морской феи», но сейчас, перед лицом разбушевавшейся стихии, она казалась крошечной скорлупкой. Шхуна пыталась уйти от шторма, но он, подобно опытному охотнику, отрезал ей все пути к спасению.

Направляющие канаты разорвались, и мачта изогнулась. Даже объединенное волшебство Робийярда и Гаркла Гарпелла не смогло бы уберечь грот-мачту. Ее спасло лишь то, что в этот момент сломался горизонтальный направляющий бимс.

Рванувшийся парус снес с реи матроса, который сразу же исчез в пенящейся воде. Дзирт мгновенно вызвал Гвенвивар и отправил ее в море, на поиски моряка. Пантера не колебалась: ей уже приходилось делать это прежде. С рычанием она прыгнула в темную воду и скрылась из виду.

Стихия неистовствовала: по кораблю молотили дождь и град, на него одна за другой обрушивались огромные волны, не переставая гроыхал гром и молнии впились в высокие мачты.

— Мне следовало спустить паруса раньше! — воскликнул Дюдермонт, и, хотя он кричал изо всех сил, Дзирт, стоявший рядом, едва смог расслышать его из-за рева ветра и гроыхания грома.

Дроу покачал головой.

— Мы на краю шторма, — твердо сказал он. — Если бы ты остановился раньше, мы оказались бы в центре и были бы обречены.

Дюдермонт расслышал только несколько слов, но понял суть того, что пытался высказать его друг. В порыве благодарности он положил руку на плечо Дзирта, но неожиданно отлетел в сторону, сильно ударившись о поручни и чуть было не перелетев через них, когда огромная волна почти положила «Морскую фею» на борт.

Дзирт мгновенно оказался возле капитана, ибо его заколдованные ножные браслеты и природная ловкость позволяли ему быстро передвигаться по ходуном ходившей палубе. Он помог Дюдермонту подняться на ноги, и вдвоем они с огромным трудом добрались до люка.

Капитан первым нырнул вниз, а Дзирт остановился, чтобы осмотреть палубу и удостовериться, что все остальные уже покинули ее. Наверху оставался только Робийярд, который по-прежнему сидел на палубе юта, уцепившись за столбики поручней, и продолжал колдовать, пытаясь противостоять урагану порывами создаваемого им волшебного ветра. Чародей заметил, что Дзирт смотрит на него, и жестом предложил ему удалиться, указав затем на свое кольцо, как бы напоминая дроу о том, что у него достаточно магической силы, чтобы позаботиться о себе.

Как только Дзирт оказался внизу, он извлек фигурку пантеры. Дроу надеялся, что Гвенвивар уже нашла матроса.

— Иди домой, Гвенвивар, — сказал он, обращаясь к фигурке.

Дзирт хотел сразу же вызвать пантеру назад, чтобы выяснить, спасла ли она моряка, но корабль содрогнулся от удара волны, и статуэтка упала куда-то в темноту. Дзирт пополз было в том направлении, куда она полетела, но помещение было слишком темным и слишком переполнено людьми.

Объятая ужасом команда, сгрудившаяся под палубой, не знала, тот ли это шторм, который так потрепал корабль недавно. Если так, то на сей раз он был значительно сильнее, «Морскую фею» швыряло, как щепку. Вода хлестала в трюм из каждой щели, и лишь неистовые усилия экипажа по откачке воды, которые четко координировались, несмотря на темноту и владевший людьми страх, держали корабль на плаву. Это продолжалось более двух часов, двух кошмарных, выматывающих часов, но Дзирт верно оценил местоположение корабля: «Морская фея» оказалась на границе, а не в центре шторма. Ни один корабль во всех Королевствах не выдержал бы такого.

А затем все стихло, не считая раскатов грома, которые раз от разу становились все слабее. «Морская фея» сильно кренилась влево, но держалась на поверхности.

Дзирт первым оказался на палубе, за ним поднялся Дюдермонт. Шхуне был нанесен огромный ущерб, особенно пострадала грот-мачта.

— Сможем ли мы отремонтировать ее? — спросил Дзирт.

— Только в порту, — ответил Дюдермонт, не упоминая о том, что ближайший порт находится милях в пятистах отсюда.

Вскоре наверху показалась Кэтти-бри, держа в руке фигурку из оникса. Дзирт сразу же вызвал пантеру, которая появилась на палубе в сопровождении моряка, имевшего очень жалкий вид.

— Теперь тебе есть что рассказать внукам, — бодро сказал Дюдермонт, похлопав матроса по плечу и стараясь поднять настроение всем, кто находился вокруг. Моряк, потрясенный тем, что с ним приключилось, застенчиво кивнул, и двое товарищей увели его вниз.

— Такой прекрасный друг, — заметил капитан Дзирту, указывая на Гвенвивар. — Тот парень был наверняка обречен.

Дзирт кивнул и провел рукой по мускулистой спине пантеры. Он никогда не принимал ее дружбу как должное.

Кэтти-бри сосредоточенно наблюдала за Дзиртом, понимая, что спасение моряка было важно для дроу не только в силу присущего ему альтруизма. Если бы матрос утонул, груз вины, лежащий на плечах Дзирта До'Урдена, стал бы еще тяжелее, ибо еще один невинный оказался бы принесенным в жертву из-за темного прошлого скитальца.

Но этого не произошло, и на мгновение показалось, что «Морская фея» и вся ее команда пережили шторм без потерь. Однако возникшее было радостное настроение пропало, когда появился Гаркл, задавший вопрос:

— Где Робийярд?

Все взгляды обратились к юту, и оказалось, что поручни поломаны как раз в том месте,

где Дзирт в последний раз видел чародея.

Дзирт ощутил боль в сердце, а Кэтти-бри бросилась к поручням и стала всматриваться в море.

Дюдермонт вовсе не казался опечаленным.

— У кудесника есть средства, чтобы спастись от шторма, — уверял он всех остальных. — Это уже случалось раньше.

Верно, подумали Дзирт и Кэтти-бри. Несколько раз Робийярд покидал «Морскую фею», чтобы принять участие в собрании своей гильдии в Глубоководье, даже когда корабль находился в сотнях миль от берега.

— Он не может утонуть, — продолжал Дюдермонт, — пока он носит свое кольцо.

Друзья немного успокоились. Кольцо Робийярда происходило с Изначального уровня Воды, это было могущественное волшебное средство, которое помогало чародею на море, каким бы сильным ни был шторм. Конечно, Робийярда могла поразить молния, или он мог потерять сознание, но скорее всего его смыло с палубы «Морской феи», и ему пришлось применить магию, чтобы спасти свою жизнь.

Кэтти-бри продолжала осматривать море вокруг шхуны, и Дзирт присоединился к ней.

У Дюдермонта имелось другое насущное дело: ему надо было обдумать, как доставить «Морскую фею» в безопасный порт. Они пережили шторм, но это могло оказаться лишь временной передышкой.

Гаркл, наблюдавший за капитаном и видевший серьезный ущерб, нанесенный шхуне, тоже понимал это. Он спокойно проследовал в каюту Дюдермонта, скрывая охвативший его пыл до тех пор, пока не оказался за запертой дверью. Тогда на лице его заиграла улыбка, он радостно потер руки и извлек из сумки книгу в кожаном переплете.

Осмотревшись вокруг, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает, Гаркл открыл магический том. Большинство страниц были чистыми — до того, как Гаркл впервые наколдовал туман судьбы, все они были чистыми. Теперь первые несколько страниц книги представляли собой дневник магического путешествия Гаркла, в конце которого он взшел на борт «Морской феи», и, как он с радостью увидел, его последующих приключений. К его удивлению — поскольку он не решался внимательно рассматривать книгу до этого момента, — в ней оказались даже вирши слепой ведьмы, слово в слово.

Туман судьбы все еще действовал, понял Гаркл, ибо ни он, и никто другой не вписывал в книгу ни единого слова. Волшебное заклинание само записывало все события!

Это превосходило самые смелые ожидания Гаркла. Он не знал, как долго будет продолжаться волшебство, но понял, что он набрел на что-то очень важное. И это «что-то» нуждалось в небольшой поддержке. Наступивший штиль сделал «Морскую фею» неподвижной, но Гаркл не собирался терпеливо ждать. Он провел рукой над первой из оставшихся чистых страниц, тихо читая заклинание. Затем он опустил руку в мешочек и, достав горсть алмазного песка, посыпал немного на страницу.

Ничего не произошло.

Гаркл продолжал в том же духе около часа, но, когда он вышел из каюты, «Морская фея» по-прежнему беспомощно дрейфовала, все так же накренившись.

Кудесник поскреб небритый подбородок. Очевидно, над заклинанием следовало еще поработать.

* * *

Робийярд стоял на колышущейся поверхности воды, нетерпеливо постукивая ногой.

— Где же эта скотина? — вопрошал он, подразумевая водного монстра, которого вызвал себе на подмогу. Он отправил его на поиски «Морской феи», но это было уже довольно давно.

Наконец лазурная поверхность под ним всколыхнулась и приняла форму человекоподобного существа. Робийярд пробулькала ему нечто на водном языке, спрашивая,

удалось ли найти корабль.

Услышав положительный ответ, чародей приказал монстру доставить его туда. Существо протянуло свою огромную руку. Она казалась водянистой, но была гораздо более упругой, чем любая обычная жидкость. Как только кудесник оказался на ладони монстра, тот сразу же рванул с места.

Глава 12 ТУМАН СУДЬБЫ

Экипаж трудился весь день, но результаты труда были более чем скромными. Удалось поднять один из парусов, бизань, но моряки не могли управлять им, чтобы поймать ветер и направить судно нужным курсом.

Так обстояли дела на шхуне, когда Кэтти-бри, сидевшая в «вороньем гнезде», подала сигнал тревоги. Дюдермонт и Дзирт бросились на нос корабля, чтобы взглянуть на то, что встревожило девушку, опасаясь, что это могло быть пиратское судно. С такими повреждениями, при отсутствующем Робийярде, гордой «Морской фее» пришлось бы сдаться без боя.

Никаких пиратов в пределах видимости не оказалось, но прямо по курсу они увидели завесу густого тумана. Дюдермонт вопросительно глянул на Кэтти-бри, но девушка, у которой не нашлось никаких объяснений увиденному, лишь пожала плечами. Небо было чистым, не считая этой туманной гряды, и температура оставалась довольно устойчивой.

— Откуда мог взяться такой туман? — спросил Дзирт у Дюдермонта.

— Ниоткуда, насколько мне известно, — уверенно ответил капитан. — Посадите людей на весла! — скомандовал он экипажу. — Попробуйте поставить парус. Посмотрим, сумеем ли мы обойти это.

Когда Дюдермонт вновь посмотрел на море, туман оказался значительно ближе к шхуне. Дзирт озабоченно покачал головой: туман явно двигался.

— Он приближается к нам, — выдохнул капитан с недоверием.

— И очень быстро, — добавил Дзирт. И тут дроу, обладавший тонким слухом, услышал хихиканье Гаркла Гарпелла и понял, что туман — работа чародея. Он обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как кудесник спускается в люк, и последовал было за ним. Но не успел он добраться до люка, как остановился, услышав возбужденные восклицания нескольких моряков.

Кэтти-бри спустилась вниз.

— Что это? — спросила она почти с отчаянием.

Они вошли в густую серую пелену. Звук плещущей воды куда-то исчез, а вместе с ним и ощущение движения корабля. Моряки жались друг к другу, многие из них обнажили оружие, как будто ожидая появления врага из темного тумана прямо на палубе.

Разобраться в происходящем Дзирту помогла Гвенвивар. Она подошла к эльфу, прижав уши, но и морда, и все ее поведение показывали, что пантера ощущает не страх, а любопытство.

— Это перемещение в пространстве, — сказал Дроу.

Дюдермонт посмотрел на него с любопытством.

— Дело рук Гаркла, — пояснил Дзирт. — Чародей использует свое волшебство, чтобы убрать нас из открытого моря.

Лица Дюдермонта и Кэтти-бри сначала было просветлели, но потом каждый из них вспомнил о том, кому они обязаны этим приключением.

Девушка взглянула на поглотивший их густой туман. Неожиданно дрейф на поврежденном корабле по пустынным морским просторам показался ей не таким уж опасным делом.

— Что ты имеешь в виду? — вскричал Робийярд. Он яростно хлопнул в ладоши и перевел свой вопрос на водный, булькающий язык.

Ответ водного монстра последовал сразу же: «Морской феи» нигде нет. Но Робийярд испустил вздох облегчения: корабль не утонул, он просто исчез.

— Гаркл Гарпелл, — резюмировал чародей вслух. — Он доставит их в порт. Здорово!

Теперь Робийярд задумался над своим положением: он был один и очень далеко от земли. Кудесник скомандовал монстру двигаться в восточном направлении, объяснив, что его услуги понадобятся до следующего рассвета. Затем он извлек свою книгу заклинаний, великолепный том в кожаном переплете, не подверженный воздействию воды, и переместил золотую закладку на страницу, содержащую заклинание перемещения.

Чародей уселся поудобнее и расслабился. Ему необходим был сон, чтобы восстановить свои силы и энергию. Пока что монстр позаботится о его безопасности, а утром придется использовать заклинание, чтобы оказаться в здании его гильдии в Глубоководье. Да, решил чародей, это были трудные и утомительные недели, и сейчас настало подходящее время для небольшого отпуска на берегу.

А к Дюдермонту он вернется несколько позже.

* * *

«Морская фея» дрейфовала в сюрреалистичном спокойствии. Вокруг не было слышно ни звука. Туман вокруг них настолько сгустился, что Дзирту приходилось наклоняться очень низко, перегибаясь через поручни, чтобы увидеть воду. Он не осмеливался дотронуться до нее, не зная о том, как действует волшебство Гаркла. Да и была ли эта серая жидкость водой!

Наконец они услышали плеск. Туман почти сразу стал рассеиваться, но хотя они не могли еще ничего разглядеть, все на борту почувствовали: что-то изменилось.

— Запах, — заметила Кэтти-бри, и мужчины, стоявшие подле нее, закивали в знак согласия. Исчез запах морской соли, который еще недавно был столь сильным, что оставлял во рту привкус. Его заменил бодрящий аромат лета, наполненный запахами деревьев и цветов, с легким оттенком запаха пресной воды. Другими стали и звуки: непрекращающийся свист ветра и приглушенный плеск волн глубокого моря сменились нежными всплесками мелководья и трелями...

— Певчие птицы? — спросил Дзирт.

Туман исчез, и весь экипаж, как один человек, испустил дружный вздох облегчения, ибо они находились близко от земли! Слева был виден маленький остров, заросший деревьями, в центре которого стоял небольшой замок, окруженный особняками. Длинный мост соединял остров с берегом, на котором находились причалы довольно большого города, окруженного стеной. За городом поднимались высокие горы — ориентир, которого не упустил бы из виду ни один моряк, но Дюдермонту они были совершенно неизвестны. Множество лодок, ни одна из которых не была больше тех шлюпок, что имелись на корме «Морской феи», собрались вокруг. Люди в лодках стояли, уставившись на великолепный корабль.

— Это не Глубоководье, — заметил Дюдермонт. — И ничего похожего на города, которые я знаю.

Дзирт огляделся вокруг, изучив линию побережья, окружавшую их со всех сторон.

— Это не открытое море, — сказал он.

— Озеро, — заключила Кэтти-бри.

Все трое посмотрели друг на друга, а затем дружно крикнули:

— Гаркл!

Гарпелл, ожидавший этого, вылез из люка и, с трудом скрывая ликование, подошел к ним.

— Где мы? — спросил Дюдермонт.

— Там, где определено судьбой, — таинственно ответил маг, размахивая руками, так что обширные рукава его мантии развевались, как крылья.

— Думаю, тебе следовало бы быть поточнее, — сухо вставила Кэтти-бри.

Гаркл пожал плечами и опустил руки.

— Я, конечно, не знаю наверняка, — признался он. — Это заклинание... Оно облегчает передвижение, не наобум, но куда — сказать не могу.

— Заклинание? — спросил Дюдермонт.

— Туман судьбы, — ответил Дзирт, опередив Гаркла. — То самое заклинание, что доставило тебя к нам?

Гаркл кивнул, его лицо, озаренное широчайшей улыбкой, светилось гордостью.

— Но ты занес нас в озеро! — сердито проревел Дюдермонт.

Гаркл, запинаясь, попытался было ответить, но крик, донесшийся с озера, прервал разговор:

— Эй, на «Морской фее»!

Все четверо подошли к поручням, при этом Дзирт набросил на голову капюшон своего плаща. Он не знал, где они находились и какой прием мог ожидать их, но чувствовал, что приветствия, вполне возможно, могут оказаться менее теплыми, если обнаружится, что на борту «Морской феи» темный эльф.

К кораблю подошла довольно большая рыбацкая лодка, ее команда из шести человек сосредоточенно изучала шхуну.

— Вы перенесли сражение, — заключил старик, который, казалось, был на лодке главным.

— Шторм, — поправил его Дюдермонт. — Самый яростный из всех, что мне довелось видеть.

Рыбаки обменялись взглядами, выразившими явное сомнение. За последний месяц они выходили в плавание каждый день и не видели никакого шторма.

— Далеко отсюда, — попытался объяснить Дюдермонт, увидев сомнения рыбаков.

— Откуда вы приплыли? — спросил старик, оглядывая непрерывную линию побережья.

— Вы бы удивились, — ответила Кэтти-бри, бросив косой взгляд на покрасневшего Гаркла.

— Где вы вошли? — спросил старик.

Дюдермонт широко развел руками:

— Это «Морская фея» из Глубоководья.

Сомнение на лицах рыбаков сменилось откровенными ухмылками.

— Глубоководье? — эхом отозвался старик.

— Мы что, в другом мире? — с тревогой прошептала Кэтти-бри Дзирту, и дроу не смог сразу успокоить ее, учитывая то обстоятельство, что за всем этим стоял Гаркл Гарпелл.

— Глубоководье, — сказал Дюдермонт ровно, спокойно, со всей убежденностью, на которую оказался способен.

— Вы далеко от дома, капитан, — заметил другой рыбак. — В тысяче миль.

— В полутора тысячах, — поправил его старик.

— И считать надо по земле, а не по воде, — добавил третий, смеясь. — У вас на «Морской фее» есть колеса?

Эти слова вызвали улыбки у всех шестерых, а также у рыбаков с других лодок, которые успели подтянуться поближе.

— Да и упряжку лошадей хотелось бы увидеть, — вставил старик.

Даже Дюдермонт выдавил из себя улыбку, с облегчением поняв, что он и его корабль все еще находились в Королевствах.

— Это работа чародея, — объяснил он. — Мы плыли по Морю Мечей, в пятистах милях к югу от островов Муншэй, когда на нас обрушился шторм, а затем наш чародей, — тут Дюдермонт взглянул на Гаркла, — применил волшебство, чтобы доставить нас в порт.

— Немножко промахнулся, — вставил один из рыбаков.

— Но зато убрал нас из открытого моря, — сказал Дюдермонт, когда смех затих, — где мы бы наверняка погибли. Прошу вас, добрые моряки, скажите, где мы находимся?

— Это озеро Импреск, — ответил старик, а затем указал на берег и на окруженный стеной город: — Кэррадун.

Названия были незнакомы Дюдермонту.

— А вот то — Снежные Хлопья, — продолжал старик, показывая на горы.

— Юг, — внезапно сказала Кэтти-бри, и все взгляды обратились на нее. — Мы находимся далеко к югу от Глубоководья. А если мы поплывем на юг от озера, мы доберемся до Дипвоша, затем до Вилхон Рич во Внутреннем Море.

— Место вы установили, — объявил старик, — но этому кораблю не выбраться из озера.

— И если у вас не будет крыльев в дополнение к колесам, то вы не переплывете через Расщепленные Горы! — воскликнул мужчина, стоявший позади старика. Но на сей раз смех был не столь громким, как прежде, так как моряки — и на «Морской фее», и на рыбацких лодках — уже поняли всю серьезность положения.

Дюдермонт испустил долгий вздох и посмотрел на Гаркла, который смущенно разглядывал палубу.

— Мы побеспокоимся о том, куда нам направиться, несколько позже, — сказал капитан. — Сейчас перед нами задача: отремонтировать «Морскую фею». — Он повернулся к старику. — Боюсь, озеро ваше мелковато. А есть ли у вас длинный причал, где мы могли бы встать для ремонта?

Старик указал на остров Кэррадун и длинную пристань, выступающую в направлении «Морской феи».

— Глубина больше у северного берега острова, — заметил моряк, стоявший рядом с ним.

— Но длинный причал в частной собственности, — вставил третий рыбак.

— Мы получим разрешение поставить корабль туда, — твердо сказал старик.

— Но нам будет трудно подойти к причалу, — заметил Дюдермонт. — У нас нет парусов и рулевого управления, чтобы вести судно. И я, конечно, не знаю этих вод...

— Бросьте несколько линей, капитан...

— Дюдермонт, — ответил капитан «Морской феи», — капитан Дюдермонт.

— Меня зовут Террадакит, — сказал старик. — Рад знакомству.

Говоря это, он делал знаки другим лодкам, которые выстраивались вокруг шхуны.

— Мы доставим вас к причалам, а в Кэррадуне найдется достаточно корабельных плотников, чтобы помочь вам в ремонте, — продолжал Террадакит, — даже мачту заменим, хотя нам придется найти для этого очень высокое дерево! Насколько я знаю моих ребят, то это будет стоить вам доброй порции историй о ваших плаваниях по Морю Мечей!

— У нас есть что рассказать! — заверил его Дюдермонт.

Канаты были готовы, и рыболовецкая флотилия, выстроившись в линию, принялась тянуть огромную шхуну.

— Братство моряков включает в себя и тех, что плавают по озерам, — заметил Дзирт.

— Кажется, так, — согласился Дюдермонт. — Если бы нам нужно было сменить команду, я бы знал, где начать поиски. — Капитан посмотрел на Гаркла, который все еще с несчастным видом разглядывал палубу. — Ты хорошо сработал, Мастер Гарпелл, — сказал Дюдермонт, и лицо чародея просветлело. — Мы бы наверняка погибли в этих водах, а теперь мы будем жить.

— Но на озере, — понуро ответил Гаркл.

Дюдермонт небрежно отмахнулся от этого замечания.

— Робийярд найдет нас, и вы вдвоем сообразите, как доставить нас туда, куда надо. Мой корабль и моя команда сейчас в безопасности, и это самое главное! Здорово сработано!

Гаркл засиял.

— Но почему мы оказались именно здесь? — вынуждена была спросить Кэтти-бри.
— Туман судьбы, — одновременно сказали Дзирт и Гаркл.
— А это означает, что здесь есть нечто нужное нам, — продолжал чародей.
— А что нам нужно? — спросила девушка.
— То, что мы ищем, конечно! — воскликнул Гаркл. — Вот в чем дело, не так ли?
Он поглядел на окружающих с таким видом, как будто сказанное им исчерпывающе объясняло все происходящее, но увидел, что устремленные на него взгляды отнюдь не светятся пониманием.
— Перед штормом мы направлялись в...
— Глубоководье, — закончил за него Дюдермонт. — Но твоё заклинание не приблизило нас к Глубоководью.
Гаркл неистово замахал руками.
— Нет, нет, — поправил он. — Не в Глубоководье, а к жрецу или, быть может, к чародею, в Глубоководье.
— И ты полагаешь, что здесь мы скорее найдем могущественного чародея, чем в Глубоководье? — с недоверием спросил Дзирт. — В этом крошечном городке, столь далеко от дома?
— Любезный капитан Террадакит! — позвал Гаркл.
— Я здесь, — прозвучал ответ издали, так как лодка Террадакита ушла вперед и присоединилась к остальным, тянувшим «Морскую фею».
— Мы ищем жреца, — сказал Гаркл. — Очень могущественного жреца...
— Кэддерли, — прервал его Террадакит без колебаний, — Кэддерли Бонадьос. Вам не найти более могущественного жреца во всех Королевствах!
В голосе его звучала такая гордость, как будто Кэддерли был собственностью всех жителей Кэррадуна.
Гаркл победоносно посмотрел на своих друзей.
— Туман судьбы, — только и сказал он.
— А где мы можем найти этого Кэддерли? — спросил Дюдермонт. — В Кэррадуне?
— Нет, — ответил Террадакит. — В двух днях пути отсюда, в горах, в Храме Парящего Духа.
Дюдермонт посмотрел на Гаркла, вопросов у него больше не возникало. Гаркл хлопнул в ладони.
— Туман судьбы! — снова повторил он торжествующе.
Его чувства были понятны и Дзирту, и Кэтти-бри, и Дюдермону: ведь именно чародей спас «Морскую фею» и приблизил их всех к цели путешествия.

Часть третья ПРИРОДА ЗЛА

Это абсолютные понятия, пантеон идеалов, прекрасные боги и злобные демоны, навсегда сцепившиеся в борьбе за души смертных. Понятие Ллос — это абсолютное зло, понятие Миликки — абсолютное добро. Они противоположны, как черное и белое, и между ними нет никаких оттенков серого.

Таковы добро и зло. Абсолютные, жесткие понятия. Не может быть никакого оправдания подлинно злему деянию, никаких оттенков серого.

Несмотря на то что добрый поступок часто приносит личную выгоду, само это деяние являет собой абсолютную ценность, ибо определяется целью поступка и воплощается в нашей вере в тот самый пантеон. Но всегда ли так считают все смертные расы, разумные существа, — люди и эльфы, дворфы и хафлинги, гоблины и великаны? Подобное многообразие приводит к неразберихе, смешению абсолютных понятий.

Логика многих очень проста: я — дроу, дроу — злые, следовательно, я — злой.

Они не правы. Ибо что есть разумное существо, если не олицетворение возможности выбора? И не может быть ни добра, ни зла без цели. Правда, в Королевствах есть расы и культуры, особенно гоблины, у которых в целом доминирует зло, и другие, такие как светлые эльфы, которые ближе к концепции добра. Но даже в этих расах, которых многие считают воплощениями абсолюта, имеют место цели и действия индивидуумов, которые в конечном счете и оказываются решающими. Я знал гоблина, который не был злобен, я — пример дроу, который не пошел по жизни дорогами своей расы. И все же немногие дроу, и еще меньшее число гоблинов, являются исключениями из правила, и поэтому утверждения общего характера остаются в силе.

Наиболее любопытной и разнообразной среди всех рас является раса людей. Здесь результаты в наибольшей степени могут отклоняться от абсолюта, поскольку главным у людей является восприятие, а цель зачастую скрыта, засекречена. Ни одна раса не обладает таким опытом в искусстве самооправдания. Никто не сравнится с людьми в умении изобрести благовидные предлоги и уважительные причины и в конце концов заявить о высокой цели. И ни одна другая раса не обладает такой способностью верить в свои собственные утверждения. Сколько было войн между людьми, когда обе воюющие стороны заявляли, что бог, добрый бог, на их стороне и в их сердцах!

Но добро — это не предмет восприятия. То, что является «добром» для одной культуры, не может быть «злом» для другой. Это может быть справедливо для нравов животных и для мелких козней, но не для добродетели. Добродетель абсолютна.

Она должна быть таковой. Добродетель — это торжество жизни и любви, признание других и желание стремиться к добру, к лучшему. Она означает отсутствие гордости и зависти, готовность делиться радостью и наслаждаться достижениями других. И не требует оправдания, потому что есть в каждом сердце. Если некто совершает злой поступок, то, как бы он ни пытался скрыть свои истинные намерения, ему не уйти от истины, абсолютной истины, находящейся в его собственном сердце.

Внутри каждого из нас есть такое место, где мы не можем укрыться от самих себя, где судьей является добродетель. Признать истинную природу наших деяний означает предстать перед этим судом, для которого не имеет значение само деяние. Добро и зло — это цели, а цель не подлежит оправданию.

Все мы когда-нибудь попадем в это место. И Кэддерли Бонадьос, создавший Храм Парящего Духа, самое величественное и все же самое скромное из человеческих достижений. И Артемис Энтрери. Возможно, это случится после его смерти, но он отправится туда, поскольку таков удел всех нас в конечном счете, и какие же страдания ему предстоят, когда он осознает истинную суть своей порочной жизни! Я молюсь о том, чтобы он отправился туда скорее, и мое пожелание не имеет ничего общего с местью, ибо месть не стоит молитвы. Пусть Энтрери предстанет перед судом своего сердца, чтобы увидеть истину и прозреть. И тогда он найдет радость даже в наказании, подлинную гармонию, которую никогда не мог познать на прежних путях.

Я посещаю это место в своем сердце так часто, как только могу, для того чтобы избежать ловушек легкого оправдания. Это место полно боли, но, только приходя туда, мы можем подняться к добру. Только там, где не действуют никакие ложные оправдания, мы можем осознать истинность наших намерений и в силу этого познать суть наших деяний. Только там, где судия добродетель, рождаются герои.

Дзирт До'Урден

Глава 13

ХРАМ ПАРЯЩЕГО ДУХА

Дзирт, Кэтти-бри, Дюдермонт и Гаркл беспрепятственно покинули Кэррадун и направились к горам Снежных Хлопьев. Дроу низко опустил капюшон своего плаща, но все население городка было так возбуждено появлением шхуны, что никто не обратил особого внимания на покинувшую корабль группу.

Выйдя за городские ворота, четверка поняла, что им предстоит легкая и приятная дорога. Дзирт все время был начеку, но не обнаружил по пути ничего замечательного или волнующего. С учетом того, что им пришлось пережить за последние недели, это было некоторым разнообразием.

Они вели непринужденный разговор, главным образом с Дзиртом, который рассказывал им об окружающей природе: о том, какая птица щебечет в ветвях и сколько оленей устроили себе лежбище на примятых ветках возле сосновой рощи. Время от времени они вспоминали о слепой предсказательнице. Это ставило бедного Гаркла в трудное положение. Чародей знал, что полный текст предсказания имеется только у него, но не знал, имеет ли он право вмешиваться. Туман судьбы был создан как пассивное заклинание, как метод, с помощью которого Гаркл мог содействовать наступлению событий, а затем только созерцать, как они разворачиваются. Если бы он вмешался, позволил бы другим взглянуть на его волшебный дневник или применил то, что подсказывали ему записи, он разрушил бы магию.

Конечно, Гаркл мог использовать другие заклинания, если судьба, скажем, приводила их к сражению. И разумеется, он всюду пользовался своей интуицией, как в той дискуссии на «Морской фее», когда убедил всех, что им необходимо встретиться с волшебником или жрецом. Но прямое вмешательство, с использованием информации, полученной от действия самого заклинания, возможно, повлияло бы на будущее и, таким образом, разрушило бы предназначения судьбы. Да, и у магии были свои границы! Бедный Гаркл не знал, насколько он мог их раздвинуть. Живя сорок лет в окружении таких же неистовых, как и он сам, чародеев, Гаркл слишком часто видел, к каким серьезным последствиям может привести неосторожное обращение с волшебством.

Поэтому он лишь кивал головой и соглашался с любой приемлемой интерпретацией строк стихотворения, которую одна за другой выдвигали его друзья. Чародей избегал любых прямых ответов, хотя его неуверенные пожатия плечами и нечленораздельное бормотание возбуждали всеобщее любопытство.

Теперь их путь пролегал в горах, но оставался легким, так как тропа была хорошо утоптанной, по ней явно часто ходили. Когда четверка путников вышла из сумрака ущелья на плоский луг, лежавший у гребня крутого откоса, они поняли почему.

Дзирт До'Урден, так же как и Кэтти-бри, видел величие Мифрил Халла. Гаркл Гарпелл посетил много диковинных мест. Дюдермонт плавал вдоль Побережья Мечей от Глубоководья до экзотического Калимпорта. Но ни от одного из этих мест ни у кого из четверых путников так не захватывало дух, как от зрелища, представшего перед ними теперь.

Храм Парящего Духа! Действительно подходящее имя для гигантского собора, состоявшего из легких башен и летящих контрфорсов, огромных витражных окон и системы водосточных желобов, украшенных фантастическими фигурами. Карниз основной части собора находился более чем в сотне футов от земли, а три его башни вздымались на вдвое большую высоту.

Резиденция Бэнр была, конечно, гораздо больше. Но здесь возникало ощущение чего-то гораздо более торжественного, более благочестивого и праведного. Серый и коричневый камень, из которого был сложен собор, сам по себе не представлял ничего особенного, но сооружение, выстроенное из этого камня, и само место, обладавшее какой-то особой силой воздействия, внушали благоговение. Друзьям казалось, что основание собора уходит глубоко в землю, а его парящая верхушка касается небес.

Прекрасная мелодия, напеваемая сильным и нежным голосом, доносилась из Храма и

отражалась от камней. Четверка путников не сразу осознала, что это был голос, человеческий голос, ибо казалось, что эти звуки издает сам Парящий Дух.

То, что они увидели вокруг собора, являло собой не менее эффектное зрелище. Небольшая роща вытянулась вдоль дороги, мощенной булыжником, которая вела к массивным парадным дверям. За деревьями, выстроившимися в прямую линию, располагалась идеально ухоженная, окаймленная живой изгородью совершенной формы лужайка с цветочными клумбами: красными и розовыми, лиловыми и белыми. Помимо клумб лужайку украшал лиственный кустарник, которому была придана форма различных лесных животных: оленя и медведя, огромного кролика и группы белок.

Кэтти-бри несколько раз изумленно помотала головой, когда увидела садовника — самого необычного дворфа из всех, что ей когда-либо приходилось видеть. Она ткнула Дзирта в бок, указывая ему на этого коротышку, которого уже заметили и остальные. Садовник оторвался от работы и вприпрыжку направился к ним, широко улыбаясь.

Его борода была зеленой! Разделенная на две части, зачесанная назад за большие уши, она далее сплеталась с длинными зелеными волосами дворфа в одну большую косу, спускавшуюся ниже пояса. Тонкая светло-зеленая мантия без рукавов едва доходила до колен садовника и оставляла открытыми его невероятно волосатые и мускулистые искривленные ноги с огромными ступнями, обутыми в сандалии с тонкими ремешками, оставившими пальцы открытыми.

Дворф вышел на дорогу, мощенную булыжником, футах в тридцати от четверки путников. Здесь он остановился, сунул два пальца в рот, оглянулся через плечо и издал резкий свист.

— Что? — донесся мгновением позже ответ. Второй дворф, чей внешний вид в большей степени отвечал привычным представлениям друзей, поднялся из тени дерева, стоявшего рядом с дверьми собора. У него были широкие квадратные плечи и желтая борода. Коричневое одеяние с ног до головы облачало его коренастую фигуру, за плечами имелся огромный топор, а на голове — шлем, украшенный оленьими рогами.

— Я ж те' сказал, я те' помогу! — проревел желтобородый. — Но ты обещал дать мне поспать!

Но тут он заметил четырех путников и, немедленно умолкнув, поспешил им навстречу.

Зеленобородый подошел к ним первым. Не сказав ни слова, он церемонно раскланялся, затем взял руку Кэтти-бри и поцеловал ее.

— Хи-хи-хи, — пропищал он, залившись румянцем, поворачиваясь от Кэтти-бри к Дюдермонту, к Дзирту, к... И опять вернулся к Дзирту, наклонившись и пытаясь разглядеть лицо пришельца.

Дроу откинул капюшон и встряхнул своей густой белой гривой. Первые встречи всегда были трудны для него, особенно столь далеко от тех мест, где его знали и признавали.

— И-ик! — взвизгнул дворф.

— Вонючий дроу! — прорычал желтобородый и ринулся вперед, на бегу вытаскивая топор из-за спины.

Дзирта это не удивило, а его друзья были больше смущены, чем поражены.

Зеленобородый продолжал подпрыгивать на месте, тыча в сторону дроу пальцем, в то время как желтобородый, с поднятым над головой топором, неся на Дзирта, как разъяренный бык.

Дроу выжидал до самой последней секунды, а затем, используя волшебные ножные браслеты и свои отточенные рефлексy, просто сделал шаг в сторону. Желтобородый пронесся мимо, споткнулся и врезался в дерево, находившееся прямо за Дзиртом.

Зеленобородый свирепо посмотрел на своего приятеля, затем на Дзирта и, казалось, готов был наброситься на дроу. Потом он вновь оглянулся на желтобородого, подбежал к нему и стал отвечать тому тяжелые оплеухи.

— Вонючий дроу! — ревел желтобородый, отпустив рукоятку топора и заслоняясь от непрекращающихся ударов. Наконец ему удалось одной рукой вытащить топор из дерева, но

когда он вновь принял боевую стойку, то обнаружил, что трое из четырех путников, включая дроу, стоят и невозмутимо смотрят на него. А у девушки с золотисто-каштановыми волосами в руках оказался лук.

— Если бы мы хотели убить тебя, то уложили бы на месте, пока ты возился с топором, — сказала она.

— Я не хочу причинять вам зла, — добавил Дзирт. — Я — скиталец. — Он обращался главным образом к зеленобородому, который казался наиболее уравновешенным из этих двоих. — Брожу по лесам, так же как и вы.

— Мой брат — друид, — сказал желтобородый, стараясь выглядеть твердым и стойким. Но ему не удалось скрыть свое смущение.

Зеленобородый с важным видом кивнул в знак согласия.

— Дворф-друид? — спросила Кэтти-бри. — Я прожила у дворфов большую часть своей жизни и никогда не слышала о том, что среди них есть друиды.

Оба дворфа с любопытством уставились на нее. Характерный резкий акцент девушки подтверждал ее слова.

— Что это были за дворфы? — спросил желтобородый.

Девушка опустила Тулмарил.

— Я — Кэтти-бри, — сказала она. — Приемная дочь Бренора Боевого Топора, Восьмого Короля Мифрил Халла.

Оба дворфа вылупили глаза и раскрыли рты. Они глянули на Кэтти-бри, затем друг на друга, потом снова на девушку и опять друг на друга, так что звучно стукнулись лбами и вновь уставились на нее.

— Хей! — воскликнул желтобородый, ткнув толстым пальцем в сторону Дзирта. — Слышал я о тебе. Ты — Дзирт Дудден!

— Дзирт До'Урден, — поправил его дроу, отвечивая поклон.

— Точно, — согласился желтобородый. — Я слышал о тебе. Меня зовут Айвэн, Айвэн Валуноплечий, а это — мой брат, Пайкел.

— Мой братец, — согласился зеленобородый, обнимая крепкие плечи Айвэна.

Айвэн бросил через плечо взгляд на глубокий след, оставшийся в стволе дерева от его топора.

— Извините мою неучтивость, — сказал он. — Я никогда раньше не видел дроу.

— Вы пришли, чтобы посмотреть на собор? — спросил Айвэн.

— Мы пришли, чтобы повидаться с человеком по имени Кэддерли Бонадьос, — ответил Дюдермонт. — Я — капитан Дюдермонт с «Морской феи», приплывшей из Глубоководья.

— Вы что, плыли по земле? — недоверчиво спросил Айвэн.

Дюдермонт, ожидавший такой реакции, пропустил вопрос мимо ушей.

— Мы должны поговорить с Кэддерли, — сказал капитан. — У нас чрезвычайно срочное дело.

Пайкел хлопнул в ладони, затем обхватил ими свою склоненную голову, закрыл глаза и изобразил храп.

— Кэддерли лег вздремнуть, — объяснил Айвэн. — Малыши его утомляют. Мы поговорим с леди Даникой и раздобудем вам что-нибудь поесть. — Он подмигнул Кэтти-бри. — Хотелось бы услышать побольше о Мифрил Халле, — сказал он. — Правда ли, что там заправляет старый король, с тех пор как Бренор Боевой Топор собрался и ушел?

Кэтти-бри постаралась скрыть свое удивление, даже кивнула, будто ничуть не удивилась вопросу Айвэна. Она взглянула на Дзирта, который растерянно пожал плечами. Бренор ушел? Неожиданно им захотелось подольше поговорить с дворфами. Встреча с Кэддерли могла обождать.

Интерьер Храма Парящего Духа оказался не менее величественным и внушающим благоговение, чем его вид снаружи. Они вошли в главное помещение собора, центральную капеллу, и, хотя там находилось по крайней мере несколько десятков человек, это

пространство было таким огромным, что каждый из четверых путников почувствовал себя потерянным. Помимо воли взгляды их устремились ввысь, на грандиозные вздымавшиеся колонны, на выступы с разукрашенными статуями вдоль потоков света, падающих сквозь цветные стекла окон, к покрытым изысканной резьбой сводам потолка, находившимся более чем в сотне футов над ними.

Когда Айвэну удалось наконец отвлечь пораженных путников от созерцания собора, он провел их через боковую дверь в комнаты более привычных размеров. Но необычайная мощь сооружения и изобилие замечательных украшений продолжали потрясать воображение друзей. Ни арки, ни двери не обходились без резьбы, а одна дверь была так густо покрыта рунной вязью, что Дзирту захотелось провести перед ней многие часы, изучая письмена, хотя он понимал, что никогда не сумеет рассмотреть все детали и расшифровать все послания.

Айвэн постучал в дверь и, дождавшись приглашения войти, открыл ее.

— Представляю вам леди Данику Бонадьус, — важно сказал он, жестом приглашая всех следовать за ним.

Первым в комнату вошел капитан Дюдермонт, но внезапно остановился, когда двое детей, мальчик и девочка, пересекли ему дорогу. Увидев незнакомцев, оба остановились. Мальчик, с рыжеватыми волосами и необычными миндалевидными глазами, изумленно открыл рот, показывая пальцем на дроу.

— Прошу вас простить моих детей, — сказала женщина, находившаяся в противоположном конце комнаты.

— Не за что, — заверил ее Дзирт. Он опустился на одно колено и жестом поманил к себе детей. Они посмотрели друг на друга в поисках поддержки, затем осторожно приблизились к дроу, и мальчик отважился протянуть руку и коснуться черной как смоль кожи Дзирта. Потом он взглянул на свои пальцы: не перешла ли на них краска?

— Никакой черноты, мама! — воскликнул он, глядя на женщину и поднимая вверх свою руку. — Я не испачкался!

— Хи-хи, — донесся сзади смешок Пайкела.

— Убери отсюда этих надоедливых детей, — прошептал Айвэн своему брату.

Пайкел протиснулся вперед, так чтобы дети смогли его увидеть. Их лица сразу просветлели, а он засунул большие пальцы себе в уши и стал шевелить остальными пальцами.

— Уу, ой! — дружно завопили дети и пустились преследовать «дядю Пайка», который быстро выбежал из комнаты.

— Вам следовало бы следить за тем, чему мой брат учит их, — сказал Айвэн Данике.

Она засмеялась и поднялась со своего кресла, чтобы приветствовать посетителей.

— Так хорошо, что у близнецов есть такой друг, как Пайкел, — сказала леди Даника. — И такой, как Айвэн, — благосклонно добавила она, и «суровый» дворф немедленно залился смущенным румянцем.

Дзирт понял, что перед ним женщина-воин, как только увидел Данику. Она пересекла комнату легко, бесшумно, постоянно сохраняя идеальное равновесие. Женщина была изящно сложена, на несколько дюймов ниже Кэтти-бри, с точеными мускулами. Ее глаза выглядели еще более экзотично, чем глаза ее детей: миндалевидные, темно-карие, очень яркие, полные жизни. Рыжевато-белокурые и густые, как белая грива дроу, волосы весело подпрыгивали на ее плечах, как будто энергия, переполнявшая эту женщину, била через край.

Дзирт, переведя взгляд с Даники на Кэтти-бри, видел явное внутреннее сходство обеих женщин.

— Я представляю вам Дзирта Дуддена, — начал Айвэн, сдергивая с головы украшенный оленьими рогами шлем, — Кэтти-бри, дочь Бренора из Мифрил Халла, капитана Дюдермонта с «Морской феи», из Глубоководья, и... — Тут желтобородый дворф остановился и с любопытством посмотрел на тощего чародея. — Как, ты сказал, тебя зовут? — спросил он.

— Гарпелл Гаркл... Э-э, Гаркл Гарпелл, — запинаясь, произнес Гаркл, явно очарованный Даникой. — Из Широкой Скамьи.

Даника кивнула.

— Рада знакомству, — сказала она каждому из них по очереди, заканчивая дроу.

— Дзирт До'Урден, — поправил скиталец.

Даника улыбнулась.

— Они пришли поговорить с Кэддерли, — пояснил Айвэн.

— Пойди и разбуди его, — сказала она, все еще держа руку Дзирта. — Не будем заставлять ждать столь высоких гостей.

— Вы слышали о нас? — спросила Кэтти-бри.

Даника посмотрела на нее и кивнула.

— Ваша слава опережает вас, — сказала она. — Мы слышали о Бреноре Боевом Топоре и о битве за возвращение Мифрил Халла.

— И о войне с темными эльфами? — спросил Дзирт.

— Немного, — ответила Даника. — Надеюсь, что прежде, чем покинуть нас, вы найдете время, чтобы рассказать эту историю полностью.

— А что вы знаете о том, что Бренор ушел? — прямо спросила Кэтти-бри.

— Кэддерли знает об этом больше меня, — ответила Даника. — Я слышала, что Бренор отрекся от своего возвращенного трона в пользу предка.

— Гэндалуга Боевого Топора, — пояснил Дзирт.

— Так говорят, — продолжала Даника. — Но куда отправился Бренор и две сотни преданных ему дворфов — этого я не знаю.

Дзирт и Кэтти-бри обменялись взглядами. Они-то знали, куда мог направиться Бренор.

В этот момент вернулся Айвэн со старым, но бодрым человеком, одетым в желто-коричневую с белым тунику и соответствующие штаны. На его плечах была шелковая светло-синяя накидка, а на голове — широкополая шляпа, синяя, с красной лентой. Спереди, в центре ленты, находился кулон из фарфора и золота, изображавший горящую свечу и глаз, в котором все четверо узнали священный символ Денеира — бога литературы и искусства.

Мужчина был среднего роста, около шести футов, и мускулист, несмотря на свой преклонный возраст. Его волосы были серебристого цвета, с легким каштановым оттенком. Что-то в его внешности показалось друзьям странно дисгармоничным. В конце концов Дзирт понял, что это были глаза, поразительные серые сверкающие глаза, глаза молодого человека.

— Я — Кэддерли, — сказал он тепло, с легким поклоном. — Добро пожаловать в Храм Парящего Духа, пристанище Денеира, Огмы и всех добрых богов. Вы познакомились с моей супругой Даникой?

Кэтти-бри перевела свой взгляд со старого Кэддерли на Данику, которая никак не могла быть намного старше Кэтти-бри; ей определенно было меньше тридцати лет.

— И с твоими близнецами, — добавил с ухмылкой Айвэн, глядя на Кэтти-бри, когда та изучала Данику. Проницательным Дзирту и Дюдермонту показалось, что дворф явно наслаждался смущением, возникавшим у гостей при знакомстве с хозяевами. Это заставило друзей подумать о том, что преклонный возраст Кэддерли не был чем-то естественным.

— Ах да, близнецы, — сказал Кэддерли, качая головой и улыбаясь при мысли о своем громогласном потомстве.

Мудрый жрец смотрел на выражения лиц четверых гостей, по достоинству оценивая то, как они удерживались от напрашивавшихся вопросов.

— Двадцать девять, — заметил он небрежно. — Мне двадцать девять лет.

— Тридцать через две недели, — добавил Айвэн. — Хотя на вид тебе не дашь ни дня больше ста шести!

— Такова была цена строительства собора, — объяснила Даника, и в ее голосе прозвучали легкие нотки печали и гнева. — Кэддерли отдал храму свою жизненную силу и сделал этот выбор во славу своего бога.

Дзирт долго не отводил взгляда с молодой женщины, понимая, что Даника тоже была

вынуждена принести великую жертву из-за того выбора, который сделал Кэддерли. Дроу ощутил ее затаенный гнев, подавленный любовью к мужу и восхищением принесенной им жертвой.

Кэтти-бри также очень чутко поняла ситуацию. Она, утратившая свою любовь, конечно, сострадала Данике и все же знала, что эта женщина не нуждается в словах сочувствия. Ведь выражение сострадания умалит саму жертву, принизит то, чего достиг Кэддерли в обмен на свои годы.

Две женщины смотрели друг на друга; карие миндалевидные глаза Даники встретились с большими синими глазами Кэтти-бри. Кэтти-бри хотела сказать: «По крайней мере, у тебя есть дети от твоего возлюбленного», хотела объяснить, какая пустота осталась в ней, когда Вульфгар ушел, прежде...

Прежде, чем произошло столь многое, подумала Кэтти-бри со вздохом.

Даника знала эту историю и, просто разделив долгий взгляд с Кэтти-бри, поняла и оценила то, что было в сердце девушки.

Гости и хозяева — теперь их было восемь, так как вскоре вернулся Пайкел, пояснив, что дети уснули в саду под присмотром нескольких жрецов, — провели последующие два часа, рассказывая друг другу о себе. Дзирт и Кэддерли оказались родственными душами. Оба они встречались с красным драконом и выжили, чтобы рассказать об этом, оба преодолели наследие своего прошлого. Они замечательно сблизились, так же как Даника и Кэтти-бри, и хотя братья-дворфы хотели услышать побольше о Мифрил Халле, им оказалось трудно включиться в разговор между женщинами и между Дзиртом и Кэддерли. Постепенно они сдались и провели время с Гарклом. Он бывал в Мифрил Халле, принимал участие в войне против темных эльфов и к тому же оказался прекрасным рассказчиком, украшая свои истории изрядной долей фантазии.

А вот Дюдермонт странным образом оказался не у дел. Он ощущал, что тоскует по морю и по своему кораблю, ему хотелось вновь оказаться на палубе шхуны, выходящей из гавани Глубоководья, чтобы преследовать пиратов в открытом море.

Эти разговоры могли продолжаться весь день, если бы не один из жрецов, который стуком в дверь известил Данику о том, что дети проснулись. Женщина отправилась было с дворфами, но Дзирт остановил ее. Он извлек фигурку пантеры и призвал Гвенвивар.

Айвэн подпрыгнул, Пайкел взвизгнул, но от радости: он давно желал встретиться с таким величественным животным.

— Близнецы с удовольствием проведут время с Гвенвивар, — пояснил дроу.

Огромная кошка легким шагом вышла из комнаты, Пайкел последовал за ней, ухватившись за ее хвост. Гвенвивар тащила его за собой.

Даника хотела было задать напрашивавшийся вопрос о безопасности игр с пантерой, но воздержалась, поняв, что, если бы Гвенвивар нельзя было доверять, Дзирт ни за что не вызвал бы ее. Она улыбнулась и, любезно поклонившись, вышла вместе с Айвэном. Кэтти-бри с удовольствием присоединилась бы к ним, но, взглянув на Дзирта, в котором что-то неуловимо изменилось, поняла, что пришла пора поговорить о деле.

— Вы явились сюда не просто для того, чтобы рассказать и выслушать истории, как бы прекрасны они ни были, — сказал Кэддерли и выпрямился, скрестив руки на груди, готовый услышать самую важную историю.

Ее рассказал Дюдермонт, Дзирт и Кэтти-бри дополнили ее в нескольких местах, а Гаркл постоянно вставлял замечания, которые, по мнению остальных участников разговора, только мешали повествованию.

Кэддерли подтвердил, что знает о Каэрвиче и о слепой предсказательнице.

— Она говорит загадками, которые не всегда являются тем, чем кажутся, — предупредил он.

— Мы тоже слышали об этом, — согласился Дюдермонт. — Но это загадка, которую мои друзья не могут оставить без внимания.

— Если провидица говорила правду, то утраченный друг — мой отец Закнафейн —

находится в лапах злобного существа, — пояснил Дзирт. — У слуги Ллос или у Матери одного из правящих Домов Мензоберранзана.

Гаркл прикусил губу. Он знал, что Дзирт ошибается, но не мог поправить его. Сам-то он читал стихи слепой прорицательницы, слово за словом, несколько десятков раз, полностью запомнив их наизусть. Но если бы Гаркл использовал информацию, которую волшебство предоставило только ему, он мог бы изменить предначертания судьбы. А что это могло означать, катастрофу или лучший исход, чародей мог только гадать.

Кэддерли кивнул, не выражая несогласия с выводами Дзирта, но, желая знать, какую роль отводили ему его гости.

— Я предполагаю, что его держит в плену некое существо, — продолжал Дзирт. — И оно не принадлежит ни одному из Уровней и обитает в Бездне.

— Вы хотите, чтобы я использовал свои возможности, — заключил Кэддерли, — для того, чтобы вызвать эту тварь, с которой вы могли бы заключить сделку или сразиться за душу своего отца.

Дзирт кивнул.

— Я понимаю, сколь многого прошу, — твердо сказал он. — Ведь это могущественное существо...

— Я давно научился не бояться зла, — прервал его Кэддерли.

— У нас есть золото, — предложил Дюдермонт.

Но Дзирт понимал происходящее лучше капитана. За то короткое время, что он провел с Кэддерли, дроу познал сердце этого человека, его побуждения. Кэддерли не взял бы ни золота, ни вообще какой-либо платы. И дроу не удивился, когда Кэддерли ответил просто:

— Любая душа стоит того, чтобы попытаться ее спасти.

Глава 14 **ВСТРЕВОЖЕННЫЙ ЧАРОДЕЙ**

— Где Дюдермонт? — спросила Кэтти-бри Гаркла, когда чародей ввалился в маленькую комнату, где девушка сидела с Дзиртом.

— О, где-то там или не там, — ответил смущенный Гаркл. В комнате было два кресла, оба они стояли перед большим окном, выходившим на величественную горную гряду. Дзирт и Кэтти-бри сидели, созерцая великолепный вид. Темный эльф откинулся на спинку кресла и положил ноги на широкий подоконник. Помедлив мгновение, Гаркл, казалось, собрался с мыслями и прошел к окну между двумя сидящими. Жестом предложив Дзирту убрать ноги, он уселся на подоконник.

— Что ж, посиди с нами, — сказала Кэтти-бри с явным сарказмом, очевидным, пожалуй, только для Дзирта, ибо Гаркл лишь молча улыбнулся.

— Вы, конечно, обсуждали предсказание, — сказал чародей. Это было верно лишь отчасти. Дзирт и Кэтти-бри обсуждали еще и новости об уходе Бренора из Мифрил Халла.

— Конечно, предсказание, — повторил Гаркл. — Вот почему я и пришел.

— Тебе удалось расшифровать еще какие-нибудь строки? — спросил Дзирт без особой надежды. Ему нравился Гаркл, но дроу знал, что не стоит ожидать от волшебника слишком многого. Все Гарпеллы отличались непредсказуемостью. Иногда они были очень полезны, как, например, в битве за Мифрил Халл, а в других случаях больше вредили, чем помогали.

Гаркл уловил сомнение в тоне дроу и почувствовал, что ему ужасно хочется проявить себя, сообщить Дзирту обо всем, что содержалось в волшебном дневнике, повторить слово в слово то, что произнесла прорицательница.

Но Гаркл удержался, опасаясь возможных последствий такого поступка.

— Мы думаем, что это Бэнр, — сказала Кэтти-бри. — Тот, кто находится на троне Дома Бэнр, я имею в виду. «Он был дарован Ллос» — вот что она сказала, а кому же, как не тому, кто сидит на троне Бэнр, мечтать о таком подарке для Паучьей Королевы?

Гаркл кивнул, как бы соглашаясь, но в то же время полагая, что они пошли по

неверному пути.

— Кэтти-бри думает, что это Бэнр, но провидица говорила о Бездне, и это заставляет меня поверить в то, что Ллос наняла кого-то, — сказал Дзирт.

Гаркл прикусил язык и опять неубедительно покивал.

— У Кэддерли есть осведомитель в Бездне, — добавила Кэтти-бри. — Демон или что-то в этом роде. Он вызовет эту тварь и постарается выяснить для нас имя.

— Но я боюсь, что мой путь... — начал Дзирт.

— Наш путь, — поправила его Кэтти-бри столь твердо, что Дзирт был вынужден уступить.

— Я боюсь, что наш путь вновь приведет в Мензоберранзан, — сказал Дзирт и вздохнул. Он не горел желанием возвращаться туда, это было очевидно, но в то же время очертя голову ринулся бы в ненавистный город ради спасения друга.

— Почему туда? — спросил Гаркл, его голос прозвучал почти яростно. Чародей понимал, как истолковывает Дзирт стихи прорицательницы, и знал, что строка, в которой говорилось о призраке отца Дзирта, заставила дроу думать о Мензоберранзане как об источнике всех напастей. Да, в стихах были ссылки на Мензоберранзан, но там было еще одно слово, заставившее Гаркла предположить, что совсем не город темных эльфов был конечной целью их путешествия.

— Мы уже обсуждали это, — ответил Дзирт. — Кажется, та темная дорога, о которой говорила провидица, ведет напрямик в Мензоберранзан.

— И ты думаешь, что речь идет о слуге? — спросил Гаркл у Дзирта.

В ответ одновременно последовали полукивок и полупожатие плечами.

— А ты? — спросил чародей у Кэтти-бри.

— Может быть, и так, — ответила девушка. — Или о Матери Бэнр. Это моя собственная догадка.

— Но ведь ищет «тот», а не «та»! — возразил Гаркл.

— Да, все ближайшие слуги Ллос — женского пола, — согласилась Кэтти-бри и добавила, подмигнув, чтобы несколько разрядить напряженность: — Вот почему следует опасаться Паучьей Королевы.

— Так же как и всех Матерей — глав Домов, — заключил Гаркл.

Дзирт взглянул на Кэтти-бри: никто из них не понимал, к чему клонит непредсказуемый чародей.

Гаркл неожиданно хлопнул в ладоши, казалось, он вот-вот взорвется. Он спрыгнул с подоконника, чуть не опрокинув Дзирта вместе с его креслом.

— Она сказала «тот»! — вскричал взволнованный чародей. — Слепая ведьма сказала «тот»! Вспомните: «Предавший Ллос, тебя разыщет тот, о котором позабыл ты, чья ненависть к тебе сильнее, чем всех твоих земных врагов».

Гаркл остановился и закашлялся. Затем раздался шипящий звук, и из его кармана появилась струйка серого дыма.

— О боги! — застонал чародей.

Дзирт и Кэтти-бри вскочили на ноги, больше из-за неожиданно логичных рассуждений Гарпелла, чем из-за представления с дымом.

— Кто это, Дзирт? — настаивал Гаркл, ибо внезапно заподозрил, что у него осталось мало времени.

— Тот, — повторяла Кэтти-бри снова и снова, пытаясь подстегнуть свою память. — Джарлак?

— Кто безмерно грешил, — напомнил ей Гаркл.

— Тогда не наемник, — сказал Дзирт, так как он пришел к заключению, что Джарлак был вовсе не так злобен, как многие другие дроу. — Берг'инион Бэнр, может быть? Он ненавидел меня с тех пор, как мы вместе учились в Академии...

— Думай! Думай! Думай! — кричал Гаркл, а из его кармана вырывались все новые и новые клубы дыма.

— Что ты жжешь? — спросила Кэтти-бри, пытаясь повернуть Гаркла к себе. К удивлению и ужасу девушки, ее рука прошла сквозь неожиданно утратившую материальность фигуру чародея.

— Не обращай на это внимания! — огрызнулся Гаркл. — Думай, Дзирт До'Урден. Что это за враг, который безмерно грешил, чья ненависть к тебе столь сильна? Кого только ты можешь освободить?

Голос Гаркла, казалось, куда-то удалялся, фигура растворялась в воздухе.

— Я нарушил границы магии, — попытался объяснить чародей своим обьятым ужасом собеседникам. — И потому, я боюсь, она отправляет меня... — Неожиданно голос Гаркла вновь зазвучал громче: — Что это за враг, Дзирт?

И затем он исчез, просто пропал, оставив Дзирта и Кэтти-бри беспомощно глядеть в пустоту.

Этот последний крик, раздавшийся в тот момент, когда Гаркл исчезал из виду, напомнил Дзирту о том, как однажды он слышал такой же далекий вопль.

— Эррту, — прошептал дроу, затаив дыхание. Он качал головой, произнося это имя, которое было таким очевидным ответом.

— Эррту, — эхом отозвалась Кэтти-бри. — Уж этот-то, конечно, ненавидит тебя больше всех, и Ллос, вероятно, знает его или знает о нем.

Дзирт покачал головой:

— Этого не может быть, ведь я никогда не встречал танар'ри в Мензоберранзане.

— Но колдунья не говорила о Мензоберранзане! — воскликнула Кэтти-бри. — Ни разу!

— В первом доме... — начал было Дзирт, но сразу же замолк, неожиданно осознав, что его интерпретация может быть неверной.

Кэтти-бри тоже засомневалась.

— Ты ведь никогда не называл то место своим домом, — сказала она. — И часто говорил мне, что твоим первым домом была...

— Долина Ледяного Ветра, — закончил Дзирт.

— Именно там ты встретил Эррту, и он стал твоим врагом, — сказала Кэтти-бри, и Гаркл Гарпелл показался ей в этот момент таким мудрым.

Дзирт вздрогнул, припомнив всю мощь и злобность бейлора. Мысль о том, что Закнафейн находится в когтях Эррту, отозвалась в нем пронзительной болью.

* * *

Гаркл Гарпелл поднял голову и потянулся, громко зевая.

— Ах да! — сказал он, глядя на знакомые пергаменты, грудой лежащие перед ним на огромном столе. — Я же работал над своим заклинанием. — Разобравшись в записях, Гаркл ликующе воскликнул: — Мое новое заклинание! Наконец-то оно завершено! Туман судьбы! О, какая радость, какой счастливый день!

Чародей вскочил с кресла и закружился по комнате. После стольких месяцев изнурительной работы его новое заклинание было закончено. Многочисленные возможности, открывающиеся теперь, мелькали в его воображении. Может быть, туман судьбы отправит его в Калимшан, сведет с пашой, а возможно, в Анаврок, великую пустыню, или, быть может, даже в пустоши Вааса. Да, Гаркл хотел бы отправиться туда, в суровые горы Галена.

— Надо бы побольше узнать об этих горах, и ничего не забыть, когда я буду творить заклинание, — сказал он сам себе вслух. — Да, да, в этом вся штука.

Прищелкнув пальцами, чародей бросился к столу, тщательно собрал многочисленные пергаменты с записью длинного и сложного заклинания и запер их в ящик. Затем он выскочил из комнаты, направляясь в библиотеку Дворца Плюща, чтобы собрать информацию о знаменитых Землях Окровавленных Камней. Гаркл едва сдерживал

обуревавшие его чувства, настолько он был взволнован предстоящим первым, как он полагал, применением своего нового заклинания, кульминацией долгих месяцев неустанного труда.

Чародей совершенно ничего не помнил о том, как он впервые сотворил это заклинание. Все воспоминания о последних неделях жизни были начисто стерты из его памяти, и страницы волшебного дневника, сопровождавшего волшебство, вновь были девственно чисты. Насколько знал Гаркл, Дзирт и Кэтти-бри отправились из Глубоководья в плавание, на охоту за пиратами, на корабле, названия которого он не помнил.

* * *

Дзирт стоял рядом с Кэддерли в великолепно украшенной, но совершенно пустой квадратной комнате со стенами из полированного черного камня. В центре каждой стены был укреплен факел. Но факелы не горели, по крайней мере в традиционном смысле этого слова. Они были сделаны из черного металла, а не из дерева, верхушку каждого из них венчал хрустальный шар. Свет исходил из этих шаров, и казалось, что Кэддерли мог окрасить его в любые цвета. Сейчас один факел светился красным, другой желтым, а два зеленым, их свет по-разному проникал в блестящую поверхность отполированных стен, что создавало в комнате особенную, неповторимую атмосферу.

Игра света — это поистине впечатляющее зрелище — некоторое время удерживала внимание Дзирта, но все же темного эльфа, повидавшего много чудес за годы своих странствий, больше всего поразила пол комнаты. По периметру он был черным и блестящим, как стены, но основную часть его занимала мозаика в виде двойного круга. В центре был высечен знак, звездообразные верхушки которого касались внутренней окружности. Площадь между двумя окружностями заполняли магические руны, выгравированные в полу и заполненные измельченными драгоценными камнями различных цветов. Среди прочих Дзирт увидел изумрудную руну и рубиновую звезду, заключенных в двойные бриллиантовые окружности.

Дроу приходилось бывать в подобных комнатах в Мензоберранзане, хотя, конечно, не в таких великолепных, и он знал их предназначение. Ему показалось, что эта комната неуместна в величественном Храме Парящего Духа. Двойной круг и знак в центре позволяли вызывать существа из других миров, а руны могущества и защиты, которые он увидел, говорили о том, что эти существа не из числа сторонников сил Добра.

— Немногим дозволяется входить сюда, — пояснил Кэддерли серьезным тоном. — Только мне, Данике и брату Чонтиклиеру из библиотеки. Любой из гостей, которому необходимо воспользоваться возможностями этого места, должен пройти самую тщательную проверку.

Дзирт понял, что ему оказано наивысшее доверие, но это не сняло тех многочисленных вопросов, которые не давали ему покоя.

— Для таких вызовов есть причины, — продолжал Кэддерли, будто читая мысли дроу. — Иногда доброе дело может быть доведено до конца только посредством союза с представителями сил Зла.

— А сам по себе вызов танар'ри или даже младшего демона не являет ли собой злого деяния? — прямо спросил Дзирт.

— Нет, — ответил Кэддерли. — Не здесь. Эта комната совершенна по своему замыслу, ее благословил сам Денеир. Демон, вызванный сюда, попадает в ловушку, он опасен не больше, чем оставаясь в Бездне. Цель вызова — вот что главное. В данном случае мы обнаружили, что душа, которая не заслуживает такой пытки, попала в руки демона. Мы можем отыскать эту душу, только вступив в сделку с демоном. Какое же место и какой способ могут быть лучше?

Дзирт согласился, особенно сейчас, когда ставки были столь высоки и ситуация носила слишком личный характер.

— Это — Эррту, — с уверенностью объявил дроу. — Бейлор.

Кэддерли кивнул в знак согласия. Когда Дзирт сообщил ему о своем разговоре с Гарклом Гарпеллом, Кэддерли вызвал младшего демона, злобного беса, и отправил его на разведку. Сейчас он намеревался вновь вызвать этого беса и получить у него ответ.

— Брат Чонтиклиер общался сегодня со жрецами Денеира, — заметил Кэддерли.

— И что? — спросил Дзирт, несколько удивленный, что и Чонтиклиер вовлечен в происходящие события.

— Нет, нет, он запрашивал о нашем исчезнувшем друге-чародее, — сразу ответил Кэддерли, увидев, что дроу сбит с толку. — Не бойся, ибо Гаркл Гарпелл вернулся во Дворец Плюща, в Широкой Скамье. Мы можем связаться с ним, даже вернуть его обратно, если ты этого желаешь.

— Нет! — выпалил Дзирт и отвернулся, несколько смущенный своим неожиданным порывом. — Нет, — повторил он спокойнее. — Гаркл Гарпелл сделал достаточно. Не стоит подвергать его опасности в деле, которое, по правде говоря, его не касается.

Кэддерли кивнул и улыбнулся, понимая истинную подоплеку решения дроу.

— Итак, вызвать сюда Друзила, чтобы мы смогли получить ответ? — спросил он.

Не дожидаясь подтверждения, он погрузил комнату в бархатисто-пурпурный полумрак, махнув рукой в сторону каждого факела. Следующее заклинание заставило все знаки на полу зловеще засветиться.

Дзирт затаил дыхание, он всегда чувствовал себя не в своей тарелке, присутствуя на подобных церемониях. Дроу услышал, как Кэддерли начал тихое, ритмичное заклинание, и сосредоточился на светящихся рунах и на своих мыслях о том, что таит в себе будущее.

Через несколько минут из центра мозаики раздался резкий свистящий звук, а затем на мгновение воцарилась полная темнота, свист прервался резким треском, и в наступившей тишине возник очень злобного вида бес, с крыльями летучей мыши и собачьей мордой, который плевался и ругался, сидя на полу посреди комнаты.

— Ну что ж, приветствую тебя, мой дорогой Друзил, — весело сказал Кэддерли, что, разумеется, заставило злобного беса, слугу поневоле, еще больше разворчаться. Друзил вскочил на ноги — его маленькие рожки едва достигали высоты колена Дзирта — и завернулся в свои кожистые крылья.

— Я хотел, чтобы ты познакомился с моим другом, — небрежно сказал Кэддерли. — Может быть, позволить ему искрошить тебя на кусочки своими чудесными клинками?

Злобный взгляд черных глаз Друзила впился в бледно-лиловые глаза дроу.

— Дзирт До'Урден! — Бес смачно сплюнул. — Предавший Паучью Королеву.

— О, вы знакомы, — сказал Кэддерли, и по его тону бес понял, что он непреднамеренно предоставил жрецу важную информацию. — Стало быть, ты разговаривал с неким демоном, которому известна правда.

— Ты хотел конкретного ответа, и только одного, — проскрежетал Друзил. — И взамен ты обещал год мира!

— Да, — признал Кэддерли. — И у тебя есть ответ для меня?

— Мне жаль тебя, глупый дроу, — сказал Друзил, вновь уставившись на Дзирта. — Мне жаль тебя, и я смеюсь над тобой. Безрассудный дроу! Теперь ты мало интересуешь Паучью Королеву, потому что она отдала право наказать тебя в качестве вознаграждения тому, кто помог ей во Время Бедствий.

Дзирт отвел взгляд от Друзила, чтобы посмотреть на Кэддерли, но жрец выглядел совершенно спокойным и собранным.

— Мне жаль любого, кто навлекает на себя ярость бейлора, — продолжал Друзил, злобно усмехаясь.

Кэддерли видел, что Дзирт плохо переносит общение с бесом, испытывая глубочайший стресс.

— Имя бейлора! — потребовал жрец.

— Эррту! — рявкнул Друзил. — Запомни это хорошенько, Дзирт До'Урден!

Лиловые глаза Дзирта вспыхнули пламенем, и Друзил, не вынесший их горящего взгляда, повернулся к Кэддерли.

— Год мира, ты обещал мне год мира! — проскрипел он.

— Годы измеряются по-разному, — загремел в ответ жрец.

— Какое вероломство... — начал было Друзил, но Кэддерли хлопнул в ладоши, произнеса магический приказ, и в воздухе по бокам беса возникли две черные плоскости, которые сомкнулись с громоподобным звуком, и Друзил исчез, оставив за собой струю дыма.

Кэддерли сразу же сделал свет в комнате ярче и некоторое время молчал, глядя на Дзирта, который стоял опустив голову и размышляя над полученными сведениями.

— Ты бы мог его уничтожить, — сказал дроу.

Кэддерли широко улыбнулся.

— Это не так легко, — признался он. — Друзил — воплощение зла, но это скорее типаж, нежели настоящее существо. Я мог бы разодрать его материальное тело, но тогда он просто отправится назад, в Бездну. Только там, в его дымящемся доме, мог бы я по-настоящему уничтожить Друзила, а я не горю желанием посетить Бездну! Друзил почти безвреден, потому что я знаю его, знаю о нем, знаю, где найти его, и знаю, как сделать его жалкую жизнь еще более несчастной, если это понадобится.

— Итак, Эррту, — сказал Дзирт.

— Бейлор, — кивнул Кэддерли. — Могущественный враг.

— Но он в Бездне, — сказал Дзирт. — Там, куда мне никогда не попасть.

— Мы можем получить еще несколько ответов, — напомнил Кэддерли. — Их Друзил не смог бы предоставить.

— Кто же тогда?

— Ты знаешь, — спокойно ответил Кэддерли.

Дзирт, конечно, знал, но мысль о том, чтобы вызвать сюда Эррту, ему не нравилась.

— Круг удержит бейлора, — заверил его Кэддерли. — И тебе не обязательно быть здесь, когда я вызову....

Не успел еще Кэддерли закончить фразу, как Дзирт сделал отрицательный жест. Он должен увидеть того, кто больше всех его ненавидит и кто, очевидно, держит в плену его друга.

Дзирт глубоко вздохнул.

— Я полагаю, что тот пленник, о котором говорила ведьма, — это Закнафейн, мой отец, — признался он жрецу, поняв, что по-настоящему доверяет Кэддерли. — Я еще не уверен в том, что я чувствую, думая об этом.

— Разумеется, это пытка — думать о том, что твой отец в таких мерзких руках, — ответил Кэддерли. — И конечно, тебя очень волнует мысль о том, что ты сможешь снова встретиться с Закнафейном.

Дзирт кивнул.

— Но не только это, — сказал он.

— Так ты испытываешь двойственные чувства? — спросил Кэддерли, и Дзирт, застигнутый врасплох этим прямым вопросом, поднял голову и посмотрел в лицо старому жрецу. — Ты уже простился с той частью своей жизни, Дзирт До'Урден? А теперь боишься, что она может возникнуть вновь?

Дзирт покачал головой, но неуверенно. Он сделал длинную паузу, затем глубоко вздохнул.

— Я злюсь на себя, — признался дроу. — Из-за своего эгоизма. Я хочу вновь увидеть Закнафейна, встать рядом, учиться у него, вслушиваться в его слова. — Дзирт посмотрел на спокойное лицо Кэддерли. — Но я помню, каким видел его в последний раз, — продолжал он и затем рассказал жрецу о последней встрече с отцом.

Злобная Мэлис, мать Дзирта, оживила мертвое тело Закнафейна и вселила в него дух мертвого дроу. Околдованный Матерью Мэлис, Закнафейн отправился на поиски Дзирта,

чтобы убить его. Но в решающий момент истинный Закнафейн смог на краткий миг превозмочь злую волю Мэлис. И Закнафейн уничтожил свое оживленное тело и освободил Дзирта и самого себя из-под власти Мэлис До'Урден.

— Когда я услышал слова слепой ведьмы, а затем поразмыслил над ними, я был искренне опечален, — закончил Дзирт. — Я полагал, что Закнафейн теперь свободен от всех них, свободен от Ллос, от любого зла, и находится в том месте, где ему воздается по справедливости за всю ту правду, которой всегда была полна его душа.

Кэддерли положил руку на плечо Дзирта.

— Думать о том, что они снова схватили его... — продолжал дроу.

— Но, может быть, это и не так, — сказал Кэддерли. — А если и правда, то надежда еще не утрачена. Твой отец нуждается в нашей помощи.

Дзирт крепко сжал губы и кивнул.

— И в помощи Кэтти-бри, — ответил он. — Она будет здесь, когда мы вызовем Эррту.

Глава 15 ВОПЛОЩЕННЫЙ МРАК

Его дымящееся тело почти заполнило круг. Демон не сумел полностью развернуть свои огромные кожистые крылья: они пересекли бы ограничительную линию, заходить за которую Эррту не мог. Он вцепился когтями в каменный пол, испустил гортанный рык и, откинув огромную уродливую голову, зашелся безумным смехом. Затем бейлор внезапно успокоился и впился пронизательным взглядом в глаза Дзирта До'Урдена.

Много лет прошло с тех пор, как Дзирт видел могучего Эррту, но скиталец, конечно, узнал демона. Отвратительный лик бейлора являл собой нечто среднее между мордой собаки и обезьяны, а глаза были черными средоточиями зла, то огромными и пламенеющими от ярости, то узкими и глубокими щелями, обещающими адские пытки. Да, Дзирт хорошо помнил Эррту; в его памяти навсегда осталась их отчаянная схватка на склоне Пирамиды Кельвина.

Сабля странника, та, которую он добыл в логове белого дракона, казалось, тоже обладала памятью, ибо Дзирт чувствовал, как она ожила в ножнах, понуждая выхватить ее и снова вонзить в бейлора, чтобы добраться до его пламенеющего сердца. Этот клинок был выкован для сражений с огненными монстрами и, казалось, особенно жаждал дымящейся плоти демона.

Кэтти-бри никогда еще не видела подобной твари: это было олицетворение мрака и зла, более омерзительного существа невозможно было представить. Ей хотелось поднять Тулмарил и всадить стрелу в кошмарную морду, и в то же время она боялась, что тогда чудовище бросится на них.

Эррту, продолжая хохотать, с устрашающей скоростью замахнулся на Дзирта своим многоремненным бичом. Ремни с треском развернулись и понеслись было вперед, но тут же застыли в воздухе, будто наткнулись на стену.

— Ты не можешь перенести свое оружие, плоть или волшебство сквозь преграду, Эррту, — спокойно сказал Кэддерли, которого, казалось, нимало не впечатлил вид танар'ри.

Глаза Эррту злобно сощурились, когда взгляд бейлора, знавшего, что именно жрец осмелился вызвать его, упал на Кэддерли. Вновь раздался его гроыхающий хохот, и у огромных когтистых лап Эррту возникли языки пламени, белого и жаркого, и поднялись так высоко, что он почти скрылся за ними. Трое друзей зажмурились от невыносимого жара. В конце концов Кэтти-бри с криком отпрянула назад, и Дзирт последовал за ней. Кэддерли, бесстрашный и спокойный, оставался на месте, уверенный, что круги с вытравленными рунами остановят пламя. Капли пота катились по его лицу.

— Прекрати! — Голос Кэддерли перекрыл треск пламени. Затем он произнес длинную фразу на языке, которого ни Дзирт, ни Кэтти-бри никогда прежде не слышали, заклинание, закончившееся именем Эррту, прозвучавшим с особой выразительностью.

Бейлор взревел, будто от сильной боли, и стена огня опала и исчезла.

— Я вспомню о тебе, старик, — пообещал огромный монстр. — Вспомню, когда вновь приду в твой мир.

— Милости прошу, — невозмутимо отвечал Кэддерли. — Я с наслаждением отправлю тебя обратно в тот мрак, где тебе и надлежит пребывать.

Эррту взревел от бешенства и обратил свой взгляд на ненавистного ему Дзирта До'Урдена.

— Он у меня, дроу, — насмешливо сказал демон. — В Бездне.

— Кто? — спросил Дзирт, но бейлор ответил новым взрывом безумного хохота.

— Кто у тебя, Эррту? — твердо спросил Кэддерли.

— Я не обязан отвечать на такие вопросы, — напомнил жрецу бейлор. — Он у меня, и единственный способ получить его назад — покончить с моим изгнанием. Я возьму его на эту — твою — землю, Дзирт До'Урден, и, если он нужен тебе, ты придешь и заберешь его!

— Я буду говорить с Закнафейном! — воскликнул Дзирт, и его рука потянулась к эфесу сабли. Эррту насмеялся над ним, наслаждаясь созерцанием его смятения. И это было только началом мучений дроу.

— Освободи меня! — взревел демон. — Освободи немедленно! Знай, что каждый день — это вечность пытки для моего пленника, твоего возлюбленного от...

Эррту внезапно умолк, так что незаконченное слово повисло в воздухе, и погрозил пальцем Кэддерли.

— Меня чуть не обманули! — На морде Эррту появилось выражение притворного ужаса. — Я почти ответил на вопрос, сделал то, что от меня вовсе не требуется.

Кэддерли взглянул на Дзирта, понимая дилемму, стоявшую перед дроу. Жрец знал, что Дзирт охотно прыгнул бы прямо в круг и сразился с Эррту за своего пропавшего отца, друга или из-за любого праведного человека. Но освобождение демона казалось благородному дроу отчаянным, эгоистичным поступком, который может подвергнуть опасности многих невинных.

— Освободи меня! — ревел бейлор, и его громоподобный голос эхом гулял по комнате. Дзирт внезапно расслабился.

— Этого я не могу сделать, мерзкая тварь, — сказал он, покачав головой и, казалось, с каждой секундой обретая все большую уверенность в правильности своего решения.

— Глупец! — прорычал Эррту. — Я ведь сдеру с него кожу! Я сожру его пальцы! Но он будет жить, обещаю, он будет осознавать все, что с ним происходит. И перед каждой пыткой я буду говорить ему, что это ты отказался помочь ему, что ты вынес ему приговор!

Дзирт отвернулся, задыхаясь. Он знал истинную природу Закнафейна и знал, что тот не пожелал бы, чтобы Дзирт освободил Эррту, чего бы ему самому это ни стоило.

Кэтти-бри взяла Дзирта за руку, Кэддерли за другую.

— Не могу советовать тебе, добрый дроу, — молвил старый жрец. — Но если демон держит в плену душу, не заслуживающую такой участи, то наша обязанность — освободить...

— Но какой ценой?! — с отчаянием воскликнул Дзирт. — Каковы будут последствия для всего мира?!

Эррту дико хохотал. Кэддерли повернулся, чтобы успокоить демона, но тот заговорил первым.

— Ты-то знаешь, жрец, — захихикал он. — Ты-то знаешь!

— О чем это он? — осведомилась Кэтти-бри.

— Скажи им! — требовал Эррту у Кэддерли, который явно чувствовал себя неловко.

Жрец взглянул на Дзирта и Кэтти-бри и покачал головой.

— Тогда я скажу сам! — вскричал Эррту, и его ужасный гортанный голос вновь прокатился эхом по каменному залу, вызывая боль в ушах.

— Сейчас ты исчезнешь! — пообещал Кэддерли и начал читать заклинание.

Внезапно Эррту начал сильно содрогаться, уменьшаясь в размерах.

— Подожди! — попросил Дзирт Кэддерли, и жрец повиновался.

— Теперь я могу отправиться туда, куда пожелаю, безрассудный Дзирт До'Урден! По вашей воле я прикоснулся к земле Материального уровня, и поэтому мое изгнание закончилось. Я могу делать все, что хочу!

Кэддерли вновь начал читать заклинание, на сей раз быстрее, и Эррту растаял в воздухе.

— Приходи ко мне, Дзирт До'Урден! — донесся далекий голос бейлора. — Если захочешь увидеть его. Я к тебе не приду!

Демон исчез, оставив их совершенно обессиленными. Самым изнуренным оказался Дзирт, который оперся спиной о стену, и остальным казалось, что только благодаря этому он еще держится на ногах.

— Ты ведь не знал! — воскликнула Кэтти-бри, понимая, какая вина легла на плечи ее друга. Она посмотрела на старого жреца, которого, казалось, не особенно взволновали откровения бейлора.

— Это правда? — спросил Дзирт у Кэддерли.

— Точно не могу сказать, — ответил жрец. — Но я полагаю, что наш вызов Эррту на Материальный уровень действительно мог завершить изгнание бейлора.

— И ты знал это с самого начала! — В голосе Кэтти-бри слышались обвинительные нотки.

— Подозревал, — сознался Кэддерли.

— Тогда почему же ты позволил мне вызвать эту тварь? — спросил удивленный Дзирт. Ему ни за что не пришла бы в голову мысль о том, что Кэддерли может положить конец изгнанию чудовища. Но когда он вновь взглянул на старого жреца, то Дзирту показалось, что это несколько не обеспокоило Кэддерли.

— Демон, как это всегда бывает с такими существами, может оказаться на Материальном уровне только с помощью жреца или чародея, — объяснил Кэддерли. — Любой из них, кто желает заполучить такую тварь, может найти многих и многих, ожидающих вызова, даже других бейлоров. Освобождение Эррту, если, конечно, он не соврал, не такое уж сложное дело.

Теперь Дзирт и Кэтти-бри поняли. Те, кто желал бы воспользоваться услугами демонов, не ощущал их нехватки: Бездна была полна могущественных тварей, преисполненных желания выбраться оттуда и посеять смуту среди смертных.

— Боюсь, — признался Кэддерли, — что этот бейлор ненавидит тебя, Дзирт, больше всего на свете. Он может, несмотря на его последние слова, выследить тебя, если когда-нибудь вернется в наш мир.

— О, я сам выслежу Эррту, — невозмутимо ответил бесстрашный Дзирт, и это вызвало улыбку на устах Кэддерли. Именно такой ответ он надеялся услышать от мужественного друу. Жрец глубоко верил в то, что если битва начнется, то Дзирт и его друзья одержат победу и мучениям отца Дзирта наступит конец.

* * *

В тот же день, несколько позже, Вэйлан Майканти и Данкин Высокая Мачта добрались до Храма Парящего Духа. Возле него они обнаружили капитана Дюдермонта, который отдыхал в тени дерева, скармливая странного вида орешки белой белке.

— Это — Персиваль, — пояснил им Дюдермонт, протягивая руку белке. Как только Персиваль схватил угощение, Дюдермонт указал на Пайкела, который, как всегда, усердно трудился, ухаживая за своими многочисленными садами. — Пайкел — вон тот дворф — сообщил мне, что Персиваль — личный друг Кэддерли.

Вэйлан и Данкин обменялись недоумевающими взглядами: ни один из них не представлял себе, о чем мог говорить капитан.

— Впрочем, это не важно, — заметил Дюдермонт, поднимаясь на ноги и отряхивая

одежду. — Что нового на «Морской фее»?

— Ремонт идет вовсю, — ответил Вэйлан. — Многие рыбаки Кэррадуна помогают нам. Они даже нашли подходящее дерево для замены мачты.

— Они очень дружелюбны, эти люди из Кэррадуна, — вставил Данкин.

Дюдермону нравились изменения, которые произошли в Данкине. Это уже не был тот грубый и самоуверенный посланец Тарнхила Эмбуирхана, который прибыл в первый раз на «Морскую фею» в поисках Дзирта До'Урдена. Как считал Вэйлан, Данкин показал себя прекрасным моряком и хорошим товарищем, и Дюдермонт собирался предложить ему стать членом экипажа «Морской феи», как только они выяснят, как вернуть корабль в Море Мечей.

— Робийярд в Кэррадуне, — неожиданно сказал Вэйлан, удивив капитана, хотя Дюдермонт, в сущности, никогда не сомневался, что чародей пережил шторм и в конце концов найдет их. — Или, по крайней мере, был там. Он мог уже вернуться в Глубоководье. И он сказал, что может доставить нас в наши края.

— Но это нам дорого обойдется, — добавил Данкин. — Ему понадобится помощь его собратьев, людей чрезвычайно алчных, даже по признанию Робийярда.

Это не очень обеспокоило Дюдермонта: правители Глубоководья наверняка компенсируют им любые издержки. Капитан заметил, как Данкин сказал «нам», и это ему понравилось.

— Робийярд говорит, что ему понадобится некоторое время для того, чтобы все это устроить, — закончил Вэйлан. — Но в любом случае нам нужно еще две недели для завершения ремонта «Морской феи», а здесь ее легче отремонтировать, чем в Глубоководье.

Дюдермонт только кивнул в ответ. Подпрыгивая, подошел Пайкел, и взгляды Вэйлана и Данкина обратились к нему. Дюдермонт был доволен. С возвращением «Морской феи» все устроится, в этом он не сомневался. Робийярд был очень знающим и преданным чародеем. Но капитан предвидел, что в ближайшем будущем ему предстоит расставание, ибо двое друзей (трое, считая Гвенвивар), вероятно, не вернутся на корабль или если и вернутся, то не надолго.

Глава 16 ПРИМАНКА ДЛЯ ЭРРТУ

— Долина Ледяного Ветра, — сказал Дзирт, не успели они выйти из комнаты, в которой вызывали демона.

Это удивило Кэддерли, но Кэтти-бри, услышав эти слова, поняла, о чем говорит Дзирт, и согласилась с его заключением.

— Да, демон отправится за хрустальным осколком, — пояснила она Кэддерли.

— Если Эррту когда-нибудь вернется в наш мир, он обязательно попытается завладеть артефактом, — добавил Дзирт.

Кэддерли ничего не знал о хрустальном осколке, но он понял, что, по мнению обоих друзей, речь идет об очень серьезном деле.

— Ты уверен, что разгадал планы бейлора? — спросил он Дзирта.

Дроу кивнул.

— Я впервые встретил Эррту на горе, открытой всем ветрам, возвышающейся над Гребнем Мира. Это Пирамида Кельвина, в Долине Ледяного Ветра, — объяснил он. — Демон пришел по зову чародея, который обладал Креншинибоном — хрустальным осколком, — могущественнейшим артефактом зла.

— А где сейчас этот артефакт? — спросил внезапно обеспокоенный Кэддерли. Ему приходилось иметь дело с подобными предметами: однажды, ради того, чтобы уничтожить один из них, он подверг опасности свою жизнь и жизни тех, кого любил.

— Он спрятан, — ответила Кэтти-бри. — Лавина захоронила его под снегом и камнем на склоне Пирамиды Кельвина.

Говоря это, девушка больше смотрела на Дзирта, чем на жреца, и выражение ее лица говорило о том, что она начинала разделять подозрения дроу.

— Этот предмет обладает чувствами, — напомнил ей скиталец. — Зловредное орудие, которое не примирится с одиночеством. Если Эррту вернется в наш мир, он направится в Долину Ледяного Ветра в поисках Креншинибона, и когда окажется неподалеку, артефакт позовет его.

Кэддерли согласился с ним.

— Вы должны уничтожить хрустальный осколок, — сказал он с удивившей их решительностью. — Это задача первостепенной важности.

Дзирт не был уверен в том, что согласен с такой расстановкой приоритетов, во всяком случае не сейчас, когда его отец, очевидно, был пленником бейлора. Но, конечно, мир стал бы значительно лучше без таких вещей, как Креншинибон.

— Но как можно уничтожить столь могущественный артефакт? — спросил дроу.

— Я не знаю. Для каждого артефакта существуют свои особые способы уничтожения, — ответил Кэддерли. — Несколько лет назад, когда я был молод, мой бог просил уничтожить Гируфу, обладающий чувствами зловредный предмет. Я вынужден был искать... просить помощи у великого красного дракона.

— «Несколько лет назад, когда я был молод», — повторила Кэтти-бри удивленным шепотом, так что никто этого не услышал.

— Поэтому я возлагаю это на вас — найти и уничтожить Креншинибон, артефакт, который вы называете хрустальным осколком.

— Я не знакома с драконами, — сухо заметила Кэтти-бри.

Дзирт когда-то знал одного красного дракона, но не имел никакого желания снова встретиться с Гефестусом и надеялся, что Кэддерли предложит какой-нибудь другой способ.

— Когда вы завладеете артефактом и с Эррту будет покончено, принесите его мне, — сказал Кэддерли. — Вместе, под водительством Денеира, мы откроем, как можно уничтожить хрустальный осколок.

— По-твоему выходит, что достать его — плевое дело! — фыркнула Кэтти-бри.

— Едва ли, — сказал Кэддерли. — Но я твердо верю в это. Вам что, больше понравилось бы, если бы я сказал «если» вместо «когда»?

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — ответила Кэтти-бри.

Кэддерли широко улыбнулся и положил свою руку на сильные плечи девушки. Кэтти-бри не уклонилась от этого объятия, находя, что ей по-настоящему нравится жрец. В Кэддерли не было ничего, что стесняло бы ее, за исключением той беспечности, с которой, казалось, жрец относился к таким силам, как Эррту и артефакт.

— Но мы ведь не сможем достать хрустальный осколок из-под завала, — обратилась Кэтти-бри к Дзирту.

— Скорей всего он сам найдет путь оттуда, — сказал Кэддерли. — Возможно, он уже сделал это.

— Или Эррту обнаружит его, — добавил Дзирт.

— Итак, мы должны отправиться в Долину Ледяного Ветра и ждать? — раздраженно спросила Кэтти-бри, неожиданно осознавая весь масштаб задачи, стоявшей перед ними. — Сидеть там и нести службу стражей? Сколько веков?

Дзирта тоже не радовала такая перспектива, но теперь, когда Эррту, видимо, освободился, у дроу не было другого выхода. Мысль о возможности вновь увидеть Закнафейна удержала бы его сына на одном месте, если понадобится, не одно столетие.

— Примем то, что боги посылают нам, — сказал Дзирт Кэтти-бри. — Перед нами длинная дорога и, да, возможно, долгое ожидание.

— В Лускане есть храм Денеира, — вмешался Кэддерли. — Это неподалеку от места, именуемого Долиной Ледяного Ветра, не так ли?

— Ближайший город к югу от гор, — ответил Дзирт.

— Я могу доставить вас туда, — сказал Кэддерли. — Мы втроем можем отправиться в

Лускан с помощью ветра.

Дзирт обдумал предложение жреца. Была уже почти середина лета, и многие купцы проходили через Лускан, направляясь в Десять Городов за ценными резными изделиями из кости форели. Если Кэддерли сможет быстро доставить их в Лускан, они легко присоединятся к какому-нибудь каравану, следующему в Долину Ледяного Ветра.

Но вдруг Дзирт вспомнил еще кое-что.

— А как же наши друзья? — спросил он.

Кэтти-бри и Кэддерли посмотрели друг на друга.

Они почти забыли о Дюдермонте и находящейся на берегу «Морской фее».

— Я не могу взять всех, — признался Кэддерли. — И конечно, не могу перенести корабль.

— Но мы должны идти, — сказал Дзирт Кэтти-бри.

— Остается надеяться, что Дюдермонту понравится плавать по озеру, — саркастично заметила девушка. — Вокруг не так уж много пиратов, а если он поднимет все паруса, то улетит на мило в эти вонючие леса!

Дзирт сразу сник.

— Пойдем поищем капитана, — сказал он. — Может быть, удастся вернуть Гаркла Гарпелла. Он доставил «Морскую фею» в озеро, пусть и возвращает ее в море.

Кэтти-бри пробурчала что-то себе под нос. Дзирт не разобрал ее слов, однако, зная, что девушка думает о Гаркле, мог легко догадаться, что именно она сказала.

Они обнаружили Дюдермонта, Вэйлана и Данкина сидящими рядом с Айвэном и Пайкелом возле главного входа в Храм Парящего Духа. Дюдермонт рассказал им новости о Робийярде и о плане возвращения в Море Мечей. Кэтти-бри и Дзирт с облегчением взглянули друг на друга, а Дюдермонт знал их достаточно хорошо для того, чтобы понять суть происходящего.

— Вы покидаете нас, — заключил он. — Вы не сможете ждать эти две или три недели, которые понадобятся Робийярду, чтобы подготовить наше возвращение.

— Кэддерли может доставить нас в Лускан, — ответил Дзирт. — Менее чем через две-три недели я надеюсь оказаться в Десяти Городах.

Эти новости омрачили беззаботную прежде беседу. Даже Пайкел, который едва ли знал, о чем говорят остальные, испустил длинное и безнадежное «ооооо!».

Дюдермонт попытался найти другой выход из ситуации, но понимал, что его место было здесь, на «Морской фее», а у Дзирта и Кэтти-бри не было иного выбора, кроме как следовать своим путем. Кроме того, Дюдермонт помнил их реакцию на сообщение Айвэна о том, что Бренор покинул Мифрил Халл. Дзирт сказал, что возвращается в Десять Городов, в Долину Ледяного Ветра. Вероятно, именно туда направился Бренор.

— Возможно, если мы вернемся на Побережье Мечей прежде, чем погода ухудшится, я поведу «Морскую фею» в Море Плавающего Льда, — сказал Дюдермонт, по-своему прощаясь с друзьями. — Я бы хотел посетить эту вашу Долину.

— Мой дом, — торжественно сказал Дзирт.

Кэтти-бри кивнула Дзирту и Дюдермонту. Она всегда чувствовала себя не в своей тарелке, когда речь шла о прощании, а это был тот самый случай.

Настало время отправляться домой.

Глава 17

ЧУВСТВО ВЛАСТИ

Стампет Скребущий Коготь с трудом поднималась по заснеженному склону Пирамиды Кельвина. Она знала, что сильно рискует, ибо в Долине Ледяного Ветра снега таяли вовсю, а гора была не столь высока, чтобы температура здесь оставалась ниже точки замерзания. Стампет ощущала, как влага просачивается сквозь толстую кожу сапог, и неоднократно слышала предательский ропот будто бы жалующегося снега.

Упрямая жрица продолжала идти вперед. Весь склон мог съехать вниз: на Пирамиде Кельвина, где снег таял быстро, лавины не были редкостью. Но в тот момент Стампет чувствовала себя настоящей искательницей приключений, бросившей вызов земле, по которой, как она полагала, никто не ступал многие годы. Она мало знала об истории этих мест, так как пришла в Мифрил Халл вместе с Дагнабитом и дворфами из Цитадели Адбар, и была слишком занята работой в шахтах, чтобы прислушиваться к историям, которые члены Клана Боевого Топора рассказывали о Долине Ледяного Ветра.

Стампет не знала и о самой знаменитой лавине на этой горе. Она даже не ведала, что Дзирт и Акар Кессел сражались здесь в своем последнем бою, пока земля не ушла из-под их ног и не погребла Кессела.

Жрица остановилась и полезла в мешочек, достав кусок свиного сала. Она произнесла небольшое заклинание и приложила сало к сжатым губам, приводя в действие волшебство, отгоняющее простуду. Внизу быстро наступало лето, но здесь, наверху, ветер был холодным, а ноги у нее промокли. В тот же момент Стампет вновь услышала особенный ропот снега и подняла глаза на вершину горы, которая была в двух сотнях футов от нее. Впервые она подумала о том, сможет ли добраться туда.

Пирамида Кельвина, конечно, была не очень высокой горой. Возле Адбара, где родилась Стампет, или около Мифрил Халла такую возвышенность вообще называли бы холмиком. Подумаешь, тысяча футов! Но здесь, среди плоской тундры, она казалась горой, а Стампет Скребущий Коготь была дворфом, считавшим, что основная цель любой горы — бросить вызов покорителям высоты. Она знала, что разумнее было бы подождать позднего лета, когда на Пирамиде Кельвина оставалось бы мало снега, но жрица никогда не отличалась терпеливостью. И гора не являла бы собой серьезного вызова без этого опасного, съезжающего снега.

— Не вздумай на меня падать! — сказала Стампет горе. — И не смей отправлять меня вниз!

Она говорила слишком громко, и, как бы в ответ, гора издала жуткий гул. Неожиданно Стампет заскользила назад.

— О, будь ты проклята! — завопила она, поднимая свой огромный ледоруб и ища, за что бы зацепиться. Она споткнулась и упала на спину, но смогла крепко всадить ледоруб в камень, выступавший из-под снега. Все ее мышцы напряглись, когда сверху по склону понесся снег, но лавина оказалась не слишком большой, и через минуту все вновь успокоилось, утихло и отдаленное эхо. Стампет выбралась из огромного сугроба, в который превратились и она, и удержавший ее камень.

И тут она заметила осколок льда, лежавший на обнаженной теперь земле. Сначала она не обратила на него особого внимания. Надо было тщательно стряхнуть с себя снег, пока он не растаял и не промочил окончательно ее уже влажную одежду.

Но взгляд жрицы все время возвращался к кристаллу. Он не казался чем-то необычным, просто кусок льда. И все же у нее возникло какое-то глубокое внутреннее чувство, что это нечто большее.

В течение нескольких минут Стампет удавалось отгонять от себя необъяснимые мысли и готовиться к продолжению восхождения. Но кристалл продолжал взывать к ней на подсознательном уровне, маня нагнуться и подобрать его.

Прежде чем она успела осознать, что делает, осколок оказался в ее руке. Это не лед, сразу же поняла жрица, так как кристалл был теплым на ощупь и каким-то успокаивающим. Она поднесла его поближе к глазам. Осколок был похож на сосульку с прямоугольными гранями, около фута длиной. Помедлив немного, Стампет сняла перчатки.

— Кристалл, — тихо сказала она, ибо этот теплый предмет не был скользким, подобно куску льда. Стампет закрыла глаза, сконцентрировавшись на своих ощущениях, пытаясь почувствовать истинную температуру предмета.

— Мое заклинание, — прошептала жрица, подумав, что она раскрыла тайну кристалла. Она произнесла что-то нараспев, рассеивая волшебство, вызванное недавно, чтобы отогнать

холод.

Но кристалл оставался теплым. Стампет потерла об него руки, и тепло распространилось по всему ее телу, согрев даже мокрые ноги.

Жрица поскребла подбородок и огляделась: не переместила ли лавина еще чего-нибудь. Но все, что она видела вокруг, было белым, серым и коричневым. Привычный невыразительный гобелен поверхности Пирамиды Кельвина рассеял ее подозрения. Она вновь подняла вверх хрустальный осколок, наблюдая за игрой солнечного света в его глубине.

— Может быть, это магическое средство против холода, — рассуждала она вслух. — Кто-то принес его с собой в долину. Возможно, он искал какое-то сокровище или поднялся сюда, чтобы получше оглядеться вокруг, думая, что кристалл защитит его. Что ж, против холода — да, — заключила Стампет, — но не против лавины, которая погребла человека.

Ну вот, она с этим разобралась. Стампет чувствовала, как ей повезло: она нашла такую полезную вещь. Жрица посмотрела на юг, где виднелись в сером тумане высокие пики Гребня Мира, постоянно покрытые снегами. Неожиданно она подумала о том, как пригодится ей хрустальный осколок. Любая гора покорится Стампет, если у нее будет такая защита. Она могла бы взойти на все вершины за одно путешествие, и ее имя будет почитаться среди дворфов!

Так Креншинибон, хрустальный осколок, обладающий разумом коварный артефакт, вновь заработал, вкрадчиво внушая Стампет надежды на выполнение самых сокровенных ее желаний. Креншинибон сразу понял, что его новый владелец не просто дворф, а жрица дворфов, и не очень этому порадовался. Дворфы славились своим упрямством и стойкостью к магии. Но все же артефакт зла радовался тому, что выбрался наконец из снегов, что кто-то появился на Пирамиде Кельвина и извлек его на свет.

Хрустальный осколок снова находился среди живых, там, где он мог сеять смерть и разрушение.

* * *

Он пробирался по штольням, пытаясь шагать в ритме стучащих молотков дворфов. Привыкший к звездам над головой, он чувствовал себя крайне неудобно в тесном пространстве; иногда высокому Киерстааду приходилось вставать на четвереньки, чтобы протиснуться в низкие сводчатые проходы.

Заслышав чьи-то шаги, он остановился и вжался в стену. Юноша не был вооружен, хотя здесь, в шахтах дворфов, его едва ли встретили бы дружелюбно, особенно после неприятной встречи Бренора с Берктгаром. Отец Киерстаада, Рэвйяк, конечно, приветствовал возвращение Бренора, но тем не менее в племени явно ощущалась напряженность. Берктгар и его сторонники оказывали колоссальное давление на Рэвйяка, стремясь восстановить прежнее тотальное недоверие ко всем, кто не принадлежал к их роду. Рэвйяк был достаточно мудр, чтобы понимать, что если он начнет слишком сильно конфликтовать с Берктгаром, то может вообще потерять контроль над племенем.

Киерстаад видел это и испытывал смешанные чувства. Он оставался на стороне отца, верил, что дворфы были его друзьями, но аргументы Берктгара действовали и на него. Все связанное со старым, традиционным образом жизни — охота в тундре, молитвы, обращенные к духам убитых животных, — казалось таким удивительным юноше, который провел последние несколько лет в общении с жалкими торговцами и в сражениях против темных эльфов.

Дворфы прошли, не заметив Киерстаада, и юноша вздохнул свободнее. Он помедлил минутку, чтобы сориентироваться, припоминая, через какие туннели он прошел и где, как он полагал, находятся покои вождя Клана Боевого Топора. Многие дворфы отправились в тот день в Брин Шандер, чтобы забрать оттуда закупленные Бренором припасы. Остававшиеся в шахтах работали в более глубоких штольнях, энергично разрабатывая жилы драгоценных

минералов.

То отступая назад, то кружа, Киерстаад наконец добрался до маленького коридора, по обеим сторонам которого находилось по две двери и еще одна — в самом конце. Первая комната, в которую он заглянул, не показалась ему похожей на жилище дворфа. Плюшевые ковры и кровать, на которой грудой лежали матрасы и теплые одеяла, подсказали юноше, кто хозяин комнаты.

«Реджис», — подумал Киерстаад с усмешкой. Этот хафлинг, по общему мнению, символизировал все то, что презирали варвары: он был ленивым, толстым, прожорливым и, что хуже всего, трусливым. И тем не менее Киерстаад, так же как и многие другие варвары, встречал Реджиса широкой улыбкой, когда тот появлялся в Сэттлстоуне. Реджис был единственным хафлингом, которого знал Киерстаад, но, если Пузан, как многие называли его, был типичным представителем своей расы, юноша был бы рад познакомиться и со многими другими хафлингами. Он осторожно закрыл дверь, еще раз улыбнувшись при взгляде на гору матрасов: Реджис часто хвастался, что может обеспечить себе комфорт в любом месте и в любое время.

Да уж!

Обе комнаты напротив были нежилыми, в каждой из них стояло по одинарной кровати, более подходящей человеку, чем дворфу. Это тоже было понятно Киерстааду: то, что Бренор надеялся на возвращение Дзирта и Кэтти-бри, не было секретом.

В конце коридора наверняка была гостиная, заключил варвар. Оставалась только одна дверь, которая скорей всего и вела в покои вождя дворфов. Киерстаад двигался медленно, осторожно, опасаясь хитроумной ловушки.

Он приоткрыл дверь на какой-то дюйм. Никакой западни не разверзлось под его ногами, камни не посыпались ему на голову — и юный варвар распахнул дверь.

Это, несомненно, была комната Бренора. На деревянном столе россыпью лежали пергаменты, в углу висела стопка одежды высотой с самого Киерстаада. Постель не была убрана, одеяла и подушки лежали в беспорядке.

Юный варвар едва заметил все это. С того момента, как распахнулась дверь, его взгляд оказался прикованным к одному-единственному предмету, висящему на стене, в изголовье кровати Бренора.

Клык Защитника! Боевой молот Вульфгара!

Едва дыша, Киерстаад пересек маленькую комнату и встал перед могучим оружием. Он видел вытравленные на нем великолепные рисунки: две одинаковые горы, символ Думатойна, бога и хранителя тайн дворфов. Приглядевшись, Киерстаад увидел фрагменты рун под рисунком, но не смог прочесть их. Однако он знал легенду о Клыке Защитника. Эти скрытые руны на одной стороне рукоятки были знаками Морадина, Кузнеца Душ, величайшего из богов дворфов, а на другой стороне — Клангеддина, бога войны.

Киерстаад стоял очень долго, созерцая молот, вспоминая о легенде, в которую превратился Вульфгар, и думая о Берктгаре и Рэвйяке. А где же его место? Если бы между прежним вождем Сэттлстоуна и нынешним вождем Племена Лося вспыхнул конфликт, то какую роль смог бы сыграть Киерстаад?

Вот если бы в его руках оказался Клык Защитника... Почти не думая о том, что он делает, Киерстаад потянулся и сжал в руках боевой молот, снимая его с крюков.

Каким он оказался тяжелым! Киерстаад прижал молот к себе, затем с огромным усилием поднял над головой.

Молот стукнулся о низкий потолок, и юноша чуть не упал, так как оружие, отскочив в сторону, потащило его за собой. С трудом восстановив равновесие, Киерстаад посмеялся над своей глупостью. Как мог он надеяться овладеть могущественным Клыком Защитника? Как мог он следовать по пути могучего Вульфгара?

Он вновь прижал легендарный боевой молот к своей груди, благоговейно обняв его. Он мог ощущать его силу, его совершенный баланс, почти чувствовал присутствие того человека, который владел им так долго и так достойно.

Юный Киерстаад хотел быть таким, как Вульфгар. Он хотел вести за собой племя. Он не был полностью согласен ни с курсом Вульфгара, ни с курсом Берктгара, ибо существовал и третий путь, компромисс, который дал бы варварам и свободу образа жизни предков, и возможность объединения с союзниками. Держа в руках Клык Защитника, Киерстаад чувствовал, что смог бы повести своих людей самым лучшим из возможных путей.

Юный варвар покачал головой и снова рассмеялся над собой и над своими величественными мечтаниями. Он всего лишь мальчик, и Клык Защитника пока что ему не по силам. Эта мысль заставила юношу оглянуться на открытую дверь. Если бы Бренор вернулся и застал его здесь, держащим боевой молот, молчаливый дворф, вероятно, рассек бы непрошеного гостя надвое.

Нелегко было Киерстааду вернуть молот на место и еще труднее — покинуть комнату. Но у него не было выбора. Так, с пустыми руками, он осторожно выскользнул из штолен и очутился под открытым небом. Весь обратный путь в лагерь племени, пять миль по тундре, он преодолел бегом.

* * *

Стампет тянулась из последних сил, ее крепкие пальцы, смахивая жесткий снег, отчаянно цеплялись за скалу. Последний уступ на пути к вершине, еще немного...

Она застонала и напряглась, зная, что это непреодолимое препятствие, понимая, что она достигла предела своих возможностей и вот обречена на падение с высоты тысяч футов — смертельное падение.

Но потом каким-то образом она нашла в себе силы. Ее пальцы прочно ухватились за камень, она подтянулась. Маленькие ноги колотили и скребли по скале, и неожиданно она перевалилась через край и оказалась на плоском плато на вершине самой высокой горы мира.

Резко выпрямившись, она встала на ноги и обозрела открывшуюся ее глазам картину, покоренный ею мир. Она видела внизу толпы, тысячи и тысячи своих бородатых слуг, заполнивших все долины и все тропинки. Они склонялись перед ней, приветствуя ее громкими возгласами...

Стампет проснулась вся в поту. Ей понадобилось несколько минут, чтобы понять, где она, осознать, что она в своей маленькой комнате в шахтах дворфов в Долине Ледяного Ветра. Она слегка улыбнулась, вспоминая столь яркий сон, захватывающий дух последний бросок, который привел ее на вершину. Но ее улыбка стала несколько смущенной, когда она раздумывала над последовавшей сценой, ликующими дворфами.

— С чего бы это мне приснилось? — вслух изумилась Стампет. Она никогда не совершала восхождения ради славы, только для того удовольствия, которое приносило ей покорение вершины. Ее никогда не заботило, что думали другие о ее отваге, она даже редко говорила кому-либо о том, куда направлялась, где была, успешным или нет оказалось восхождение.

Она вытерла пот со лба и вернулась на свой жесткий матрас. Образы сна все еще оставались яркими в ее сознании. Сна или ночного кошмара? Лгала ли она сама себе о том, зачем она совершала восхождения? Возникало ли у нее чувство превосходства, когда она покоряла вершину? И если возникало, то над кем — над горой или над ее соплеменниками, дворфами? Назойливые вопросы изводили обычно невозмутимую жрицу. Стампет надеялась, что эти мысли уйдут. Она думала о себе, о своем подлинном «я» лучше, ей не к лицу была такая мелочность. После долгих метаний с боку на бок она наконец снова уснула.

* * *

В ту долгую ночь Стампет больше не посещали сны. Креншинибон, который покоился в сундучке, в ногах ее кровати, почувствовал смятение Стампет и осознал, что следует поосторожнее посылать ей такие сны. Жрицу было нелегко соблазнить. Артефакт пока еще

не представлял себе, какие сокровища следовало пообещать, чтобы ослабить волю Стампет Скребущий Коготь.

Без коварных обещаний хрустальный осколок не мог овладеть ее волей. Но если бы Креншинибон стал действовать более открыто, более настойчиво, он мог бы натолкнуть Стампет на догадку об истинном происхождении странных мыслей. Артефакт, разумеется, не хотел возбудить подозрений той, которая могла воззвать к помощи добрых богов и, может быть, даже узнать тайну уничтожения Креншинибона!

Хрустальный осколок затаился, ослабил свое влияние. Пока он находится в руках этой женщины, его длительное ожидание не закончилось.

Часть четвертая

ДОЛИНА ЛЕДЯНОГО ВЕТРА

Я хорошо помню, как я вернулся в Мензоберранзан, город, в котором родился, город моего детства. Я плыл на плоту, и вот показался город — зрелище, которого я боялся и которого в то же время страстно желал. Я никогда не хотел вернуться в Мензоберранзан, и все же мне было интересно, что я почувствую, оказавшись там. Было ли это место таким ужасным, как в моих воспоминаниях?

Я хорошо помню тот момент, когда мы проплывали мимо изогнутой стены пещеры и в поле нашего зрения попали скульптуры, высеченные в сталагмитах.

Это было разочарованием.

Я не испытал ни гнева, ни благоговейного страха. Никакой теплоты ностальгии, подлинной или фальшивой, не снизошло на меня. Никаких воспоминаний о детстве, даже о хороших временах, проведенных с Закнафейном.

В тот решающий момент я понял только, что в городе горят огни: необычное и, возможно, значительное событие. Я думал лишь о своей миссии и о том, что следует быстро двигаться, чтобы ее выполнить. Мои страхи, ибо, разумеется, они оставались, были сугубо рационального свойства. Не импульсивные и безрассудные страхи, возникшие из воспоминаний детства, но весьма реальные волнения, вызванные тем, что я входил в логово могущественного врага.

Позже, когда позволила обстановка, я поразмыслил над той минутой, удивленный, что она оказалась столь разочаровывающей, столь несущественной. Почему меня не ошеломил вид города, который был для меня родным в течение первых тридцати лет жизни?

И, только обойдя с северо-запада горный хребет Гребня Мира и вернувшись в Долину Ледяного Ветра, я понял истину. Мензоберранзан был всего лишь одним из мест, встретившихся в моем путешествии, но он никогда не был моим домом. Как и говорилось в предсказании слепой ведьмы: Долина Ледяного Ветра была моим первым домом. Все, что до нее — Мензоберранзан, Блингденстоун, даже заколдованная роща моего наставника Монтолио Де Бруши, — было всего лишь путем, по которому следовало идти.

Я понял это, когда обогнул Гребень Мира и вновь увидел Долину, — впервые за последние десять лет ощутил на своем лице непрекращающийся ветер, тот ветер, который всегда был здесь и который дал этому месту свое имя.

Сложное понятие: дом! Оно звучит по-разному почти для каждого. Для меня дом — это не только место, но и чувство, теплое и уютное ощущение, что все в порядке. Дома мне не нужно извиняться за то, что я делаю, или за цвет моей кожи. Здесь меня должны принять, потому что здесь мое место. Оно одновременно и в личном, и в совместном владении, ведь этому месту личность подходит в наибольшей степени, но только из-за того, что вокруг — друзья.

Когда я увидел Долину Ледяного Ветра, меня переполнили воспоминания о том, что здесь происходило, — совсем не так, как это было при первом моем взгляде на Мензоберранзан. Я вспомнил, как сидел на склоне Пирамиды Кельвина,

наблюдая за звездами и кострами странствующих племен варваров, вспомнил о том, как я сражался с йети рядом с Бренором. А кислое выражение лица дворфа, когда он лизнул свой топор и впервые узнал о том, что мозги йети ужасны на вкус! И первая встреча с Кэтти-бри, верной моей спутницей. Тогда она была совсем еще девочкой, доверчивой и прекрасной душой, неистойвой по своей природе и все же всегда тонко чувствующей.

На меня нахлынул поток образов, и хотя моя задача теперь была не менее жизненно важной и неотложной, чем та, что привела меня в Мензоберранзан, я не думал ни о ней, ни о предстоящих мне действиях.

В тот момент это просто не имело никакого значения. Я думал только о том, что я пришел домой.

Дзирт До'Урден

Глава 18 УЙТИ С ВЕТРОМ

Дзирт и Кэтти-бри отправились с Дюдермонтом, Вэйланом и Данкином обратно в Кэррадун, чтобы попрощаться с членами экипажа «Морской феи», с которыми они провели более пяти лет и сдружились. Дзирт испытывал нетерпение и не хотел откладывать возвращение в Долину Ледяного Ветра, но это короткое путешествие было необходимым. Друзья расстались, обещая увидеться вновь.

Кэтти-бри и Дзирт обедали в тот вечер с Дюдермонтом и Робийярдом. Робийярд, казавшийся более оживленным и дружелюбным, чем обычно, пообещал использовать свое волшебство, чтобы побыстрее доставить их назад, в Храм Парящего Духа.

— В чем дело? — спросил чародей, когда трое остальных собеседников обменялись понимающими взглядами и усмешками, думая об одном и том же. Робийярд изменился за последние несколько недель, особенно с той яростной битвы на берегу Каэрвича. Должно быть, на нем сказалось общение с Гарклом.

— В чем дело? — снова спросил Робийярд, с еще большим нажимом.

Дюдермонт засмеялся и поднял свой стакан с вином, произнося тост:

— За Гаркла Гарпелла и за то хорошее, что он оставил за собой!

Робийярд фыркнул и хотел уже было напомнить, что «Морская фея» заперта в озере в сотнях миль от Побережья Мечей. Но по мере того, как он размышлял над улыбками, не сходящими с лиц его товарищей, настороженный кудесник осознал истинную суть слов Дюдермонта, понял, что речь шла о нем.

Первым побуждением Робийярда было заявить протест, может быть, даже взять назад свое предложение доставить Дзирта и Кэтти-бри к собору. Но в конце концов чародей вынужден был признать, что они правы, и тоже поднял свой стакан. Что ж, думал Робийярд, возможно, он отправится в прославленный Дворец Плюща в Широкой Скамье и нанесет визит своему эксцентричному другу.

Труднее было прощаться Дзирту, Кэтти-бри и Дюдермонту. Они обнялись и пообещали, что увидятся вновь, прекрасно понимая масштабы задачи, стоящей перед Дзиртом и Кэтти-бри. Возможность того, что никому из них не удастся покинуть Долину Ледяного Ветра живым, была очень велика.

Но никто не сказал об этом вслух, ведя себя так, как если бы это было расставание ненадолго.

* * *

Через двадцать минут Дзирт и Кэтти-бри оказались у Храма Парящего Духа. Робийярд простился с ними и затем исчез во вспышке магической энергии.

Айвэн, Пайкел и Даника радостно приветствовали их.

— Кэддерли готовится, — заметил тучный желтобородый дворф. — У старика это занимает больше времени, знаете ли!

Даника притворилась, что протестует, но на самом деле — и Кэтти-бри видела это — она была рада, что дворфы продолжали подсмеиваться над преклонным возрастом Кэддерли. Они делали это только потому, что верили: жрец становится сильнее, даже моложе, и их насмешки были полны надежды, а не злобы.

— Пойдем, — предложила Даника Кэтти-бри. — Мы провели вместе так мало времени. — Женщина бросила суровый взгляд на Айвэна и Пайкела, подпрыгивавших рядом. — Только мы, — подчеркнула она.

— О-о-о-о-о, — разочарованно застонал Пайкел.

— Твой дружок всегда так делает? — спросил Дзирт у Айвэна, который вздохнул и кивнул в ответ.

— Может, ты успеешь рассказать мне о Мифрил Халле? — спросил в свою очередь Айвэн. — Я слышал о Мензоберранзане, но не верю тому, что слышал.

— Я расскажу, что смогу, — ответил Дзирт. — И конечно, тебе трудновато будет поверить во многие чудеса, которые я опишу.

— И о Бреноре расскажешь? — спросил Айвэн.

— Буунэр! — вставил возбужденный Пайкел.

Айвэн шлепнул своего брата по затылку.

— Мы бы отправились с тобой, эльф, — объяснил желтобородый дворф, — но у нас столько ежедневной работы: заботиться о двойняшках и все такое, да еще сады моего брата.

Упомянув Пайкела, Айвэн быстро обернулся и посмотрел на него, как будто ожидал какой-то очередной глупости. Пайкел, казалось, хотел что-то сказать, но вместо этого принялся свистеть. Когда Айвэн вновь повернулся к Дзирту, дроу вынужден был покачать головой и прикусить губу, так как, глядя через плечо Айвэна, Дзирт видел, как Пайкел корчил рожи, вставив большие пальцы в уши, шевеля остальными пальцами и высунув до предела язык.

Айвэн вновь обернулся, но Пайкел стоял с невинным видом, насвистывая. И так повторялось несколько раз, пока Айвэн наконец не сдался.

Дзирт был знаком с братьями только два дня, но уже думал о том, сколько веселья эти Валуноплечие доставили бы Бренору, если бы они когда-нибудь встретились!

* * *

Даника и Кэтти-бри провели время в гораздо более серьезной беседе. Они отправились в покои Даники и Кэддерли, которые представляли собой пять комнат в задней части грандиозного сооружения. Обнаружив Кэддерли в спальне, где он молился и готовился к предстоящему событию, они оставили его в одиночестве.

Сначала их разговор носил общий характер. Кэтти-бри рассказывала о своем прошлом, о том, как она осиротела и ее взяли под опеку Бренор и дворфы Клана Боевого Топора. Даника рассказала о своем обучении у Великого Учителя Пенпага Д'Ана. Она была дисциплинированным воином и в этом походила на Кэтти-бри.

Кэтти-бри не привыкла к общению с женщинами своего возраста и похожего склада ума, но ей очень понравилась Даника. Девушка вполне могла представить себе, как крепко они могли бы подружиться, если бы позволили время и обстановка. Но ситуация была непривычной и для Даники, жизнь которой сложилась не легче, и встречи с женщинами ее возраста тоже случались не часто.

Они говорили о прошлом и о настоящем, о своих надеждах на будущее.

— Ты его любишь? — осмелилась спросить Даника, имея в виду темного эльфа.

Кэтти-бри покраснела и не знала, что ответить. Конечно, она любила Дзирта, но она не знала, какой любовью. Когда-то Дзирт и Кэтти-бри договорились не упоминать о чувствах, но прошло столько лет с того времени, как погиб Вульфгар. Кэтти-бри приближалась к

своему тридцатилетию, и этот вопрос вновь начал всплывать на поверхность.

— А он красивый, — заметила Даника, хихикнув, как маленькая девочка.

Именно так и чувствовала себя Кэтти-бри, полулежа на широкой софе в гостиной Даники: девочкой. Будто она снова стала подростком, размышляющим о любви и жизни, позволив себе верить в то, что самая большая ее проблема — решить, красив Дзирт или нет.

Конечно, действительность не позволила женщинам надолго забыть о себе, быстро погасила их смешки. Кэтти-бри любила и утратила своего возлюбленного, а Даника, с двумя ее малыми детьми, должна была прямо смотреть в лицо возможности вскоре потерять своего мужа, преждевременно состарившегося созидавая Храм Парящего Духа.

Беседа постепенно затихала, и Даника сидела молча, сосредоточенно глядя на Кэтти-бри.

— Что такое? — спросила девушка.

— Я жду ребенка, — сказала Даника, и Кэтти-бри сразу поняла, что Даника сообщила это ей первой, даже прежде, чем Кэддерли.

Кэтти-бри помедлила немного, дождалась, пока улыбка не заиграла на лице Даники, чтобы понять ее чувства, а затем широко улыбнулась и заключила подругу в крепкие объятия.

— Не говори ничего Кэддерли, — попросила Даника. — Я уже спланировала, как я сообщу ему.

Кэтти-бри откинулась на спинку сиденья.

— И все же ты сказала мне первой, — медленно проговорила она, и по ее торжественному тону было ясно, насколько серьезно девушка восприняла слова Даники.

— Ты ведь уезжаешь, — ответила Даника.

— Но ты едва знаешь меня, — напомнила ей Кэтти-бри.

Даника покачала головой, ее рыжеватые волосы трепал легкий ветерок, необычные миндалевидные глаза смотрели прямо в темно-синие очи Кэтти-бри.

— Я знаю тебя, — мягко сказала Даника.

Это было правдой, и Кэтти-бри чувствовала, что она тоже знает Данику. Они были так похожи и внезапно осознали, что будут очень скучать друг без друга.

Послышались шаги Кэддерли в соседней комнате, подходило время прощания.

— Когда-нибудь я вернусь сюда, — пообещала Кэтти-бри.

— А я навещу Долину Ледяного Ветра, — ответила Даника.

Кэддерли вошел в комнату и сказал им, что пора отправляться. Он тепло улыбнулся и был достаточно деликатен, притворившись, что не заметил влагу, поблескивающую в глазах обеих женщин.

* * *

Кэддерли, Дзирт и Кэтти-бри стояли на верхней площадке самой высокой башни Храма Парящего Духа, почти в трех сотнях футов над землей, и ветер развеивал их одежды. Кэддерли негромко читал заклинания, и постепенно двое друзей начали чувствовать, что теряют вес, становятся каким-то образом менее материальными. Кэддерли взял их за руки, продолжая заклинания, и все трое исчезли из виду. Похожие на призраков, они шагнули с верхушки башни в порыв ветра.

Мир проносился мимо них, расплывчатый, в каком-то тумане, и это зрелище напоминало сон. Ни Дзирт, ни Кэтти-бри не знали, как долго они летели, но над восточным горизонтом появилась утренняя заря, когда их движение замедлилось, и они вновь стали более материальными.

Они были в городе Лускане, на самом севере Побережья Мечей, к югу от западных отрогов гор Гребня Мира и в каких-то двух сотнях миль от Десяти Городов.

Не зная Лускана, жрец тем не менее приземлился прямо перед храмом Денеира. Кэддерли был хорошо принят жрецами. Он быстро договорился о комнатах для своих друзей

и, пока они спали, отправился с одним из местных жрецов подготовить отъезд Дзирта и Кэтти-бри с караваном, направлявшимся в Долину Ледяного Ветра.

Все устроилось быстрее, чем ожидал Кэддерли, и он был рад этому, так как боялся, что трудно будет уговорить караванщиков взять с собой темного эльфа. Но Дзирта, так же как и дочь Бренора, знали многие из торговцев Лускана, и их боевая отвага пригодилась бы любому каравану, отправлявшемуся на север, в ту опасную землю, какой считалась Долина Ледяного Ветра.

И Дзирт и Кэтти-бри уже проснулись, когда Кэддерли вернулся в храм Денеира, чтобы приготовить все необходимое для предстоящей долгой дороги. Дзирт благоговейно принял дар жрецов — пару мехов, наполненных освященной водой из купели храма. Дроу не видел в подарке практической ценности, но значимость того, что в храме доброго бога дали воду ему, темному эльфу, не ускользнула от Дзирта.

— Твои собратья — хорошие люди, — заметил Дзирт Кэддерли, когда они оказались наконец одни.

— Денеир может гордиться ими, — согласился Кэддерли.

Он уже объявил друзьям, когда и где Дзирт и Кэтти-бри должны присоединиться к каравану. Торговцы отправлялись в тот же день, и до выхода в путь оставалось меньше часа.

Предстояло еще одно прощание!

Дзирт возился со своими вещами, а Кэтти-бри отвела Кэддерли в сторону. Все ее мысли были о Данике, ее подруге.

Кэддерли тепло улыбнулся, казалось понимая, о чем будет этот разговор.

— У тебя много обязанностей... — начала Кэтти-бри.

— Мой бог не такой требовательный, — сдержанно сказал Кэддерли, хотя понял, что Кэтти-бри говорила не о его обязанностях перед Денеиром.

— Я имею в виду двойняшек, — прошептала Кэтти-бри. — И Данику.

Кэддерли кивнул. Это не подлежало обсуждению.

Кэтти-бри сделала долгую паузу, казалось, она тщательно подбирала слова. Как же ей выразиться так, чтобы не обидеть старого жреца?

— Айвэн сказал мне кое-что о твоём э-э-э... состоянии, — призналась Кэтти-бри.

— В самом деле? — сдержанно ответил Кэддерли.

— Дворф сказал: ты предполагал, что умрешь, как только Храм Парящего Духа будет завершен, — объяснила Кэтти-бри. — Говорил, что ты выглядел так, как будто это и в самом деле должно было случиться.

— Я чувствовал себя именно так, — признал Кэддерли. — И те видения о храме, которые посещали меня, заставляли меня верить, что это правда.

— Это было более года назад, — заметила девушка.

Жрец снова кивнул.

— Дворф говорит, что сейчас ты выглядишь так, будто становишься моложе, — гнула свою линию Кэтти-бри. — И сильнее.

Кэддерли широко улыбнулся. Он понял, что Кэтти-бри думала об интересах Даники, и ее искренние дружеские чувства глубоко тронули его сердце.

— Не могу быть ни в чем уверенным, — сказал он. — Но наблюдения дворфа кажутся верными. Сейчас я сильнее, значительно сильнее и гораздо энергичнее, чем тогда, когда храм был завершен.

Кэддерли вытянул вперед несколько длинных прядей своих волос: преобладали седые, но среди них попадались и рыжеватые волосы.

— Они были седыми, совершенно седыми, когда закончилось строительство, — продолжил он.

— Ты становишься моложе! — провозгласила Кэтти-бри с большим воодушевлением.

Кэддерли испустил долгий и глубокий вздох, а затем не смог удержаться, чтобы не кивнуть.

— Кажется, так, — неуверенно признался он, словно боялся озвучить свои надежды. —

Я не могу быть уверенным ни в чем. Единственное объяснение, которое мне кажется вероятным: видение, показанное мне — приближающаяся смерть, — и та усталость, которую я ощущал при завершении Храма Парящего Духа, были проверкой моей преданности наставлениям и заповедям Денеира. Я искренне полагал, что умру, как только будет завершена первая служба в новом соборе, и, конечно, когда она закончилась, мною овладела страшная усталость. Я пошел в свою комнату — меня практически несли Даника и Айвэн — и заснул, думая, что больше не открою своих глаз в этом мире. Я примирился с этим.

Он сделал паузу и закрыл глаза, вспоминая тот роковой день.

— Но сейчас... — подсказала Кэтти-бри.

— Возможно, Денеир подверг меня испытанию, проверяя мою преданность, — прошептал Кэддерли. — Может быть, я прошел это испытание, и потому мой бог решил пощадить меня.

— Если он добрый бог, тогда так и есть, — твердо сказала Кэтти-бри. — Никакой добрый бог не забрал бы тебя у Даники, близнецов и...

Она умолкла и прикусила губу, не желая выдавать секрет Даники.

— Денеир — добрый бог, — ответил Кэддерли столь же решительно. — Но ты говоришь о заботах смертных, а для нас неисповедимы пути богов или проявления их воли. Если Денеир возьмет меня от Даники и моих детей, это вовсе не сделает его чем-то меньшим, чем добрый бог, каковым он воистину является.

Кэтти-бри покачала головой, явно не соглашаясь с ним.

— Существуют наивысшие цели и более высокие принципы, чем мы, люди, можем понять, — сказал ей Кэддерли. — Я верую в то, что Денеир сделает то, что в конечном счете верно с точки зрения его замыслов, которые превосходят мои.

— Но все же ты надеешься, — заявила Кэтти-бри, и ее тон указывал на то, что эти слова следовало расценивать как обвинение. — Ты надеешься, что вновь молодеешь, становишься так же молод, как твоя супруга, сможешь прожить свою жизнь рядом с ней и своими детьми!

Кэддерли засмеялся.

— Довольно верно, — наконец признал он, и Кэтти-бри была удовлетворена, так же как и Дзирт, острый слух которого позволил ему слышать весь разговор, уделяя лишь часть своего внимания укладке заплечного мешка.

Кэтти-бри и Кэддерли обнялись, а затем жрец, который казался уже не таким старым, подошел к Дзирту и взял его руку.

— Принеси мне этот артефакт, хрустальный осколок, — сказал Кэддерли. — Вместе мы откроем, как избавить мир от его зла. И приводи своего отца, — продолжал жрец. — Я чувствую, что ему понравится в Храме Парящего Духа.

Дзирт сжал руку Кэддерли, преисполненный благодарности за уверенность жреца в его успехе.

— Артефакт послужит мне... послужит нам, — исправился он, взглянув на Кэтти-бри. — Он будет поводом для путешествия в Кэррадун.

— А я должен совершить это путешествие сейчас, — сказал Кэддерли и с этими словами покинул друзей.

Оставшись одни, они не сказали ни слова, завершая подготовку к выходу в путь.

Домой!

Глава 19

И ВЕСЬ МИР ПРИНАДЛЕЖИТ ИМ

Рэвйяк знал, что все идет к этому, он давно уже догадался, что Берктгар вовсе не намерен отколоться от Племени Лося, чтобы создать новое племя, живущее по старинным обычаям.

И вот теперь Рэвйяк стоял лицом к лицу с жестоким варваром внутри круга,

состоявшего из всех членов племени. Каждый знал, что произойдет, но следовало придерживаться древних традиций.

Берктгар ожидал, когда собравшиеся успокоятся. Теперь он мог проявить терпение, потому что знал: люди были настроены в его пользу, желание видеть его вождем набирало силу. В конце концов после многих, как показалось Рэвйяку, минут ожидания толпа затихла.

Берктгар поднял руки к небу. У него за спиной был привязан по диагонали Банкенфуэре, огромный меч.

— Я требую Права Вызова, — заявил огромный варвар.

Послышались приветственные возгласы, не столь громкие, как хотелось бы Берктгару, но тем не менее свидетельствующие, что у него есть немало сторонников.

— Что дает тебе основания предъявить такое требование? — спросил, как подобало, Рэвйяк.

— Не кровь, — быстро ответил Берктгар, — но деяния мои!

И вновь раздались одобрителные возгласы молодых воинов.

Рэвйяк покачал головой.

— Нет никаких оснований, если кровь не требует вызова, — возразил он, и его сторонники, хотя и не такие крикливые, как у Берктгара, поддержали его громкими возгласами. — Я привел племя к миру и стабильности, — твердо закончил Рэвйяк, и это было совершенной истиной.

— Так же как и я! — быстро вставил Берктгар. — В Сэттлстоуне, далеко от нашего дома. Я провел наших людей через войну и мир и пришел в Долину Ледяного Ветра, в родной дом!

— Где Рэвйяк является вождем Племени Лося, — без колебания добавил старший.

— По какому праву? — вопрошал Берктгар.

Рэвйяк понимал, что на вопрос ответить трудно.

— Какое право предъявляет Рэвйяк, сын Джорна Рыжего, никогда не бывшего вождем? — коварно спросил Берктгар.

У Рэвйяка не было ответа.

— Это положение было дано тебе, — продолжал Берктгар, рассказывая историю, в которой для его племени не было ничего нового, но с другой точки зрения, чем обычно. — Оно было предоставлено тебе, не по вызову и не по праву рождения, Вульфгаром, сыном Беорнегара.

Киерстаад, наблюдавший за спором, вдруг понял истинную причину, по которой Берктгар пытался очернить память Вульфгара. Если бы образ могучего варвара по-прежнему оставался легендой для варваров, то притязания Рэвйяка на титул вождя были бы оправданны. Но когда образ Вульфгара уже несколько потускнел...

— Кто же оспорил титул вождя у Хефстаага, бывшего вождем по праву рождения? — привел довод Рэвйяк. — Кто здесь, — вопрошал он у собравшихся, — помнит схватку, в которой Вульфгар, сын Беорнегара, стал нашим властелином?

Многие закивали, но это были главным образом старшие члены племени, которые оставались все эти годы в Долине Ледяного Ветра.

— Я тоже помню эту схватку, — вызывающе прорычал Берктгар. — И я не подвергаю сомнению ни притязания Вульфгара, ни все то хорошее, что сделал он для моего народа. Но твои права по крови не больше моих, а я вел племя, Рэвйяк. Я требую Права Вызова!

Одобрителные возгласы стали громче.

Рэвйяк взглянул на своего сына и улыбнулся. Он не мог отказать Берктгару, но понимал, что не сможет победить огромного воина в схватке. Он вновь повернулся к Берктгару.

— Принято! — сказал старый вождь, и все крики стихли.

— Через пять часов, прежде чем солнце опустится к горизонту... — начал Берктгар.

— Сейчас, — неожиданно прервал его Рэвйяк.

Берктгар смотрел на своего противника, пытаясь разгадать, что тот задумал. Обычно на

Право Вызова отвечали позже в тот же день, после того как оба соперника могли подготовиться к схватке умственно и физически.

Голубые глаза Берктгара сузились, и вся толпа затаила дыхание в ожидании. На лице огромного воина заиграла улыбка. Он не боялся Рэвйяка, ни сейчас, ни когда-либо. Его рука медленно потянулась за спину, ухватившись за эфес Банкенфуэре, вытягивая массивное лезвие из ножен. Он быстро выхватил меч и поднял тяжелый клинок высоко над головой.

Рэвйяк тоже поднял свое оружие, но наблюдающему за ним обеспокоенному сыну казалось, что отец не готов к схватке.

Берктгар медленно приближался.

Рэвйяк поднял руку, и Берктгар остановился, ожидая.

— Кто среди нас надеется, что Рэвйяк победит? — спросил он, и в ответ раздались громкие крики.

Полагая, что этот вопрос не более чем уловка, чтобы сбить противника с толку, Берктгар прорычал:

— А кто хотел бы видеть Берктгара Смелого вождем Племени Лося?

Одобрительные возгласы были гораздо громче.

Рэвйяк приблизился к своему сопернику, не угрожая, одна его рука была поднята, топор в другой руке опущен лезвием к земле.

— На вызов отвечено, — сказал он и бросил свое оружие на землю.

Все как один изумленно ахнули, и, может быть, громче всех — Киерстаад.

Это было бесчестье! Это считалось трусостью среди варваров!

— Я не могу победить тебя, Берктгар, — объяснил Рэвйяк, говоря громко, так чтобы все могли его слышать. — Но и ты не можешь.

Берктгар нахмурился.

— Я мог бы разрубить тебя пополам! — заявил он, беря свой меч обеими руками. Рэвйяк не сомневался, что он так и сделал бы, не сходя с места.

— А наши люди страдали бы от твоего неразумного поступка, — спокойно сказал старый вождь. — Кто бы ни победил в этой схватке, он оказался бы не перед одним, а перед двумя племенами, расколотыми гневом и желанием мести. — Рэвйяк посмотрел на собравшихся, обращаясь теперь ко всем сразу. — Мы еще не так сильны, чтобы решиться на такое. Будем ли мы крепить дружбу с Десятью Городами и с вернувшимися дворфами или вернемся к путям наших предков, мы должны делать это вместе, как один!

Сердитый взгляд Берктгара не смягчился. Теперь он понял: Рэвйяк не мог победить его в схватке — они оба знали это, — поэтому хитрый вождь узурпировал саму возможность вызова. Берктгар еле сдерживался, чтобы действительно не разрубить его пополам, но не мог ничего предпринять.

— Как один, — повторил Рэвйяк и протянул руку, прося своего соперника пожать ее.

Берктгара охватила ярость. Он поддел ногой брошенный Рэвйяком топор и швырнул его через весь круг.

— Твой путь — путь труса! — заревел он. — Ты доказал это сегодня!

Огромные руки Берктгара поднялись вверх, как будто отмечая победу.

— У меня нет права крови! — вскричал Рэвйяк, вновь овладев всеобщим вниманием. — Но его нет и у тебя! Люди должны решать, кто будет править, а кто отойдет в сторону.

— Этот вызов — на схватку! — отвечал Берктгар.

— Не на сей раз! — парировал Рэвйяк. — Хочешь, чтобы все племя пострадало из-за твоей дурацкой гордыни?

Берктгар сделал движение, будто хотел ударить вождя, но Рэвйяк проигнорировал его и повернулся к собравшимся.

— Решайте! — скомандовал он.

— Рэвйяк! — закричал один человек, но его голос утонул в воплях молодых воинов, которые поддерживали Берктгара. Их в свою очередь перекричала большая группа

сторонников Рэвйяка. Вспыхнуло несколько драк, кто-то обнажил оружие.

Все это время Берктгар сердито смотрел на Рэвйяка, и когда тот наконец встретился с ним взглядом, Берктгар просто покачал головой, не понимая, как мог Рэвйяк ввергнуть племя в такое бесчестье?

Но Рэвйяк верил в свой выбор. Он не боялся умереть, но считал, что схватка между ним и Берктгаром расколется племя и принесет невзгоды обеим группам. Положение не должно было выйти из-под контроля. Но казалось, что все идет именно к этому. Обе стороны продолжали выкрики, но теперь каждый клич сопровождался поднятием меча и топора, открытыми угрозами.

Рэвйяк внимательно наблюдал за толпой, взвешивая силы, поддерживающие его и Берктгара. Довольно скоро он понял и принял открывшуюся ему истину.

— Стойте! — скомандовал он, и постепенно все утихло. — Кто за Берктгара?

Последовал страшный рев.

— А за Рэвйяка?

— Рэвйяка, который отказался сражаться! — быстро добавил Берктгар, и крики в пользу сына Джорна были не столь громкими и не такими восторженными.

— Тогда решено, — сказал Рэвйяк, больше Берктгару, чем толпе. — И Берктгар — вождь Племени Лося!

Берктгар с трудом мог поверить в то, что произошло. Ему хотелось уничтожить коварного соплеменника. Этот день должен был стать днем славы его, Берктгара, днем победы в смертельном бою, как велел обычай. Но как он мог поразить безоружного человека, того, который только что провозгласил его вождем всего народа?

— Будь мудр, Берктгар, — сказал Рэвйяк спокойно, приближаясь, ибо гул голосов пораженного собрания стал слишком громким. — Вместе мы отыщем истинный путь для наших людей, войдем в лучшее будущее.

Берктгар отодвинул его в сторону.

— Я буду все решать сам, — громко поправил он. — Я не нуждаюсь в советах труса!

Он вышел из круга, и его ближайшие сторонники последовали за ним.

Рэвйяк был уязвлен тем, что его предложение отвергнуто, хотя отнюдь не удивлен этим. Он утешал себя мыслью о том, что приложил все усилия, чтобы сделать все как можно лучше для своего народа. Но это дорого стоило ему, понял Рэвйяк, когда увидел сына, который только что прошел обряд посвящения в мужчины. На лице Киерстаада было написано неверие, даже стыд.

Рэвйяк высоко поднял голову и подошел к юноше.

— Пойми, — сказал он. — Это единственный путь.

Киерстаад отвернулся и пошел прочь. Разум подсказывал ему, что отец проявил в этот день подлинную смелость, но чувство стыда было сильнее. Единственное, чего хотелось Киерстааду, — это убежать в тундру, а там — будь что будет: жизнь или смерть.

* * *

Стампет сидела на вершине Пирамиды Кельвина, восхождение на которую показалось ей легким. Ее мысли, так же как и большая часть ее снов, были теперь сосредоточены на юге, на вздымающихся вершинах Гребня Мира. В сознании жрицы мелькали мимолетные образы славы и победы. Она представляла себя стоящей на самой высокой горе и обзирающей мир, лежащий у ее ног.

Стампет Скребуший Коготь не осознавала всю несбыточность этого образа, его полнейшую абсурдность. Постоянное нагромождение иллюзий начало ослаблять рациональность восприятия, свойственную прагматичной жрице. Присущая ей логика быстро уступала желаниям, которые на самом деле не принадлежали ей.

— Я иду, о вершины! — внезапно произнесла жрица дворфов, обращаясь к далеким горам. — И ни одна из вас не сможет сопротивляться мне!

Ну вот, она произнесла это вслух, провозгласила свой курс. Она тут же принялась собирать вещи, затем сползла с уступа и начала спускаться к подножию горы.

Креншинибон в ее заплечном мешке просто замурлыкал от восторга. Могущественный артефакт не собирався делать Стампет Скребущий Коготь своей хозяйкой. Хрустальный осколок, обладающий чувствами, знал, как она упряма, несмотря на все заблуждения, которые он исподволь внушал ей. Хуже того, Креншинибон понял, что Стампет — жрица Морадина, Кузнеца Душ. До сих пор артефакту удавалось пресекать все попытки Стампет обратиться к своему богу, но рано или поздно жрица сделает это и скорей всего узнает правду о «согревающей палочке», которую она теперь всегда держала при себе.

Поэтому Креншинибон хотел использовать Стампет, чтобы убраться подальше от дворфов, переместиться к Гребню Мира и найти там себе тролля, великана или даже дракона на роль хозяина.

Да, дракона! Креншинибон хотел бы вступить в сговор с драконом!

Тем временем бедная Стампет, которой было невдомек, что ее «согревающая палочка» предается таким мечтаниям, думала только о покорении горного хребта, хотя и не понимала, почему ей так хочется этого.

* * *

В первый же вечер своего правления Берктгар обнародовал правила, которым отныне должны были следовать варвары Долины Ледяного Ветра, соответствующие тому образу жизни, который они вели, пока Вульфгар не победил Хефстаага.

Было приказано прекратить все контакты с народом Десяти Городов и под угрозой смерти ни одному варвару не позволялось говорить с Бренором Боевым Топором или любым из дворфов.

— А если обнаружите бородатого в тундре терпящим бедствие, — сказал Берктгар, и Киерстааду показалось, что, говоря это, он смотрел прямо на него, — бросьте его умирать!

Позже той ночью Киерстаад, мятущаяся душа, сидел в одиночестве под высоким небосводом, усыпанным звездами. Теперь он понял, чего его отец пытался добиться в тот день. Рэвйяк не мог одержать победу над Берктгаром, все это понимали, и потому он попытался достичь компромисса, который пошел бы на пользу всему племени. Киерстаад осознал, что отречение Рэвйяка от власти, когда большинство поддержало Берктгара, было мудрым, даже мужественным поступком, но в своем сердце юноша все еще ощущал стыд за отказ отца сразиться.

Было бы лучше, если бы Рэвйяк поднял свой топор и пал от руки Берктгара, думал Киерстаад или, по крайней мере, так считала часть его «я». Таков был обычай их народа, древний и священный. Что мог подумать в этот день о Рэвйяке Темпос, бог войны варваров? Какое место в потустороннем мире займет такой человек, как Рэвйяк, который отказался от честного и справедливого боя?

Киерстаад обхватил голову руками. Не только отец был покрыт бесчестьем, но и Киерстаад, и вся семья!

Быть может, следовало поклясться в верности Берктгару и отречься от отца? Берктгар, который провел с Киерстаадам все годы в Сэттлстоуне, который был рядом с ним, когда юноша убил на охоте своего первого оленя, приветствовал бы такую поддержку. Он, несомненно, увидел бы в этом укрепление своего положения вождя.

Нет! Киерстаад не мог сделать этого! Он поднимет свое оружие против Берктгара, если понадобится, и убьет его или умрет, чтобы восстановить честь семьи. Но своего отца не бросит!

Измученный переполнявшими его чувствами и переживаниями, юноша по-прежнему оставался в одиночестве под необъятным небосводом Долины Ледяного Ветра.

Глава 20

ЧЕСТНО ОТРАБОТАННАЯ ПЛАТА

И Дзирт, и Кэтти-бри стали довольно искусными наездниками в результате предпринятого ими путешествия из Мифрил Халла в Глубоководье. Но это было шесть лет назад, а с тех пор им доводилось носиться лишь по волнам. К тому времени как караван обогнул западные отроги Гребня Мира, за пять дней пути от Лускана, оба вновь привыкли к верховой езде, но на ногах и ягодицах у них появились болезненные потертости.

Друзья находились далеко впереди каравана и первыми увидели Долину Ледяного Ветра.

Дзирт хотел уже было попросить Кэтти-бри ехать помедленнее, но она, взволнованная так же, как и он, сильно натянула поводья, прежде чем он успел открыть рот.

Они были дома, по-настоящему дома, в какой-то сотне миль от того места, где впервые встретились, где завязались и окрепли их самые важные дружеские связи, где сформировались их личности. Все эти воспоминания нахлынули на девушку и эльфа в тот момент, когда они смотрели на открытую всем ветрам тундру, вслушивались в неумолчный стон — беспрестанный зов ветра, дующего с ледников. Ледяного ветра, который дал свое имя Долине.

Кэтти-бри хотела что-нибудь сказать Дзирту, глубокое и значимое, он испытывал те же чувства, но никто из них не смог найти нужных слов. Они были переполнены счастьем, вновь увидев дорогие сердцу места.

— Поехали! — наконец сказал Дзирт. Он посмотрел назад и увидел медленно продвигающиеся шесть фургонов каравана, затем посмотрел вперед на прекрасную и удивительную пустыню, которая была Долиной Ледяного Ветра. Пирамиды Кельвина пока не было видно, она была еще слишком далеко, но ждать оставалось уже недолго.

Внезапно дроу отчаянно захотелось вновь увидеть эту гору! Сколько часов и дней провел он на ее скалистых склонах? Сколько раз сидел он на бесплодных камнях Пирамиды, глядя на звезды и на мерцающие костры далеких лагерей варваров?

Он хотел было предложить Кэтти-бри отправиться дальше, но девушка, казалось, уже прочла его мысли, ибо пустила лошадь вскачь, не дожидаясь его слов.

И в этот момент в нем ожило еще одно воспоминание. Обостренное восприятие скитальца послало ему предупреждение: Долина была небезопасным местом, здесь бродили свирепые йети и племена диких гоблинов. Ему не хотелось портить Кэтти-бри эти чудесные мгновения, но он надеялся, что она не забыла об этом.

Беспечным людям недолго удавалось оставаться в живых в Долине Ледяного Ветра. Эта земля никому не прощала ошибок.

Каравану не пришлось столкнуться с какими-либо трудностями ни в тот день, ни на следующий. Они пустились в путь задолго до рассвета, продвигаясь очень быстро. Грязь от весенней оттепели высохла, земля была твердой и ровной, и колеса фургонов вращались без труда.

Лучи поднявшегося солнца брызнули им в лица, так что стало больно глазам, особенно бледно-лиловым глазам Дзирта, которые были предназначены для сумрака страны темных эльфов. Даже после двух десятилетий на поверхности, после шести лет плавания по сверкающим водам Моря Мечей чувствительные глаза Дзирта не привыкли полностью к здешнему свету. Однако он ничего не имел против этой боли, он наслаждался ею, приветствуя яркий рассвет улыбкой, воспринимая его как напоминание о том, что он далеко ушел от своего прошлого.

Позже тем утром, когда солнце поднялось высоко и линия горизонта перед ними стала четкой и предельно ясной, они уловили то, что Дзирт провозгласил первым подлинным приветствием земли, которая была их домом. Это была вспышка света, которую он посчитал отражением солнца от снега и льда, венчавших вершушку Пирамиды Кельвина.

Кэтти-бри сомневалась в этом. Пирамида Кельвина была не так высока, им предстояло еще два дня тяжелого пути. Однако она не высказывала своих сомнений, надеясь, что дроу

был прав. Она хотела поскорее очутиться дома!

Того же хотел и Дзирт, и они скакали настолько быстро, что оставили фургоны далеко позади. В конце концов разум напомнил им об их обязанностях и заставил остановиться. Они обменялись понимающими улыбками.

— Уже скоро, — пообещал Дзирт.

Они поскакали дальше, немного медленнее, но вдруг Дзирт начал оглядываться вокруг, нюхая воздух.

Это было достаточным предупреждением для Кэтти-бри. Она пустила лошадь рысью и стала внимательно осматривать землю.

Все вокруг казалось обычным. Земля была плоской, коричневато-серой, без ям и оврагов. Дзирт не видел ничего подозрительного и не слышал ничего, кроме цоканья копыт да завывания ветра. Он не ощущал никаких запахов, кроме влажного аромата, который всегда приносил с собой в Долину летний ветер. Но дроу не позволял себе расслабиться. Никаких признаков, но так частенько бывало перед появлением монстров, обитавших в Долине.

— Ну что? — в конце концов прошептала Кэтти-бри.

Дзирт продолжал озираться по сторонам. Между всадниками и фургонами было около сотни ярдов, и эта дистанция быстро сокращалась. Но глаза Дзирта по-прежнему ничего не говорили ему. Ничего не сообщали дроу и чуткие уши, и тонкое обоняние. Но своим шестым чувством воина он ощущал: что-то не так.

Дзирт извлек из кармана ониковую фигурку и тихо позвал Гвенвивар. Когда туман сгустился и пантера обрела свои очертания, дроу жестом велел Кэтти-бри приготовить лук, что она сразу же сделала, и вернуться к фургонам, держась от них справа, в то время как он поедет с другой стороны.

Девушка кивнула. Ее инстинкт воина велел ей быть наготове. Она вложила стрелу в Тулмарил, легко держа оружие в одной руке, а другой сжимая поводья.

Уши Гвенвивар были прижаты: враги находились рядом, она знала об этом и по тону Дзирта, и благодаря своей невероятной чувствительности. Гигантская кошка взглянула направо, на Кэтти-бри, затем налево, на Дзирта, и мягко зашагала посередине, готовая прыгнуть на помощь любому из них.

Заметив перемещения своих дозорных, а затем появление пантеры, возница переднего фургона объявил общую остановку. Дзирт поднял вверх свою саблю, выразив свое согласие с решением остановиться.

Кэтти-бри оказалась первой, кто увидел врага невдалеке справа. Он зарылся в землю, над поверхностью виднелась лишь верхушка его косматой головы. Это был йети, самый свирепый охотник Долины Ледяного Ветра. Косматые и бурые летом, белоснежные зимой, йети славились своим умением маскироваться. Кэтти-бри кивнула, оценив достоинства противника. Она и Дзирт, оба не новички, проехали мимо этих тварей, не заметив опасности. Такой была Долина Ледяного Ветра, быстро напомнила себе девушка: безжалостной и не прощающей ни малейшей ошибки.

Но на сей раз ошибку допустил йети, решила Кэтти-бри, поднимая свой беспощадный лук. Стрела поразила ничего не подозревающего монстра прямо в затылок. Он наклонился вперед, затем резко рванулся назад и замертво свалился в свою яму.

Секундой позже земля, казалось, взорвалась. Полдюжины йети одновременно выпрыгнули из укрытий. Могучие, косматые чудовища напоминали помесь человека и медведя — и, по верованиям варваров Долины Ледяного Ветра, так и было!

Позади Дзирта и Кэтти-бри, как раз посередине между ними, Гвенвивар в прыжке сбила с ног одного йети и влетела вместе с ним в его яму. Йети попытался было схватить пантеру, рассчитывая задушить ее, но Гвенвивар вцепилась в него своими могучими лапами и лишила возможности двигаться.

Тем временем Дзирт, мчавшийся бешеным галопом, догнал несущегося вперед йети и раскроил ему спину двойным ударом своих сабель.

Залитый кровью монстр упал, издав дикий рев, но Дзирт, оказавшийся в угрожающей близости от второго йети, больше не обращал на него внимания. Тот, второй йети был готов броситься на дроу и, что еще хуже, на его лошадь. Йети умели останавливать коней на полном скаку, ломая при этом их шеи.

Дзирт не мог рисковать. Он направил лошадь левее йети, затем перенес свою ногу через седло, спрыгнул на землю и огромными скачками помчался к монстру. Волшебные ножные браслеты придали дроу такую скорость, что в глазах изумленного йети он казался расплывчатым пятном. Пробегая мимо монстра, Дзирт нанес ему несколько яростных ударов и продолжал бежать, зная, что бой еще не кончен. Оставив между собой и йети достаточное расстояние, он повернулся и вновь яростно атаковал врага.

Кэтти-бри также мчалась галопом, низко наклонившись в седле и целясь в ближайшего йети. Она выстрелила и промахнулась, но уже через мгновение последовал второй выстрел, и стрела вонзилась монстру в бок.

Раненое чудовище вцепилось в стрелу и получило еще одну, в другой бок, а затем третью — в грудь в тот момент, когда повернулось к девушке. Оно все еще упрямо пыталось удержаться на ногах, в то время как Кэтти-бри скакала прямо на него, повесив Тулмарил на луку седла и одним молниеносным движением выхватив Хазид'хи, свой легендарный меч.

Кэтти-бри пронеслась мимо йети, нанеся тяжелый удар по нисходящей дуге; великолепное лезвие Хазид'хи снесло половину черепа уже издыхающего монстра, завершив дело. Тварь рухнула на землю, залив ее хлещущей из всех ран кровью и мозгом, выплеснувшимся из разрубленной головы.

Кэтти-бри вернула меч в ножны и снова послала стрелу из Тулмарила, вонзившуюся в плечо следующему йети, рука которого тут же безжизненно повисла. Отведя взгляд от раненого монстра, Кэтти-бри увидела последнего из атаковавших караван чудовищ, которое оказалось уже совсем близко от переднего фургона. Она также заметила других стражников каравана, дюжину крепких бойцов, мчащихся во весь опор к полю битвы.

— Это наше сражение, — спокойно и решительно молвила девушка. Приблизившись к раненой твари, она вновь повесила Тулмарил на луку седла и обнажила Хазид'хи.

Гвенвивар, все еще борясь с йети в тесной яме, обнаружила, что ее могучие когти дают ей серьезное преимущество. Монстр попытался укунить ее, но пантера оказалась быстрее, а ее шея — более гибкой. Изогнувшись, Гвенвивар вонзила клыки в горло врага. Ее когти продолжали терзать йети, не давая ему пошевелить конечностями, пока смертоносные челюсти пантеры не сомкнулись на его мохнатой шее, окончательно удушив монстра.

Как только он перестал дергаться, Гвенвивар выбралась из ямы и посмотрела налево и направо, ища Дзирта и Кэтти-бри. Издав грозный рык, она бросилась вправо, где ситуация казалась более опасной.

Атакуя раненого йети, Дзирт резко остановился, вынудив монстра, уже готового встретить его нападение, рвануться вперед и потерять равновесие. Сабли дроу сверкнули в воздухе, врезаясь в руки йети и отрубая ему пальцы.

Йети взвыл и инстинктивно прижал руки к туловищу. Невообразимо быстрый, Дзирт рванулся вперед, вонзив Сверкающий Клинок в ту руку монстра, что оказалась выше другой, а второй клинок — в брюхо чудовища. Затем дроу проворно отскочил, оказавшись вне пределов досягаемости йети, прежде чем тот смог контратаковать.

Йети был отнюдь не глуп и понял, что противник превосходит его. Он решил спастись бегством, помчавшись вприпрыжку огромными шагами, которые могли оставить далеко позади почти любого человека или эльфа.

Но Дзирт, с его волшебными ножными браслетами, легко догнал беглеца. Поравнявшись с ним, он нанес ему несколько ударов, залив кровью грязную косматую шкуру монстра. Скиталец хорошо знал этих тварей, которые не просто добывали себе пропитание, убивая людей и животных. Нет, злобные чудовища убивали не только для того, чтобы есть, но и просто для развлечения.

Поэтому Дзирт продолжал преследование, легко отражая жалкие попытки йети

контратаковать его, и не переставал наносить монстру ожесточенные удары. Наконец йети собрался с силами и рванулся в последнюю, отчаянную атаку. Дзирт в то же мгновение бросился на него, всадив один клинок ему в горло, а другой в брюхо, и тут же пронесся под вытянутой вперед лапой запнувшегося монстра. Затем, мгновенно остановившись и развернувшись, дроу вонзил обе сабли в спину йети, который уже падал мордой вперед, окончательно сраженный.

А тем временем Кэтти-бри и йети, доселе остававшийся невредимым, состязались в скорости, стремясь добраться до монстра, раненного в плечо. Кэтти-бри примчалась первой и атаковала йети, который потянулся к ней своей здоровой рукой. Великолепный Хазид'хи мгновенно взлетел, срезав руку подчистую у самого плеча.

Йети пустился в безумный танец, вертясь вокруг своей оси и заливая все вокруг хлещущей фонтаном кровью, пока наконец не свалился на землю, судорожно дергаясь и непрерывно визжа.

Кэтти-бри рванулась в сторону, зная, что сражение еще не закончено. Она развернулась как раз вовремя, чтобы встретить с мечом наготове атаку последнего йети, который несся на девушку, высоко подняв свои косматые руки. Хазид'хи пронзил грудь монстра, но его руки сдавили плечи Кэтти-бри, и пятисотфунтовое чудовище, влекомое вперед колоссальной силой инерции, стало падать прямо на девушку. Не успела она представить себе последствия этого совместного падения, как монстр куда-то исчез: его развернула и оторвала от Кэтти-бри летящая молнией Гвенвивар.

Кэтти-бри упала на землю, перекатилась пару раз, погасив инерцию, и вскочила на ноги, готовая продолжать бой. Однако все было кончено: пантера крепко сомкнула свои челюсти на горле последнего йети.

Девушка осмотрелась и увидела изумленные лица воинов из охраны каравана.

Шесть мертвых йети за несколько минут!

Кэтти-бри не смогла сдерживать улыбки, не удалось это и Дзирту, присоединившемуся к девушке, когда воины возвращались к фургонам, не переставая как один качать головами, обсуждая разыгравшуюся у них на глазах феерическую сцену сражения.

Кэддерли говорил, что боевая слава Дзирта обеспечила им место в караване, а сейчас о происшедших событиях узнают все торговцы Лускана. И тогда этот необычный темный эльф будет принят повсюду.

* * *

Вскоре после битвы друзья вновь ехали впереди каравана.

— За мной — трое, — небрежно бросила Кэтти-бри.

Бледно-лиловые глаза Дзирта сузились, когда он посмотрел на нее. Он вспомнил старую игру, в которую часто играл с Вульфгаром и даже в большей степени с Бренором в дни их совместных подвигов.

— Два с половиной, — поправил он девушку, припоминая роль пантеры в схватке с последним из монстров.

Кэтти-бри быстро посчитала в уме и решила, что будет невредно поспорить с дроу, хотя она полагала, что последний йети был уже мертв до того, как Гвенвивар добралась до него.

— Два с половиной, — согласилась она. — Но за тобой только два!

Дзирт не смог сдержать смешка.

— И только полтора — за кошкой! — добавила Кэтти-бри, самодовольно прищелкнув пальцами.

Гвенвивар, бегущая вприпрыжку рядом с лошадьми, зарычала, и Кэтти-бри и Дзирт рассмеялись, подумав, что умная пантера поняла каждое слово.

Караван продолжил свой путь по Долине Ледяного Ветра без приключений, прибыв с опережением графика в Брин Шандер, крупнейший из Десяти Городов, давший свое имя

этой части Долины. Брин Шандер, построенный на низких холмах и имевший форму круга, окружала стена. Город был расположен почти в самом центре треугольника, который составляли три озера: Мер Дуалдон, Лек Деннишир и Красные Воды. Брин Шандер, единственный Из Десяти Городов, не имел своего рыболовного флота, этой основы экономики региона, но при этом процветал. Здесь жили ремесленники и торговцы и вершилась вся политика.

Дзирта здесь приняли не слишком дружелюбно, даже после того, как один из стражей городских ворот признался, что помнит скитальца-дроу с того времени, как был еще мальчиком. Кэтти-бри же приняли очень хорошо, особенно из-за того, что ее отец вернулся в Долину и весь город был взволнован тем, что вот-вот сюда начнут поступать драгоценные металлы из шахт дворфов.

Поскольку работа Дзирта по охране каравана закончилась, он мог вообще не входить в Брин Шандер. Вместо этого он собирался повернуть на север, в долину дворфов. Но не успел владелец каравана рассчитаться с друзьями, как им сообщили, что Кассиус, советник Брин Шандера, пригласил Кэтти-бри на аудиенцию.

Хотя она устала после долгого пути верхом и мечтала только об удобной кровати, Кэтти-бри не могла отказаться от приглашения, но настояла на том, чтобы Дзирт сопровождал ее.

* * *

— Все прошло хорошо, — заметила девушка, покинув вместе с Дзиртом дом советника.

Дзирт не возражал. Все действительно прошло лучше, чем он ожидал, так как Кассиус хорошо помнил Дзирта и приветствовал дроу неожиданной улыбкой. И теперь Дзирт открыто шел по улицам Брин Шандера, замечая во взглядах встречных любопытство, но не враждебность. Многие, особенно дети, показывали на него пальцем и шептались, и острый слух Дзирта неоднократно ловил такие слова, как «скиталец» и «воин», всегда произносившиеся с уважением.

Хорошо было оказаться дома, так хорошо, что Дзирт почти не вспоминал о том, что привело его сюда. Хотя ненадолго можно было забыть об Эррту и хрустальном осколке.

Прежде чем они успели добраться до городских ворот, кто-то бегом бросился к ним, выкрикивая их имена.

— Реджис! — воскликнула Кэтти-бри, обернувшись и увидев трех с половиной футового хафлинга. Его волнистые рыжеватые волосы развевались, а обширное брюшко подпрыгивало, когда он, пытаясь бежать, бежал к ним.

— Вы собирались уезжать, даже не нанеся мне визита! — с упреком сказал хафлинг, когда в конце концов догнал их. Кэтти-бри заключила его в крепкие объятия, не говоря ни слова.

— Забыли старого друга? — спросил Реджис, отдышавшись.

— Мы думали, что ты с Бренором, — честно объяснил Дзирт, и Реджис не обиделся, потому что поверил ему. Разумеется, если бы Дзирт и Кэтти-бри знали, что хафлинг в Брин Шандере, они явились бы прямо к нему.

— Я делю свое время между шахтами и городом, — пояснил Реджис. — Кто-то должен выступать в качестве посредника между торговцами и твоим угрюмым отцом.

Кэтти-бри еще раз обняла его.

— Мы обедали с Кассиусом, — сказал Дзирт. — Кажется, что в Десяти Городах почти ничего не изменилось.

— Разве что люди. Вы знаете, как это бывает — кто-то переезжает, кто-то умирает.

— Но Кассиус по-прежнему правит в Брин Шандере, — заметил Дзирт.

— А Дженсин Брент все еще представляет Кер-Диневал, — радостно сообщил Реджис. Это было хорошей вестью, поскольку Дженсин Брент был одним из героев битвы за Долину

Ледяного Ветра против Акара Кесселя и хрустального осколка. Друзья считали его одним из наиболее разумных политиков, которого они когда-либо знали.

— Есть хорошее, а есть и плохое, — продолжал Реджис. — Кемп все еще остается в Таргосе.

— Крутой старый негодяй, — сказала Кэтти-бри.

— Круче, чем когда-либо, — подхватил Реджис. — Да, еще Берктгар вернулся.

Дзирт и Кэтти-бри кивнули. Оба они уже слышали об этом.

— Он с Рэвйяком и Племенем Лося, — пояснил хафлинг. — Мы мало слышим о них.

Его тон говорил о том, что у него есть еще что сказать на эту тему.

— Бренор нанес Рэвйяку визит, — признался Реджис. — И визит прошел не слишком хорошо.

Дзирт знал Рэвйяка и считал его мудрым человеком. Он знал и Берктгара, поэтому быстро догадался, что могло вызвать проблемы.

— Берктгар никогда по-настоящему не простил Бренора, — сказал Реджис.

— Неужели опять — молот, — сказала раздраженная Кэтти-бри.

Реджис не смог дать дальнейших пояснений, но Дзирт тут же решил посетить варваров. Берктгар был благородным и могучим воином, но он мог быть и очень упрямым, и дроу заподозрил, что его старому другу Рэвйяку, возможно, нужна поддержка.

Но эти дела могли подождать. Дзирт и Кэтти-бри провели ночь с Реджисом в его резиденции в Брин Шандере, а на следующий день, ярким ранним утром, все трое отправились в путь на север, к шахтам дворфов.

Они прибыли туда до полудня, и, когда спускались вниз, взволнованная Кэтти-бри, выросшая в этих местах, обогнала Реджиса и пошла первой. Девушка не нуждалась в подсказках, местность была хорошо знакома ей. Она направилась прямо к жилищу дворфов и вошла без всяких колебаний, наклонившись и проскользнув под низкой притолокой так легко, будто никогда отсюда и не уезжала.

Она почти бежала по тускло освещенным коридорам, задерживаясь ненадолго, чтобы поприветствовать знакомых дворфов. Лица встречаемых неизбежно расцветали улыбками, когда они узнавали, что Кэтти-бри и Дзирт вернулись.

Наконец Дзирт и Реджис догнали ее, и они вместе подошли к той комнате, в которой, возможно, работал Бренор. Они услышали стук молота: дворф ковал — это редко случалось за последнее десятилетие, с тех пор как был создан Клык Защитника.

Кэтти-бри отворила заскрипевшую дверь. Бренор стоял спиной к ней, но она сразу узнала его по крепким плечам и шлему с одним отломанным рогом. Из-за стука молота и рева огня он не слышал, как они вошли.

Все трое подошли прямо к ничего не подозревавшему дворфу, и Кэтти-бри похлопала его по плечу. Он чуть повернулся, едва посмотрев в ее сторону.

— Убирайтесь, — проворчал дворф. — Вы что, не видите, что я занят...

Тут он оборвал свою фразу, глубоко сглотнув. Он продолжал довольно долго смотреть вперед, как будто боялся обернуться, боялся, что быстрый взгляд обманул его.

Затем рыжебородый дворф повернулся и чуть не потерял голову от радости при виде вернувшейся дочери и своего лучшего друга, которые пришли наконец к нему после долгих шести лет отсутствия. Он уронил молот прямо на свою ногу, но, казалось, даже не заметил этого, бросившись к ним навстречу и заключив в могучие объятия сразу и Кэтти-бри, и Дзирта, так что им показалось, что дворф наверняка переломает им кости.

Постепенно Бренор выпустил из своих объятий Дзирта и еще крепче обнял Кэтти-бри, приговаривая «моя девочка» снова и снова.

Дзирт воспользовался этой возможностью для того, чтобы призвать Гвенвивар, и как только дворф наконец отпустил Кэтти-бри, пантера сбила его с ног, торжествующе встав над распростертым на полу дворфом.

— Уберите от меня эту проклятую кошку! — проревел Бренор.

В ответ Гвенвивар непринужденно облизала всю его физиономию.

— Глупое животное! — пожаловался дворф, но в его голосе не было раздражения. Мог ли он сердиться, когда вернулись двое, нет, трое его друзей? Дзирт, Кэтти-бри и Реджис весело хохотали, а поверженный Бренор смотрел на пантеру, и ему казалось, что Гвенвивар улыбается.

Все пятеро провели остаток дня и часть ночи в долгих рассказах. Бренор и Реджис могли рассказать немного: лишь о том, как было принято решение оставить Мифрил Халл в руках Гэндалуга и вернуться в Долину Ледяного Ветра. Бренор не смог толком объяснить свое решение, а Реджис, не рассуждая, следовал за другом, — но Дзирт понимал рыжебородого дворфа. Когда горе Бренора, скорбевшего о потере Вульфгара, утихло и настал конец ликованию по случаю победы над темными эльфами, королем овладело беспокойство. То же испытали когда-то Кэтти-бри и Дзирт. А рыжебородый дворф был, конечно, не молод, ему было уже за две сотни лет, но, по меркам дворфов, не так уж и стар. Он еще не был готов осесть и жить спокойно и мирно. Теперь, когда Гэндалуг вернулся в Мифрил Халл, Бренор наконец мог забыть о своих обязанностях и задуматься о своих чувствах.

А вот Дзирту и Кэтти-бри было о чем поведать, вспоминая погони за пиратами вдоль Побережья Мечей с капитаном Дюдермонтом. Бренор плавал когда-то с капитаном, один лишь Реджис не знал его.

Много рассказов было у Дзирта и Кэтти-бри. Один бой за другим, волнующие погони, музыка, Кэтти-бри, вглядывающаяся вперед, чтобы распознать флаг противника... Когда они дошли до событий последних недель, Дзирт, однако, внезапно оборвал повествование.

— И так день за днем, — сказал друу. — Но даже такая жизнь может наскучить. Мы оба поняли, что пора возвращаться домой, повидаться с вами обоими.

— Как вы узнали, где искать нас? — спросил Бренор.

Дзирт на мгновение задержался с ответом.

— Собственно, поэтому мы и поняли, что пора возвращаться домой, — солгал он. — Мы услышали в Лускане, что какие-то дворфы проходили через город, возвращаясь в Долину Ледяного Ветра. Ходили слухи, что среди них был и Бренор Боевой Топор.

Бренор кивнул, хотя и понял, что его друг не сказал ему правды или по крайней мере всей правды. Отряд Бренора специально обошел Лускан стороной, и, хотя тамошние жители, конечно, знали об их походе, дворфы не «проходили через город», как только что заявил Дзирт. Однако рыжебородый дворф ничего не сказал другу, потому что верил: Дзирт расскажет ему все без утайки в свое время.

Он подозревал, что у его друзей была какая-то тайна, и полагал, что догадывается, в чем дело. Вот ирония судьбы, думал про себя Бренор: чтобы у дворфа был зятем темный эльф!

Разговоры смолкли. Дзирт и Кэтти-бри рассказали обо всем, по крайней мере все, что предполагалось рассказать при первой встрече. Реджис вышел и, вернувшись через минуту, сообщил, что солнце стоит уже высоко на востоке.

— Теплых постелей и доброго сна! — провозгласил Бренор, и все разошлись. Дзирт отправил Гвенвивар домой, пообещав вызвать ее, когда она отдохнет.

После короткого сна они вновь собрались вместе — за исключением Реджиса, который считал отдых менее десяти часов явно недостаточным, — беседовали и радовались встрече. Дзирт и Кэтти-бри не добавили ничего нового к рассказам о своих приключениях, а Бренор не стал настаивать, веря в своего дорогого друга и в свою дочь.

По крайней мере, в те краткие мгновения мир казался им ярким и беззаботным.

Глава 21 КОГДА ЖЕ?

Дзирт лежал, развалившись в тени на гладком валуне, заложив руки за голову, и, закрыв глаза, наслаждался хорошим днем — в Долине Ледяного Ветра не часто бывало

тепло, даже в разгар лета.

Хотя он и находился далеко от входа в шахты дворфов, Дзирт расслабился без особых опасений, так как Гвенвивар лежала рядом, а она была всегда настороже. Дроу почти уже было заснул, когда пантера издала низкое рычание и ее уши прижались к голове.

Дзирт сел, но Гвенвивар тут же успокоилась, лениво свернувшись в клубок, и он понял, что кто бы ни приближался, он не представлял собой угрозы. Мгновением позже на тропинке появилась Кэтти-бри, решившая присоединиться к своим друзьям. Дзирт был рад видеть ее — он всегда был рад ее видеть, но заметил, что девушка чем-то озабочена.

Кэтти-бри подошла и присела на валун рядом с темным эльфом.

— Я думаю, надо рассказать им, — сказала она без промедления, покончив с неопределенностью.

Дзирт сразу понял, о чем речь. Когда они рассказывали Бренору о своих приключениях, именно Дзирт, и только он, сочинял завершающие истории, а Кэтти-бри умолкала, и это было заметно со стороны. Ей казалось неловким лгать своему отцу. Так же неудобно чувствовал себя и Дзирт, но он не был уверен, стоит ли рассказывать Бренору о тех событиях, которые привели их в Долину. Ему не хотелось создавать ненужной напряженности, и, насколько ему было известно, могли пройти годы, и даже десятилетия, пока Эррту доберется до них.

— Со временем, — ответил Дзирт.

— Почему ты хочешь обождать? — спросила девушка.

Дзирт помолчал — это был хороший вопрос.

— Нам нужно знать больше, — объяснил он после долгой паузы. — Мы не знаем, собирается ли Эррту прийти в Долину, и не имеем никакого представления о том, когда это может случиться. Демоны измеряют время совершенно не так, как мы; год — это мгновение для расы Эррту, да и век тоже. Не стоит тревожить Бренора и Реджиса сейчас.

Кэтти-бри долго обдумывала ответ дроу.

— Каким образом ты рассчитываешь узнать больше? — спросила она.

— Стампет Скребущий Коготь.

— Но ты едва знаешь ее.

— Мне достаточно известно о ее деяниях в Долине Хранителя и в Мензоберранзане против темных эльфов, чтобы доверять ее силе и здравому смыслу.

Кэтти-бри кивнула — по всему, что она слышала о Стампет, выбор Дзирта был правильным. Однако что-то еще из сказанного дроу беспокоило девушку. Она глубоко вздохнула, и это подсказало Дзирту, о чем она подумала.

— Мы не сможем узнать, сколь долго это протянется, — признал он.

— И придется превратиться в стражей на год? — довольно резко спросила Кэтти-бри. — Или на сотню лет?

Она встретила взгляд дроу, полный боли, и сразу же пожалела о своих словах. Конечно, Кэтти-бри будет трудно месяцами ожидать демона, который может и вовсе не явиться. Но насколько хуже такое ожидание для Дзирта! Ведь он ожидал не только Эррту, но и своего отца, подвергаемого страшным мучениям, и каждый наступивший вечер означал, что Закнафейн провел еще один мучительный день в злобных лапах бейлора.

— Прости, — склонила голову девушка. — Мне следовало подумать о твоём отце.

Дзирт положил руку ей на плечо.

— Ничего, — ответил он. — Я ведь думаю о нем непрестанно.

Кэтти-бри подняла свои темно-синие глаза и посмотрела прямо в бледно-лиловые глаза Дзирта.

— Мы вернем его, — твердо пообещала она. — И заставим Эррту заплатить сполна за всю боль, причиненную твоему отцу.

— Я верю в это, — сказал Дзирт. — Но пока не стоит поднимать тревогу. У Бренора и Реджиса полно забот, связанных с быстро приближающейся зимой.

Кэтти-бри согласилась и села поудобнее, прислонившись к теплему камню. Они будут

ждать столько, сколько понадобится, а затем — пусть Эррту побережится!

В последовавшие две недели друзья погрузились в повседневную жизнь Долины Ледяного Ветра, помогая дворфам. Чтобы облегчить свои многочисленные вылазки в открытую тундру, Дзирт оборудовал себе пещеру, и Кэтти-бри проводила в ней довольно много времени рядом со своим другом, молчаливо утешая его.

Они мало говорили об Эррту и о хрустальном осколке, и Дзирт пока не обращался к Стампет, но не переставал думать о демоне и о его пленнике.

* * *

— Ты не должен медлить, когда я вызываю тебя! — злобно ворчал чародей, беспокойно расхаживая по комнате. Он едва ли казался внушительным двенадцатифутовому глабрезу. У демона было четыре конечности, две из которых представляли собой огромные ручки, а две другие заканчивались клешнями, которые могли разрубить человека пополам.

— Мои братья не выносят задержек, — продолжал чародей. Глабрезу, которого звали Бизматек, оскалился в коварной усмешке. Этот волшебник, Доузмен из Сандабара, пребывал в смятении, отчаянно пытаясь переиграть своих братьев по гильдии в каком-то дурацком состязании. Быть может, он допустил ошибку при подготовке круга...

— Неужели я многого от тебя требую? — причитал Доузмен. — Ну конечно же нет! Всего лишь несколько ответов на незначительные вопросы, а взамен я дал тебе так много.

— Я и не жалуюсь, — отвечал Бизматек. Говоря, демон внимательно изучал магический круг. Если Доузмен подготовил круг не так, как надо, Бизматек собирался выйти наружу.

— Но ты не отвечаешь! — вскричал Доузмен. — Теперь я спрашиваю еще раз, и у тебя будет три часа, только три часа, чтобы вернуться с ответами.

Бизматек отчетливо слышал эти слова и серьезно размышлял над их последствиями, ибо к тому моменту уяснил, что круг был полным и совершенным. Никакой возможности вырваться.

Доузмен начал барабанить свои семь вопросов, семь совершенно никчемных и туманных вопросов, единственная значимость которых состояла в том, что найти ответы на них было целью состязания, которое начала гильдия чародеев. Тон Доузмена явно говорил о том, что дело срочное: он знал, что по крайней мере трое из его братьев уже раздобыли несколько ответов.

Бизматек, однако, совершенно не слушал его, пытаясь вспомнить то, что он слышал в Бездне, — предложение, сделанное танар'ри, куда более великим, чем он. Глабрезу вновь посмотрел на совершенный круг и с сомнением нахмурился. Но ведь Эррту сказал, что ни могущество чародея, ни совершенство магического круга, ограничивавшего свободу демона, не такие уж проблемы...

— Подожди! — взревел Бизматек, и Доузмен, несмотря на всю свою уверенность и свой гнев, умолк.

— Поиски ответов, которых ты просишь, займут много часов, — объяснил демон.

— У меня нет времени! — выпалил Доузмен, вновь обретая самообладание и задыхаясь от гнева.

— Тогда у меня есть для тебя ответ, — сказал глабрезу с коварной и злобной ухмылкой.

— Ты только что сказал...

— У меня нет ответов на твои вопросы, — быстро пояснил Бизматек. — Но я знаю того, у кого они есть, — бейлора.

Доузмен побледнел при упоминании великого демона. Он не был второстепенным чародеем, имел опыт вызова демонов и умел сотворить совершенный магический круг. Но иметь дело с бейлором! Доузмен никогда не пытался вызвать подобного монстра. Бейлоры, которых, по всем оценкам, насчитывалось всего пара десятков, были танар'ри самого

высокого уровня, величайшими из всех ужасов Бездны.

— Ты боишься бейлора? — поддразнил его Бизматек.

Доузмен выпрямился, вспомнив, что он должен демонстрировать уверенность перед лицом демона. Проявление слабости вызывало ослабление магической силы, удерживавшей глабрезу, — таково было убеждение волшебника.

— Я ничего не боюсь! — заявил чародей.

— Тогда получи свои ответы у бейлора! — проревел Бизматек. — Имя его — Эррту.

Могучий рев глабрезу вынудил Доузмена отступить на шаг. Затем он успокоился и уставился на демона. Этот глабрезу только что выдал ему имя бейлора, без всякой оплаты. Имя танар'ри было одним из самых ценных моментов информации, ибо, располагая именем, такой чародей, как Доузмен, мог значительно увеличить мощь своего вызова.

— Ты что, не хочешь победить своих соперников? — поддразнил его Бизматек, хихикая при каждом слове. — А ведь Эррту непременно даст тебе верные ответы на все вопросы.

Доузмен подумал мгновение, затем резко повернулся к Бизматеку. Он все еще не избавился от сомнений, но приманка в виде его первой победы в состязаниях гильдии, проводившихся раз в два года, была слишком соблазнительной.

— Исчезни! — скомандовал он. — Не стоит тратить энергию на таких, как ты.

Глабрезу обрадовался, услышав эти слова. Он знал, что Доузмен имел в виду лишь траты своей энергии на Бизматека. Чародей стал для глабрезу источником постоянного раздражения. Но если слухи, ходившие в Бездне в отношении могущественного Эррту, были правдой, то довольно скоро Доузмен будет поражен и придет в ужас от истинности своих собственных слов.

* * *

Оказавшись в Бездне, за межуровневыми воротами, которые быстро закрылись за ним, Бизматек поспешил в зону гигантских грибов, логовище могущественного Эррту. Сначала бейлор хотел было просто уничтожить наглеца, решив, что глабрезу посягает на его место, но, когда Бизматек выпалил свои новости, Эррту откинулся на своем троне из грибов, и его ухмылка расплзлась от одного рога до другого.

— Ты назвал этому дурню мое имя? — спросил Эррту.

Бизматек заколебался, но в голосе Эррту, казалось, не было гнева, а только страстное предвкушение.

— Согласно тому, что я слышал... — начал он осторожно, но гогочущий смех Эррту прервал его.

— Это хорошо, — сказал бейлор.

Бизматек расслабился.

— Но Доузмен не второразрядный чародей, — предупредил он. — Его круг совершенен.

Эррту вновь усмехнулся, будто это ничего не значило. Бизматек собирался было повторить свою мысль, подумав, что бейлор просто считает, что найдет изъян там, где глабрезу не смог, но Эррту заговорил первым.

— Ни один круг не совершенен, — загадочно и весьма уверенно сказал бейлор. — А для тебя у меня есть другое задание: охранять самого ценного моего пленника.

Эррту встал с трона и двинулся вперед, но тут же остановился, увидев, что глабрезу пребывает в нерешительности.

— Награда будет велика, мой генерал, — пообещал Эррту. — Много дней свободы на Материальном уровне, и много душ, которые ты сможешь пожрать.

Ни один танар'ри не мог бы отказаться от такого.

Вскоре донесся вызов Доузмена, и хотя он был слабым, так как чародей уже потратил много своей магической энергии на Бизматека, Эррту крепче сжал маленькую черную

шкатулку и быстро ответил на вызов. Он прошел через межуровневые ворота в комнату Доузмена в Сандабаре и обнаружил себя, как и предупреждал Бизматек, в центре совершенного магического круга власти.

— Быстро закрой ворота! — воскликнул бейлор, и его громоподобный скрежещущий голос многократно отразился от каменных стен комнаты. — О, глупец! Ты не отделил меня от моих слуг, и сейчас смертельные баатезу следуют за мной через ворота! Что будешь делать ты, о безрассудный смертный, когда демоны преисподней ворвутся в твой дом?

Как и любой другой мудрый чародей на его месте, Доузмен уже неистово творил волшебство, закрывая ворота. Демоны из преисподней! Никакой круг и ни один чародей не смог бы удержать бейлора или, более того, демонов преисподней! Доузмен читал заклинания и разводил руки концентрическими круговыми движениями, бросая в воздух различные материальные компоненты.

Эррту продолжал изображать ярость и ужас, наблюдая за чародеем и оглядываясь, как будто он видел те самые ворота, через которые пришел. Эррту нужно было, чтобы они закрылись, так как любая магия скоро потеряет свою силу, и, если ворота будут все еще действовать, бейлора скорее всего утянет назад, в Бездну.

Наконец это было сделано, и Доузмен успокоился — настолько, насколько мог успокоиться человек, глядя в полуобезьянью-полусобачью морду бейлора.

— Я вызвал тебя для простого... — начал было Доузмен.

— Заткнись! — взревел могучий Эррту. — Ты вызвал меня потому, что я приказал тебе вызвать меня!

Доузмен с удивлением уставился на монстра, затем посмотрел на свой круг, свой совершенный круг. Надо было верить в себя и расценивать слова бейлора как блеф.

— Молчать! — закричал в ответ Доузмен, и потому, что защита была надежной, и потому, что он вызвал танар'ри, использовав его подлинное имя, Эррту должен был повиноваться.

Бейлор молча поднял черную шкатулку, так чтобы Доузмен мог ее видеть.

— Что это? — спросил чародей.

— Твой рок, — ответил Эррту, и не солгал. Злобно усмехаясь, бейлор открыл шкатулку, показывая блестящий черный сапфир размером с большой мужской кулак, оставшийся со Времен Бедствий. В этом сапфире была энергия антимагии, ибо это был кусок мертвой магической зоны, один из самых важных предметов, сохранившихся с тех времен, когда Королевства посетили воплощения богов. Когда скрывающая сапфир шкатулка была открыта, связывающая сила, которой Доузмен удерживал Эррту, исчезла, и магический круг чародея, хотя его рисунок и оставался совершенным, более не являл собой узилище для вызванного демона и не сдерживал его долее. Утратили свою силу и защитные заклятия, наложенные чародеем на самого себя.

У Эррту также не было магии, которая могла бы противостоять этому мертвому волшебному камню, но могущественный танар'ри, эта тысячефунтовая глыба мускулов, едва ли нуждался сейчас в магии.

* * *

Обеспокоенные собратья Доузмена вошли в его комнату поздно ночью. Они обнаружили одну-единственную туфлю и большое пятно высохшей крови.

Эррту, заперев сапфир в шкатулке, которая могла противостоять даже такой мощной антимагии, был уже далеко оттуда. Он быстро летел на север и затем на запад, в Долину Ледяного Ветра, где находился Креншинибон — артефакт, которого он жаждал многие века.

Глава 22

КАК В ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА

Дроу-скиталец бежал, и ветер свистел в его ушах. Теперь, когда кончилось лето, промчалась короткая осень и наступала долгая и темная зима, ветер дул с севера, с ледников и айсбергов Моря Плавающего Льда.

Дзирту были так же знакомы сезонные перемены в тундре, как и все, что здесь происходило. Он прожил в Долине лишь десять лет, но за это время хорошо изучил окружающие места. Глядя на поверхность земли, он мог с точностью до десяти дней назвать время года. Сейчас земля снова твердела, хотя его ноги еще немного скользили; то были остатки грязи под сухой поверхностной коркой, последние следы короткого лета.

Дроу накинул капюшон плаща на голову, спасаясь от холодных порывов ветра. Из-за этого он мало что мог расслышать помимо непрерывного гула, но оставался настороже, он всегда был настороже. Тот, кто выходил на открытые просторы Долины Ледяного Ветра и был недостаточно осторожен, жил недолго.

В нескольких местах Дзирт заметил следы йети. Он обнаружил также группу отпечатков ног, похожих на следы стаи гоблинов. Можно было прочесть по этим следам, откуда гоблины пришли и куда направлялись, но он спустился с Пирамиды Кельвина не для того, чтобы вступать в схватку. Он обратил на них внимание, просто чтобы избежать встречи с теми существами, которые их оставили.

Вскоре Дзирт обнаружил следы, которые были ему нужны: две цепочки отпечатков мягкой обуви, оставленные людьми, идущими медленно, именно так, как крадутся охотники. Он заметил, что более глубокие отпечатки были оставлены передней частью ступней. Варвары ступали с носка на пятку, а не с пятки на носок, как это делали большинство жителей Королевств. Теперь скиталец не сомневался. Накануне вечером он отправился в поселение варваров, намереваясь поговорить с Рэвйяком и Берктгаром. Однако, незамеченный в темноте, дроу услышал, что Берктгар собрался на следующий день на охоту, вдвоем с сыном Рэвйяка.

Эта новость сначала расстроила Дзирта, — неужели Берктгар захотел нанести косвенный удар по Рэвйяку и убить юношу? Но Дзирт быстро выбросил из головы эту глупую мысль; он знал Берктгара. Это был благородный человек и отнюдь не убийца. Более вероятно, решил дроу, что Берктгар пытался завоевать доверие сына Рэвйяка и тем усилить свое влияние в племени.

Дзирт оставался возле поселения всю ночь и перед рассветом ушел оттуда необнаруженным, сделав большой крюк на север.

Теперь он нашел следы двух мужчин, шедших рядом. Они опередили его примерно на час, но шли медленно, по-охотничьи, поэтому Дзирт был уверен, что догонит их в течение нескольких минут.

Скиталец замедлил свой шаг мгновением позже, обнаружив, что следы разделились: те, что поменьше, повернули на запад, те, что крупнее, — на север. Дзирт последовал за более крупными, полагая, что это были следы Берктгара, и через несколько минут увидел гигантского варвара, который встал на колени и, прикрыв ладонью глаза, пристально смотрел на север и запад.

Дзирт передвигался очень медленно и осторожно. Он понял, что несколько волнуется при виде внушительного воина. В прошлом Дзирт и Берктгар много раз спорили, это случалось, когда Дзирт выполнял функции посредника между Бренором и Сэттлстоуном, где правил Берктгар. Сейчас все было по-другому. Берктгар был дома, ему ничего не было нужно от Бренора, и это могло сделать его более опасным.

Дзирт должен был все выяснить. Именно для этого он пришел сюда с Пирамиды Кельвина. Он двигался молча, шаг за шагом, пока не оказался в нескольких ярдах от варвара, все еще коленопреклоненного и, очевидно, не подозревающего о его приближении.

— Мои приветствия, Берктгар, — молвил странник. Его неожиданно раздавшийся голос, казалось, не удивил варвара, и Дзирт предположил, что Берктгар, ощущавший себя в тундре как дома, все же почувствовал его приближение.

Берктгар медленно поднялся и повернулся к дроу лицом.

Дзирт бросил взгляд на запад, где вдалеке виднелось темное пятнышко.

— Твой напарник по охоте? — спросил он.

— Сын Рэвйяка, Киерстаад, — ответил Берктгар. — Хороший парень.

— А как Рэвйяк? — спросил Дзирт.

Берктгар помолчал минуту.

— Ходят слухи, что ты вернулся в Долину, — сказал он.

— Это хорошо, по мнению Берктгара?

— Нет, — прозвучал простой ответ. — Тундра обширна, дроу. Достаточно обширна, чтобы нам не пришлось больше встречаться.

Берктгар отвернулся от него, будто сказал все, что следовало, но Дзирту не хотелось пустить все на самотек.

— С чего бы тебе желать этого? — наивно спросил он, пытаясь подтолкнуть Берктгара к игре в открытую. Дзирт хотел узнать, насколько варвары стремились отдалиться от дворфов и народа Десяти Городов. Станут ли они невидимыми партнерами в тундре или, как это уже было когда-то, заклятыми врагами? — Рэвйяк был моим другом, — продолжал Дзирт. — Когда я покидал Долину годы назад, я называл Рэвйяка среди тех, кого мне действительно будет не хватать.

— Рэвйяк — старый человек, — спокойно сказал Берктгар.

— Но он говорит от лица племени.

— Нет! — Ответ Берктгара прозвучал быстро и резко. Затем он успокоился, и его улыбка подтвердила Дзирту, что сказанное было правдой.

— Рэвйяк больше не говорит от лица племени, — продолжил Берктгар.

— Тогда, значит, Берктгар? — спросил Дзирт.

Огромный варвар кивнул, все еще улыбаясь.

— Я вернулся, чтобы избавить мой народ, — сказал он, — от ошибок Вульфгара и Рэвйяка, чтобы увести его назад, к тому образу жизни, что мы вели прежде, когда были свободными, когда не отвечали ни перед кем, кроме самих себя и нашего бога.

Дзирт задумался. Гордый молодой воин искренне заблуждается, понял дроу, ибо прежние времена, о которых Берктгар говорил с таким благоговением, были вовсе не столь беззаботны и восхитительны. Те годы были отмечены войнами, обычно между племенами, сражавшимися за пищу, которой часто не хватало. Варвары умирали от голода и от холода и часто оказывались добычей йети или огромных белых медведей, которые следовали за стадами оленей вдоль берега Моря Плавучего Льда.

Опасность ностальгии, понял Дзирт. О прошлом часто помнят только хорошее, забывая о бедах.

— Значит, Берктгар говорит от имени племени, — согласился Дзирт. — И он поведет людей к отчаянию? К войне?

— Война — это не всегда отчаяние, — хладнокровно сказал варвар. — Неужели ты так быстро забыл, что, следуя курсом Вульфгара, мы пришли к войне с твоим народом?

Дзирту нечего было ответить. Конечно, все произошло не совсем так. Война с темными эльфами возникла в большей степени в результате несчастного стечения обстоятельств, нежели из-за действий Вульфгара.

И все же это было довольно справедливо, по крайней мере с формальной точки зрения Берктгара.

— А до этого Вульфгар втянул племена в войну, чтобы помочь твоему неблагодарному другу вернуть трон, — гнул свою линию Берктгар.

Дзирт пристально посмотрел на варвара. Вновь его слова были формально правильными, и дроу понял, что у него нет убедительного ответа, который мог бы заставить Берктгара изменить мнение.

Тут они оба заметили, что к ним приближается Киерстаад.

— Мы вновь открыли для себя чистый воздух тундры, — провозгласил Берктгар, прежде чем юноша добрался до них. — Мы вернулись к прежнему, лучшему образу жизни,

который не предусматривает дружбы с дроу.

— Берктгар многое забывает, — ответил Дзирт.

— Берктгар помнит многое, — ответил огромный варвар и отвернулся.

— Ты бы поступил правильно, поразмыслив над тем хорошим, что Вульфгар сделал для твоего народа, — крикнул Дзирт ему вослед. — Может быть, Сэттлстоун и не был подходящим местом для племен, но Долина Ледяного Ветра — суровая земля, где союзники — это самая большая ценность для любого человека.

Берктгар не замедлил шага. Он приблизился к Киерстааду и прошел мимо него. Киерстаад повернулся и посмотрел ему вслед, быстро догадавшись, что здесь произошло. Затем Киерстаад повернулся к Дзирту и, узнав дроу, подбежал к нему.

— Рад встрече, Киерстаад, — сказал Дзирт. — Годы пошли тебе на пользу.

Киерстаад гордо выпрямился, услышав это замечание, ошеломленный тем, что сам Дзирт До'Урден сказал о нем нечто лестное. Киерстаад был всего лишь двенадцатилетним мальчиком, когда Дзирт покинул Мифрил Халл, и потому не слишком хорошо знал дроу. Однако он знал о Дзирте — легендарном воине. Однажды Дзирт и Кэтти-бри пришли в Хенгорот, зал в Сэттлстоуне, где воины распивали мед. Дроу вскочил на стол и произнес речь, призывая к укреплению союза между дворфами и варварами. По старым традициям, о которых так часто говорил Берктгар, никакого темного эльфа не допустили бы в Хенгорот и определенно никому из них не оказали бы теплого приема. Но все присутствовавшие проявили в тот день уважение к Дзирту До'Урдену, в доказательство боевой славы дроу.

Киерстаад также не мог забыть тех историй о Дзирте, что рассказывал ему отец. В одной особенно страшной битве с народом Десяти Городов войско варваров было жестоко разгромлено, и немалую роль в этом сыграл Дзирт До'Урден. После того сражения число варваров резко сократилось. Это означало, что наступавшая зима принесла бы много бедствий и трудностей уцелевшим, особенно очень юным и очень старым, ибо слишком мало охотников осталось в живых, чтобы обеспечить едой всех.

Но когда кочующие варвары отправились на запад, на всем своем пути они стали находить свежие туши оленей, умело убитых и оставленных для племени. Это дело рук Дзирта До'Урдена, решили Рэвйяк и старейшины, того дроу, который защищал Десять Городов от варваров. Рэвйяк и многие старшие члены племени никогда не забывали этого доброго дела.

— Я рад встрече с тобой, — ответил Киерстаад. — Хорошо, что ты вернулся.

— Не все согласны с твоим мнением, — заметил Дзирт.

Киерстаад фыркнул и пожал плечами.

— Я уверен, что Бренор рад снова видеть таких, как Дзирт До'Урден, — сказал он.

— И таких, как Кэтти-бри, — добавил Дзирт. — Ибо она вернулась со мной.

Вновь юноша кивнул, и Дзирт почувствовал, что ему хочется высказать нечто более глубокое, нежели просто поддержать вежливую беседу. Однако он все время оглядывался через плечо на удалявшуюся фигуру Берктгара, своего вождя. Он явно испытывал смешанные чувства, и его преданность подвергалась серьезному испытанию.

В конце концов Киерстаад вздохнул и взглянул дроу прямо в лицо, внутренняя борьба в нем закончилась.

— Многие помнят правду о Дзирте До'Урдене, — сказал он.

— И о Бреноре Боевом Топоре?

Киерстаад кивнул:

— Берктгар руководит племенем по праву деяния, но не все соглашаются с каждым его словом.

— Тогда давай надеяться, что Берктгар вскоре вспомнит ту правду, — ответил Дзирт.

Киерстаад оглянулся еще раз и увидел, что Берктгар остановился и повернулся, чтобы посмотреть на них. Юный варвар понял, что от него ожидалось, и, быстро кивнув Дзирту и даже не сказав ни слова на прощание, помчался к гиганту.

Дзирт долго размышлял над подтекстом увиденного: юноша подчиняется воле

Берктгара, хотя и не разделяет многие взгляды своего вождя. Затем дроу обратился мыслями к своим планам. Он собирался вернуться в поселение варваров, чтобы поговорить с Рэвйяком, но теперь это казалось ему бессмысленным, даже опасным.

Особенно если Берктгар говорит от имени племени.

* * *

В то время как Дзирт бежал на север от Пирамиды Кельвина, другой путник пересекал тундру южнее горы. Это брела Стампет Скребущий Коготь, ее спина согнулась под грузом огромного вьюка, а взгляд был сосредоточен на одной-единственной цели: высоко вздымавшихся вершинах Гребня Мира.

Креншинибон, который висел в петле на поясе жрицы, был доволен и хранил молчание.

Артефакт вторгался в сны жрицы каждую ночь, но его общение с ней носило необычный для него вкрадчивый характер, ибо Креншинибон побаивался Стампет — жрицы доброго бога. Постепенно, в течение недель, Креншинибон преодолел сопротивление Стампет, убедив ее в том, что речь идет не о безрассудно опасном путешествии, но об испытании, которое надо пройти и победить.

И вот Стампет вышла в путь накануне, решительно направившись на юг, — с оружием в руках, готовая к встрече с любыми монстрами, к покорению любой вершины.

Она еще не достигла гор, преодолев лишь половину пути от Красных Вод, самого южного из трех озер. Креншинибон планировал хранить молчание во время всего пути. Несколько дней для него ничего не значили. Когда они доберутся до гор, этой дикой местности, артефакт найдет себе более подходящего владельца.

Но неожиданно хрустальный осколок почувствовал некое присутствие, могущественное и знакомое.

Танар'ри!

Мгновением позже Стампет остановилась на бегу, с любопытством разглядывая предмет на своем поясе. Она ощутила исходящие от него вибрации, как будто это было живое существо. Стампет поняла, что эти вибрации не что иное, как призыв.

— Ну и что теперь? — спросила жрица, вынимая хрустальный осколок из петли. — Что ты имеешь в виду?

Она все еще разглядывала осколок, когда черный шар вылетел из голубой дымки далекого горизонта, услышав призыв и мчась на кожистых крыльях с сумасшедшей скоростью. Жрица пожала плечами. Ничего не поняв, она водрузила осколок на место, затем посмотрела вверх.

Слишком поздно.

Эррту налетел на нее жестко и быстро, сокрушив ее прежде, чем она успела даже поднять оружие. В считанные секунды Креншинибон оказался в его лапах, — союз, которого желали оба.

Оцепеневшая Стампет лежала на земле, ее оружие было отброшено далеко в сторону. Она приподнялась на локтях и, бросив взгляд на танар'ри, стала вызывать к своему богу. Но Эррту не медлил, он ударил ее так, что она отлетела на дюжину футов в сторону, и собрался было предать ее мучительной смерти.

Креншинибон остановил его. Не то чтобы артефакт презирал грубую силу или испытывал сострадание к Стампет. Он просто напомнил Эррту, что таких противников, как эта жрица, можно было бы использовать в своих интересах. Эррту ничего не знал ни о Бреноре Боевом Топоре и поисках Мифрил Халла, ни об уходе клана из Долины, не говоря о его возвращении. Но демон знал о том, что Дзирт был предан дворфам Долины Ледяного Ветра. Если Дзирт До'Урден находится в Долине или если он вернется сюда когда-нибудь, то он, вероятно, вновь будет вместе с дворфами, которые работали в шахтах к югу от горы, зовущейся Пирамидой Кельвина. А женщина, очевидно, была из того клана.

Эррту возвышался над ней, угрожая и не давая сосредоточиться для сотворения

заклинания или для того, чтобы вернуть свое оружие. Демон протянул руку, на указательном пальце которой было кольцо, украшенное темно-лиловым драгоценным камнем. Черные глаза Эррту полыхнули оранжевым пламенем, когда он начал читать заклинание на гортанном языке Бездны.

Драгоценный камень вспыхнул лиловатым светом, который залил Стампет.

Внезапно угол зрения Стампет изменился. Она более не смотрела вверх на демона, но глядела вниз, на свое собственное тело! Она слышала гогочущий смех Эррту, чувствовала одобрение хрустального осколка, а затем беспомощно наблюдала за тем, как ее тело поднялось с земли и пошло, собирая разбросанные вещи.

Похожее на зомби,двигающееся на негнущихся ногах, тело жрицы, лишенное души, повернулось и направилось на юг.

Душа Стампет осталась внутри лиловатого камня — слушать гогот демона и ощущать волны, направляемые Эррту артефактом.

* * *

В тот вечер Дзирт и Кэтти-бри сидели на Склоне Бренора с рыжебородым дворфом и Реджисом, любуясь звездами. И дворф, и хафлинг чувствовали беспокойство своих друзей, ощущали, что Дзирт и Кэтти-бри хранят некую тайну.

Много раз дроу и девушка обменивались озабоченными взглядами.

— Ну! — сказал Бренор после продолжительного молчания, не в силах больше выносить загадочные взгляды.

Кэтти-бри хихикнула, напряжение было снято пронизательностью ее отца. Она и Дзирт, разумеется, привели сюда Бренора и Реджиса не для того, чтобы обсудить красоту луны и звезд. После долгой дискуссии дроу в конце концов согласился с доводами Кэтти-бри: было бы нечестно оставить друзей в неведении относительно истинных причин их возвращения в Долину Ледяного Ветра.

И вот Дзирт рассказал о последних неделях на борту «Морской феи», о нападении на Дюдермонта в Глубоководье и рейде на Каэрвич, о путешествии в Кэрадун, устроенном заклинанием Гаркла, и их полете с ветром вместе с Кэддерли, который привел их в Лускан. Он ничего не упустил: даже тех фрагментов из стихов слепой ведьмы, которые он еще помнил, и того, что его отец был пленником Эррту, великого танар'ри.

Кэтти-бри часто вставляла свои замечания, главным образом для того, чтобы уверить отца: они решили вернуться домой прежде всего потому, что это был их дом, потому, что здесь были Бренор и Реджис.

После того как Дзирт закончил свое повествование, воцарилась тишина. Все взгляды устремились на Бренора, ожидая его отклика, как будто это будет приговор им всем.

— Проклятый эльф! — завопил наконец он. — Ты всегда приносишь неприятности! Делаешь жизнь интересной!

После непродолжительного напряженного смеха Дзирт, Кэтти-бри и Бренор повернулись послушать, что скажет по этому поводу Реджис.

— Кажется, пора обзаводиться новыми друзьями, — заломил руки хафлинг, но, как и гнев Бренора, его отчаяние было ненастоящим.

Гвенвивар зарычала в ночи.

Они вновь были вместе, пятеро друзей, готовые к любым событиям, к любым сражениям.

Но они не постигли всей глубины того ужаса, который звался Эррту, и не знали, что демон уже заполучил Креншинибон.

Глава 23 КРИШАЛ-ТИРИТ

Легкий шелест, шар летящего мрака на фоне темного ночного неба, — демон неся на север над тремя озерами, мимо Пирамиды Кельвина, над поселением народа Берктгара. Эррту собирался отправиться на край тундры, чтобы воздвигнуть там свою крепость, но когда он добрался до берегов Моря Плавающего Льда, то обнаружил, что здешний пейзаж ему нравится. Эррту — существо из огненной Бездны — не любил снега и льда, но огромные айсберги, покрывавшие собой воды моря, этот горный хребет, созданный среди легко обороняемых, замерзающих рвов с водой, явили ему возможности, против которых он не мог устоять.

Танар'ри устремился в море, опустившись на верхушку одного из высоких айсбергов, отделенных от берега широким водным пространством. Он вглядывался во тьму, сначала используя свое обычное зрение, а затем перестроившись на инфракрасную область спектра. Как и можно было ожидать, он увидел лишь холодный мрак, холодный и мертвый.

Демон хотел было продолжить свой путь, но почувствовал, что Креншинибон просит его осмотреться более внимательно.

Эррту, не предполагавший что-либо обнаружить, тем не менее продолжил осмотр. Он был изрядно удивлен, когда увидел столб теплого воздуха, поднимавшегося из ложбины на боку айсберга, в какой-то сотне ярдов от него. Это было далековато для того, чтобы Эррту смог разглядеть какие-либо детали, поэтому он взмахнул огромными крыльями и сократил расстояние наполовину, а затем подкрался еще ближе, пока не увидел, что тепло исходило от группы существ, сбившихся в тесный круг. Более опытный путешественник по Долине Ледяного Ветра подумал бы, что это тюлени или еще какие-либо морские животные, но Эррту не был знаком с животным миром севера и поэтому продолжал осторожно приближаться к ним.

Это были человекообразные существа с длинными руками и большими головами. Сначала Эррту подумал, что они были одеты в меха, пока не подошел настолько близко, чтобы понять, что это были их собственные шкуры, отливавшие маслянистым блеском.

«Это начало твоей армии», — проникло в мысли бейлора послание Креншинибона.

Эррту поразмыслил над этим предложением. Демон не планировал создавать армию, во всяком случае не здесь, в этой заброшенной ледяной пустыне. Он предполагал задержаться в Долине Ледяного Ветра ненадолго, только чтобы найти и уничтожить Дзирта До'Урдена, если он здесь. Когда с этим делом будет покончено, Эррту собирался покинуть пустынные земли Долины и перебраться в более гостеприимные и густонаселенные регионы.

Однако Креншинибон не уступал, и через некоторое время танар'ри понял наконец потенциальную ценность порабощения некоторых здешних животных. Возможно, стоит усилить свои позиции некоторым количеством солдат — расходуемой живой силы.

Бейлор злобно усмехнулся и пробормотал несколько слов заклинания, которое позволило бы ему общаться с этими существами на их гортанном языке, если так можно было назвать фырканье и рычание. Эррту еще раз воззвал к своим магическим способностям и исчез, появившись на склоне, над импровизированным поселением косматых существ. Теперь бейлор мог лучше рассмотреть животных, которых было примерно около двух десятков. Косматый белый мех, головы большие, почти без признаков лба. Они были крепкого сложения и грубо пихали друг друга, стремясь пробраться поближе к центру, который, как догадался Эррту, считался самым теплым местом.

«Они твои!» — передал Креншинибон.

Эррту согласился. Он чувствовал могущество хрустального осколка, его подавляющую силу. Эррту прыгнул на гребень айсберга, выпрямившись во всю свою двенадцатифутовую высоту, и, обратившись к косматым гуманоидам на понятном им языке, проревел, что он — их бог.

В лагере началось столпотворение, существа носились взад и вперед, сталкиваясь друг с другом и падая. Эррту спрыгнул вниз, и, когда они окружили его, бейлор создал вокруг себя кольцо низкого, мерцающего пламени, эффектно отделив себя от них. Затем он высоко поднял свой меч-молнию, приказывая существам пасть перед ним на колени.

Вместо этого они выпихнули вперед самого крупного из них.

Эррту понял, что это вызов. Большое косматое существо угрожающе заревело, но рев застрял у него в горле, когда танар'ри щелкнул своим многоремненным бичом, обвинив плети вокруг лодыжек противника. Могучий демон слегка дернул бич, опрокинув зверя на спину, а затем втащил его в огненный круг, где он извивался, визжа от боли.

Эррту не стал убивать его. Через мгновение он снова взмахнул бичом, и существо вылетело из пламени и стало кататься по снегу, жалобно скуля.

— Эррту! — провозгласил танар'ри, и его громоподобный голос заставил уstraшенные существа отпрянуть. Уstraшенные, но не коленопреклоненные, понял Эррту и избрал другую тактику. Бейлор понял, на каком уровне развития находятся эти твари. Разглядывая их в свете огня, он пришел к выводу, что они цивилизованы даже меньше гоблинов, с которыми он привык иметь дело.

«Устраши их и вознагради», — передал ему Креншинибон, что Эррту и начал осуществлять. С уstraшением все было в порядке. С жутким ревом демон одним прыжком пронесся над гребнем айсберга и исчез во мраке ночи. Эррту слышал, что его исчезновение сопровождалось фырканием и шепотками, и вновь улыбнулся, представляя себе морды этих тварей, когда он одарит их.

Эррту не пришлось лететь далеко, чтобы найти нечто подходящее. Он увидел плавник огромного животного, выглядывавший из темной поверхности воды.

Это была косатка, для Эррту — просто большая рыба, некоторое количество пищи. Демон рухнул вниз и быстро нырнул вслед за чудищем. В одной руке Эррту держал свой меч-молнию, в другой — хрустальный осколок. Меч нанес могучий удар, но атака Креншинибона была просто ужасающей: впервые за много лет он высвободил свою энергию, и луч ослепительного белого пламени пронзил плоть кита так же легко, как свет маяка пронзает ночное небо.

Через несколько минут Эррту вернулся в лагерь косматых гуманоидов, таща за собой мертвого кита. Он бросил его в центр сборища ошеломленных существ и еще раз провозгласил себя их богом. Они набросились на убитого кита, врубаясь в его тушу грубыми топорами, разрывая его плоть и с жадностью глотая кровь; поистине отвратительный ритуал.

Но Эррту все это нравилось.

За несколько часов бейлор и его новые слуги нашли подходящую плавучую льдину. Затем Эррту еще раз использовал возможности Креншинибона, и существа, уже начавшие поклоняться демону, прыгали вокруг него, выкрикивая его имя и падая ниц перед ним.

Ибо величайшей способностью Креншинибона было создавать точное свое подобие огромных размеров, кристаллическую башню — Кришал-Тирит. По приглашению Эррту существа обследовали все основание башни, но не нашли никакого входа в нее, поскольку только существа с других уровней могли обнаружить дверь в Кришал-Тирит.

Эррту сделал это и вошел. Без промедления демон вернулся в Бездну и открыл ворота, через которые смог пройти Бизматек, таща за собой беспомощного и измученного пленника бейлора.

— Добро пожаловать в мое новое королевство, — сказал Эррту несчастному. — Тебе понравится это место.

Говоря это, Эррту избивал пленника своим бичом, так что тот в конце концов потерял сознание.

Бизматек стонал от восторга, понимая, что веселье только начинается.

Они устраивались в своей новой твердыне в течение следующих нескольких дней. Эррту привел туда нескольких младших демонов и даже вел переговоры с другим могущественным танар'ри, шестирукой марилит, уговаривая ее присоединиться к ним.

Но при этом Эррту не забывал о своей главной цели, не позволяя опьянению абсолютной властью отвлечь его от того, ради чего, собственно, все и делалось. На одной из стен второго уровня башни было установлено магическое зеркало, и Эррту частенько смотрел в него, оглядывая местность. Велика была его радость, когда он выяснил, что Дзирт

До'Урден здесь, в Долине Ледяного Ветра.

Пленник, всегда находившийся рядом с Эррту, увидел в зеркале отражения дроу, девушки, рыжебородого дворфа и толстого хафлинга, и выражение его лица изменилось. Его взгляд впервые за много лет прояснился.

— Ты для меня большая ценность, — заметил Эррту, лишая его надежды, напоминая пленнику, что он не более чем орудие, товар для обмена. — Благодаря тебе я заставлю Дзирта До'Урдена прийти сюда и уничтожу его прямо у тебя на глазах, прежде чем уничтожу также и тебя. Это твоя судьба и твоя смерть!

Демон стонал в иступленном восторге и продолжал избивать пленника, пока тот не рухнул на пол.

— И ты тоже докажешь свою ценность, — сказал бейлор большому лиловому камню в своем кольце, служившему тюрьмой несчастной душе Стампет Скребущий Коготь. — Твое тело по крайней мере.

Захваченная Стампет слышала эти далекие слова, но ее душа пребывала в серой пустоте, откуда даже боги не могли услышать ее призывы.

* * *

Дзирт, Бренор и другие изумленно и беспомощно смотрели на возвращавшуюся Стампет. Лицо ее не выражало никаких эмоций. Она вошла в главный зал на самом верхнем уровне и застыла на месте.

— Ее душа исчезла, — высказала свою догадку Кэтти-бри, и все остальные, попытавшись вывести Стампет из этого оцепенения, даже нанося ей увесистые пощечины, не могли не согласиться с ней.

Дзирт провел много времени с жрицей, походившей теперь на зомби, задавая ей вопросы, пытаясь пробудить ее сознание. Бренор выслал из зала всех, кроме самых близких друзей, и, по иронии судьбы, среди них не было ни одного дворфа.

Подчиняясь импульсу, дроу попросил Реджиса дать ему драгоценную рубиновую подвеску, и тот с готовностью подчинился, снял с шеи заколдованную драгоценность и протянул ее Дзирту. Какое-то мгновение эльф любовался огромным рубином, беспрестанным кружением в нем маленьких огоньков, которые могли затянуть ничего не подозревающего зрителя в свои гипнотические глубины. Затем Дзирт поднял рубин к лицу жрицы и начал тихо и ласково говорить с ней.

Если она и слышала его, если она даже и видела рубиновый кулон, то никак не показала этого.

Дзирт оглянулся на своих друзей, будто желая сказать что-то, быть может, признать поражение, но затем лицо его просветлело на мгновение и вновь омрачилось.

— Ходила ли Стампет куда-либо в одиночку? — спросил он Бренора.

— Попробуй удержи ее на одном месте, — ответил дворф. — Она всегда ходит где-то, посмотри на ее мешок. Сдается мне, что она опять ходила туда, где можно на что-нибудь взобраться.

Быстрый взгляд на огромный мешок Стампет подтвердил слова рыжебородого дворфа. Мешок был набит едой, а также крюками, канатами и другими приспособлениями для скалолазания.

— А не поднималась ли она на Пирамиду Кельвина? — неожиданно спросил Дзирт, для которого все встало на свои места.

Кэтти-бри издала тихий стон, понимая, куда клонит дроу.

— Она не сводила с нее своих глаз с той минуты, как мы вошли в Десять Городов, — заявил Бренор. — Скорей всего она так и сделала, в любом случае она говорила об этом не так давно.

Дзирт глянул на Кэтти-бри, и девушка кивнула в знак согласия.

— О чем вы думаете? — пожелал узнать Реджис.

— Хрустальный осколок! — ответила Кэтти-бри.

Они тщательно обыскали Стампет, затем отправились в ее комнату и перевернули все вверх дном. Бренор призвал к себе другого жреца, который мог отыскивать магические предметы, но и его поиски оказались безрезультатными.

Затем они оставили Стампет со жрецом, который пытался применить различные заклинания, чтобы пробудить женщину или по крайней мере облегчить ее участь. Бренор отправил на поиски хрустального осколка всех дворфов, что работали в копиях, две сотни усердных парней.

Все, что им оставалось, было ждать и надеяться.

Поздно ночью Бренора разбудил жрец, страшно взволнованный тем, что Стампет только что ушла.

— И ты не остановил ее? — быстро спросил Бренор, с которого слетела вся сонливость.

— Пять дворфов преградили ей путь, — отвечал жрец, — но она просто продолжает идти, пытаясь прорваться.

Бренор разбудил троих друзей, и вместе они поспешили к выходу из рудников, где Стампет, с трудом передвигая ноги, пыталась выйти наружу и, отскакивая от живой баррикады из пяти дворфов, упрямо возвращалась туда же.

— Не можем ни утомить, ни убить ее, — пожаловался один из сдерживающих жрицу дворфов, увидев своего короля.

— Тогда просто держите ее! — зарычал Бренор.

Дзирт не был уверен, что это правильно. Он начинал догадываться, что здесь не простое совпадение. Каким-то образом дроу почувствовал: то, что случилось со Стампет, может иметь отношение к его возвращению в Долину Ледяного Ветра.

Он посмотрел на Кэтти-бри, увидев по ее ответному взгляду, что она разделяет его чувства.

— Отправимся в путь, — прошептал Дзирт Бренору. — Возможно, Стампет приведет нас куда-то.

Прежде чем солнце показалось из-за гор, Стампет Скребущий Коготь вышла из долины дворфов, направляясь на север через тундру, а за ней шли Дзирт, Кэтти-бри, Бренор и Реджис.

Именно так, как планировал Эррту, который наблюдал за их походом, сидя в Кришал-Тириг и глядя в магическое зеркало.

Демон взмахнул своей когтистой лапой, и изображение в зеркале стало серым и неразборчивым, а затем и вовсе исчезло. Затем Эррту поднялся на самый верхний уровень башни, в маленькую комнату, где в воздухе висел хрустальный осколок.

Эррту ощущал любопытство, которое испытывал артефакт, ибо демон установил телепатическую связь с Креншинибоном. Хрустальный осколок чувствовал его радость и хотел знать причину.

Посмеиваясь, Эррту закидал артефакт несовместимыми образами, отражая его попытки проникновения в свой мозг.

Но внезапно мозг демона испытал сильнейшее воздействие извне — это был сконцентрированный поток воли Креншинибона, который чуть не вырвал у Эррту историю Стампет. Могущественному бейлору пришлось мобилизовать всю свою ментальную энергию, чтобы противостоять этому призыву, и он понял, что у него уже не осталось сил, чтобы выйти из этой комнаты, он знал, что не сможет сопротивляться долго.

— Ты смеешь... — выдохнул демон, но атака хрустального осколка не ослабла.

Эррту продолжал выставлять заграждение из бессмысленных образов, понимая, на что он обречен, если Креншинибону удастся прочесть содержимое его мозга в этот момент. Он осторожно протянул за спину свою лапу, достав маленький мешок, который был прикреплен к самому нижнему когтю правого крыла.

Одним яростным движением Эррту извлек из-за спины мешок, разорвал его, достал шкатулку и открыл ее; черный сапфир выкатился в его лапу.

Атака Креншинибона усилилась, сильные ноги демона подкосились.

Но Эррту уже добрался до цели.

— Я — хозяин! — взревел демон, поднимая защищающий от магии драгоценный камень к Креншинибону.

Взрыв, который последовал вслед за этим, отбросил Эррту к стене, до основания сотряс и башню, и айсберг, на котором она стояла.

Когда рассеялась пыль, драгоценный камень исчез, просто исчез, оставив после себя лишь горстку бесполезного порошка в качестве напоминания о своем существовании.

«Никогда больше не делай таких глупостей!» — пришла телепатическая команда от Креншинибона, вслед за которой артефакт пообещал демону страшные мучения.

Эррту поднялся с пола, еле сдерживаясь от ярости и в то же время испытывая наслаждение. Мощь Креншинибона была огромна, ибо она уничтожила сапфир, не подверженный воздействию магии. И все же последующая команда Креншинибона, направленная бейлору, была уже не столь сильна. Эррту понял, что нанес ущерб хрустальному осколку, наиболее вероятно — временного характера. Этого было не избежать, решил демон. Он должен был здесь командовать, а не находиться в слепом подчинении у магического предмета!

«Скажи мне!» — вновь потребовал упрямый осколок, но, так же как и его предыдущее предупреждение демону, это телепатическое послание несло в себе мало силы.

Эррту открыто рассмеялся.

— Я здесь хозяин, а не ты, — заявил великий бейлор, выпрямляясь во весь свой гигантский рост. Его рога задели самую верхушку кристаллической башни. Эррту швырнул пустую шкатулку в кристалл, но промахнулся. — Я скажу тебе, когда мне этого захочется, и столько, сколько мне будет угодно!

Хрустальный осколок, большую часть энергии которого поглотила борьба с адским сапфиром, не смог вынудить демона открыть свои замыслы.

Эррту вышел из комнаты, продолжая смеяться, понимая, что он вновь контролирует ситуацию. В ближайшие дни ему следует уделить внимание Креншинибону, добиться его максимального подчинения. Креншинибон, вероятно, восстановит свою утраченную силу, а у Эррту больше не было защитных драгоценностей, чтобы швыряться ими в артефакт.

Если они будут союзниками, главным будет Эррту. Гордый бейлор не мог согласиться на меньшее.

Часть пятая СМЕРТЕЛЬНЫЕ ВРАГИ

Берктгар был прав.

Он был прав, приведя свой народ в Долину Ледяного Ветра, и прав даже в большей степени, вернувшись к древнему образу жизни. Конечно, в Сэттлстоуне варварам было хорошо: пищи больше, жилье лучше, соседи — друзья и союзники. Но в открытой тундре, где паслись олени, жил их бог. Там, в тундре, в земле, что хранила кости их предков, присутствовал их дух. В Сэттлстоуне варвары были богаче, но в тундре они были бессмертны и потому, безусловно, богаче духовно.

Поэтому Берктгар был прав, придя в Долину Ледяного Ветра и вернувшись к древнему образу жизни. Но прав был и Вульфгар, объединяя племена и выковывая союз с народом Десяти Городов, а особенно с дворфами. И, неосторожно уведя свой народ из Долины, он тоже был прав, пытаясь улучшить судьбу племен, хотя, возможно, они ушли слишком далеко от своего древнего образа жизни, пути, соответствующего духу варваров.

Вожди варваров приходят к власти, бросая открытый вызов, «по крови или по деянию». Так же они и управляют. По крови, руководствуясь мудростью

столетий, и по родству, продолжая следовать прежним курсом. Или по деянию, силой ли, телесной доблестью. И Вульфгар, и Берктгар заявили о своем праве: стать вождями по деянию. Вульфгар — убив дракона Ледяную Смерть, а Берктгар — взяв на себя управление Сэттлстоуном после смерти Вульфгара. На этом, однако, сходство заканчивается, ибо Вульфгар впоследствии управлял по крови, в то время как Берктгар продолжает управлять по деянию. Вульфгар искал, что будет лучше для его людей, всегда доверяя им: и когда они поддерживали его, и когда не одобряли выбранный им курс.

Берктгару не свойственно такое доверие, ни к своему народу, ни к самому себе. Он действует только силой и устрашением. Он был прав, вернувшись в Долину, и его народ признал бы эту истину и одобрил бы его курс, но он никогда не предоставил людям такой возможности.

Поэтому Берктгар допустил ошибку, у него не нашлось советчиков, которые показали бы ему недальновидность его пути. Возвращение к старому не должно быть полным. Не следует отказываться от того хорошего, что принесло с собой новое. Как это часто бывает, истина находится где-то посередине. Рэвйяк знал это, так же как и многие другие, особенно старшие члены племени. Однако они не могли ничего сделать, пока Берктгар правит по деянию, пока его власть лишена уверенности и потому доверия.

Многие члены племени, главным образом молодые и сильные мужчины, находятся под сильным впечатлением от могущества Берктгара, его решительного образа действий; их кровь бурлит, их души воспаряют.

Не придется ли им упасть вниз?

Лучший путь — живя по заветам предков, твердо придерживаться союзов, выкованных Вульфгаром. Это путь крови, путь мудрости!

Берктгар правит по деянию, а не по крови. Он поведет свой народ по древним путям, сражаясь с древними врагами.

Его путь — это дорога скорби.

Дзирт До'Урден

Глава 24 ПУТЕШЕСТВИЕ СТАМПЕТ

Дзирт, Кэтти-бри, Бренор и Реджис шагали вслед за Стампет, продолжавшей свой путь в состоянии транса. Она следовала по совершенно прямой линии, направляясь на северо-восток, как будто точно знала, куда идет, и двигалась без усталости в течение многих часов.

— Если она собирается идти весь день, мы за ней не угонимся, — заметил Бренор, глядя главным образом на Реджиса, который тяжело пыхтел и отдувался, стараясь поспеть за остальными.

— Ты мог бы вызвать Гвен, чтобы она преследовала ее, — предложила Кэтти-бри Дзирту. — Потом она могла бы вернуться и показать нам дорогу.

Поразмыслив, дроу покачал головой. Гвенвивар могла понадобиться для чего-то более важного, чем отслеживание жрицы, и ему не хотелось зря тратить драгоценное время пантеры на Материальном уровне. Эльф раздумывал над тем, чтобы схватить Стампет и связать ее, и он уже стал объяснять Бренору, что им следует поступить именно так, когда жрица внезапно села на землю.

Все четверо окружили ее, беспокоясь за ее состояние и опасаясь, что они прибыли в то место, где желал их видеть Эррту. Кэтти-бри приготовила Тулмарил к бою, тщательно осматривая полуденное небо в поисках демона.

Но все было спокойно, а небо — голубым и совершенно пустым, за исключением нескольких пушистых облаков, подгоняемых сильным ветром.

* * *

Киерстаад слышал, как его отец говорил с несколькими старшими мужчинами о походе Бренора и Дзирта. А точнее, юноша услышал, что его отец обеспокоен тем, что друзья вновь идут навстречу опасности. Тем же утром его отец с группой единомышленников покинул поселение варваров. Они сказали, что идут охотиться, но Киерстаад, мудрый не по годам, понял, в чем дело.

Рэвйяк последовал за Бренором.

Сначала молодой варвар был глубоко уязвлен тем, что отец не доверился ему, не предложил пойти с ним. Но, подумав о Берктгаре, гиганте, всегда живущем на грани насилия, Киерстаад понял, что он больше не нуждается в разрешении отца. Если Рэвйяк утратил славу рода Джорнов, тогда Киерстаад, Киерстаад-мужчина, намеревался вернуть ее. Власть Берктгара над племенем укреплялась, и только деяние героических масштабов обеспечит Киерстааду одобрение соплеменников, необходимое для того, чтобы воспользоваться Правом Вызова. Он решил, что наступил момент добиться этого, ибо знал, как поступил бы его мертвый кумир. Сейчас товарищи самого Вульфгара находились в снежной пустыне, и им была нужна помощь.

Настало время Киерстаада заявить о себе.

Он добрался до рудников дворфов в полдень и спокойно скользнул в маленькие штольни. Комнаты в основном были пусты, дворфы, как всегда, занимались добычей ископаемых и ремеслами. Их прилежание, очевидно, перевешивало возможную обеспокоенность за безопасность вождя. Сначала это показалось Киерстааду странным. Но затем он понял, что такое поведение дворфов показывало их уважение к Бренору, который не нуждался в присмотре и который в конце концов часто пускался в путь вместе со своими друзьями не дворфами.

Будучи уже знакомым с этим местом, Киерстаад легко нашел комнату Бренора. Вновь взяв в руки Клык Защитника, он ощутил надежность этого боевого молота и его поддержку и уверился в правильности избранного пути.

День стал уже клониться к вечеру, когда юному варвару удалось выбраться в открытую тундру с Клыком Защитника в руке. По всем расчетам, Бренор с товарищами опережали его на полдня, а Рэвйяк был в пути уже почти восемь часов. Но они, вероятно, просто шли, а Киерстаад был молод. Он побежал.

* * *

Передышка длилась весь остаток дня, пока Стампет также внезапно и неожиданно не встала на ноги и не побрела через пустынную тундру. Целеустремленность движения находилась в разительном противоречии с ее пустым, бездумным взглядом.

— Заботливый демон, дал нам отдохнуть, — с сарказмом заметил Бренор.

Никто из остальных не оценил его юмора: если Эррту устроил этот импровизированный отдых, тогда, вероятно, бейлор точно знал, где они находились.

Эта мысль неотвязно сопровождала каждый их шаг, пока вскоре нечто иное не привлекло внимание Дзирта. Он охранял группу с флангов, легко перемещаясь с одной стороны на другую, описывая широкие дуги. Через некоторое время он остановился и жестом пригласил Бренора присоединиться к нему.

— За нами идут, — заметил дроу.

Бренор кивнул. Не новичок в тундре, дворф уловил безошибочные признаки преследования: быстрые перемещения далеко в стороне, суету, возникавшую среди потревоженной чьим-то передвижением дичи.

— Варвары? — обеспокоенно спросил дворф. Несмотря на недавние трения, Бренор надеялся, что это Берктгар и его соплеменники. Тогда, по крайней мере, дворф знал бы, какие именно проблемы у него возникнут!

— Кто бы это ни был, он знает тундру — очень мало дичи было потревожено, и ни одного оленя. Гоблины не столь осторожны, а йети не преследуют, они нападают из засады.

— Значит, люди, — ответил дворф. — А единственные люди, достаточно хорошо знающие тундру, — это варвары.

Дзирт согласился.

Бренор вернулся к Кэтти-бри и Реджису, чтобы рассказать о возникших подозрениях, а Дзирт отправился описывать очередную широкую дугу вокруг отряда.

Они и в самом деле мало что могли предпринять: местность была слишком открытой и плоской для каких бы то ни было действий. Если это были люди Берктгара, то они наблюдали за ними скорее из любопытства, нежели с угрозой. Открытое столкновение с варварами могло лишь породить лишние проблемы.

Так друзья продолжали идти весь остаток дня и часть ночи, пока Стампет наконец не свалилась без сил на холодную и твердую землю. Друзья незамедлительно приступили к работе по обустройству лагеря. Они решили, что их отдых продлится несколько часов, а лето было на исходе, зимние холода стали наведываться в Долину Ледяного Ветра, особенно по ночам, которые постоянно удлинялись. Кэтти-бри укрыла Стампет тяжелым одеялом, чего та, погруженная в транс, казалось, не заметила.

На целый час установилась спокойная тишина.

— Дзирт? — прошептала Кэтти-бри, но как только она произнесла это, она сразу поняла, что дроу вовсе не спал. Он сидел неподвижно, с закрытыми глазами, но настороже, уже зная, что небольшое птицеподобное существо безмолвно планировало над их лагерем. Возможно, это была сова, в Долине Ледяного Ветра водились огромные совы, хотя их редко было видно.

Может быть, но ни один из них не мог позволить себе думать так.

Вновь послышался легкий, едва слышный шелест крыльев с севера, и тело, темнее, чем ночное небо, беззвучно пронеслось над их головами.

Дзирт молниеносно вскочил, его сабли вылетели из-за пояса. Существо среагировало тут же, резко взмахнув крыльями, чтобы увернуться от его смертоносных клинков.

Но от Тулмарила ему было не уйти.

Серебристая стрела прочертила ночное небо и вонзилась в неизвестное существо. Многоцветные искры осветили все вокруг, и в их свете Дзирт впервые разглядел незваного гостя. Это был бес, ослабленный, но не пораженный по-настоящему. Он тяжело приземлился, перекатился в сидячую позу, затем быстро подскочил, хлопая крыльями, как у летучей мыши, чтобы вновь подняться в воздух, прежде чем дроу достанет его.

Реджис зажег фонарь, осветивший все вокруг, Бренор и Дзирт окружили существо с флангов, а Кэтти-бри встала сзади с луком наготове.

— Мой хозяин говорил, что ты сделаешь это, — проскрежетал бес Кэтти-бри. — Эррту защищает меня!

— Я все же спустила тебя на землю, — ответила девушка.

— Почему ты здесь, Друзил? — спросил Дзирт, ибо он узнал беса, которого Кэддерли использовал в Храме Парящего Духа для сбора информации.

— Водишь знакомство с бесами? — спросил Бренор.

Дзирт кивнул, но не ответил, будучи слишком сосредоточенным на Друзиле, чтобы отшучиваться.

— Эррту не понравилось, когда он узнал, что я сказал Кэддерли, — проворчал Друзил в объяснение. — Теперь Эррту меня использует.

— Бедный Друзил, — сказал Дзирт с сарказмом. — Как печальна твоя судьба!

— Избавь меня от твоего притворного сочувствия, — проскрипел бес. — Мне очень нравится работать на Эррту. Когда мой хозяин покончит с тобой здесь, мы отправимся к Кэддерли. Может быть, Эррту даже сделает Храм Парящего Духа нашей твердыней!

Друзил хихикал при каждом слове, явно наслаждаясь высказываемыми мыслями.

Дзирт в свою очередь тоже едва сдерживал смех. Он был в Храме Парящего Духа и в полной мере оценил его мощь и безупречность. Не имело значения, насколько могущественным был Эррту, сколь многочисленны и сильны были его слуги. Демон не мог

победить Кэддерли, во всяком случае не там, в доме Денеира, в храме добра.

— Так ты признаешь, что Эррту стоит за этим походом и за бедами жрицы? — спросила Кэтти-бри, указывая на Стампет.

Друзил проигнорировал девушку.

— Глупец! — обратился он к Дзирту. — Неужели ты думаешь, что моего хозяина вообще заботит этот корм для скота? Нет, Эррту остается здесь только для того, чтобы встретиться с тобой, Дзирт До'Урден, чтобы ты смог заплатить за все те беды, которые ты принес ему!

Движение Дзирта было инстинктивным: быстрый шаг в сторону беса. Кэтти-бри подняла свой лук, а Бренор — топор.

Но Дзирт быстро успокоился, ожидая дополнительной информации, и, сдерживая своих друзей, поднял руку.

— От имени Эррту я предлагаю тебе сделку, — сказал Друзил, обращаясь только к Дзирту. — Твоя душа — в обмен на душу истязаемого и на душу этой женщины-дворфа.

То, как бес определил Закнафейна, назвав его истязаемым, поразило Дзирта в самое сердце. На мгновение искушение принять предлагаемую сделку почти полностью овладело им. Он стоял опустив голову, концы его сабель уперлись в землю. Несомненно, он охотно принес бы себя в жертву, чтобы спасти Закнафейна или Стампет. Мог ли он сделать что-то меньшее?

Но затем ему пришло в голову, что ни Закнафейн, ни Стампет не захотели бы, чтобы он поступил так, что никто из них не смог бы потом жить, зная о его жертве.

Дроу будто взорвался, действуя слишком быстро, так что Друзил не успел отреагировать. Сверкающий Клинок рассек крыло беса, а второй клинок, выкованный для сражения с существами из пламени, оставил на груди рванувшегося монстра длинную рану, забирая его жизненную силу.

Друзилу удалось отпрыгнуть в сторону, и он собирался было что-то произнести в отчаянной последней попытке сопротивления, но вся его магическая защита была уничтожена первой стрелой Кэтти-бри. Ее вторая стрела окончательно вернула его на землю. Дзирт оказался на месте через мгновение, и его сабля раскроила голову беса. Тот содрогнулся и стал исчезать из виду, превращаясь в черный едкий дым.

— Я не веду переговоров с обитателями нижних уровней, — пояснил дроу быстро приближавшемуся Бренору, который был недостаточно скор для того, чтобы принять участие в схватке.

Тем не менее Бренор успел опустить свой тяжелый топор на голову мертвого беса, прежде чем телесная форма Друзила окончательно исчезла.

— Ну и правильно, — согласился дворф.

Вскоре после этого Реджис удовлетворенно засопел, быстро уснула и Кэтти-бри. Дзирт не спал, предпочитая приглядывать за своими друзьями, хотя даже осторожный дроу не ожидал в ту ночь от Эррту новых нападений. Он обходил лагерь по периметру, часто поглядывая на яркие звезды, позволяя своему сердцу наслаждаться свободой, имя которой было Долина Ледяного Ветра. Именно в тот момент, наслаждаясь созерцанием подлинной красоты, Дзирт понял, почему на самом деле он вернулся и почему Берктгар и остальные обитатели Сэттлстоуна так хотели домой.

— Вряд ли ты обнаружишь много чудовищ, глядящих на нас из-за этих проклятых звезд, — донесся до него сзади резкий шепот. Дзирт повернулся, к нему приближался Бренор. Дворф уже надел свой боевой наряд: его однорогий шлем был наклонен на одну сторону, а топор, отмеченный множеством зарубок, комфортно лежал на плече, в преддверии предстоящего похода.

— Бейлоры могут летать, — напомнил ему Дзирт, хотя оба они знали, что Дзирт смотрел в небо не только для того, чтобы выследить врага.

Бренор кивнул и встал рядом с другом. Наступило долгое молчание, каждый из них был наедине с ветром и звездами. Дзирт чувствовал мрачное настроение Бренора и понимал,

что дворф покинул лагерь, чтобы что-то сказать ему.

— Я должен был вернуться, — молвил наконец Бренор.

Дзирт взглянул на него и кивнул, но Бренор все еще смотрел в небо.

— Гэндалуг получил Мифрил Халл, — заметил Бренор, это прозвучало для Дзирта так, будто рыжебородый дворф приносил извинения. — Он принадлежит ему по праву.

— А у тебя есть Долина Ледяного Ветра, — добавил Дзирт.

Тогда Бренор повернулся к нему, будто собираясь пуститься в дальнейшие объяснения. Но один лишь взгляд в бледно-лиловые глаза дроу сказал ему, что этого не нужно. Дзирт понимал Бренора и его поступки. Дворф должен был вернуться. Вот и все, что ему нужно было сказать.

Они провели вдвоем остаток ночи, стоя на прохладном ветру, разглядывая звезды, пока первые лучи рассвета не затмили это величественное зрелище или, скорее, не заменили его другим. Стампет вскоре поднялась и вновь зашагала, как зомби. Друзья разбудили Кэтти-бри и Реджиса, и все вместе пустились в погоню.

Глава 25 К АЙСБЕРГАМ

За горным хребтом они увидели айсберги и льдины, которые плавали в темных водах Моря Плавающего Льда. Логика подсказала друзьям, что цель путешествия, должно быть, близка. Они знали, что Креншинибон создает башни; другим именем артефакта было Кришал-Тирит, что на эльфийском языке означало «кристаллическая башня». Горный хребет закрывал от них береговую линию, но, несомненно, любая башня, находившаяся у моря, уже была бы видна.

Стампет, казалось не замечавшая ничего вокруг, продолжала свой путь к морю. Она первой взобралась на хребет, и друзья поспешили за ней, но неожиданно всех их накрыл град обледенелых комьев снега.

Реакция Дзирта была моментальной: он ловко уклонялся, мечась вправо и влево, наклоняясь и отражая летящие в него ледяные снаряды своими саблями. Реджис и Кэтти-бри прижались к земле, но двум дворфам, особенно бедной Стампет, которая продолжала идти, досталось очень сильно. На ее лице появились кровавые следы, она зашаталась.

Кэтти-бри, оправившись от шока, вскочила и бросилась вперед, повалив Стампет на землю и прикрыв ее своим телом.

Атака прекратилась так же неожиданно, как и началась.

Дзирт положил фигурку из оникса на землю перед собой, спокойно призывая свою союзницу-пантеру. И тут он увидел врагов, все они увидели, хотя никто из них не понял, что это за существа. Они появились как призраки, скатываясь с белого льда на все еще бурый берег так плавно, что казались неотъемлемой частью этой земли. Существа были человекообразными, большими и сильными, покрытыми косматым белым мехом.

— Я бы тоже не отличался гостеприимством, будь я так же уродлив, — заметил Бренор, приближаясь к Дзирту, чтобы обсудить с ним следующий шаг.

— Ты и так не отличаешься, — фыркнул Реджис, распростертый на земле.

Ни у дроу, ни у дворфа не оказалось времени, чтобы ответить хафлингу. Все больше и больше врагов прибывало с ледяного моря, угрожая им с правого и левого флангов: их число превысило сорок, затем шестьдесят, и они продолжали подходить.

— Думаю, придется отступить, — сказал Бренор.

Дзирту была ненавистна эта мысль, но, казалось, выбирать им не приходилось. Он со своими друзьями мог нанести противнику значительный урон, но им противостояло не менее сотни этих существ. Они явно не были тупыми тварями, передвигались организованно и проворно.

Гвенвивар уже стояла рядом со своим хозяином, готовая к битве.

— Может, нам удастся напугать их, — прошептал Дзирт Бренору и послал пантеру

вперед.

Град ледяных снарядов обрушился на черные бока несущейся пантеры, и даже те существа, которые оказались у нее на пути, не отступили, не дрогнули. Двое из них остались лежать на снегу, но остальные сомкнули свои ряды, колотя пантеру тяжелыми дубинами. Вскоре Гвенвивар пришлось отступить.

Тем временем Кэтти-бри отпустила Стампет, которая незамедлительно возобновила свое движение вперед, пока Реджис опять не свалил ее на землю. Девушка натянула тетиву Тулмарила, быстро огляделась и направила стрелу прямо между широко расставленными ногами огромного существа слева от нее. Милосердная Кэтти-бри хотела лишь напугать монстров и была удивлена жестоким ответом. Гуманоид не отступил, будто ему было все равно, жить или умереть, а ответил, одновременно с двумя десятками стоявших рядом, бросками ледяных снарядов.

Кэтти-бри упала на землю и покатилась, но все же получила несколько ударов. Один из снежков, попавший в висок, почти лишил ее сознания. Оправившись от удара, она подбежала к Дзирту и остальным.

— Я думаю, что наш путь просто ведет в другую сторону, — заметила она, потирая синяк на лбу.

— Настоящий воин знает, когда отступить, — согласился Дзирт, но его глаза продолжали осматривать айсберги на темном море, выискивая хотя бы намек на Кришал-Тирит, признак того, что Эррту где-то рядом.

— Не будет ли кто-нибудь любезен сказать это проклятой жрице! — донесся голос взволнованного Реджиса, крепко ухватившегося за одну из сильных ног Стампет. Околдованная жрица шла вперед, таща хафлинга за собой по тундре.

Тем временем существа продолжали обходить их с флангов, неся с собой ледяные шары, и друзья подозревали, что на сей раз они не ограничатся только обстрелом, а будут атаковать всерьез.

Надо было уходить, но им явно не удастся увести с собой Стампет. А если оставить жрицу, то ее наверняка убьют.

* * *

— Это ты их выслал! — зарычал Эррту, обращаясь к хрустальному осколку, парившему в воздухе в комнате на самом верху Кришал-Тирит.

В свое магическое зеркало бейлор видел, как его слуги, таэры, преградили путь Дзирту До'Урдену, чего Эррту совершенно определенно не хотел.

— Признавайся! — ревел демон.

«Ты рискуешь, связавшись с этим бродягой-дроу, — пришел телепатический ответ. — Я не могу этого позволить».

— Таэрами командую я! — вопил Эррту. Демон, конечно, знал, что чувствительный хрустальный осколок «слышит» его мысли, но Эррту в этот грозный миг требовалось излить свой гнев вслух. — Неважно, — решил демон мгновением позже. — Дзирт До'Урден не слабый противник. Он и его товарищи обратят таэров в бегство. Ты не остановишь его!

«Они — орудия, не обладающие способностью думать, — пришел небрежный и уверенный ответ Креншинибона. — Они подчиняются моему приказу и будут сражаться до смерти. Дзирт До'Урден остановлен».

Эррту не подверг это заявление сомнению. Креншинибон, хотя определенно и ослабленный схваткой с черным сапфиром, имел достаточно сил, чтобы властвовать над безмозглыми таэрами. А эти существа, числом более сотни, были слишком сильны и слишком многочисленны, чтобы Дзирт и его друзья справились с ними. Конечно, быстроногий дроу и девчонка могли удрать, но Стампет была обречена, так же как Бренор Боевой Топор и толстый хафлинг.

Эррту раздумывал, не использовать ли ему свои магические способности, чтобы

оказаться на берегу и встретиться с дроу лицом к лицу.

Но Креншинибон легко прочел его мысли, и изображение в магическом зеркале исчезло, так же как и магические способности Эррту к перемещению в пространстве, так что бейлор даже не был уверен, где именно находится тот самый берег. Он, конечно, мог бы использовать крылья и, в общем, имел представление о том, где Стампет должна была войти в Море Плавающего Льда, но понял, что к тому времени, как он попадет туда, Дзирт До'Урден, вероятно, будет мертв.

Демон со злостью повернулся к хрустальному осколку, но Креншинибон встретил его ярость потоком утешающих мыслей, обещаниями великой власти и славы.

Наделенный чувствами, артефакт так и не постиг степени ненависти Эррту, не понял того, что самой важной причиной появления демона на Материальном уровне была месть Дзирту До'Урдену.

Бессильный и растерянный, Эррту вышел из комнаты.

* * *

— Мы не можем бросить Стампет, — сказала Кэтти-бри, и, разумеется, Дзирт и Бренор согласились с ней.

— Не жалей их! — велел дроу. — Стреляй на поражение!

Тут на них обрушился новый град ледяных шаров. Бедной Стампет досталось несколько, Реджису попало по голове, и он отпустил жрицу. Она побрела вперед, пока в нее не попали три снаряда одновременно, уложив женщину на месте.

Кэтти-бри убила двух таэров, одного за другим, а затем бросилась к Дзирту, Бренору и Гвенвивар, которые образовали защитное кольцо вокруг Стампет и Реджиса. Запасы ледяных снарядов у таэров иссякли, и они бесстрашно пошли в атаку, размахивая дубинами и завывая, как северный ветер.

— Там только сотня этих проклятых тварей! — бушевал Бренор, поднимая свой топор.

— И четверо нас! — крикнула Кэтти-бри.

— Пятеро, — поправил Реджис, упрямо поднимаясь на ноги.

Гвенвивар зарычала. Кэтти-бри выстрелила, убив еще одного таэра.

«Возьми меня в руку!» — донеслась до нее отчаянная мысленная просьба Хазид'хи.

Девушка послала еще одну стрелу, но затем существа оказались слишком близко. Она бросила драгоценный лук и извлекла свой страждущий меч.

Дзирт сражался впереди нее: он нанес таэру двойной удар в горло, затем бросился, развернувшись, на колени и глубоко всадил Сверкающий Клинок в брюхо врага. Вторым клинком он нанес страшный продольный удар другому монстру, позади себя, ринувшемуся было на Кэтти-бри. Острое лезвие Хазид'хи, направленное уверенной рукой девушки, завершило дело, снеся таэру половину черепа и разрубив его шею.

Но толпа монстров быстро смыкалась вокруг них, отрезая путь к спасению.

Они думали, что обречены... пока не услышали дружный клич: «Темпос!» Это были Рэвйяк и с ним двадцать пять воинов, которые нанесли жестокий удар по таэрам, их огромные мечи косили изумленных косматых монстров рядами.

Реджис выкрикнул приветствие пришедшему подкреплению, но дубина таэра, тяжело опустившаяся ему на плечо, заставила его умолкнуть. Трое монстров нависли над хафлингом, рухнувшим на землю, собираясь забить его до смерти, но Гвенвивар прыгнула на них сбоку, сбив с ног, и начала рвать их всеми своими когтистыми лапами. Четвертый таэр проскользнул мимо поверженной троицы в поисках хафлинга и жрицы, но встретил взревшего Бренора, а точнее, его безжалостный топор.

Оцепеневший Реджис был рад увидеть сапоги Бренора, когда дворф встал над ним, расставив свои крепкие ноги по обе стороны его неподвижного тела.

Теперь Дзирт и Кэтти-бри, два друга, которым доводилось сражаться рядом в течение многих лет, снова бились бок о бок.

Кэтти-бри поймала свободной рукой дубину таэра и, описав Хазид'хи короткую дугу, отрубила вторую руку монстра ниже плеча. К ее удивлению и ужасу, несмотря на это, таэр продолжал ломиться вперед, а справа от него возник второй монстр. По-прежнему удерживая рукой дубину первого таэра, Кэтти-бри еще раз взмахнула мечом, на сей раз выше, наполовину разрубив шею противника. В это мгновение она увидела занесенную над ней дубину второго таэра и, не в силах защититься от ее удара, закрыла глаза. Этот удар парировала сабля Дзирта. Предельно изогнувшийся дроу послал клинок навстречу опускавшейся дубине и, отбив ее, тут же вернулся к двум чудовищам, с которыми он сражался. Открыв глаза, Кэтти-бри резко повернулась лицом ко второму таэру, одновременно завершая свой удар по шее первого и снеся его голову с плеч, сделала быстрый выпад вперед, глубоко погрузив Хазид'хи в грудь своего противника.

Таэр упал на спину, но на его месте появились двое других.

По мере того как пространство вокруг Бренора заполнялось телами и отрубленными конечностями монстров, дворфу изрядно доставалась от их дубин.

— Шесть! — воскликнул он, когда его топор погрузился в покатый лоб очередного таэра, но тут же получил сильный удар в спину. Это было очень, очень больно, но Бренор знал, что должен превозмочь боль. Тяжело дыша, он развернулся и, описав топором, который держал обеими руками, полукруг, всадил его таэру в бок, как если бы перед ним было дерево.

Таэра отбросило в сторону, а затем он будто переломился надвое и свалился бездыханным.

Бренор услышал рычание у себя за спиной и был рад тому, что Гвенвивар, разобравшись с очередным противником, защищала его сзади.

Затем он услышал новый клич, призыв к богу варваров, когда Рэвйяк и его воины присоединились к его товарищам. Теперь кольцо вокруг Реджиса и Стампет было надежным, оборона стала достаточно прочной, чтобы Гвенвивар смогла врезаться в ряды таэров мускулистым черным шаром, несущим смерть. Дзирт и Кэтти-бри прорубились сквозь первую линию наступавших и принялись за вторую линию.

В течение нескольких минут с таэрами было покончено: они были либо мертвы, либо пригвождены к земле многочисленными страшными ранами, не в состоянии продолжать сражение, несмотря на непрекращавшийся поток команд Креншинибона.

К этому времени Стампет пришла в себя и поднялась на ноги, чтобы упрямо продолжать свой путь.

Дзирт, который стоял, опустившись на одно колено, и пытался восстановить дыхание, позвал Рэвйяка. Тот немедленно приказал двум самым сильным воинам приподнять жрицу над землей. Стампет, не оказывая сопротивления, смотрела вперед ничего не выражавшим взглядом и не переставая двигала ногами в воздухе.

Дзирт и Рэвйяк обменялись улыбками, но тут голос, хорошо знакомый обоим, проревел:

— Измена!

Это был Берктгар во главе отряда воинов, более чем вдвое превышавшего по численности отряд Рэвйяка.

— Жизнь становится все лучше и лучше! — сухо заметила Кэтти-бри.

— Закон, Рэвйяк! — неистовствовал Берктгар. — Ты знал его и ты не повиновался!

— Бросить Бренора и его друзей умирать? — недоверчиво спросил Рэвйяк, не проявляя никакого страха, хотя товарищам показалось, что сражение вскоре может возобновиться. — Никогда я не выполню такой приказ, — уверенно продолжал старый вождь. Воины, стоявшие рядом с ним, многие из которых получили жестокие раны в бою с таэрами, единодушно поддерживали его. — Некоторые из наших людей не забывают дружеских отношений с Бренором и Кэтти-бри, с Дзиртом До'Урденем и всеми остальными, — закончил Рэвйяк.

— Некоторые из нас не забывают войн с народом Бренора и народом Десяти

Городов, — парировал Берктгар, и его отряд поддержал заявление вождя злыми выкриками.

— С меня хватит! — прошептала Кэтти-бри, и, прежде чем Дзирт мог остановить ее, она уверенным шагом подошла к огромному варвару. — Ты много потерял в моих глазах, — вызывающе сказала она.

Возгласы, раздавшиеся из-за спины вождя варваров, толкали его на то, чтобы отшвырнуть эту дерзкую женщину в сторону. Но здравый смысл помог Берктгару сохранить самообладание. Ибо не только сама Кэтти-бри была грозным противником, как он лично убедился в Сэттлстоуне, когда она нанесла ему поражение в схватке, но за ней стояли Дзирт и Бренор. И ни одному из них варвару не хотелось бы противостоять. Берктгар понимал, что, если он только тронет Кэтти-бри, единственным, кто спасет его от дроу, будет кинувшийся на варвара Бренор.

— Когда-то я уважала тебя, — продолжала Кэтти-бри, и Берктгар был удивлен неожиданным изменением ее тона. — Ты заслуженно занял место Вульфгара. По делам своим и по мудрости. Без твоего управления племя затерялось бы там, вдали, в Сэттлстоуне.

— Который нам не подходил, — быстро вставил Берктгар.

— Согласна, — сказала Кэтти-бри, вновь застав его врасплох. — Ты правильно поступил, вернувшись в долину и к вашему богу, но не к древним врагам. Вспомни правду о моем отце, Берктгар, и правду о Дзирте.

— Оба они — убийцы моих соплеменников.

— Только тогда, когда твои соплеменники пришли убивать, — не уступала ни на дюйм Кэтти-бри. — Разве мы трусы, что защищали свои дома и свою родню? Ты раздражен тем, что мы сражались лучше, чем твои родичи?

Дыхание Берктгара стало прерывистым от переполнявшей его злобы. Дзирт услышал это и молниеносно присоединился к Кэтти-бри. Он слышал каждое слово этого разговора и знал, в какое русло направить его сейчас.

— Я знаю, что ты сделал, — сказал дроу. Берктгар застыл, приняв эти слова за обвинение. — Чтобы установить контроль над объединенным племенем, ты был вынужден дискредитировать своего предшественника. Но я предупреждаю тебя, ради всего хорошего, что есть в нашей Долине, не позволяй себе запутаться в собственной полуправде. Имя Берктгара с благоговением произносят в Мифрил Халле и Серебристой Луне, в Широкой Скамье и Несме, даже в Десяти Городах и рудниках дворфов. Твои подвиги в Долине Хранителя не будут забыты, хотя ты, кажется, забываешь союз с народом Бренора и то хорошее, что он принес. Взгляни на Рэвйяка — мы обязаны ему своими жизнями — и решай, Берктгар, какой путь лучший для тебя и твоих людей.

Теперь Берктгар успокоился, и Кэтти-бри, и Дзирт знали, что это добрый знак. Он не был глупцом, хотя зачастую позволял чувствам влиять на свои суждения. Гигант бросил взгляд на Рэвйяка и непоколебимых воинов, стоящих позади него, несколько потрепанных в бою и все же не выдававших никакого страха перед лицом воинов Берктгара, определенно превосходящих их числом. Самым важным для него было то, что ни Дзирт, ни Кэтти-бри не отрицали его права быть вождем. Казалось, что они хотели сотрудничать с ним, а Кэтти-бри даже при всех сравнила его с Вульфгаром!

— И пусть молот останется у Бренора, на своем законном месте! — рискнула настоять Кэтти-бри, как будто читая мысли Берктгара. — Твой собственный меч — вот оружие твоего племени, и о нем будет ходить не меньше легенд, чем о Клыкe Защитника, если Берктгар сделает правильный выбор.

Этому искушению Берктгар не мог противиться. Он явно смягчился, так же как и не сводившие с него глаз воины, и Дзирт понял, что важное испытание пройдено успешно.

— Ты поступил мудро, последовав за Бренором и его товарищами, — громко сказал Берктгар Рэвйяку, и это прозвучало настоящим извинением со стороны гордого варвара.

— А ты был не прав, отвергая нашу дружбу с Бренором, — ответил Рэвйяк. Дзирт и Кэтти-бри напряглись, подумав, не слишком ли сильно и быстро двинулся вперед Рэвйяк.

Но Берктгар не принял слова старого вождя близко к сердцу, не ответил на выпад. Он

не показал своего согласия, но и не стал защищаться.

— А сейчас возвращайся с нами, — попросил он Рэвйяка.

Тот взглянул на Дзирта, затем на Бренора, понимая, что им все еще нужна его помощь. Двое его людей, в конце концов, все еще держали в воздухе Стампет.

Берктгар сначала посмотрел на Рэвйяка, затем, вслед за ним, на Бренора, а потом обратил свой взгляд на берег, видневшийся неподалеку.

— Вы выходите в Море Плавучего Льда?

Бренор в замешательстве бросил взгляд на Стампет.

— Похоже, что так, — признал он.

— Мы не можем сопровождать вас, — прямо сказал Берктгар. — И это не мой выбор, а завет наших предков. Никто из членов племени не может выходить на плавающую землю.

Рэвйяк был вынужден кивнуть в знак согласия. Древний указ, конечно, был вызван чисто практическими соображениями. Ведь мало что можно было найти, но много потерять, выходя на опасные плавучие льдины, территорию белых медведей и огромных китов.

— Мы не просим вас идти туда, — быстро вставил Дзирт, и его товарищи, казалось, были удивлены этим. Они собирались сразиться с бейлором и всеми его слугами, и армия могучих варваров пришлась бы весьма кстати! Но Дзирт знал, что Берктгар не пойдет против древнего закона, и он не хотел усугублять раскол Рэвйяка с вождем, не хотел подвергать риску то улучшение их отношений, которое началось здесь. Кроме того, никто из воинов Рэвйяка не был убит в сражении с таэрами, но вряд ли так будет, если они последуют за Дзиртом к Эррту. А на руках у Дзирта До'Урдена было уже достаточно крови. Предстоящее сражение касалось только его одного. Скиталец-дроу предпочел бы сразиться с бейлором один на один, но знал, что Эррту не станет биться в одиночку, и не мог лишать своих ближайших друзей возможности быть рядом с ним, когда он выйдет на бой с врагом.

— Но ты признаешь, что твой народ обязан был сделать для Бренора по крайней мере это? — спросила Кэтти-бри.

И вновь Берктгар не ответил, но его молчание, то, что он не высказал протеста, уже само по себе было согласием.

Друзья перевязали, как могли, свои раны, попрощались и поблагодарили варваров. Люди Рэвйяка отпустили Стампет, и она возобновила свое движение. Друзья пошли за ней.

Племя Лося повернуло на юг. Берктгар и Рэвйяк шагали бок о бок.

* * *

Некоторое время спустя берег моря с сотней раздувшихся под солнцем тел таэров, этот пейзаж после битвы, предстал глазам Киерстаада. Ему не понадобилось много времени, чтобы понять, что здесь произошло. Очевидно, варвары, с его отцом во главе, присоединились к группе Бренора в этом сражении, а по многочисленным отпечаткам ног Киерстаад догадался, что здесь побывал и другой отряд, определенно под командой Берктгара.

Юноша посмотрел на юг, гадая, не возвращается ли его отец в лагерь под охраной как пленник. Он почти уже повернул в ту сторону, чтобы броситься в погоню, но другие следы — двух дворфов, дроу, женщины, хафлинга и пантеры — заставили его пойти на север.

С Клыком Защитника в руке, юный варвар спустился на холодный берег, а затем двинулся по еле заметной тропе, пролегающей по плавающим льдинам. Он знал, что нарушил древние заветы предков, но выбросил это из головы. В мыслях и чувствах он уже видел себя наследником славы Вульфгара.

Глава 26 НЕ ВРАСПЛОХ

Глабрезу был непоколебим, не отступая от своих слов, несмотря на усиливающиеся

угрозы со стороны раздраженного Эррту.

— Дзирт До'Урден и его друзья миновали таэров, — продолжал настаивать Бизматек, — оставив их изрубленными на равнине.

— Ты сам это видел? — вопрошал Эррту в пятый раз, беспрестанно сжимая и разжимая от ярости кулаки.

— Я видел это, — отвечал Бизматек без колебаний, хотя и осторожно отступив от бейлора. — Таэры не остановили их, лишь немного замедлили продвижение. Они действительно могущественны, эти враги, которых ты выбрал.

— А женщина-дворф? — спросил Эррту, его разочарование быстро уступило место злобе. Говоря это, бейлор указал на свое кольцо, украшенное большим камнем, чтобы показать, что он имеет в виду жрицу, душу которой держит в плену.

— Все еще ведет их, — ответил Бизматек со свирепой усмешкой. Глабрезу радовался тому пылу и чудовищной злобе, которые вернули блеск глазам Эррту.

Бейлор завершил разговор с глабрезу эффектным взлетом, громко хлопая своими кожистыми крыльями. Приземлившись на площадке открытого первого уровня кристаллической башни, он отправился вверх по лестнице, его снедало раздражение и сильнейшее желание указать Креншинибону на его неудачу.

— Эррту выбрал достойных противников, — вновь заметил Бизматек, наблюдая за отбытием бейлора.

Другая танар'ри, пребывавшая в самом нижнем уровне башни шестирукая женщина, нижняя часть тела которой была змеиной, ухмыльнулась, явно не испытывая сходных ощущений. С ее точки зрения, среди смертных Материального уровня просто не было достойных врагов.

Войдя в маленькую комнату на самом верхнем уровне башни, демон сначала проследовал к узкому окну и выглянул наружу в надежде увидеть приближающуюся жертву. Эррту собирался сделать Креншинибону драматичное заявление, но возбуждение демона выдало его мысли артефакту.

«Твой путь остается опасным», — предупредил хрустальный осколок.

Отвернувшись от окна, Эррту громко и хрипло засмеялся.

«Ты не должен потерпеть неудачу, — продолжал Креншинибон. — Если ты и твои слуги будут разбиты, тогда потерплю поражение и я, попав в руки тех, кто знает мою природу и...»

Продолжавшийся смех Эррту прервал поток телепатических посланий артефакта.

— Я встречался с такими, как Дзирт До'Урден, прежде, — сказал великий бейлор с диким рычанием. — Он познает подлинное горе и настоящую боль, прежде чем я подарю ему избавление в смерти. Он увидит гибель тех, кого любит, тех, кто был безрассуден настолько, что отправился сопровождать его, и того, кого я держу в заточении. — Огромный демон злобно повернулся к окну. — Что за врага ты себе нажил, безрассудный бродяга-дроу! Приди же ко мне, чтобы я мог осуществить свою месть и предать тебя каре, которую ты заслуживаешь!

Произнеся это, Эррту поддал ногой маленькую шкатулку, все еще валявшуюся на полу после того, что произошло между хрустальным осколком и черным сапфиром. Он уже выходил из комнаты, когда ему в голову пришла важная мысль. Вскоре он встретится лицом к лицу с Дзиртом и всеми его спутниками, включая жрицу. А если Стампет ненароком приблизится к драгоценному камню демона, то ее душа сможет вновь воссоединиться с ее телом.

Эррту снял кольцо и показал его Креншинибону.

— Жрица дворфов, — объяснил демон. — Здесь ее душа. Властвуй над ней и окажи мне любую помощь, какую сможешь!

Эррту бросил кольцо на пол и стремительно покинул комнату, отправившись к своим слугам, чтобы подготовиться к прибытию Дзирта До'Урдена.

Креншинибон остро ощущал ярость танар'ри и ту абсолютную злобу, которая

составляла сущность могучего Эррту. Дзирт и его друзья, казалось, победили таэров, но что они представляли собой по сравнению с такими, как бейлор?

А Эррту имел могущественных союзников, которые сейчас также поджидали появления противников, — хрустальный осколок знал это.

Креншинибон был удовлетворен, он чувствовал себя в полной безопасности. А мысль об использовании Стампет против ее спутников показалась злобному артефакту весьма привлекательной.

* * *

Стампет продолжала идти по ненадежному, разбитому льду, перепрыгивая промоины. Попадая иногда в ледяную воду, она вытаскивала оттуда ноги, не обращая ни малейшего внимания на леденящую сырость.

Дзирт понимал все опасности, связанные с водой. Ему хотелось остановить Стампет и стянуть с нее сапоги, завернув ее ноги в теплые и сухие одеяла. Дроу отказался от этой мысли, подумав, что если бы замерзшие пальцы ног были худшим из их бедствий, то дела определенно обстояли бы значительно лучше, чем он надеялся. А сейчас самым лучшим, что он мог сделать для Стампет, для всех них, было добраться до Эррту и покончить с ним навсегда.

Одну руку дроу держал в кармане во время движения, ее пальцы касались сложных узоров фигурки из оникса. Он отослал Гвенвивар домой вскоре после битвы с таэрами, предоставив пантере возможность хоть немного отдохнуть перед следующим сражением. Теперь, озираясь по сторонам, дроу подвергал сомнению мудрость своего решения, чувствуя себя беззащитным в этой незнакомой местности.

Пейзаж казался порождением дурного сна: вокруг не было ничего, кроме зубчатых белых холмов — некоторые из них достигали сорока футов в высоту — и длинных полотнищ плоской белизны, зачастую изрезанных темными линиями.

Они шагали уже часа два, все дальше отходя от берега, когда погода изменилась. Сгустились темные зловещие облака, ветер хлестал жестче и холоднее. И все же друзья продвигались вперед, взбираясь по одним склонам конических айсбергов и съезжая вниз по противоположным склонам. Они добрались до такого места, где было больше темной воды и меньше льда, и там впервые увидели свою цель: далеко на северо-западе, над конусами айсбергов, светилась кристаллическая башня, сверкая даже в сумрачно-сером дневном свете. Без сомнения, башня была явно не природного происхождения, и хотя на первый взгляд и казалось, что она состоит из льда, она все же выглядела неестественной и явно выделялась среди суровой, окоченевшей белизны айсбергов.

Бренор покачал головой.

— Слишком много воды, — объяснил он, показывая на запад. — Следовало бы идти прямо в том направлении.

Судя по всему, дворф был прав. Они шли главным образом на север, а плавучие льдины более плотно располагались в западном направлении.

Однако они не сами выбирали направление своего движения, а Стампет в забытьи продолжала идти на север, и казалось, что вскоре ее остановит широкая полоса чистой ото льда воды.

Но восприятие в этом нереальном и незнакомом ландшафте могло быть очень обманчивым. Внезапно обнаружился длинный ледяной мост через водное пространство, ведущий в сторону кристальной башни. Когда они пересекли его, то оказались в зоне, сплошь забитой айсбергами, а Кришал-Тирит виднелся где-то в четверти мили от них.

Дзирт вновь призвал Гвенвивар. Бренор сбил Стампет с ног и сел на нее, а Кэтти-бри вскарабкалась на самый высокий из ближайших к ним пиков, чтобы осмотреться.

Башня возвышалась на огромном коническом айсберге тридцатифутовой высоты. Девушка поняла, что они смогут добраться до этого айсберга с юго-запада, по узкой полосе

льда футов двенадцати шириной. К западу от башни находился другой айсберг, — вероятно, достаточно близко, чтобы перепрыгнуть с него на тот, где высилась башня, но в основном твердыня демона была окружена водой.

Кэтти-бри отметила еще кое-что: вход в пещеру на южной стороне конического пика, располагавшийся почти напротив башни на другой стороне айсберга. Он находился на высоте по крайней мере человеческого роста над широкой плоской зоной на южном склоне айсберга, зоной, которую им предстояло пересечь, зоной, которая вскоре, казалось, станет смертельной. Девушка со вздохом спустилась вниз и рассказала обо всем виденном друзьям.

— Слуги Эррту встретят нас вскоре после того, как мы пересечем последнее отделяющее нас пространство, — заключил Дзирт, и Кэтти-бри, выражая свое согласие, сопровождала кивком каждое его слово. — Нам придется сражаться с ними на всем пути до входа в пещеру и еще больше — внутри нее.

— Ну тогда пошли, — проворчал Бренор. — Мои проклятые ноги мерзнут.

Кэтти-бри посмотрела на Дзирта, будто хотела услышать о каких-то других возможностях. Однако таковых было не густо. Даже если прыжок с айсберга на айсберг был возможен для Кэтти-бри, Дзирта и Гвенвивар, Бренор, в его тяжелом вооружении, и толстый Реджис не могли и надеяться осуществить его. И если бы они отправились тем путем, Стампет, которая могла лишь идти, но не прыгать, осталась бы одна.

— От меня в открытом бою будет не много толку, — спокойно сказал Реджис.

— Прежде это никогда не останавливало тебя! — зарычал Бренор, решив, что хафлинг струсил. — Ты думаешь здесь отсидеться...

Подняв руку, Дзирт остановил дворфа, догадавшись, что находчивый хафлинг задумал что-то важное и неожиданное.

— Если бы Гвенвивар смогла перенести меня через это пространство, я бы спокойно подобрался к башне, — объяснил Реджис.

Лица друзей просветлели, когда они начали размышлять над открывающимися перед ними возможностями.

— Я прежде бывал в Кришал-Тирит, — продолжал Реджис. — И знаю, как пробраться через башню и как одержать победу над хрустальным осколком, если я доберусь до него.

Говоря это, он смотрел на Дзирта. Реджис был вместе с Дзиртом на равнине к северу от Брин Шандера, когда дроу разгромил башню Акара Кессела.

— Почти безнадежно, — заметил Дзирт.

— Да, — сухо согласился Бренор. — Совсем не то, что пройти сквозь орду танар'ри.

Это вызвало улыбку у всех членов группы, довольно, впрочем, натянутые.

— Позволь Стампет подняться, — попросил Бренора Дзирт. — Она поведет нас по тому пути, который выбрал Эррту. А ты, — добавил он, обращаясь к хафлингу, — да пребудет с тобой Гваэрон Виндстром, служитель Миликки и покровитель странников. Гвенвивар доставит тебя на место. Пойми, мой друг, что, если ты потерпишь неудачу и Креншинибон не будет выведен из игры, Эррту станет только сильнее!

Реджис мрачно кивнул, крепко ухватился за загривок Гвенвивар и отправился в путь, думая о том, что у него лишь одна возможность добраться до айсберга быстро и незаметно. Вскоре и он, и пантера скрылись из виду, двигаясь вверх и вниз по айсбергам. Основная нагрузка легла на пантеру, которая глубоко вонзала когти в лед, хватаясь за любые неровности, которые ей попадались, Реджис изо всех сил старался удержаться на ней, по мере возможности помогая пантере движениями ног.

Спускаясь с крутого и скользкого склона одного айсберга, они чуть было не ухнули в море. Гвенвивар вцепилась в лед, но Реджис заскользил вниз, потянув за собой и пантеру. Они неслись, набирая скорость, к темной воде. Реджис сдержал вопль отчаяния, но закрыл глаза, ожидая смертельного всплеска ледяного мрака.

Лишь в нескольких дюймах от воды Гвенвивар удалось вцепиться в какую-то трещину.

Ошеломленные, покрытые ушибами, хафлинг и пантера собрались с силами и вновь пустились в путь. Реджис подбадривал себя, вспоминая время от времени о важности своей

задачи.

* * *

Друзья прекрасно понимали, сколь уязвимы они были, пока пересекали открытое ледяное пространство, чтобы добраться до огромного айсберга, на котором возвышалась Кришал-Тирит. Они ощущали, что за ними наблюдают, чувствовали, что вот-вот произойдет нечто ужасное.

Дзирт пытался поторопить Стампет. Бренор и Кэтти-бри бежали впереди.

Слуги Эррту поджидали, припав к земле внутри пещеры и за ледяными утесами. Демон, разумеется, наблюдал за группой, так же как и Креншинибон.

Артефакт полагал, что бейлор проявляет безрассудство, рискуя столь многим ради столь ничтожной победы. Связавшись со Стампет с помощью кольца с драгоценным камнем, он мог теперь видеть все происходящее ее глазами и точно знать, где находятся противники.

Внезапно верхушка Кришал-Тирит озарилась ярко-красным светом, превратив серые облака в розоватую дымку.

Кэтти-бри закричала. Бренор схватил девушку, дернул ее вперед и прижал к земле.

Дзирт наткнулся на Стампет, но быстро отскочил от нее. Он отчаянно пытался замедлить свое движение, так как луч сверкающего пламени вырвался из верхушки башни и врезался в ледяную тропинку перед дроу. Повалил густой пар, который быстро затянул все вокруг. Дзирт не мог остановиться, поэтому он рванулся вперед огромными прыжками.

Его спасла только удача. Луч пламени неожиданно исчез, а затем возник вновь, на сей раз вонзившись в лед позади застывшей на месте жрицы и прорезая еще одну линию. Образовавшаяся плавучая льдина площадью двести квадратных футов, медленно вращаясь, поплыла на юго-восток. Стампет, которой больше некуда было идти, стояла совершенно спокойно, бесстрастно глядя вперед.

На главном айсберге трое друзей вновь были на ногах.

— Слева! — воскликнула Кэтти-бри, когда на хребет, сбоку от центрального конуса, вскарабкалось какое-то существо. Это была одна из самых маленьких тварей Бездны, именуемая мейн, — мертвый дух жалкого человечка с Материального уровня. Бледная белая кожа, раздутое, со свисающими кусками кожи, усеянное многоногими паразитами туловище, по которому текло что-то омерзительное. Оно было высотой с Реджиса, фута три, но обладало длинными и, очевидно, острыми когтями и отвратительными огромными зубами.

Кэтти-бри сбила его стрелой, оставившей за собой серебристый след, но через хребет тут же перебралось еще несколько таких же уродов, совершенно не обеспокоенных собственной безопасностью.

— Слева! — вновь воскликнула девушка, но Дзирт и Бренор не смогли обратить внимание на ее слова, ибо из входа в пещеру, до которой было каких-то тридцать футов, показалась целая толпа мейнов, а над нею — два летающих демона, гигантские жуки, которые казались кошмарным гибридом человека и огромной мухи.

Бренор встретил ближайших к нему демонов страшными ударами своего топора. Одного удара оказывалось вполне достаточно, но пораженный демон, вместо того чтобы упасть замертво, взрывался облаком ядовитого кислотного дыма, который разъедал кожу и легкие дворфа.

— Проклятые монстры! — ворчал дворф, которого все это отнюдь не испугало, и продолжал рубить демонов одного за другим, наполняя воздух вокруг себя жутким дымом.

Разя мейнов, Дзирт двигался так быстро, что облака зловонных испарений не успевали его затронуть. Он уложил целую кучу этих тварей, но затем вынужден был броситься на землю, чтобы увильнуть от одного из низко пролетавших монстров — казме. К тому моменту когда дроу вновь вскочил на ноги, его окружила целая толпа мейнов, которые протягивали к нему свои длинные отвратительные когти.

Кэтти-бри уложила полдюжины мейнов, но теперь была вынуждена переключить свое

внимание на кошмарных летающих демонов. Она выстрелила в ближайшего из них почти в упор и вздохнула с искренним облегчением, когда ее стрела швырнула одного казме на землю. Но его спутник исчез из виду, применив магию.

И спокойно приземлился за спиной Кэтти-бри.

* * *

Реджис и Гвенвивар видели лучи ослепительного пламени и слышали звуки сражения. Они постарались прибавить ходу, насколько это было возможно, но территория, по которой они пробирались, отнюдь не благоприятствовала их замыслам.

Хафлинг по-прежнему держался за пантеру, подпрыгивая и стучаясь о ледяные стены, но не жаловался. Как бы ему ни было плохо, он не сомневался, что его друзьям приходится гораздо хуже.

* * *

— Сзади! — завопил Бренор, вырываясь из окружения орды мейнов. Одно из гнусных существ вцепилось в дворфа, глубоко вонзив свои когти ему в шею, но он не обращал внимания на боль.

Единственное, что имело для него значение, — это Кэтти-бри, а она была в большой беде. Дворф не мог добраться до того демона, что возник позади нее, но тот, которого она поразила стрелой, поднялся и шел к ней, оказавшись между Бренором и его любимой дочерью.

Это было скверно.

Когда казме ударил ее, Кэтти-бри резко повернулась. Удар пришелся по плечу девушки, и она покатилась по льду, перекувыркнувшись два раза, пока не поднялась на ноги.

Топор Бренора, описав дугу, вонзился в спину второго казме, припечатав его к земле. Упрямый монстр попытался подняться, но дворф прыгнул на него, вырвал свое оружие и принялся рубить чудовище, забрызгав белую поверхность льда пятнами зелено-желтой крови.

Тем временем вцепившийся в его спину мейн продолжал царапать и кусать дворфа, причиняя ему все возрастающую боль, пока в воздухе не свистнула сабля дроу.

Оставшийся в живых казме вновь оказался в воздухе, и Кэтти-бри тут же послала в него стрелу. Демон получил жестокий удар и предпочел исчезнуть с поля боя, улетев за айсберг.

Проследив направление его полета, девушка начала стрелять по другим целям: через хребет лезла новая толпа мейнов.

Казме под Бренором, казалось, сдулся, — трудно было описать по-другому то, как сплюснлось его тело, подобно опустошенному меху для воды.

Дзирт поднял дворфа и резко повернул его в другую сторону. Непосредственная угроза Кэтти-бри была ликвидирована, но за это время орда мейнов перегруппировалась.

Это не смутило двух закаленных бойцов. Быстрый взгляд, брошенный в сторону Кэтти-бри, убедил их, что девушка держит под контролем вторую группу монстров, и они, бок о бок, бросились в атаку на ближайшие к ним ряды мейнов.

Дзирт, с его смертоносными саблями и быстрыми ногами, уложил шесть мейнов в течение считанных секунд. Дроу не отдавал себе отчета в том, что у него сменился противник, пока его яростное продвижение не встретило одновременно три парирующих удара.

Толпа мейнов сильно поредела, так как младшие демоны уступили место шестирукому чудовищу, вступившему в схватку с Дзиртом До'Урденем.

Кэтти-бри, увидев, в каком положении оказался Дзирт, поспешила к берегу, пытаясь найти нужный угол для выстрела и не обращая ни малейшего внимания на неподвижную Стампет на дрейфующей льдине, футах в сорока от айсберга. Раненое плечо девушки

продолжало кровоточить, но она не могла остановиться и перевязать его.

Кэтти-бри резко опустилась на одно колено. Угол прицела был не слишком удачным, особенно с учетом того, чтобы между ней и шестирукой танар'ри яростно носился Дзирт. Но Кэтти-бри знала, что Дзирту нужна помощь, и натянула тетиву Тулмарила.

— Что, друу не способен сражаться самостоятельно? — прозвучал за спиной девушки глубокий хриплый голос.

Это был глабрезу, Бизматек.

Кэтти-бри бросилась вперед и быстро наклонилась, до предела вытянув руку, чтобы защитить лук с подготовленной на нем стрелой. Быстрая и гибкая, она выстрелила, еще не завершив разворота. Лицо ее исказила гримаса боли, когда от этих резких движений из плеча вновь хлынула кровь. На физиономии ее нового противника изумление сменилось страданием, когда стрела, оставляющая за собой серебряный след, задела его огромное бедро.

Кэтти-бри вздрогнула: стрела, отскочив от бедра Бизматека, полетела дальше, через водное пространство, на дрейфующую льдину, вонзившись в лед рядом с ничего не сознающей Стампет. Девушка тут же поняла, что ей не стоило тратить время на отслеживание полета стрелы, ибо двенадцатифутовый глабрезу — сплошные мускулы и кошмарные клешни — взревел в ярости и покрыл расстояние, отделявшее его от Кэтти-бри, одним огромным прыжком.

Чудовищная клешня, которая могла легко разрубить девушку пополам, вытянулась вперед и обхватила ее тонкую талию.

Одним плавным движением Кэтти-бри просунула руку между луком и тетивой и извлекла из ножен Хазид'хи. Нанеся слабый удар слева в надежде вогнуть клинок в клешню монстра, она попыталась вырваться. Острое лезвие Хазид'хи отсекло внутреннюю часть клешни и продолжало вонзаться в плоть глабрезу.

«Я боялся, что забуду!» — прозвучало в сознании Кэтти-бри послание меча.

— Никогда! — мрачно ответила девушка.

Бизматек снова взвыл, резко взмахнув своей раненой рукой, оставшаяся часть клешни сбила Кэтти-бри с ног. Глабрезу занес над ней свою огромную ногу, чтобы раздавить на месте, однако Хазид'хи взлетел вверх и отсек один из его пальцев, заставив Бизматека подвергнуть сомнению мудрость последнего маневра.

Яростно рыча, глабрезу отпрыгнул назад, а Кэтти-бри вскочила на ноги, готовясь отразить новую атаку.

Но произошло совсем не то, чего она ожидала. Бизматек любил поиграть со смертными, особенно с людьми, помучить их, а потом в конце концов медленно разорвать на куски. Однако этот экземпляр оказался слишком грозным для такой тактики, решил израненный монстр и призвал на помощь свои магические силы.

Кэтти-бри почувствовала, как опора выскользывает из-под нее, и внезапно осознала, что больше не стоит на льду, а плавает в воздухе.

— Мошенник, дымосос собачий! — гневно протестовала Кэтти-бри, но все было бесполезно.

Бизматек повел своей огромной ручищей, и Кэтти-бри поплыла на высоте десяти футов по направлению к открытой воде. Понимая, что задумал демон, девушка издала возглас досады и, взяв Хазид'хи одной рукой и держа как пику, с силой метнула его в плавучую льдину, на которой стояла Стампет. Меч вонзился в лед рядом со жрицей и ушел в него по рукоятку.

Кэтти-бри, восстановив равновесие, попыталась взять на изготовку лук. Однако Бизматек, ухмыльнувшись, сделал жест, и девушка рухнула камнем в ледяную воду. У нее перехватило дыхание, она почувствовала, что ноги ее быстро немеют.

— Стампет! — позвала она жрицу. Хазид'хи тоже просил извлечь его из льда. Однако Стампет стояла все так же бесстрастно, явно не видя происходящих у нее на глазах драматических событий.

Бренор знал, что случилось с Кэтти-бри. Дворф видел, как она поднялась в воздух, слышал шум ее падения в воду и крики, обращенные к Стампет. Отцовский инстинкт призывал его бросить поле боя и прыгнуть в воду на помощь дочери, но он понимал, что это было бы безрассудством. Это не только убило бы его — он не думал о своей безопасности, когда речь шла о Кэтти-бри, — но обрекло бы на смерть ее. Единственное, что Бренор мог сделать для Кэтти-бри, — это скорее победить в сражении, и он кинулся на мейнов со всей страстью отца, несущегося на помощь к любимой дочери, разрубая их своим огромным топором почти пополам и не переставая кричать. Его прорыв был ошеломляющим, и все пространство вокруг него затянуло облаками желтоватого газа, вырывающегося из разрубленных мейнов.

Но тут внезапная вспышка пламени опрокинула Бренора на спину. Он зарычал, яростно затряс головой и, придя в себя, увидел Бизматека, который ударил его по голове тем, что у него осталось от правой клешни, а левой клешней потянулся к горлу дворфа, чтобы быстрым движением покончить с противником.

Дзирт знал обо всем, что происходило с его друзьями, но не позволял себе проникнуться ощущением вины. Уже давно Дзирт До'Урден понял, что не он в ответе за всю скорбь мира и что его друзья будут следовать тем путем, который изберут сами. Дзирт ощущал только гнев — сильное, истинное, чистое чувство, овладевшее им целиком; адреналин, которым была полна его кровь, влек его к новым высотам сражения.

Но как можно отбить шесть атак одновременно?

Сверкающий Клинок ударил влево, влево, влево, а затем — назад, вправо, каждым взмахом отбивая атакующее оружие. Другой клинок Дзирта, вибрируя от жажды крови, нанес вертикальный удар, острием вниз, блокируя одновременно две сабли марилит. Сверкающий полетел обратно, сначала под углом вверх, чтобы отразить очередную атаку, а потом резко вниз. Затем дроу очень высоко подпрыгнул, когда марилит хлестнула его своим огромным зеленым чешуйчатым хвостом, стремясь сбить с ног. Приземлившись, Дзирт кинулся на нее в бешеном броске, выставив вперед свои смертоносные сабли. Однако марилит просто исчезла с легким щелчком — поп! — появившись у него за спиной.

Дзирт достаточно много знал о демонах, чтобы отреагировать на это ухищрение. Когда его цель исчезла, он нырнул головой вперед и, резко развернувшись, сделал выпад одной из сабель в сторону марилит и полоснул ею чудовище. Вновь раздался звон мечей, атакующих и отражающих удары, звон, сливавшийся в непрерывный скорбный вопль, когда восемь клинков сходились в завораживающем танце смерти.

Казалось почти чудом, что Дзирту удалось поразить марилит в одно из ее многочисленных плеч Сверкающим Клинком, лишив демона возможности орудовать этой рукой. В ответ на него яростно обрушилось пять мечей, и он был вынужден отступить.

* * *

Реджис и Гвенвивар добрались наконец до самого узкого места расщелины между айсбергами, но перепуганному хафлингу казалось, что им никогда не преодолеть ее. Кроме того, возникла новая проблема: противоположный край расщелины вовсе не был пустым. Он быстро заполнялся кошмарными мейнами.

Реджис с радостью повернул бы назад, предпочитая поискать своих друзей или, если они уже погибли, удрать во все лопатки, бежать по тундре всю дорогу до рудников дворфов. Картины возвращения к адской башне с армией дворфов, точнее, позади армии дворфов проносились в голове хафлинга, но все это было лишь отвлеченной идеей.

Вцепившись в Гвенвивар, Реджис понимал, что преданная пантера не собирается даже замедлить движение. Он взвизгнул от страха, когда огромная кошка прыгнула, пролетев над черной водой, и приземлилась на противоположном берегу, раскидав ближайшую группу мейнов. Гвенвивар быстро справилась бы с этими существами, но она знала свою задачу и целеустремленно выполняла ее. С Реджисом, отчаянно вцепившимся в ее спину и воющим

от ужаса, Гвенвивар бежала, бросаясь то вправо, то влево, увертываясь от мейнов и оставляя их далеко позади. В течение считанных секунд им удалось взобраться на горный хребет и спуститься в маленькую долину, справа от основания Кришал-Тирит. Мейны, очевидно слишком тупые, чтобы преследовать добычу, которая исчезла из виду, не последовали за ними.

— Должно быть, я сошел с ума, — прошептал Реджис, вновь увидев кристальную башню, служившую ему тюрьмой, когда Акар Кессел вторгся в Долину Ледяного Ветра. А ведь Кессел, хотя и чародей, был всего лишь человеком. На сей раз демон, великий и могущественный бейлор, управлял хрустальным осколком!

Реджис, как и ожидал, не мог найти никакой двери в четырехсторонней башне. Дополнительным средством защиты башни было то, что вход в Кришал-Тирит казался невидимым для существ с того уровня обитания, на котором находилась башня, за исключением владельца хрустального осколка. Реджис не мог видеть дверь, но Гвенвивар, существо с Астрального уровня, разумеется, могла.

Он заколебался, ему удалось придержать на минутку пантеру.

— Там ведь стража, — пояснил хафлинг. Он помнил гигантских могучих троллей, которые были в той Кришал-Тирит, и представил себе, каких монстров мог поставить здесь Эррту.

Они услышали какое-то жужжание и посмотрели вверх. Реджис чуть не упал замертво, когда показавшийся над хребтом казме ринулся вниз прямо на них.

* * *

Не потеряв присутствия духа от полученного удара по голове, Бренор поднял свой топор, чтобы перехватить щелкающую клешню, а затем бросился вперед или, по крайней мере, попытался это сделать. Когда атака не удалась, дворф мудро изменил тактику и отступил.

— Больше зверюга — больше цель, — проворчал Бренор, поправляя на голове свой съехавший на сторону однорогий шлем. Он взмахнул топором, описав им дугу и сбив пару мейнов, попавшихся на пути, а затем зарычал и, развернувшись, снова бросился на Бизматека, не проявляя ни малейшего страха перед огромным монстром.

Четырехрукий глабрезу встретил атаку взмахом половины клешни и парой кулаков. Бренору удалось провести удар и получить сразу два в ответ. Оцепенев, он мог только беспомощно наблюдать за тем, как здоровая клешня демона неумолимо приближалась к нему.

Серебряная молния мелькнула справа от дворфа, и стрела вонзилась в массивную грудь глабрезу, заставив ошеломленного Бизматека сделать шаг назад.

Это была Кэтти-бри, все еще бьющаяся в воде. Она смогла изогнуться и выстрелить из Тулмарила, который ей удавалось все это время удерживать над водой. Выстрел в таких обстоятельствах — это просто удивительно, но поразить при этом цель...

Бренор не мог понять, как она смогла приподняться над водой так высоко, невероятно высоко, пока не сообразил, что Кэтти-бри поставила ногу на затопленный кусок льда. Она поднялась из воды, выпустив еще одну смертоносную стрелу.

Бизматек завыл и, шатаясь, отступил еще на шаг.

Кэтти-бри закричала, ликуя, но ее радость была неполной. Она была рада отомстить демону и помочь отцу, но ноги ее совсем онемели, а плечо продолжало кровоточить. Долго она не выдержит.

Ее третья стрела пролетела мимо цели, но достаточно близко для того, чтобы Бизматек вынужден был резко и низко наклониться. Глаза его при этом удивленно вытаращились, он осознал, что его лоб удивительно точно соприкоснулся с устремившимся ему навстречу топором Бренора. Бизматек рухнул на колени. Он ощутил свирепый рывок, когда дворф высвободил свой топор. Затем последовал еще один удар, а сбоку от него промчалась

серебряная молния, которая отбросила мейнов, попытавшихся было прийти глабрезу на помощь. Где же Эррту? Последовал третий удар, и весь мир завертелся и потемнел перед глазами Бизматека, когда его дух понесся по коридору, ведущему в Бездну, в изгнание на сотню лет.

Бренор вышел из облака черного дыма — это было все, что осталось от чудовища, — и врубился в быстро редеющий строй мейнов с новой силой, расчищая себе дорогу к Дзирту. Он не мог видеть дроу, но слышал непрерывный звон от невероятно быстро повторяющихся ударов стали о сталь.

Ему удалось бросить взгляд на Кэтти-бри, и его сердце наполнилось надеждой, поскольку его дочери удалось добраться до той льдины, где стояла Стампет.

— Давай, жрица, — страстно шептал Бренор, — найди своего бога и спаси мою девочку!

Стампет не двигалась, а Кэтти-бри все еще продолжала барахтаться. Девушка была слишком занята, так же как и ее отец, чтобы заметить нового врага — огромное существо, направлявшееся в сторону поля боя, двигавшееся по льду быстро и грациозно.

* * *

Эррту с наслаждением наблюдал за всем происходящим, находясь в пещере, почти у самого входа. Демон не ощутил никакой печали, когда Бизматек был отправлен в ничто, его мало озаботила потеря казны, а мейны ему были совершенно безразличны. Даже марицит, которая столь отчаянно сражалась с Дзиртом, занимала его мысли лишь потому, что Эррту боялся: она убьет дроу. Что касается генералов и солдат, они заменимы, легко заменимы. Не было недостатка в демонах, с нетерпением ожидавших в Бездне.

Поэтому пусть друзья Дзирта победят здесь, на открытом айсберге, думал Эррту. Женщина уже выбыла из боя, а дворфу изрядно досталось. И Дзирт До'Урден, хотя он здорово сражался, явно уставал. К тому времени как Дзирт доберется до пещеры, он, вероятно, будет один, а ни один смертный, ни один эльф не мог противостоять могущественному бейлору.

Демон злобно усмехнулся, наблюдая за продолжавшимся сражением. Если марицит добьется слишком ощутимого преимущества, Эррту придется вмешаться.

* * *

Креншинибон также с большим интересом наблюдал за сражением. Хрустальный осколок, сосредоточившийся на главной битве, не ведал о врагах, добравшихся до входа в Кришал-Тирит. В отличие от Эррту, артефакт хотел, чтобы с боем было покончено поскорее, желал, чтобы Дзирта и его друзей просто уничтожили, прежде чем они доберутся до пещеры. Креншинибону хотелось направить еще один огненный луч — теперь дроу, поглощенный тяжелым боем, представлял собой куда лучшую цель, — но первая такая атака значительно ослабила осколок. Встреча с черным сапфиром нанесла ему тяжелый урон. Креншинибон мог лишь надеяться, что со временем придет в себя.

Но сейчас...

Злобный артефакт нашел способ вмешаться. Он телепатически дотянулся до оставленного Эррту кольца, лежавшего на полу, до души жрицы, заточенной в этой тюрьме из драгоценного камня.

Далеко, на плавающей льдине, Стампет наконец повернулась к Кэтти-бри, и девушка, не понимая, что случилось, все же радостно улыбнулась жрице.

* * *

В Бездне, где войны никогда не прекращаются, марицит известны как полководцы и

прекрасные тактики. Но Дзирт довольно скоро понял, что это существо с шестью конечностями не слишком хорошо координировало свои движения. Последовательность ее движений не менялась просто из-за той неизбежной неразберихи, которую ощутил бы любой обладатель такого количества рук в попытках скоординировать движения многих клинков.

Поэтому дроу чувствовал себя все увереннее, хотя его руки немели от усталости, — неизбежное следствие бесконечного числа ударов, которые он отразил и нанес сам.

Влево, влево, затем вправо двигался Сверкающий Клинок, дополняя движения вверх и вниз, совершаемые вторым клинком, а когда хвост марилит с предсказуемой регулярностью проносился над ледяной поверхностью, Дзирт быстро и высоко подпрыгивал.

Демон вновь исчез, и Дзирт решил было развернуться, но затем понял, что марилит ожидала от него именно этого, и рванулся вперед, нанеся ей ужасный удар, когда она вновь появилась на том же самом месте, где и была.

— О сын мой! — неожиданно произнесла марилит, падая назад.

Ее падение позволило Дзирту двойным ударом превратить в газ двух мейнов, рискнувших подобраться слишком близко.

— О сын мой, — вновь сказал демон голосом, который был столь знаком дроу. — Ты не можешь видеть сквозь это обличье?

Дзирт сделал глубокий вдох, стараясь не смотреть на глубокую кровотокающую рану в левой груди марилит, которую он нанес, неожиданно подумав о том, не был ли этот удар безрассудством.

— Я Закнафейн, — продолжало существо. — Хитрость Эррту заставила меня сражаться против тебя... как поступила когда-то Мать Мэлис!

Эти слова глубоко поразили Дзирта, он не мог сдвинуться с места. У него чуть не подогнулись ноги, когда существо постепенно меняло форму, превращаясь из шестирукого монстра в красивого темнокожего мужчину, которого Дзирт До'Урден так хорошо знал.

Закнафейн!

— Эррту хочет, чтобы ты уничтожил меня, — сказала существо. При этом марилит удалось подавить смех. Она тщательно просмотрела мысли Дзирта, чтобы применить эту уловку, и следовала за их дальнейшим ходом, позволяя Дзирту вести ее за собой, шаг за шагом. Как только она провозгласила, что это хитрость бейлора, Дзирт подумал о Матери Мэлис. Что ж, марилит была готова продолжать игру.

И это действовало. Сабли Дзирта опустились.

— Сразись с ним, отец! — вскричал Дзирт. — Добейся свободы, как тогда, с Мэлис!

— Он силен, — ответила марилит. — Он... — Существо улыбнулось, два оставшихся у него меча низко опустились. — Сын мой! — прозвучал успокаивающий знакомый голос.

Дзирт почти потерял голову.

— Мы должны помочь дворфу, — начал он, готовый поверить, что это действительно Закнафейн и что его отец мог найти способ освободиться от власти Эррту.

Дзирт — да, но не его клинок, выкованный, чтобы разить таких существ из пламени. Он не мог «видеть» иллюзию, созданную марилит, не мог слышать ее умиротворяющий голос.

Дзирт уже сделал было шаг в сторону Бренора, когда осознал непрекращающийся внутренний трепет, неослабную жажду этого клинка. Он сделал еще шаг лишь для того, чтобы поставить поудобнее ноги, и затем бросился на иллюзорный образ своего отца с удвоенной яростью.

Его встретили все клинки марилит, так как чудовище быстро приняло свою более привычную форму, и схватка возобновилась. Дзирт воззвал к своей врожденной магии и создал кайму волшебного лилового пламени вокруг марилит, но она лишь засмеялась и погасила этот огонь усилием мысли.

Дзирт услышал позади себя знакомое шарканье и тут же создал вокруг себя и марилит шар непроницаемой тьмы.

— Ты думаешь, я тебя не вижу? — захихикала марилит. — Я дольше жила во тьме, чем

ты, Дзирт До'Урден!

Ее неослабевающие атаки, казалось, подтверждали эти слова. Меч со звоном бил по сабле, по сабле, по сабле, по... топору.

На долю секунды чудовище было озадачено, и это колебание оказалось для него фатальным. Внезапно марилит осознала, что перед ним был уже не Дзирт, но его союзник — дворф! А если Бренор был перед ним...

Марилит захотела было вновь применить магию, чтобы переместиться в безопасное место, но удар Дзирта настиг ее раньше: его клинок пронзил ее спинной хребет.

Шар темноты, созданный дроу, исчез, и Бренор издал безумный вопль, увидев клинок Дзирта, пробивший грудь чудовища.

Дроу продолжал держать оружие в теле марилит, проворачивая его, пока клинок впивался в себя энергию монстра.

Марилит изрыгала проклятия и пыталась атаковать Бренора, но не могла толком поднять ни одной руки, так как клинок Дзирта с огромной скоростью поглощал ее жизненную силу. Она обещала Дзирту До'Урдену тысячу мучительных смертей, клялась, что однажды вернется, чтобы страшно отомстить ему.

Дзирт уже слышал все это раньше.

Внезапно ее плоть превратилась в дымящееся ничто, и она исчезла.

— В башне будет еще хуже, — сказал Дзирт Бренору.

Дворф бросил быстрый взгляд через плечо и увидел Стампет, приближавшуюся к его дочери, пытавшейся вылезти на лед, и счел это хорошим знаком. Сейчас он больше ничего не мог сделать для нее.

— Тогда вперед! — вскричал он в ответ.

Внизу оставалось лишь несколько мейнов, но другие продолжали переваливать через хребет, и друзья бок о бок атаковали их. Они быстро покончили с тварями и ворвались в пещеру, где затаилась последняя группа мейнов, которая также не отняла у них слишком много времени.

Единственным, что освещало им путь, был свет клинков Дзирта. Сверкающий сиял своим обычным голубым цветом, а второй клинок излучал более яркий синий. Эта сабля светила только на сильном холоде, и после недавнего кровавого пира ее свечение было особенно сильным.

Пещера казалась громадной. Пол ее круто понижался сразу от входа, в ней было много сталагмитов и сталактитов, большинство из которых соединялось в колонны высотой более тридцати футов, от пола до потолка.

Когда бой с мейнами окончился, Дзирт указал на крутой скат напротив входа и на тропинку, поднимающуюся к противоположной стене и заканчивавшуюся площадкой, перегороженной толстой ледяной плитой.

Они двинулись по неровному полу, но вскоре остановились, услышав безумный хохот. Перед ними появился Эррту, и холод сменился жарой, когда могучий бейлор пустил в ход свой разрушительный огонь.

* * *

Казме недооценил пантеру. Монстр бывал на Материальном уровне и знал, чего следует ожидать от обитавших здесь существ. Но Гвенвивар не принадлежала этому миру, и ее возможности превосходили все, что была в состоянии сделать обычная пантера.

Казме пронесся над Гвенвивар и Реджисом, полагая, что находится достаточно высоко, чтобы чувствовать себя в безопасности. Велико же было изумление демона, когда могучая кошка прыгнула вверх, преодолев тридцать футов за какое-то мгновение, и вцепилась огромными когтями в его жукообразное тело.

Они рухнули вниз, и Гвенвивар, крепко держа казме передними лапами, нещадно месила его задними и со всей силой кусала своими могучими челюстями.

Реджис недолго смотрел на катающуюся пару, быстро догадавшись, что помочь пантере он не в состоянии. Тогда он огляделся и увидел, что мейны быстро возвращаются, приближаясь к нему.

— Поспеши, Гвенвивар! — воскликнул он, и пантера удвоила свои усилия, нанося казме сокрушительные удары.

И вот она осталась одна, выпрыгнув из облака быстро рассеивающегося черного дыма. Пантера подошла к Реджису и направилась было к двери, но хафлинг, которому в голову пришла блестящая идея, изо всех сил потянул ее назад.

— На верхнем этаже есть окно! — пояснил он, ибо у него не было никакого желания пробиваться в башню с боем.

Он знал, что его затея была почти безнадежной, так как окно на верхнем уровне Кришал-Тирит могло служить воротами в другой мир, равно как и обычным входом или выходом из башни.

Гвенвивар быстро осмотрела указанное место, затем изменила направление движения. Реджис вновь забрался ей на спину, опасаясь, что пантера замедлит свой бег, если он не будет поспевать за ней.

Огромная кошка взбиралась по склону крутого холма, глубоко впиваясь в его поверхность своими когтями, используя всю силу могучих лап. Добравшись до относительно плоского места, она разбежалась и прыгнула к башне, нацелившись на маленькое окно.

Они сильно ударились о стену башни с той стороны, где находился Креншинибон. Реджис влетел в окошко и тяжело брякнулся на пол, несколько раз перекувыркнулся и в конце концов уперся спиной в стену. Затем он стал звать Гвенвивар, но услышал, как она с рычанием прыгнула с башни, помчавшись на помощь своему хозяину.

Реджис остался в маленькой комнате наедине с хрустальным осколком.

— Здорово, — сдержанно высказался перепуганный хафлинг.

Глава 27 РЕШАЮЩАЯ БИТВА

Дзирт и Бренор быстро поняли, в каких на редкость неблагоприятных условиях им пришлось встретиться с Эррту. Языки пламени, вызванного демоном, бушевали, превращая ледяную пещеру в хлюпающую трясину. Огромные куски льда падали с потолка, вынуждая друзей уклоняться и поворачиваться, а холодная вода тянула их вниз.

Что было еще хуже — когда бейлор удалялся от них, унося с собой свой демонический жар, вода вокруг Дзирта и Бренора тут же начинала вновь замерзать, замедляя их движения.

Это суровое испытание сопровождалось издевательским смехом могучего Эррту.

— Какие мучения ожидают тебя, Дзирт До'Урден! — вопил демон.

Дзирт услышал позади себя внезапный всплеск и ощутил вспышку жара. Он понял, что демон, применив свою магию, переместился в пространстве, чтобы оказаться позади него. Дзирт стал поворачиваться и достаточно быстро уклонился, но бейлор просто вонзил свой меч-молнию в воду позади дроу, и энергия, выплеснувшаяся из магического клинка, сотрясла каждый мускул Дзирта.

Дроу повернулся, изо всех сил сжав зубы, чтобы не откусить себе язык. Вперед вылетел Сверкающий Клинок, отбив второй выпад Эррту на середине взмаха.

Демон захохотал еще громче, и его дьявольский меч выпустил еще один заряд энергии, которая, пройдя через саблю дроу, наполнила все его тело такой болью, что он потерял равновесие и почти лишился сознания.

Он услышал рев Бренора и громкое хлюпанье, с которым тот прокладывал себе путь. Дзирт понял, что дворфу не добраться до него вовремя. Неожиданная атака Эррту оказалась весьма успешной.

Однако демон неожиданно исчез. Дзирту было достаточно одного мгновения, чтобы понять: Эррту играл с ними! Демон ждал столько долгих лет, чтобы свершить свою месть

над Дзиртом, и теперь действительно наслаждался.

Дроу пришел в себя, когда Бренор дотащился до него. Они снова слышали издевательский смех Эррту.

— Берегись, демон может появиться в любом месте, где пожелает, — предупредил Дзирт и, заканчивая эту фразу, услышал щелканье бича и крик дворфа. Дзирт обернулся и увидел, что Бренора что-то тянет за ноги.

— Так что ты сказал? — спросил дворф, отчаянно пытаясь удержаться на ногах, в то время как Эррту подтаскивал его к себе.

Бренор понял всю серьезность своего положения, когда увидел перед собой стену огня, обжигающего и шипящего, превращающего в пар окружающий лед. За языками пламени был виден Эррту, который, злобно ухмыляясь, тянул на себя бич.

Дзирт физически ощутил, как его покидают силы. Теперь он понял, какие мучения приготовил ему Эррту. И Бренор тоже был обречен.

* * *

Реджис не знал, что только его присутствие в маленькой комнате наверху Кришал-Тирит спасло жизнь Кэтти-бри. Стампет оказалась около нее, на краю льдины. К ужасу Кэтти-бри, жрица не попыталась помочь ей, но, напротив, начала толкать и пинать девушку, стремясь спихнуть ее назад в воду.

Кэтти-бри отчаянно боролась с ней, но, без твердой опоры и с окончательно онемевшими ногами, явно проигрывала бой.

Но тут Реджис появился в башне, и хрустальному осколку пришлось выпустить сознание Стампет из-под своего контроля, чтобы сконцентрироваться на новой угрозе.

Стампет прекратила драться и застыла на месте. Как только Кэтти-бри поняла, что жрица вновь стала неподвижной, она ухватила за нее и стала вытягивать свое тело из воды.

С огромным трудом девушка поднялась наконец на ноги. Дзирт и Бренор уже были в пещере, но в поле ее зрения оставалось немало мейнов, которых следовало перестрелять. Целая группа монстров бросилась в воду, направляясь к льдине, на которой были Кэтти-бри и Стампет.

Их встретил Тулмарил.

* * *

Бренор боролся изо всех сил. Он ухватился за оставшийся кусок разбитого сталагмита, но ледяная колонна была слишком скользкой, чтобы послужить ему твердой опорой. Это в любом случае не могло помочь, ведь Эррту — огромный и сильный — тянул его. Дворф взвыл от боли, когда его ноги опалил демонический огонь.

Дзирт карабкался так быстро, что его сапоги скользили, и он продолжал двигаться на коленях, не обращая внимания на боль. Он был нужен Бренору, это было единственным, что имело для него значение. Дзирт рванулся вперед, обнаружив подходящую опору посреди окружавшей его топи, нырнул, вытянув руку с клинком, выкованным во льду, и коснулся его изогнутым лезвием языков демонического пламени, окружавшего Бренора, которое тут же погасло под воздействием магии клинка.

Оба друга попытались подняться, но были опять сбиты с ног, когда бейлор погрузил свой меч-молнию в воду, перемешанную со льдом, продолжая насмехаться над ними.

— Это всего лишь отсрочка! — грохотал демон. — Молодец, Дзирт До'Урден, безрассудный дроу. Ты продлил мое наслаждение, и за это...

Эта фраза демона завершилась мычанием, когда Гвенвивар влетела в пещеру, врезавшись в Эррту и сбив его с ног.

Дзирт немедленно атаковал демона, Бренор быстро выпутывался из ремней бича, а Гвенвивар рвала Эррту когтями и кусала его.

Эррту хорошо знал проклятую кошку, помнил ее с того самого раза, когда Дзирт изгнал его. Бейлор почувствовал, что зря позабыл о ее существовании.

Впрочем, неважно, подумал Эррту и колоссальным усилием могучих мышц отшвырнул пантеру.

Пришел черед Дзирта, сабля которого была нацелена в брюхо демона. Меч-молния Эррту со страшной силой отбил его, послав в дроу заряд энергии, отбросивший его назад.

Тут подоспел Бренор, всадивший свой топор в ногу бейлора. Демон взревел, и его мощный удар заставил дворфа отлететь в сторону. Развернув свои кожистые крылья, Эррту поднялся в воздух, став недостижимым для могучих друзей. Гвенвивар снова прыгнула, но бейлор перехватил ее в полете, применив телекинетическое заклинание, которое глабрезу использовал против Кэтти-бри.

И все же пантера здорово помогла Дзирту и Бренору, приняв на себя значительную часть магической энергии демона. Друзья успели оправиться от полученных ран.

— Отпусти моего отца! — вскричал Дзирт.

Эррту лишь захохотал в ответ, и передышка подошла к концу. Нейтрализовав пантеру, демон обрушился на друзей со всей силой своей ярости.

* * *

Это была комнатка, быть может, с дюжину футов в диаметре, с куполообразным потолком, достигающим верхушки башни. Посреди комнаты виднелся висящий в воздухе Креншинибон, хрустальный осколок, сердце этой башни, пульсирующий розовато-красным светом, как живое существо.

Реджис быстро огляделся по сторонам. Он увидел лежащую на полу шкатулку, которая показалась ему знакомой, хотя он и не смог сразу вспомнить откуда, и кольцо с драгоценным камнем. Назначение этих предметов было ему неизвестно, и у него не было времени выяснять это. Реджис много говорил с Дзиртом после падения Кессела, и хорошо знал, что именно сделал дроу в тот раз, чтобы одержать победу: просто засыпал пульсирующий осколок мукой. Она была у хафлинга наготове, поэтому он достал из-за спины маленький мешочек и уверенно прошел вперед.

— Пора спать, — усмехнулся Реджис. И получил такой телепатический удар, что почти лишился сознания. Оба они, и Дзирт и Реджис, заблуждались. В той башне, на равнине за Брин Шандером, много лет назад Дзирт засыпал не Креншинибон, но один из многочисленных образов осколка. В этот раз перед Реджисом оказался настоящий хрустальный осколок, могущественный артефакт, который был сердцем башни. На жалкую атаку хафлинга Креншинибон ответил энергетическим импульсом, который уничтожил и муку, и мешочек и тяжело впечатал Реджиса в противоположную стену.

Оцепеневший хафлинг застонал еще громче, когда дверь люка в полу комнаты распахнулась и оттуда пахнуло зловонием, а затем показалась огромная, широченная лапища с острыми когтями и гнилостно-зеленой кожей.

* * *

Кэтти-бри едва ощущала свои руки и ноги, стуча зубами от холода, тетива лука глубоко врезалась ей в пальцы, но она уже не чувствовала никакой боли. Она только знала, что не должна останавливаться ради своего отца и Дзирта.

Пользуясь неподвижной Стампет как опорой, девушка выпустила стрелу, уложив демона, приблизившегося к входу в пещеру. Вновь и вновь стреляла Кэтти-бри, которую ее заколдованный колчан обеспечивал нескончаемым запасом стрел. Она уничтожила большую часть мейнов, остававшихся на ледяном берегу, и тех, что переваливали через горный хребет. Она чуть было не подстрелила Гвенвивар, но успела опознать пантеру, спешащую на помощь Дзирту. Ее сердце вновь наполнилось надеждой, когда могучая кошка ворвалась в

пещеру.

Вскоре от войска мейнов осталось лишь несколько монстров, которые быстро плыли к Кэтти-бри. Девушка сражалась неистово, и большинство ее выстрелов поразили цель, но один мейн все же успел добраться до льдины.

Кэтти-бри бросила взгляд на свой меч, ушедший в лед по самый эфес, и поняла, что не успеет схватить его. Вместо этого она использовала свой лук как дубину, тяжело приложившись им к морде мчавшегося на нее мейна.

Потеряв равновесие, существо рухнуло на девушку, которая, нимало не растерявшись, впечаталась лбом в его нос и тут же всадила верхушку лука в грудь монстра. Мейн превратился в облако вредоносного газа, но инерция его рывка сбросила Кэтти-бри в воду.

Она вынырнула, хватая ртом воздух и размахивая руками, которых почти не чувствовала. Ноги были уже бесполезны. Ей удалось ухватиться за самую кромку льдины, вогнав пальцы в какую-то трещину. Силы ее были на исходе. Она пыталась позвать Стампет, но губы и язык ей уже не подчинялись.

Казалось, что Кэтти-бри одолела демонов, чтобы быть уничтоженной природой Долины Ледяного Ветра, того места, которое она звала своим домом большую часть жизни. Эта жестокая ирония не ускользнула от нее, когда мир вокруг померк.

* * *

Спина Реджиса коснулась изогнутого потолка, когда девятифутовый тролль, больший из двух забравшихся в комнату, поднял его вверх.

— Сейчас я тебя съем! — провозгласило кошмарное существо, разинув пасть.

То, что тролль мог говорить, дало Реджису идею, отчаянный проблеск надежды.

— Обожди! — попросил он тролля, потянувшись рукой под свою тунику. — У меня есть для тебя сокровище.

В руке хафлинга оказался ценнейший кулон, восхитительный гипнотизирующий рубин, танцующий на конце цепочки в нескольких дюймах от глаз пораженного и неожиданно заинтригованного тролля.

— Это только начало, — запинаясь, бормотал Реджис, отчаянно пытаясь импровизировать, ибо последствия неудачи были для него слишком очевидны. — Да у меня россыпи таких штуковин, ты только посмотри, как чудесно он кружится, притягивая твой взгляд...

— Эй, ты будешь его жрать или нет? — спросил второй тролль, грубо пихая того, что держал Реджиса. Но монстр быстро поддался чарам рубина и думал теперь о том, что ему вовсе не хочется делиться добычей с напарником.

Поэтому чудовище мгновенно согласилось с предложением, последовавшим со стороны хафлинга, который сказал ему, бросив мельком взгляд на второго тролля:

— Убей его!

Реджис тяжело плюхнулся на пол, и тролли, схватившиеся в жестоком поединке, чуть было не раздавили его. Хафлинг перемещался в этом ограниченном пространстве очень быстро, больше ему ничего не оставалось делать. Мечась по комнате, он наткнулся на кольцо, украшенное драгоценным камнем, и быстро положил его в карман, затем ему на глаза вновь попала шкатулка, которую он неожиданно узнал.

Это была та самая шкатулка, которую нес глабрезу, когда Реджис со своими спутниками встретил в туннелях под Мифрил Халлом злобную Мать Бэнр, та самая шкатулка, в которой был камень — черный сапфир, забравший всю магию.

Реджис поднял ее и протиснулся мимо катавшихся по полу троллей, устремившись к хрустальному осколку. Его тут же захлестнул столь сильный поток образов, что у него подкосились ноги. Артефакт, почуяв опасность, вошел в разум Реджиса, подчинив себе несчастного хафлинга. Реджис хотел двигаться вперед, он действительно хотел этого, но ноги не подчинялись ему.

А потом он уже не был столь уверен в том, что ему вообще хотелось двигаться. Внезапно Реджис удивился, с чего бы это ему захотелось разрушить кристальную башню, это прекрасное, изумительное сооружение. И зачем ему желать уничтожить Креншинибон, ее создателя, когда он может использовать артефакт в своих интересах?

В конце концов, кто он такой, этот Дзирт До'Урден?

Почти утратив силу воли и свое «я», Реджис поднял к глазам свой рубиновый кулон и сразу же погрузился в его бездонные глубины, следуя за алыми вспышками. Большинство из тех, кто смотрел в этот рубин, терялись в его чарах, но именно там, в этих гипнотических рубиновых глубинах, Реджис вновь обрел себя.

Он уронил цепь с кулоном и прыгнул вперед, накрыв Креншинибон магической шкатулкой и с треском защелкнув ее как раз в тот момент, когда артефакт выпустил еще один импульс смертоносной энергии.

Атака артефакта захлебнулась, и Реджис дернул шкатулку на себя, прижав ее к груди.

Башня, это гигантское творение хрустального осколка, начала сотрясаться.

— Ну уж нет! — пробормотал хафлинг, которому были хорошо знакомы первые признаки агонии кристальной башни. В прошлый раз в подобной ситуации его спасла Гвенвивар, а Дзирт спасся...

Реджис повернулся к окну и, вспрыгнув на подоконник, бросил взгляд на троллей, которые уже не дрались, а обнимались, в то время как башня, их дом, дрожала под ними. Они посмотрели на улыбавшегося хафлинга.

— Как-нибудь в другой день, быть может, — сказал им Реджис и, не глядя вниз, прыгнул. Он приземлился в двадцати футах ниже окна башни, кувыркаясь и скользя, и остановился наконец, уткнувшись в огромный сугроб. Кристальная башня разрушалась у него на глазах, разваливаясь на огромные глыбы, со свистом пролетающие мимо ошеломленного, измученного хафлинга.

* * *

Землетрясение, вызванное разрушением башни, временно приостановило схватку в пещере, дало небольшую передышку друзьям, которым жестоко досталось от могущественного танар'ри. Но бедный Бренор, стоявший возле стены пещеры, упал в широкую трещину, внезапно раскрывшуюся прямо у него под ногами. Хотя образовавшаяся расселина была неглубока, всего лишь по пояс дворфу, но, когда сотрясения прекратились, Бренор обнаружил, что его плотно заклинило.

Утрата Креншинибона ничуть не уменьшила могущество Эррту, а падение башни только еще больше разозлило его.

Гвенвивар вновь могучим прыжком влетела в пещеру, но демон пронзил ее в полете своим мечом и держал его в воздухе одной могучей рукой.

Дзирт, стоя в слякоти на коленях, мог только с ужасом наблюдать, как Эррту шествовал по пещере, а пантера извивалась на его мече, тщетно пытаясь освободиться и рыча в агонии.

Все было кончено, понял Дзирт. Все пришло к неожиданному, сокрушительному концу. Он проиграл. Только бы Гвенвивар смогла избавиться от этого меча. Тогда Дзирт послал бы ее к Бренору, а затем отпустил. Он надеялся, что она возьмет дворфа с собой, в относительную безопасность своего Астрального дома.

Но этого не случилось. Гвенвивар дернулась еще раз и затихла, а затем исчезла, превратившись в облачко серого дыма: ее земная форма была разрушена, и она исчезла с Материального уровня.

Дзирт извлек ониксовую фигурку из кармана. Он знал, что не сможет вызвать пантеру, не сможет сделать этого в течение нескольких дней. До него донеслось шипение пламени, вызванного магией демона, подобравшегося к нему и погашенного его надежным клинком. Он перевел свой взгляд с фигурки на ухмыляющегося Эррту, который возвышался над ним на расстоянии каких-то пяти футов.

— Ты готов к смерти, Дзирт До'Урден? — вопрошал его демон. — Твой отец видит нас, знаешь ли, и ему очень больно оттого, что ты сейчас медленно умрешь!

Дзирт не подвергал сомнению слова бейлора, и его охватил бешеный гнев. Но на сей раз гнев не помог ему. Дроу был изнурен и полон печали, он потерпел поражение. И знал это!

* * *

Слова Эррту были наполовину правдой. Его узник, находившийся за полупрозрачной ледяной стеной на верхней площадке пещеры, действительно мог видеть эту сцену, которую подсвечивали голубое сияние сабель Дзирта и оранжевые языки пламени Эррту.

Узник тщетно царапал стену и рыдал так, как никогда не рыдал раньше за всю свою нынешнюю и прежнюю жизни.

* * *

— А какой чудесной зверушкой станет для меня твоя кошка, — поддразнивал Дзирта Эррту.

— Никогда! — воскликнул дроу и, повинувшись импульсу, бросил фигурку назад. Он не услышал всплеска, но был уверен, что фигурка вылетела из пещеры и попала в море.

— Правильно, друг мой, — молвил суровый Бренор.

Ухмылка Эррту превратилась в гримасу ярости. Демон занес свой смертоносный меч над головой Дзирта. Защищаясь, дроу поднял свой Сверкающий Клинок.

И в это мгновение в пещеру влетел вращающийся молот и с грохотом врезался в бейлора.

Киерстаад бесстрашно ворвался в пещеру, проскользнув в брешь, созданную в пламени демона саблей Дзирта, и оказался лицом к лицу с танар'ри, призывая Клык Защитника.

Киерстаад знал легенду о молоте, знал, что он должен вернуться в его руки.

Но он не вернулся. Он исчез с земли рядом с демоном, но по непонятной Киерстааду причине не материализовался в его ожидавших руках.

— Он должен был вернуться! — воскликнул юноша, протестуя и обращаясь главным образом к Бренору. А затем Киерстаад взлетел в воздух от могучего удара демона и врезался в ледяной холм, скатился с него и тяжело приземлился в ледяную кашу.

— Он должен был вернуться, — прошептал он еще раз, прежде чем сознание покинуло его.

* * *

Клык Защитника не мог вернуться к Киерстааду, так как он вернулся к своему законному владельцу, Вульфгару, сыну Беорнегара, наблюдавшему за разыгравшейся сценой из-за ледяной стены. Это Вульфгар был пленником Эррту в течение долгих шести лет.

Ощувив в руках оружие, Вульфгар преобразился. Этот столь хорошо знакомый ему боевой молот, выкованный для него дворфом, любившим его, вернул Вульфгару его «я». В одно мгновение он вспомнил все то, что заставил себя забыть за годы плена.

Могучий варвар был переполнен нахлынувшими на него чувствами и воспоминаниями, но не настолько, чтобы не думать о самом насущном. Он воззвал к своему богу Темпосу — о, как прекрасно было услышать это имя, вновь произнесенное своими губами! — и начал крошить стену могучими ударами боевого молота.

* * *

Реджис ощутил в своей голове некий призыв. Сначала он подумал, что это хрустальный

осколок, а потом, убедив себя, что артефакт надежно и безопасно заперт в шкатулке, решил, что это рубиновый кулон. Однако, когда и эта догадка оказалась ложной, Реджис обнаружил источник: это было кольцо в его кармане. Реджис вытащил кольцо и уставился на него. Он опасался, что это было еще одним проявлением Креншинибона, и занес свою руку, чтобы швырнуть его в море.

Но тут он узнал этот голосок, звучавший в его голове.

— Стампет? — спросил он, с любопытством всматриваясь в камень. Опустившись на колени рядом с одной из глыб башни, он извлек свой маленький жезл.

* * *

Грохот ударов варвара сотрясал пещеру так сильно, что неожиданно заволновавшийся Эррту не смог удержаться от того, чтобы не оглянуться. И когда он сделал это, Дзирт До'Урден нанес ему страшный двойной удар.

Сверкающий Клинок глубоко вошел в ногу бейлора, а второй клинок — в пах. Эррту издал вопль неопишуемой ярости, а Дзирт — во второй раз за этот столь длинный день — испытал неповторимое ощущение в руке, когда клинок поглощал жизненную силу демона.

Но это был лишь временный успех. Эррту быстро отбросил дроу и исчез, вновь став видимым среди сталактитов, свисавших с потолка пещеры.

— Вылезай, Бренор! — позвал Дзирт. — Нам дали передышку, ибо Закнафейн скоро окажется среди нас.

Он посмотрел на рыжебородого дворфа, которому уже почти удалось выбраться из расселины.

Дзирт вскочил на ноги, готовый продолжать сражение, но что-то в выражении лица Бренора, посмотревшего в сторону ледяной стены, заставило его повернуться. Он последовал за взглядом дворфа, ожидая увидеть Закнафейна.

Вместо него он увидел Вульфгара, с развевающимися волосами и огромной бородой, который высоко вздымал Клык Защитника, издавая рев ненависти.

— Мой мальчик, — прошептал дворф. У него подогнулись ноги, и он вновь сполз в трещину.

Эррту атаковал Вульфгара, сверкая мечом и устрашающе щелкая бичом.

Клык Защитника, брошенный Вульфгаром, чуть было не сбил бейлора в воздухе, но ему удалось увернуться и, опутав лодыжки варвара своим бичом, свалить его с ног.

— Вульфгар! — закричал Дзирт, вздрогнув, когда друг упал. Но варвар тут же вскочил на ноги, дико взревев, и прекрасный и могучий Клык Защитника вновь оказался в его руках. Эррту впал в неистовство, решив во что бы то ни стало уничтожить сначала друзей Дзирта, а затем и его самого. В воздухе появились сгустки тьмы, которые мешали Вульфгару прицелиться для очередного броска. Демон щелкал бичом и носился по пещере, то быстро работая крыльями, то применяя магию, чтобы перенестись с места на место.

Это был полный хаос, и каждый раз, как Дзирт пытался пробраться к Бренору, Вульфгару или Киерстааду, лежавшему без сознания, он наталкивался на Эррту. Дроу всякий раз парировал удары меча-молнии, но каждый такой удар приносил ему сильную боль. Прежде чем он успевал броситься в контратаку, Эррту исчезал, чтобы налететь на одного из его друзей в другом конце пещеры.

* * *

Ей больше не было холодно, она была уже за гранью столь простых ощущений. Кэттибри брела в темноте, покидая королевство живых.

Сильная рука схватила ее за плечо, вернув телу ощущения холода и боли, и затем она почувствовала, как ее вытаскивают из воды.

А потом... девушка ощутила тепло, магическое тепло, струящееся сквозь нее,

возвращающее ее туда, откуда она, казалось, ушла безвозвратно.

Веки Кэтти-бри, затрепетав, открылись, и она увидела Стампет Скребущий Коготь, которая, склонившись над ней, взывала к богам дворфов, чтобы вновь вдохнуть жизнь в эту девушку, которую весь Клан Боевого Топора считал дочерью.

* * *

Всякий раз, как Эррту наносил удары своим мечом, сверкала молния. Раскаты грома и победный рев демона сотрясали пещеру наряду с кличами Вульфгара, обращенными к его богам, восклицаниями все еще заточенного в ловушке Бренора: «Мой мальчик!» — и криками Дзирта, пытавшегося как-то объединить усилия своих друзей и выработать общую стратегию, которая могла помочь им загнать в угол злобного демона и нанести ему поражение.

Но Эррту был неуловим. Он налетал, быстро наносил удары и просто исчезал, иногда зависая высоко среди сталактитов и применяя свой магический огонь, чтобы обрушивать эти созданные природой пики на своих врагов внизу.

Несмотря на колоссальные усилия бейлора, Дзирт упорно продвигался к Бренору.

Где бы ни появился демон, он не мог позволить себе оставаться на виду слишком долго. Несмотря на то что созданное им болото замедляло продвижение дроу, а дворф застрял в коварной расселине, бывший пленник и его могучий молот оказались слишком быстрыми. Несколько раз Эррту удавалось исчезнуть лишь за мгновение до того, как Клык Защитника врезался в стену, отмечая то место, где только что был бейлор.

И все же преимущество оставалось за Эррту, хотя в царившей неразберихе ему никак не удавалось нанести решающие удары.

Настало время побеждать, решил бейлор.

Бренор почти уже вылез из расселины, в которой еще оставалась одна его нога, когда позади него возник могучий демон.

Дзирт выкрикнул предупреждение, и дворф, инстинктивно повернувшись, вцепился бейлору в ногу, вывихнув при этом себе колено. Меч Эррту со свистом рассек воздух, но Бренор оказался слишком близко, чтобы он смог разрубить его, и дворфу достался лишь страшный удар энергии, который почти вышиб ему мозги.

Несмотря на это, Бренор держал Эррту еще крепче, зная, что не сможет причинить ему вреда, но надеясь удержать бейлора на месте, пока не подоспеют друзья. Его волосы затрепали от жара, а глаза чуть не вылезли из орбит, когда вокруг вспыхнули языки демонического пламени, но, к счастью, они быстро исчезли, и Бренор понял, что Дзирт рядом.

Щелкнул бич Эррту, и Дзирт, чтобы уклониться от него, с невероятной быстротой бросился на одно колено, разворачиваясь на нем, но споткнулся, вскакивая на ноги.

Вновь щелкнул бич, но он мало что мог сделать против вращавшегося Клыка Защитника. Молот ударил бейлора в бок, так жестко припечатав его к ледяной стене, что демон невольно ощутил, как возросло его уважение к тому, кто долгие годы был его пленником. Эррту уже испытал однажды удар Клыка Защитника, когда Киерстаад вступил в бой, и осознавал силу этого оружия. Но тот первый бросок не смог подготовить Эррту к мощи Вульфгара. Бросок Киерстаада ужалил его, удар Вульфгара причинил страшную боль.

Вперед бросился Дзирт, но тут бейлор стремительно рванул ногу, выдернув Бренора из расселины и отшвырнув его на дюжину футов. Применив магию, он исчез, а дроу по инерции влетел в стену.

— Глупцы! — загремел голос Эррту, когда демон материализовался у выхода из пещеры. — Я верну себе хрустальный осколок и вновь встречу с вами, прежде чем вы покинете это море. Знайте, что вы обречены!

Дзирт пробирался вперед, Вульфгар готовился к новому броску, и даже Бренор изо всех сил пытался встать на ноги, но никто из них не успевал добраться до Эррту вовремя.

Демон отвернулся от них и взлетел, но, к его полному изумлению, застыл в воздухе, потому что в лицо ему вонзилась стрела, оставившая за собой серебристый след.

Эррту взревел, и тут Вульфгар метнул свой молот, мощно врезавшийся в тело демона, с хрустом ломая его кости.

Кэтти-бри выпустила еще одну стрелу, вонзившуюся в грудь бейлора. Он заревел еще раз и отступил назад в пещеру.

Бренор, хромая, рванулся к нему, на лету поймав свой топор, который бросил ему Дзирт, и всадил славное оружие глубоко в спину демона.

Вновь раздался жуткий рев Эррту, и вслед за этим еще одна стрела Кэтти-бри поразила грудь монстра.

Подоспевший Дзирт нанес могучий удар Сверкающим Клинком, а затем вогнал свою вторую саблю глубоко в бок демона, прямо под его руку, которой тот пытался достать меч, чтобы отразить атаку дроу.

Вульфгар уже оказался рядом с Бренором, нанося демону один удар за другим.

Кэтти-бри надежно перекрыла выход из пещеры сплошной серебристой струей свистящих стрел.

Дзирт удерживал свой клинок, поглощавший жизненную энергию демона, глубоко в его теле, в то время как Сверкающий наносил бейлору одну рану за другой.

В последнем всплеске энергии Эррту развернулся, отшвырнув Бренора и Вульфгара, но не Дзирта. Могущественный бейлор заглянул в светло-лиловые глаза дроу и понял, что потерпел поражение. Он ощущал, как его материальное тело начинает плавиться, но на этот раз Эррту собирался взять с собой в Бездну Дзирта До'Урдена.

Бейлор поднял свой меч, подставив свободную руку под удар Сверкающего, и рывком отбросил клинок дроу в сторону.

Дзирт оказался беззащитен. Он отпустил свою глубоко погруженную в тело бейлора саблю и попытался откатиться в сторону.

Слишком поздно.

Молния вспыхнула вдоль лезвия меча, когда он упал вниз на голову дроу.

Сильная рука мелькнула перед глазами обьятого ужасом Дзирта и схватила демона за запястье, остановив его удар, поставив могучего Эррту в безвыходное положение, удержав блистающий молниями клинок в каких-то дюймах от цели. Эррту увидел перед собой Вульфгара, могучего Вульфгара, со сжатыми зубами и мускулами, напряженными, как стальные канаты. Все долгие годы страданий в плену, все ужасы, пережитые молодым варваром, превратились в абсолютную ненависть к демону и сделали его хватку стальной. Ни один человек не был способен удержать Эррту, но Вульфгар не мог позволить бейлору причинить ему боль еще раз, забрав с собой его друга.

Эррту затряс своей полусобачьей-полуобезьяньей мордой, не веря своим глазам. Этого не могло быть!

Но так было. Вульфгар удержал его, и вскоре бейлор исчез — со струей дыма и воплем протеста.

Трое друзей обнялись со слезами на глазах, переполненные чувствами, не в силах говорить, не в силах даже стоять.

Глава 28

СЫН БЕОРНЕГАРА

Кэтти-бри увидела Реджиса, переваливающего через хребет слева от конуса айсберга. Она увидела Дзирта и Бренора, тяжело опирающихся друг на друга, когда они выходили из пещеры. И еще она увидела Киерстаада, которого нес на плече...

Стампет, которая немало потрудились, чтобы поднять девушку на ноги своими лечебными заклинаниями, была немало удивлена, когда Кэтти-бри испустила сдавленный крик и упала на колени. Жрица с беспокойством посмотрела на нее, а затем, проследив за ее

взглядом, сразу поняла, в чем дело.

— Хей, — сказала она, — это же...

— Вульфгар, — выдохнула Кэтти-бри.

Реджис присоединился к четверке на краю айсберга и также был поражен, когда увидел, кого они вызволили из когтей злобного Эррту. Хафлинг запищал от восторга и бросился в объятия варвара, и Вульфгар с Киерстаадом на плече поскользнулся на льду и упал на спину, чуть не разбив себе голову.

Но огромный варвар не имел ничего против. Эррту и его злобные слуги были разгромлены, и наступило время празднования!

Почти.

Дзирт не переставал проклинать себя за то, что потерял веру в себя и своих друзей. Он вопрошал Реджиса, затем Кэтти-бри и Стампет, но никто из них не видел фигурки из оникса, которая позволяла дроу вызывать Гвенвивар. Очевидно, ее поглотило темное море.

Видя, в каком состоянии находится Дзирт, Бренор быстро принял командование на себя. Первым насущным делом было вернуть Кэтти-бри и Стампет на берег, и побыстрее, ибо и Дзирт, и Бренор, и Вульфгар насквозь промокли и уже замерзали, а Киерстаад нуждался в немедленном внимании со стороны жрицы.

Стампет извлекла из своего мешка крюк на прочном канате и ловким движением опытной покорительницы вершин всадила его в айсберг в каких-то десяти футах от стоявших там друзей. Бренор быстро закрепил его, а затем встал рядом с Вульфгаром, который уже изо всех сил тянул канат, чтобы подтащить льдину к берегу, тянул все сильнее, не отрывая взгляда от Кэтти-бри, своей возлюбленной, девушки, которая должна была стать его женой много лет назад.

Дзирт склонился над краем айсберга и погрузил свои сабли в воду, стараясь осветить ее.

— Мне нужна какая-то защита, чтобы я смог опуститься туда! — крикнул дроу Стампет, которая, тянула за свой конец каната и пыталась найти слова утешения для страдающего скитальца.

Реджис, стоявший рядом с Дзиртом, покачал головой со знанием дела. Хафлинг бросил в воду свой шнур с грузом на одном конце. Вниз ушло уже пятьдесят футов веревки, но до дна он так и не достал. Даже если Стампет и удалось бы с помощью заклинаний сделать так, чтобы Дзирт не мерз и дышал под водой, он не смог бы опуститься на такую глубину и отыскать черную фигурку на темном дне.

Стампет сразу бросилась к Киерстааду. Кэтти-бри и Бренор быстро обнялись на берегу, а затем девушка и Вульфгар оказались друг перед другом.

Варвар был изранен и оборван, его светлые волосы развевались, борода ниспадала на грудь, глаза запали. Но он был все так же огромен и мускулист, и, какие бы шрамы ни оставил на его теле Эррту, это был Вульфгар, и все остальное не имело для девушки никакого значения.

Сердце Вульфгара взволнованно билось. Кэтти-бри совершенно не изменилась. Быть может, стала чуть старше, но в ее темно-синих глазах сверкали те же искры, в них светилась та же любовь к жизни и приключениям, тот дух, который нельзя было укротить.

— Я думала, что ты... — начала было Кэтти-бри, но остановилась и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. — Я никогда не забывала о тебе.

Вульфгар схватил ее в объятия и привлек к себе. Он пытался что-то сказать ей, объяснить, что только мысли о ней поддерживали в нем жизнь во время долгого сурового испытания. Но он не смог подобрать слов, ни одного, и поэтому лишь прижимал ее к себе так сильно, как только мог, и оба они дали волю слезам.

Зрелище взволновало всех, хотя Дзирт не смог долго наблюдать за влюбленными. Исчезла Гвенвивар, его многолетняя спутница, зачастую его единственная спутница, его единственный настоящий друг!

Он не мог так просто проститься с ней.

Благодаря усилиям и магическому искусству Стампет Киерстаад вышел из состояния оцепенения и сразу оценил трудность их положения. Короткий день был уже на исходе, все вокруг заполняла промозглая сырость. Было очень холодно, гораздо холоднее, чем в тундре, а у них не хватало топлива, чтобы развести и поддерживать костер.

Киерстаад знал другой способ обеспечить укрытие. Все еще лежа на земле опираясь на локти, он обменялся парой слов с Бренором и стал отдавать указания. Кэтти-бри, используя Хазид'хи, вырубала ледяные кирпичи, а все остальные стали укладывать их, выстраивая куполообразное сооружение — ледяной дом.

Эта работа была завершена как нельзя вовремя: у жрицы иссякли ее заклинания и холод стал серьезной угрозой. Разверзлось небо, и на землю обрушился дождь со снегом, а затем разразился жуткий снежный буран.

Но внутри ледяного убежища было тепло и безопасно.

Всем, кроме Дзирта. Дроу явственно ощущал, что без Гвенвивар ему не согреться никогда.

* * *

Наступивший рассвет оказался тусклым и серым, воздух был даже холоднее, чем морозной ночью. Друзья обнаружили, что попали в ловушку: ночные ветры переместили льды, давшие имя этому морю, и их айсберг оказался слишком далеко от всех остальных, чтобы попытаться перебраться по льду на сушу.

Киерстаад, который чувствовал себя значительно лучше, взобрался на коническую вершину айсберга, взял свой боевой рог и стал подавать сигналы.

Единственным ответом ему было эхо, отраженное от многочисленных ледяных вершин.

Дзирт провел утро в молитвах, обращенных к Миликки и Гваэруну Виндстрому, прося вернуть ему пантеру, его драгоценного друга. Ему хотелось, чтобы Гвенвивар поднялась из моря, и он молился об этом, понимая, что просит о невозможном.

Затем у него появилась идея. Он не знал, пришло ли к нему послание богов или его собственная мысль, — впрочем, ему было все равно. Сначала он отправился к Реджису, который вырезал так много замечательных произведений из кости форели, который создал того единорога, что висел на шее Дзирта.

Хафлинг высек кусок льда подходящего размера и принялся за работу, а Дзирт отправился на другую сторону айсберга, подальше от всех остальных, и начал звать.

Через два часа дроу вернулся, а рядом с ним неуклюже передвигался молодой тюлень, вновь обретенный друг. Как скиталец, Дзирт хорошо знал животных, умел общаться с ними на элементарном уровне, понимал, какие движения могут напугать их, а какие позволят укрепить доверие. Он был рад увидеть по возвращении, что Кэтти-бри и Бренор, используя лук и наскоро сработанную сеть, наловили рыбы, и тут же угостил тюленя.

— Хей! — воскликнул Бренор, протестуя, но затем его лицо просветлело. — Да, — сказал он, потирая руки, думая, что он понял намерения дроу, — его надо подкормить.

Нахмуренное лицо Дзирта заставило дворфа замолчать.

Дроу был поражен результатами работы хафлинга. Из простого куска льда ему удалось создать точное подобие фигурки из оникса.

— Если бы у меня было больше времени, — начал было Реджис, но Дзирт жестом остановил его:

— Этого будет довольно.

Они начали тренировать тюленя. Дзирт кидал ледяную статуэтку в воду, кричал «Гвен!», а Реджис бросался к краю айсберга и вылавливал фигурку той самой сетью, которую Бренор смастерил для ловли рыбы. Когда Реджис протягивал сеть с фигуркой Дзирту, тот вознаграждал его рыбой. Они повторяли это снова и снова, и наконец Дзирт вставил сеть в рот тюленя, бросил фигурку в воду и крикнул «Гвен!».

Умное животное фыркнуло и нырнуло, быстро вернув дроу фигурку, изготовленную хафлингом. С улыбкой надежды Дзирт оглянулся на своих друзей и протянул тюленю рыбу.

Они занимались этим более двадцати минут, и с каждым последующим броском фигурка улетала все дальше в темную воду. Всякий раз тюлень находил и возвращал ее, за что вознаграждался всеобщим восхищением и, что более важно, рыбой.

Затем понадобился перерыв, так как тюлень устал и уже не был так голоден.

Несколько последующих часов тянулись для несчастного Дзирта бесконечно долго. Он сидел в ледяном доме, отогреваясь, пока остальные разговаривали главным образом с Вульфгаром, стараясь вернуть его в мир живых.

Всем им, особенно самому Вульфгару, было очевидно, что варвару предстояло пройти еще долгий, болезненный путь.

Киерстаад время от времени поднимался на верхушку айсберга и трубил в свой рог. Юный варвар все больше беспокоился, так как если они и дрейфовали, то лишь удаляясь от берега, и, казалось, не было никакой возможности направить айсберг назад. Они могли продолжать ловить рыбу, жрица и ледяной дом могли некоторое время поддерживать тепло, но провести зиму в Море Плавающего Льда было невозможно. В конце концов, понимал Киерстаад, к ним наведаются голодные белые медведи или свирепый снежный ураган похоронит их во время сна вместе с их ледяным убежищем.

После полудня Дзирт вернулся к дрессировке тюленя, и через некоторое время Реджис отвлек тюленя, а дроу плеснул по воде и крикнул, сделав вид, что бросил фигурку.

Тюлень возбужденно нырнул, но через несколько мгновений в замешательстве выбрался на айсберг, издавая протестующий лай.

Он не получил от Дзирта награды.

Дроу держал тюленя в ледяном доме всю ночь и большую часть следующего утра. Было необходимо, чтобы животное сильно проголодалось, ибо дроу знал, что время уже на исходе. Он мог лишь надеяться, что айсберг не уплыл слишком далеко от того места, куда ушла под воду фигурка.

После пары бросков дроу применил тот же прием, чтобы отвлечь тюленя, и отправил его на поиски. Прошло несколько минут, и, когда уже казалось, что тюлень вот-вот откажется от дальнейших попыток, Дзирт скрытно кинул фигурку в воду.

Счастливый тюлень нашел ее и был вознагражден.

— Она не тонет, — заметил Реджис, догадавшись, в чем проблема. — Мы должны приучить тюленя нырять за ней.

Они утяжелили статуэтку скалолазным крюком Стампет. Дзирт особенно тщательно делал последующие броски, добиваясь, чтобы тюлень мог проследить за тем, как опускалась фигурка. Умное животное прекрасно справлялось с задачей, уходя глубоко под воду и каждый раз возвращаясь с фигуркой в сетке.

Тогда они вновь применили свою уловку, отвлекая тюленя, пока Дзирт плеснул по воде, и все как один затаили дыхание, когда тюлень нырнул.

Он поднялся на поверхность во многих ярдах от айсберга, твякнул Дзирту и исчез вновь. Так повторялось много раз.

А затем тюлень вынырнул прямо у айсберга, прыгая от радости. Он выполнил свою задачу. Фигурка Гвенвивар была в сетке!

Друзья закричали в восторге, а Киерстаад дунул в свой рог. На сей раз ему ответило не только эхо.

Юный варвар с надеждой посмотрел на остальных и дунул вновь.

К айсбергу приближалась большая лодка, на носу которой возвышался Берктгар, а группа дворфов и варваров гребла изо всех сил.

Киерстаад протянул рог Вульфгару, который извлек из инструмента самый сильный и высокий сигнал, который когда-либо слышали в Долине Ледяного Ветра.

Берктгар и Рэвйяк глядели на него снизу, из лодки, с темной воды, и их замешательство постепенно уступало место бурному восторгу.

* * *

В ту ночь, когда они вернулись в рудники дворфов, Дзирт отходил ко сну со смешанными чувствами. Он был так счастлив, невероятно взволнован тем, что Вульфгар вновь был рядом с ним, и тем, что ему удалось вернуться после встречи со столь могущественными врагами живым и в окружении невредимых друзей, включая Гвенвивар.

Но дроу не мог не думать о своем отце. Долгие месяцы он шел этим путем, веря в то, что придет к Закнафейну. Он мечтал о том, чтобы вновь оказаться рядом со своим отцом и наставником, и, хотя ни на мгновение не жалел о том, что они освободили из плена Вульфгара, а не Закнафейна, не мог так легко проститься со своими мечтами.

Он уснул, и ему приснился сон.

Его пробудило присутствие в комнате призрака. Он потянулся было за саблями, но резко остановился и упал на постель, узнав Закнафейна.

— Сын мой, — молвил призрак, тепло улыбаясь, гордый отец, удовлетворенная душа, — со мной все хорошо, лучше, чем ты можешь себе представить.

Дзирт не мог найти слов для ответа, но его лицо выражало все, что было у него на сердце.

— Старый жрец призвал меня, — объяснил Закнафейн. — Он сказал, что тебе нужно было знать это. Прощай, мой сын! Держись своих друзей и своих воспоминаний и верь в своем сердце, что мы встретимся вновь.

С этим призрак исчез.

На следующее утро Дзирт вспомнил ночное видение и, конечно, несколько утешился. Логика говорила ему, что это был только сон, пока он не осознал, что призрак говорил с ним на языке дроу, и не понял, что старым жрецом, на которого ссылался Закнафейн, мог быть только Кэддерли.

И Дзирт решил, что, когда кончится зима, он вернется в Храм Парящего Духа и отнесет туда хрустальный осколок, надежно упрятанный в защитную шкатулку.

По мере того как шли дни, а воспоминания о встрече с призраком не блекли, скиталец-дроу обрел подлинный покой, ибо понял и поверил в то, что это был не сон.

* * *

— Они предложили мне возглавить племя, — сказал Вульфгар Дзирту. Это было морозным зимним утром, более чем через два месяца после их возвращения домой из Моря Плавающего Льда.

Дзирт обдумал эту неожиданную новость, принимая во внимание состояние здоровья своего возвратившегося друга. Затем он покачал головой: Вульфгар еще не полностью оправился и ему не следовало принимать на себя бремя такой ответственности.

— Я отказался, — признался Вульфгар.

— Пока что, — сказал Дзирт, стремясь утешить его.

Вульфгар посмотрел на голубое небо, того же цвета, что и его глаза, которое вновь сияло для него после шести лет мрака.

— Никогда, — поправил он дроу. — Это не мое дело.

Дзирт не был уверен, что согласен с ним. Хотел бы он знать, в какой степени отказ Вульфгара был вызван тем, что могучему варвару пришлось прикладывать колоссальные усилия для того, чтобы приспособиться к условиям окружающей жизни. Даже самые простые вещи казались незнакомыми несчастному Вульфгару. Он был весьма неловок в общении со всеми, особенно с Кэтти-бри, хотя Бренор и Дзирт не сомневались в том, что между ними вновь вспыхнула искра прежнего чувства.

— Хотя я буду направлять Берктгара, — продолжал Вульфгар. — И не потерплю никакой вражды между его людьми, моими людьми, и народом Долины Ледяного Ветра.

Всем нам хватит настоящих врагов и без создания новых!

Дзирт не спорил.

— Ты любишь ее? — неожиданно спросил Вульфгар, застав дроу врасплох.

— Конечно, — искренне ответил Дзирт. — Так же, как я люблю тебя, и Бренора, и Реджиса.

— Я бы не стал вмешиваться... — начал было Вульфгар, но его остановил тихий смех Дзирта.

— Выбор не за тобой и не за мной, — пояснил дроу. — Выбор за Кэтти-бри. Вспомни, что было с тобой, мой друг, и то, что ты, в своем безрассудстве, почти утратил.

Вульфгар долго и пристально смотрел на своего дорогого друга, преисполнившись решимости последовать его мудрому совету. Жизнь Кэтти-бри была ее жизнью, и право решать принадлежало ей, и, что бы или кого бы она ни выбрала, Вульфгар всегда останется в кругу ее друзей.

Зима обещала быть долгой и холодной, с обильными снегопадами, милосердно скупой на события.

Отношения между друзьями уже не будут прежними, они не смогли бы остаться прежними после того, что пережили, но они снова будут вместе — душой и сердцем. И пусть никто — ни человек, ни демон — не пытается снова разделить их!

* * *

Наступила одна из великолепных весенних ночей в Долине Ледяного Ветра, не очень холодная, но довольно ветреная. Звезды были яркими и большими. Дзирт не мог определить, где заканчивалось ночное небо и начиналась темная тундра. И это не имело никакого значения ни для него, ни для Бренора или Реджиса. Гвенвивар также была довольна, рыская по нижним уступам Склона Бренора.

— Они снова друзья, — сказал Бренор о Кэтти-бри и Вульфгаре. — Она нужна ему сейчас, и она помогает ему вернуться.

— Шесть лет мучений в лапах такого демона, как Эррту, не забыть так быстро, — согласился Реджис.

Дзирт широко улыбнулся, думая о том, что его друзьям вновь удалось обрести друг друга. Эта мысль, естественно, привела дроу к размышлениям о его месте.

— Думаю, что смогу нагнать Дюдермонта в Лускане, — внезапно и совершенно неожиданно сказал он. — Если не там, то в Глубоководье наверняка.

— Чертов эльф, от чего ты бежишь на этот раз? — выдавил из себя дворф.

Дзирт обернулся и, взглянув на него, громко засмеялся:

— Я ни от чего не бегу, добрый дворф. Но я должен, в соответствии с данным мною словом и ради общего блага, доставить хрустальный осколок в Храм Парящего Духа, в далекий Кэррадун.

— Моя девочка говорила, что то место было к югу от Сандабара, — запротестовал Бренор, думая, что поймал дроу на лжи. — Ты туда не доплывешь!

— Далеко к югу от Сандабара, — согласился Дзирт, — но ближе к Воротам Балдура, нежели к Глубоководью. «Морская фея» идет быстро, Дюдермонт сможет доставить меня гораздо ближе к Кэддерли.

Бренор больше не протестовал.

— Чертов эльф, — пробормотал дворф. — Не очень-то мне хочется возвращаться на проклятый корабль. Но если надо...

Дзирт пристально посмотрел на дворфа:

— Ты идешь?

— Неужели ты думаешь, что мы останемся? — ответил за дворфа Реджис, и когда Дзирт обратил свой изумленный взгляд на хафлинга, тот быстро напомнил ему, что именно он, а не Дзирт пленил Креншинибон.

— Ну конечно, они идут, — донесся знакомый голос из темноты. — Так же как и мы! Мгновением позже Кэтти-бри и Вульфгар поднялись по крутой тропинке и присоединились к своим друзьям.

Дзирт оглядел всех их, одного за другим, а затем отвернулся и обратил свой взгляд к звездам.

— Всю мою жизнь я искал свой дом, — спокойно произнес дроу. — Всю жизнь я желал большего, чем мне предлагали, большего, чем Мензоберранзан, большего, чем бойцы, которые вставали рядом со мной из личной корысти. Я всегда думал, что дом — это место, и, конечно, это так и есть, но не в физическом смысле. Это место — здесь. — Дзирт положил руку на сердце и обернулся, чтобы взглянуть на своих спутников. — Такое ощущение дает истинная дружба, — продолжал он. — Я знаю это сейчас и знаю, что я — дома.

— Но ты уезжаешь в Кэррадун, — мягко сказала Кэтти-бри.

— И мы тоже! — воскликнул Бренор.

Дзирт улыбнулся, глядя на них, затем громко засмеялся.

— Если обстоятельства не позволяют мне оставаться дома, — твердо сказал скиталец, — тогда я просто возьму свой дом с собой!

Неподалеку раздался рык Гвенвивар. Они снова отправятся в путь, все шестеро, навстречу грядущему рассвету.